

658.143 ♡

ИСТОРИИ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА
И ЕГО
ЭКОНО-
МИ-
КА

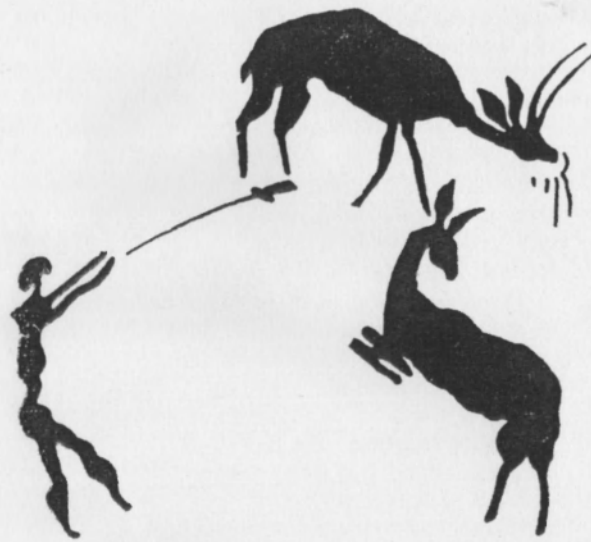
15

СТУД. ЛБ

Ответственный редактор
проф. А. П. Пронштейн

Ростовский-на-Дону
Год: / А
(Для книг)

ВВЕДЕНИЕ

Классики марксизма-ленинизма, открыв и сформулировав закономерности общественного развития, выделили в истории человечества первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации, последовательная и неизбежная смена которых представляет собой естественнoисторический процесс.

Первобытная эпоха — это древнейший период истории человечества, начало которого совпадает с выделением человека из животного состояния, событием, происшедшим, по меньшей мере, 600 тысяч лет назад, а конец связан с появлением частной собственности, классов и государства.

Социальный строй первобытных людей в силу неразвитости производительных сил, обусловленной в первую очередь крайне низкой техникой, характеризуется совместным трудом, коллективной собственностью на средства производства, уравнительным распределением продуктов потребления и равенством людей в общественной жизни.

Как и в классово антагонистических формациях, производственные отношения в первобытном обществе сложились стихийно, неосознанно, явившись, как отметил Маркс, «ре-

результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»¹.

Вследствие примитивности орудий труд людей, над которыми едва забрезжила заря истории, не только не создавал излишков, что само по себе исключало возможность эксплуатации человека человеком, но часто не обеспечивал минимальных потребностей для поддержания жизни. «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»².

В период своего детства человечество распадалось на небольшие, экономически самостоятельные общины, имевшие незначительные контакты между собой и покоившиеся на кровнородственных связях. Поколения людей, сменяя друг друга, в борьбе за существование как бы оцупью совершенствовали орудия труда.

Каменные орудия, сперва грубо обитые, а затем полированные, уступали место бронзовым, а позже — железным. От присвоения готовых продуктов природы — охоты и собирательства — человечество перешло к скотоводству и земледелию.

С развитием производительных сил общества изменялась социальная организация людей. Не оставались постоянными и формы семьи и брака, одни моральные нормы сменялись другими, появлялись новые общественные идеи, зарождалось искусство и религия, преобразовывался физический облик человека, качественно изменялись его речь и мышление.

Первоначально, выделившись из мира животных, люди жили стадами, организационно неустойчивыми коллективами с неокрепшими социальными связями и неупорядоченными половыми отношениями между мужчинами и женщинами. Над человеком еще сильно тяготела биологическая инерция прошлого. У него были низкий черепной свод и маленький, убегающий назад лоб, массивная нижняя челюсть, лишенная подбородка, примитивные стопа и кисть. Лобные доли и другие прогрессивные участки головного мозга имели сравнительно небольшие размеры. Мышление древнейших и древних людей преимущественно было чувственно-наглядным, хотя они обладали также способностью образовывать отвлеченные понятия; речь была звуковой и состояла из огра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 681.
² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

пиченного числа неизменяемых, не связанных друг с другом слов.

На рубеже раннего и позднего палеолита, примерно 40 тысяч лет тому назад, произошел глубокий качественный сдвиг в истории человечества: на развалинах первобытного стала сложиться материнский род и появились люди современного типа, или разумные люди, с формированием которых в основном завершился процесс выделения человека из царства обезьян. У людей позднего палеолита возникли развитое абстрактное мышление и членораздельная речь, зарождались искусство и религия.

Род — это уже консолидировавшийся производственный коллектив со сложными и многообразными социальными связями, состоящий из кровных родственников, между которыми запрещались брачные отношения. В это время возникли различные варианты группового брака, которые впоследствии уступили место парной семье.

В связи с ростом производительных сил, в первую очередь распространением металлических орудий труда, возникновением плужного земледелия, развитого скотоводства и высокопродуктивного рыболовства, материнский род (матриархат), сменился отцовским (патриархат).

Становление отцовского рода явилось началом крушения первобытнообщинного строя. К этому времени относится зарождение имущественного и общественного неравенства. Богатство и бедность перестали быть общим уделом всех людей. Поскольку человек стал производить продуктов больше, чем это было необходимо для его прожиточного минимума, то военнопленных, а затем и неоплатных должников начали обращать в рабов. Рабство носило примитивный характер и существовало в виде уклада.

Основной социально-экономической ячейкой общества явилась патриархальная семья, включавшая в свой состав на правах ее младших членов и рабов. В хозяйственной жизни и семейных отношениях главную роль стал играть мужчина.

Успехи материального производства, развитие общественного разделения труда и обмена все более разрушали первобытный демократизм.

На смену патриархальной семье пришла семья моногамная, с которой связано появление частной собственности.

С распадом отцовского рода кровнородственные связи

были вытеснены связями территориальными, возникла соседская община, явившаяся промежуточным звеном между родовым строем и классовым обществом, с характерным для нее противоречивым сосуществованием коллективной и частной собственности. В классическом виде процесс распада соседской общины завершился накануне формирования государств. Став великой социальной силой, частная собственность, исторически прогрессивная в тех условиях, неизбежно должна была одержать победу над примитивным коллективизмом и первобытным демократизмом, сковывавшими дальнейшее развитие производительных сил общества. Но торжество ее не является абсолютным и носит преходящий характер. Частная собственность, тяготеющая и поныне над значительной частью населения земного шара, находится в противоречии с современным уровнем развития производительных сил и поэтому неизбежно должна смениться общественной собственностью.

Исследование первобытного общества позволяет выявить исторические закономерности поступательного развития человечества. Помимо важного теоретического значения, изучение его представляет громадный практический интерес. Знание исторических условий и причин возникновения частной собственности, эксплуатации, классов и религиозной идеологии помогает найти конкретные способы их ликвидации.

Следует также иметь в виду, что в связи с неодинаковыми темпами развития человеческих коллективов в глухих уголках земного шара и сейчас живут отсталые племена, полностью или частично сохраняющие черты первобытнообщинного строя. При благоприятно сложившихся обстоятельствах, с помощью народов, вступивших на путь строительства социализма и коммунизма, они смогут миновать муки антагонистических формаций и, перешагнув века и эпохи, преобразовать за короткий срок хозяйство и общественные отношения в социалистическом духе, используя опыт исторического развития этнографических групп и национальностей севера Сибири в СССР.

Поэтому неудивительно, что реакционные буржуазные ученые прилагают все усилия для фальсификации подлинных фактов первобытности. Одни из них, особенно благословляемые Ватиканом, уже у туземцев каменного века «обнаруживают» частную собственность и другие институты классовых формаций, а также веру в единого бога. Другим же перво-

Бытное общество представляется причудливым скоплением не связанных друг с другом событий и явлений, хаосом, «до-историей», обществом, где отсутствовали элементарные социальные закономерности и вследствие этого не поддающимся изучению исторической наукой.

Прошлое не исчезает бесследно, и настоящее связано с ним тысячами нитей. Величайшие достижения современной цивилизации при ближайшем их рассмотрении нередко восходят к давно минувшим временам, когда создавались начала человеческой культуры. Живя в суровых условиях, первобытные люди медленно, шаг за шагом покоряли силы природы и, принося бесчисленные жертвы за каждую крупницу знания, накапливали разнообразные элементы материальной и духовной культуры, послужившие основой всего последующего прогресса человечества. Первобытные люди овладели огнем, научились шить одежду и строить жилища, приручили и одомашнили диких животных, вывели многочисленные съедобные растения, являющиеся основой нашего сельского хозяйства. Они сооружали мосты и дороги, сокращавшие расстояния, использовали такие средства передвижения, как лыжи, коньки, сани, плоты и лодки, создавали грандиозные оросительные системы, изобрели гончарство и колесо, сконструировали ткацкий станок.

Нельзя не восхищаться трудолюбием и упорством людей каменного века, заселивших материк и крохотные острова, затерявшиеся в безбрежных океанских водах, сделавших пригодными для жизни студеные края Заполярья и выжженные солнцем пустыни, тропические джунгли, где непрерывно льют дожди, и сухие, безводные степи, высокогорные области с разреженным воздухом и болотистые местности, зараженные малярией.

Добыча и обработка металлов (особенно железа, с хозяйственным освоением которого связан мощный подъем техники и культуры), деньги, рисунчатое письмо, музыкальные инструменты, многие виды спорта, широко распространенные ныне, были известны в глубокой древности. Поразительны были познания некоторых племен в области географии и медицины. Очень ярко творческая мысль первобытного человека проявилась в изобретении сложных и разнообразных механизмов-ловушек для поимки зверей, вызывающих чувство изумления у исследователей.

Острый интерес человечества к жизни наших отдаленных предков никогда не угаснет.

* * *

Являясь одной из самых молодых исторических дисциплин, наука о первобытности развивается стремительными темпами. Накопленный в последние десятилетия огромный фактический материал, добытый археологией, этнографией и антропологией, существенно углубляет и уточняет многие прежние положения и выводы, а в ряде случаев требует их переоценки.

Литература о древнейшем периоде истории человечества быстро стареет, и студентам, испытывающим немалые трудности при изучении первобытного общества, нелегко рекомендовать пособия общего характера, кроме труда М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры» (М., Изд-во АН СССР, 1957), который, однако, не всегда практически доступен, так как издан малым тиражом. Учебник же по данной дисциплине отсутствует.

В настоящей работе, являющейся учебным пособием для студентов-историков университетов и педагогических институтов, предпринята попытка систематизировать имеющийся в настоящее время материал по курсу История первобытного общества и основы этнографии в соответствии с действующей программой. Однако пособие не должно отождествляться с учебником. Сравнительно небольшой его объем не позволил с достаточной степенью полноты осветить все вопросы вузовской программы: некоторые проблемы излагаются сжато, либо вообще не ставятся. Недостатки подобного рода имеют место прежде всего во второй части книги, в которой полностью опущены разделы курса «Народы зарубежной Азии», «Народы зарубежной Европы», «Народы СССР». Отчасти это оправдано тем, что студенты имеют в своем распоряжении труд С. А. Токарева «Этнография народов СССР» (М., Изд-во МГУ, 1958) и «Очерки общей этнографии» под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова («Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», «Зарубежная Азия», «Азиатская часть СССР», М., Изд-во АН СССР, вышедшие в свет соответственно в 1957, 1959 и 1960 гг.).

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК ИСТОРИИ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА
И ЭТНОГРАФИИ

Наука о первобытном обществе сложилась только во второй половине XIX в., однако человеческая мысль издавна интересовалась древнейшим прошлым людей. Греки, римляне, китайцы и другие народы сохранили нам описания жизни людей в доклассовом обществе. В трудах древних авторов реалистические представления о начальном состоянии человечества нередко переплетались с фантастическими, религиозно окрашенными домыслами.

В античности были распространены два взаимно исключаящих друг друга взгляда о прошлом жизни людей. Одни авторы изображали начальный этап человеческой истории в виде рая или золотого века, а другие, наоборот, сближали жизнь первобытных людей с состоянием диких животных. Представление древних о счастливом прошлом человеческого рода нашло отражение в поэме греческого поэта Гесиода «Труды и дни» (VIII—VII вв. до н. э.). По Гесиоду, история человечества распадается на пять поколений, которые возникают и изменяются по воле богов: 1) золотое, 2) серебряное, 3) медное, 4) поколение героев и 5) железное. Лучше всего жилось золотому поколению.

15

... Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли.

Жизнь последующих поколений Господ рисует во все более и более темных тонах и особенно пессимистически описывает железное поколение, к которому он относит свою жизнь:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда, и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяину.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.

В противоположность мифу о всеобщей любви, благоденствии и справедливости, якобы царивших в первобытном обществе, мифу, которым идеологи рабовладельческого класса пытались оправдать имущественное и социальное неравенство людей на земле, объясняя это волей богов, перодовые мыслители античности высказывали здравые суждения о жизни своих далеких предков.

Реалистически представляли себе жизнь первобытного человека великие материалисты древности Демокрит, Эпикур и Лукреций. Согласно учению Демокрита (V—IV вв. до н. э.), первобытные люди имели грубое строение тела, питались травами и плодами деревьев. Они легче переносили невзгоды жизни, чем современный человек, но, не имея одежды и жилищ, не умея делать запасы пищи, погибали тем не менее во множестве с наступлением зимы от холода и голода. Первобытные люди ничего не умели и ничего не имели. Испытывая потребность в пище, одежде и жилище, они постепенно стали собирать запасы продовольствия и пользоваться огнем при варке пищи, прикрывать свое тело и заселять пещеры. Жившие прежде индивидуально и соединившиеся лишь на время для оказания взаимной помощи при нападении диких зверей, люди стали объединяться в прочные человеческие коллективы в связи с необходимостью совместного добывания пищи и для строительства жилищ.

Нужда была учительницей людей. Подражая природе и животным, люди овладели ремеслами и научились искусствам. По Демокриту, строить жилища человек научился у

плетению, ткать одежды — у паука, а пению и музыке — у соловья. Еще позже возникают земледелие и скотоводство; появляются частная собственность, неравенство, царская власть. Рук, ум и сообразительность, считает Демокрит, под воздействием нужды вывели людей из состояния дикости.

Замечательные мысли Демокрита и сходные с ним взгляды Эпикура на первобытность развил римский философ Лукреций (I в. до н. э.) в гениальной поэме «О природе вещей». В своих неувыдаемых стихах Лукреций развернул яркую картину развития древнейшего человечества. Поэт-мыслитель очеркает какое бы то ни было творение мира:

... я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной создана волею
Эта природа вещей: столь много в ней всяких пороков.

Согласно Лукрецию, Земля под воздействием солнечных лучей и влаги породила птиц, животных и человеческий род. Первые люди не имели обычаев и законов, не объединялись в семьи и представляли собой существа, стоявшие на крайне низкой ступени развития. Скитаясь, как дикие звери, питались желудями, ягодами и мясом убитых животных, не умея обращаться с огнем и не зная одежды, они проживали в лесах, рощах и пещерах.

После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того, как жена, сочетавшись с мужем, единым
Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидели потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.

Первоначальными орудиями, по Лукрецию, были палка и камень. Позднее стали употреблять металлы, причем люди

... применение меди скорей, чем железа узнали:
Легче ее обработка, а также количества больше.

С накоплением богатств и возникновением собственности появились зависть, насилие, честолюбие и борьба за власть.

Род же людской до того истомился насилем вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.

В связи с этим возникает государство.

Несмотря на необоснованность многих домыслов, наивность и незрелость взглядов Демокрита и Лукреция, их учение о медленном, но постепенно развивавшемся доклассовом обществе было прогрессивным и содержало в себе множество гениальных догадок.

Если в поэтических и философских произведениях античности сделаны попытки умозрительным путем осветить ран-

ние этапы человечества, то исторические труды Геродота, Страбона, Тацита, Сыма Цяня и других авторов содержат описания современных им отсталых народов.

Геродот (V в. до н. э.), написавший «Историю греко-персидских войн» в девяти книгах, в первых четырех из них, посвященных предыстории этих войн, и частично в последующих приводит богатый этнографический материал о народах, населявших персидскую державу, и их соседях. Значительный интерес для науки представляют приводимые им сведения о ликийцах, именующих себя по матери, а не по отцу, и девушки которых до замужества ведут свободную жизнь, фракийцах, массагетах и особенно о скифах, населявших южнорусские степи.

Геродот много путешествовал, побывал в Северном Причерноморье. При описании жизни и быта скифов и племен, живших к северу и востоку от них, Геродот, помимо личных наблюдений, использовал рассказы греков-колонистов и туземцев-проводников. обстоятельно и довольно точно он описывает социальные отношения, жилища, нравы, военное дело, погребальные и другие обычаи скифов, что подтверждается археологическими раскопками. Вместе с тем в его очерке о скифах немало легендарного. Сообщения Геродота о жизни и быте народов являются достоверными, когда они основаны на личном знакомстве с ними, но если его рассказ основан на материалах, взятых из вторых рук, то в этом случае нелегко отличить правду от вымысла.

В древние времена и средневековые зачатки этнографических и географических знаний были настолько тесно связаны между собой, что вплоть до XIX в. ни этнография, ни география не существовали как самостоятельные науки. Ярким примером этому в античности служит «География» — труд, написанный Страбоном в первые два десятилетия I в. н. э. Автор его не только излагает географию Европы, Азии и Африки, но делает обширные экскурсы в область истории и этнографии, сообщая о происхождении и этническом родстве народов, их нравах, обычаях, законах, религиозных верованиях и порой о социальном строе.

Написанная популярным языком, «География» адресовалась широкому кругу образованных читателей, и поэтому Страбон акцентирует свое внимание на описании греко-римского мира и прилегающих к нему стран, тогда как жизнь и быт народов, обитавших вдали от культурных центров античности, освещаются им скудно.

Среди литературных памятников античного мира, пощаженных временем, сочинение Страбона не имеет себе равных по ценности сообщаемых этнографических сведений о древних народах Кавказа и прикаспийских областей. Тем не менее приводимые им факты не должны приниматься на веру, так как Страбон, помимо личных наблюдений, широко пользовался материалами других писателей, не всегда относясь критически к этим источникам.

Выдающийся римский историк Тацит (I—II в. н. э.) один из своих трудов посвятил описанию жизни германских племен. Выросшему в солнечном крае, Тациту представлялась Германия «печальной своей пустынностью и самым видом», покрытой лесами, как щетиной, и зараженной болотами, «так что ее можно любить, только если она родная страна».

Превосходным литературным языком, но, к сожалению, кратко, излагаются в первой, общей, части происхождение германских племен, их экономика, общественный строй, военное дело, религиозные верования и обряды, семейно-брачные отношения, судопроизводство, устройство жилищ, питание, одежда, развлечения и различные обычаи. Во второй, специальной, части труда приводятся разнообразные сведения о каждом племени в отдельности.

Вопрос об источниках, которыми пользовался Тацит при написании своей «Германии», в науке полностью не решен. Известно, что он опирался на труды более ранних историков и географов, писавших о Германии, например Юлия Цезаря и Плиния Старшего (сочинение которого о войнах с германцами в 20 книгах не сохранилось), по-видимому, использовал сообщения людей, бывавших за Рейном, в том числе коренных ее жителей, однако не ясно, видел ли он эту страну собственными глазами. В связи с этим нелегко судить о степени достоверности сообщаемых им сведений. Тем не менее, учитывая добросовестность, исследовательский талант и эрудицию Тацита, его обстоятельное сочинение надо признать лучшим памятником этнографической литературы древнего мира, бесценным источником по истории германских народов.

Велик вклад в этнографию и науку о первобытности древнекитайских ученых и путешественников, в особенности Сыма Цяня, автора «Исторических записок», колоссального труда, состоящего из 130 глав. Прозванный «отцом китайской истории», Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.) обладал острым умом и обширными знаниями по истории, географии, философии,

математике и астрономии. Он трижды совершал длительные путешествия по Китаю, одновременно собирая материал о соседних странах. Многие главы его сочинения, отличающиеся правдивостью, были посвящены описанию жизни и быта племен юго-запада, юга и востока страны, народов Кореи, Средней Азии и гуннов.

Помимо личных наблюдений, Сыма Цянь пользовался при составлении своего труда письменными источниками, хранившимися в императорских архивах, а при описании гуннов и народов Средней Азии — материалами прославленного путешественника и дипломата Чжан Цяня, проложившего во второй половине III в. до н. э. трассу великого шелкового пути, связавшего Китай с долинами Аму- и Сыр-Дарьи, Инда, с Поволжьем, берегами Черного моря и странами Передней Азии и Европы, вплоть до Рима.

В средние века, когда человеческая мысль в Европе была стиснута узкими рамками библейских традиций, путешественники и ученые Передней и Средней Азии обогатили мир своими открытиями. Среди арабских путешественников раннего средневековья выделяются Ибн Фадлан и Масуди, деятельность которых падает на X в. — эпоху высшего расцвета арабской культуры.

В 922 г. в столицу волжских булгар по инициативе их царя прибыло от багдадского халифа посольство, секретарем и фактическим руководителем которого был Ибн Фадлан. Свою дипломатическую миссию — помочь булгарам в защите от хозар, теснивших их с юга, — посольство официально прикрывало религиозными целями: укреплением и распространением мусульманства среди народов Поволжья.

Книга Ибн Фадлана, представлявшая в сущности докладную записку халифу о поездке через Бухару и Хорезм в царство волжских булгар и ставшая известной целиком лишь в наше столетие, хотя и не всегда объективна, но по богатству и тонкости этнографических наблюдений, по широте охвата всего виденного не имеет себе равных среди написанных иностранными авторами в IX—X вв. трудов о нашей стране. Ибн Фадланом подробно характеризуются общественный строй, материальная культура, быт, семейные обычаи и религиозные верования огузов, живших тогда в Западном Казахстане, хозар, башкир и булгар. Очень ценным является рассказ об обычаях русов, прибывших в страну булгар по торговым делам, в частности — знаменитое в этнографической литературе описание похорон знатного руса, очевидцем

468193

которых был Ибн Фадлан. Последний эпизод послужил сюжетом известному художнику Г. Семирадскому для написания картины «Похороны руса», хранящейся в Историческом музее Москвы. Ибн Фадлан был осведомлен о северных землях, с которыми поддерживали торговые связи булгарские купцы, например о народе вису (в русских летописях «весь»), у которых ночь «меньше часу».

Выдающимся путешественником X в. был Масуди, побывавший во всех странах от Красного моря до Каспийского, от Атлантического океана до Китая. Однако он еще более прославился как литератор и популяризатор знаний. Масуди был широко образованным человеком и, судя по сохранившимся остаткам его многочисленных трудов, был объективен, поэтому приведенные им разнообразные этнографические сведения об индийцах, китайцах, неграх, арабах, тюрках, славянах, кавказских и других народах мира заслуживают доверия.

Видным представителем мировой науки первой половины XI в. был Бируни, хорезмиец по происхождению, обладавший обширными и глубокими познаниями в математике, астрономии, истории, географии и других науках. Он много путешествовал. Из сохранившихся его трудов весьма ценный этнографический материал содержат «Индия», в которой раскрывается главным образом духовная культура жителей этой страны, и «Хронология», описывающая праздники, религиозные верования и эры многих народов. В сочинениях Бируни имеются сведения о русах, населении Сибири, скандинавских варягах и народах Африки, живших к югу от экватора.

Сведения о дальних странах, добытые арабскими путешественниками, не были, по-видимому, известны в Европе (исключая Испанию) до крестовых походов. Крестоносцы на Ближнем Востоке установили контакты с христианами восточных церквей и стали получать от них информацию о малоизвестных европейцам землях Азии и Африки.

Особый интерес у европейцев вызвали сведения о распространении христианства среди двух крупных монгольских народностей Центральной Азии — керентов и найманов. В Западной Европе возникла легенда о существовании на Востоке могущественного христианского царства. Стали строиться планы о возможном использовании его в качестве союзника против турок-сельджуков, теснивших основанные крестоносцами христианские государства. Эти надежды оживились с возникновением державы Чингис-хана, ибо среди монголь-

ских ханов были христиане. На Восток было отправлено несколько посольств, которые привозили в Европу, наряду с другими данными, этнографические сведения о жизни народов далеких стран.

Наибольший интерес в этом отношении представляет экспедиция во главе с П л а н о К а р п и н и, которая по поручению папы римского, отправившись весной 1245 г. из Франции, пересекла Центральную и Восточную Европу, Среднюю Азию и прибыла в Монголию в летнюю резиденцию великого хана. Тем же путем П л а н о К а р п и н и возвратился во Францию осенью 1247 г., собрав богатый материал о нравах, образе жизни, религии, военной организации и государственном строе монголов и народов посещенных им стран.

Еще более ценные этнографические сведения с Востока привез Марко Поло, венецианский купец, один из самых прославленных путешественников средневековья, отправившийся в 1271 г. в юношеском возрасте вместе с отцом и дядей в Китай. Пройдя Малую Азию, Иран, Афганистан и затем, обогнув с юга пустыню Такла-Макан и продвигаясь в восточном направлении, он прибыл в Пекин. На 24 года загнулось их странствие, из которых 17 лет венецианцы прожили в Китае. Возвращались они на родину морем, через Малаккский пролив, обогнув Индию, затем из Южного Ирана по суше добрались до Черного моря и оттуда на кораблях — в Венецию.

Марко Поло изъездил Китай вдоль и поперек, посетил Тибет и доходил до северных границ Индокитая. Обладая любознательным умом и отличаясь редкой наблюдательностью, по возвращении в Европу он описал в своей прекрасной, достойной восхищения правдивостью и широтой кругозора книге многие страны и народы. Труд Марко Поло значительно расширил географические представления европейцев, познакомив их с обычаями, нравами, хозяйственной и общественной жизнью дальневосточных народов, способствовал заимствованию васоких культурных достижений Китая.

Одним из величайших путешественников до Магеллана был Ибн Баттута (XIV в.), бербер по происхождению. Он обошел земли, «поучаясь», и нить его маршрута за 26 лет странствий по суше и морям протянулась более чем на 120 тысяч километров.

Ибн Баттута, «пронизавший климаты вдоль и вширь», посетил, подолгу живя в некоторых странах, все крупные города Северной Африки и Египет, государства Передней Азии,

Золотую Орду, Среднюю Азию, Индию, Цейлон, Индокитай, Малайский архипелаг, Китай, дойдя до Тихого океана. Неудержимая страсть к путешествиям влекла его в арабские поселения Восточноафриканского побережья, Испанию, Крым и Южную Россию. Любознательность заставила Ибн Баттуту пересечь Сахару и побывать в Томбукту на Нигере, а на севере он доходил до камских булгар, чтобы «увидеть предельную краткость ночи в этих широтах».

Труд Ибн Баттуты «Подарок любознательным» (точнее, литературная обработка рассказов с его слов), долгое время остававшийся неизвестным европейской науке, содержит не только ценный материал по географии, но и важные этнографические сведения, хотя и уступает по тонкости наблюдений и достоверности фактов сочинению Марко Поло, что объясняется отчасти религиозным фанатизмом знаменитого марокканца. Впервые в средневековой литературе Ибн Баттута сообщает о матрилинейном порядке наследования царской власти, имевшем место на юго-западном побережье Индии, где правители страны оставляли престол не собственным детям, а сыновьям своей сестры.

В преддверии великих географических открытий, с 1405 по 1431 гг., знаменитый китайский флотоводец Чжэн Хэ, посетивший более тридцати больших и малых стран во время плаваний по морям Южной Азии, так описал итоги семи своих путешествий: «Мы прошли свыше ста тысяч ли через необъятные водные пространства и видели гигантские волны, достигающие неба, и далекие варварские страны в голубом тумане, и паруса наши, подобные облакам, несли наши корабли день и ночь по избранному пути, и шли мы со скоростью звезд через дикие и грозные волны, как по торной дороге...»

Китайское мореходное искусство в средние века стояло на высоком уровне. Ибн Баттута, посетивший эту страну в 40-е годы XIV в., видел у китайцев огромные четырехпалубные корабли, имевшие до 12 парусов; команда таких кораблей состояла из 600 моряков, а весла были столь велики, что на каждом из них гребли не менее 30 человек. Экспедиции Чжэн Хэ, огибавшие Южную Азию и дважды достигавшие сомалийского побережья Африки, преследовали прежде всего торговые и политические цели и были описаны тремя их участниками, но сохранились лишь труды Ма Хуаня и Фэй Синя. Первый из них, владевший языками «западных варваров», побывал в 19 странах и в своем трактате

«Обозрение берегов океана» «собрал все, будь то хорошее или плохое, о народах каждой» из них. Ма Хуань интересовался обычаями народов, их государственным строем, торговлей и т. д.

Обильные сведения о народах почти 40 стран собрал Фэй Синь, засвидетельствовавший в своей книге «Победное шествие звездных плотов» посещение китайскими мореплавателями африканских берегов. Он описал, в частности, батаков Суматры, живших родоплеменным строем, у которых «бедный не предается воровству».

Замечательным памятником этнографической литературы средневековья явилось сочинение образованного тверского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря» — Каспийское, Аравийское и Черное (на обратном пути), повествующее в основном о почти трехлетнем пребывании его в Индии (1469—1472 гг.). В отличие от современных ему и частью позднейших европейских путешественников, дававших обычно сказочно фантастическое описание «страны чудес», А. Никитин обнаружил критическое отношение к местным легендам, трезвыми глазами смотрел на Индию, правдиво и деловито изложив в книге жизнь и быт народов центральных и южных областей этой страны, дав ее реалистическое описание.

В сочинении А. Никитина содержится, помимо описания климата и естественных богатств страны, обильный фактический материал о сельскохозяйственных работах, торговле, военном деле и социальном строе индийского общества. Подробно и с тонкой наблюдательностью, образным языком описывает он пищу и одежду разных слоев населения, религиозные поверья, храмы, погребальные обряды, семейные порядки, памятники искусства и т. д.

Великие географические открытия XV—XVI вв. познакомили европейцев с удивительным разнообразием населения нашей планеты в этнографическом и расовом отношении. Если Колумб, по выражению Вольтера, повторил акт «творения», то Магеллан превратил землю из плоского блюда в шар. Кругосветные путешествия Бугенвиля и Кука в XVIII в. еще более расширили географический и этнографический горизонт европейских ученых.

В новооткрытые страны ринулись полчища колонизаторов, сопровождаемые невежественными и алчными религиозными проповедниками, среди которых, однако, встречались иногда наблюдательные и образованные люди. Одним из та-

них был француз Лафито, описавший в книге «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен» (1724 г.) довольно полно жизнь и быт канадских племен ирокезов и гуронов, среди которых он прожил 5 лет. Труд его, основанный не столько на личных наблюдениях, сколько на сообщениях другого миссионера, проведенного среди ирокезов более 60 лет, приобретает особую ценность в связи с тем, что Лафито путем сравнения обычаев индейцев с обычаями первобытных народов, описанных античными авторами, пришел к выводу, что уровень общественного строя американских туземцев соответствует той стадии развития, на которой находились в древности отсталые народы.

Долгое время неизученными в этнографическом отношении были народы, обитавшие к востоку от Урала. Стремительное продвижение казаков-землепроходцев и русских промышленников в XVII в. в Восточную Сибирь, «встречь солнца», оцененное английским историком географии Д. Бэйкером как такой подвиг неизвестного воинства, «который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которого не совершил никакой другой европейский народ», создало благоприятные условия для этнографических исследований народов Северной Азии.

Выдающимся географом, естествоиспытателем и этнографом был С. П. Крашенинников (1711—1755 гг.), труд которого — «Описание земли Камчатки», написанный главным образом по материалам личных наблюдений, — получил мировую известность и был переведен еще в XVIII в. на многие европейские языки. Обладая тонкой наблюдательностью и талантом исследователя, С. П. Крашенинников значительную часть своей книги посвятил этнографическому описанию камчадалов (ительменов), коряков и айнов. Добросовестно и обстоятельно были описаны их социальный строй, не знавший до прихода русских институтов классового общества, когда «все были равными, никто никому не мог приказывать или по своему усмотрению наказывать другого человека», расовые особенности, семейно-брачные отношения, жилища, охота на морского зверя, рыбная ловля, торговля, питание, одежда, способы передвижения и другие стороны быта туземцев.

Яркое впечатление оставляет его рассказ о жизнерадостности камчадалов, их празднествах, воспитании детей, религиозных верованиях, о сватовстве, свадебных и погребальных обрядах. Драгоценным материалом являются составлен-

ные С. П. Крашенинниковым словари камчадальского, корякского и айнского языков.

Заметный след в этнографической науке оставил И. Е. Вениаминов (1797—1879 гг.), миссионер, ставший крупным ученым, проживший 15 лет среди алеутов и индейцев Северо-Западной Америки. Его обстоятельная монография о населении Алеутских островов, отличающаяся глубиной и точностью описания общественного строя, хозяйства, быта и семейных отношений, является ценным источником при изучении культуры алеутов XVIII и первой половины XIX в. И. Е. Вениаминов составил впервые научную грамматику алеутского языка.

Русские путешественники в XIX в. побывали во всех частях земного шара. Среди них крупнейшим исследователем Африки был Юнкер, проведенный в путешествиях по «черному континенту» свыше 10 лет. В 70-х и 80-х годах он исколесил многие районы Восточного Судана и Восточной Тропической Африки, особенно тщательно исследовал водораздел Нила и Конго, первым пройдя эту область. В своем труде «Путешествия по Африке» Юнкер подробно описал общественный строй, оружие, одежду, жилища, украшения, местные предания и обычаи негритянских племен, а также описал государство Буганда, располагавшееся к северу и западу от озера Виктории.

Выдающийся вклад в этнографию и антропологию внес знаменитый русский ученый и путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888 гг.). Он изучал туземцев Малакки, Австралии, островов Тихого океана, но в центре его исследований были папуасы Новой Гвинеи, преимущественно северо-восточной части острова, получившей наименование на географической карте «берега Маклая». Миклухо-Маклай неоднократно посещал Новую Гвинею, причем трижды — северо-восточный ее берег, жители которого никогда не видели европейцев. Жизнь путешественника много раз висела на волоске, но удивительное самообладание, мужество, терпение, дружеское общение, наконец медицинская помощь, оказываемая им, врачом по образованию, папуасам, завоевали Миклухо-Маклаю доверие и любовь туземцев. Он привозил папуасам домашних животных, много полезных растений и овощей.

Как исследователь, Миклухо-Маклай отличался добросовестностью и точностью. Он оставил детальное описание хозяйства, материальной и духовной культуры папуасов, их

расовых особенностей. Собранный им материал опровергает реакционные теории, разделившие расы на «высшие» и «низшие». Миклухо-Маклай приобрел известность не только тем, что сочетал в одном лице бесстрашного путешественника и исследователя, прославившегося своей широкой эрудицией во многих научных областях. Он снискал уважение прогрессивного человечества страстными выступлениями в печати против гнусных методов эксплуатации туземцев.

В 1887 г. Миклухо-Маклай вернулся в Россию и приступил к обработке накопленного им научного материала. Но ему удалось лишь сделать первые шаги в этом направлении. Силы его оказались надломленными перенесенными болезнями, и через год он умер. Хранившиеся в архивах его материалы были обработаны и изданы в пяти томах после второй мировой войны.

Почетное место среди исследователей доклассового общества принадлежит швейцарцу Бахофену, нанесшему смертельный удар патриархальной теории. Глубоко проанализировав и обобщив сведения античных авторов о первобытности, Бахофен в своем объемистом труде «Материнское право» (1861), научно обосновывал существование в истории человечества универсальной эпохи главенства женщины в общественной жизни — эпохи, свойственной всем без исключения народам в прошлом. Выводы швейцарского ученого в значительной степени обесцениваются его мистицизмом, идеалистическим пониманием движущих сил исторического процесса. Развитие семьи он объяснял сменой религиозных представлений. Тем не менее Бахофен справедливо заслужил высокую оценку, данную ему Энгельсом, так как он явился основоположником изучения истории семьи.

Среди буржуазных исследователей первобытного общества пальма первенства принадлежит выдающемуся американскому ученому Л. Моргану, приблизившемуся к материалистическому пониманию истории. Его заслуги в изучении систем родства, истории семьи, родовой организации и создании первой развернутой периодизации первобытнообщинного строя неоспоримы и высоко оценены Марксом, Энгельсом и Лениным.

Изучая племена ирокезов, Морган обратил внимание, что у них мужчины называют своими сыновьями и дочерьми и своих собственных детей, и детей своих братьев, в то время как детей своих сестер они именуют племянниками и племянницами. Женщины-ирокезки, наоборот, называют своими

сыновьями и дочерьми, наряду со своими собственными, и детей своих сестер, тогда как деги их братьев именовались ими племянниками и племянницами. Несоответствие наименований родственников у ирокезов их фактическому родству было известно и до Моргана, но только он вдумчиво отнесся к этому вопросу.

Длительное изучение социального строя индейцев и знакомство с их языками позволило ему установить, что система родства, свойственная ирокезам, существует у 36 североамериканских племен и, как выяснилось позже, у многих племен Азии. Морган дал правильное объяснение этим фактам, установив, что система родства у этих племен некогда полностью соответствовала действительным родственным отношениям, доказав тем самым существование у них в прошлом групповых форм брака.

«Семья, — пишет Морган, — активное начало; она никогда не стоит на месте, а переходит из низшей формы в высшую, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют процесс, проделанный семьей...»

На основании анализа систем родства Морган более глубоко, чем Бахофен, построил схему развития семьи и брака. Не все элементы ее выдержали испытания времени, но мысль Моргана о развитии семейно-брачных отношений от неупорядоченных половых связей через групповые формы брака к единобрачию абсолютно верна.

Еще более ценным открытием Моргана является установление им сущности рода, этой основной ячейки первобытного общества. Туманные представления о первобытности сменились стройной теорией о родовом строе как важнейшей форме организации, свойственной всем без исключения народам.

Морган не только определил существенные признаки рода, представляющего группу кровных родственников, среди которых брачные отношения запрещены, но и проследил основные этапы его развития, показав, что материнский род исторически предшествует отцовскому. Он доказал также, что семья «никогда не представляла собой составной части рода», что она была растворена в нем и возникла независимо от него в качестве самостоятельной хозяйственной клеточки уже на развалинах родового строя.

Будучи прогрессивным ученым, Морган выступал против расистских теорий и не раз подчеркивал, что современная ци-

вильзация покоится на культурных достижениях наших отдаленных предков, которым, по его убеждению, будет со временем оказано уважение за их умственную и нравственную жизнь, «за все то доброе, что они завещали будущему».

Большая заслуга принадлежит Моргану в вопросе создания периодизации первобытного общества, имевшей прогрессивное значение в тех исторических условиях.

Накопление этнографического материала, открытие культур каменного века, научные достижения в области естественных наук создали предпосылки для возникновения науки о доклассовом обществе. Стали появляться труды, в которых делались попытки обобщить историю первобытности. В этнографии возникли школы (направления), одна из которых, едва ли не самая распространенная во второй половине XIX в., получила наименование эволюционной школы, виднейшими представителями которой за рубежом были А. Бастиан, Г. Спенсер и особенно Э. Тэйлор. Основные положения этой школы изложены в книгах Э. Тэйлора «Первобытная культура» и «Антропология», насыщенных огромным фактическим материалом. Автора их отличает идеалистический метод изучения исторических явлений.

Неправомерно распространяя закономерности органического мира на историю человечества, Тэйлор представлял общество в целом, а также и отдельные его элементы материальной и духовной культуры как постепенно и независимо друг от друга единообразно развивающиеся от простого к сложному у всех народов земного шара. По его мнению, общество развивается не диалектически, как это имеет место в действительности, а прямолинейно, без скачков и разрывов постепенности, под влиянием главным образом развития разума. Качественные различия между первобытнообщинным строем и классовыми формациями подменялись чисто количественными.

При всех своих недостатках эволюционная школа в этнографии сыграла положительную роль в развитии науки и была прогрессивной для своего времени. Выступив против модной тогда теории регресса, видевшей в первобытных народах неполноценную вырождающуюся ветвь человечества, эволюционисты доказали прогрессивность развития общества и культурное единство народов мира независимо от расовой принадлежности, установили последовательность в развитии явлений культуры от низших форм к высшим.

Велики заслуги в развитии этнографической науки осно-

ванного в 1845 г. Русского географического общества, одно из отделений которого изучало жизнь и быт народов Российской империи. С 1853 г. начали выходить этнографические сборники. Выдающимися деятелями общества, внесшими значительный вклад в развитие отечественной этнографии, были академик В. И. Даль, известный собиратель сказок и пословиц, создатель Толкового словаря, и Н. И. Надеждин — талантливый ученый-литературовед.

Расцвет деятельности общества относится к 1873—1914 гг., когда его возглавлял П. П. Семенов-Тянь-Шанский, знаменитый путешественник, один из образованнейших людей дореволюционной России, вдохновитель и организатор многочисленных научных экспедиций в Центральную Азию, которые собрали колоссальный этнографический материал. Прославленным путешественником был член общества Н. М. Пржевальский, исследовавший неизведанные ранее пространства Центральной Азии.

Велико значение трудов по истории первобытного общества Н. И. Зибера и М. М. Ковалевского, в которых сказалось влияние идей марксизма.

Н. И. Зибер (1844—1888 гг.) был экономистом и главным образом изучал экономику первобытного общества. В своем сочинении «Очерки первобытной экономической культуры», не утратившем значения до настоящего времени, он, анализируя у отсталых народов земного шара различные формы трудовой кооперации (например, во время охоты, рыбной ловли, при постройке судов, орошении земель, уборки урожая), пришел к выводу, что при первобытнообщинном строе именно совместный труд обусловил и существование коллективной собственности, и общее потребление всего произведенного продукта. Одна из глав этой работы, в которой автор выступил против патриархальной теории, посвящена обоснованию на большом фактическом материале учения Бахофена и Моргана о материнском роде.

Особая заслуга Н. И. Зибера состоит в том, что он подверг научной критике взгляды народников об исключительной роли сельской общины в России, доказав, что общинное землевладение является одной из стадий в развитии поземельных отношений и распространено у многих современных ему народов.

К. Маркс одобритительно отзывался об экономических трудах Н. И. Зибера. Ссылались на них в своих работах В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

Достоинo представлял русскую науку за рубежом московский профессор М. М. Ковалевский (1851—1916 гг.), видный юрист, историк, этнограф и социолог, читавший лекции в Стокгольме, Париже, Оксфорде. Лучшие работы М. М. Ковалевского по первобытной истории были написаны им в ранний период деятельности, когда он придерживался прогрессивного образа мыслей. Наиболее ценные его труды были посвящены изучению проблем, относящихся ко времени разложения первобытного общества. Глубокие исследования М. М. Ковалевского патриархальной семьи и сельской общины, доказавшие универсальное распространение этих двух форм, снискали уважение Ф. Энгельса. Заслужой М. М. Ковалевского является введение им в мировую науку колоссального славянского и кавказского этнографического материала.

Среди крупнейших ученых России дореволюционного периода, занимавшихся этнографией, звездой первой величины сияет имя профессора Д. Н. Анучина (1843—1923 гг.), удивительно одаренного исследователя, обладавшего энциклопедическим умом, создателя более 500 трудов, преимущественно по антропологии, этнографии, археологии и географии. Д. Н. Анучин является основоположником, патриархом русской этнографии, хотя в своих научных интересах он в большей степени тяготел к антропологии, где его особенно привлекали темы, связанные с происхождением человека и расогенезом. Его исследования об айнах и духовной культуре приуральской чуди (например, «О древнем луке и стрелах», «Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда») обогатили мировую этнографическую науку.

Д. Н. Анучин был видным общественным деятелем, редактором многих изданий, создателем антропологического музея при Московском университете. Обладая литературным дарованием, он снискал глубокое уважение как талантливый популяризатор науки.

С наступлением эпохи империализма, когда все противоречия капиталистического общества достигли своего апогея, прогрессивные направления и тенденции, существовавшие в этнографической науке в прошлом, оказались неприемлемыми и были отвергнуты буржуазными учеными.

Буржуазная этнография в XX в. вступила в полосу глубокого и непреодолимого идейного кризиса, особенно разросшегося после Великой Октябрьской социалистической революции. Кризис этот проявился в создании многочисленных реакционных «школ», мало чем отличающихся, хотя и враждовав-

лих между собой, и быстро сменявших одна другую. Появление таких школ, как культурно-историческая, функциональная, психологическая, этнософия, структурная этнография, культурная морфология, а также многочисленных биологических течений в этнографии, распространявших законы животного мира на человеческое общество, было результатом отсутствия единства взглядов на социальные явления, разброда в лагере буржуазии, ее растерянности в эпоху крушения капитализма.

При всей разногласии реакционных этнографических направлений все они преследовали цель затушевать пороки и подлечить язвы буржуазного общества, отсрочить его неминуемую гибель.

Другим проявлением кризиса буржуазной этнографии является отказ ее от исследования первобытного общества в целом, отрицается закономерность прогрессивного развития человечества и осуждаются, как нереальные, даже попытки понять законы исторического процесса. Не признавая закономерностей в развитии общества (в противном случае необходимо было бы признать неизбежность гибели капитализма и торжество сил социализма), видя в истории неповторимые события и бесчисленные случайности, современная буржуазная этнография призывает ограничиваться лишь регистрацией фактов, сводя историю до уровня примитивной, описательной науки. Вместе с тем исторические факты и события толкуются ею в интересах капиталистического общества.

Кризис буржуазной этнографии характеризуется и открытым переходом значительной части этнографов на службу империалистических государств. Многие этнографические учреждения работают в тесном контакте с правительственными чиновниками.

Наиболее распространенными и влиятельными течениями в буржуазной этнографии в настоящее время являются культурно-историческая, функциональная и психологическая школы.

Культурно-историческая школа, названная так ее последователями, появилась на рубеже XIX и XX вв. и вплоть до первой мировой войны пользовалась наибольшим влиянием в буржуазной этнографической науке. Имеются различные варианты этого реакционного течения буржуазной этнографии, но всем им свойственен антиисторизм, отказ от самой идеи поступательного развития человеческого обще-

ства. Сторонники этой школы утверждают, что любое культурное явление индивидуально, неповторимо и поэтому возникает в истории человечества только один раз в одном месте. Но, появившись однажды, это культурное явление заимствуется другими народами либо пространственно распространяется иным путем — при миграциях, или переселениях, создавшего его народа.

Глава культурно-исторической школы немецкий ученый Гребнер создал широко распространившееся в реакционной этнографической литературе понятие «культурный круг», под которым обычно подразумевается комплекс культурных явлений или элементов. Вся история человечества сводилась Гребнером к механическим смещениям, скрещиваниям между независимо возникшими и распространившимися по всему свету «культурными кругами». Идеи Гребнера были подхвачены и развиты австрийскими учеными — патерами Шмидтом и его последователем Копперсом, открыто поставивших этнографию на службу Ватикану.

Клерикальное течение в культурно-исторической школе, именуемое венской школой, является самой реакционной ее разновидностью и наиболее модной в профашистски настроенных итальянских и австрийских католических ученых кругах.

Шмидт и Копперс всю современную цивилизацию считают продуктом скрещивания семи основных «культурных кругов». Древнейший из них согласно их взглядам наиболее ярко представлен пигмеями Африки и характеризуется якобы господством частной собственности, единобрачием, верой в единого бога и деревянной техникой.

Для католической разновидности культурно-исторической школы особенно характерна неприкрытая фальсификация источников. Даже буржуазная наука в лице ее прогрессивных деятелей не отрицает того факта, что частная собственность и моногамная семья не являются естественными извечными категориями, а возникли на последних этапах первобытного общества и что монотеизму предшествовал политеизм.

Принося творческую роль первобытных народов в создании культуры и отрицая возможности вскрыть закономерности в развитии человечества, культурно-историческая школа не имеет шансов выйти из тупика, куда завел ее антиисторический метод исследования общественных явлений.

Культурно-историческая школа сложилась в значительной

степени под влиянием идей Ратцеля, виднейшего представителя антропогеографии, реакционного течения в буржуазной науке, отводившего географической среде роль решающего фактора в развитии человеческого общества. Более того, Ратцель, смешивая биологические и общественные закономерности, рассматривал государство в виде живого организма, а землю — как «мировое тело». В действительности, как это установлено классиками марксизма-ленинизма, влияние природной среды на жизнь общества не является определяющим.

Не менее реакционной в этнографии является функциональная школа, широко распространенная в США и особенно в Англии, где она возникла по окончании первой мировой войны.

После Октябрьской революции, нанесшей смертельный удар по моральным устоям колониализма, в зависимых странах Востока и Африки стало разворачиваться мощное национально-освободительное движение. Империалисты, в первую очередь английские, пришли к выводу о необходимости более гибкого управления колониями. С этой целью британские власти, признав невозможность опираться только на голую силу, стали шире использовать в своих интересах богатые слои населения колониальных стран. В африканских колониях Англии, где еще сильны остатки первобытнообщинного строя, такой социальной опорой империалистов явилась родоплеменная знать. Если прежде колониальные власти способствовали разрушению первобытнообщинных порядков, то теперь они стали проводить прямо противоположную политику, стараясь сохранить, законсервировать и там, где можно, восстановить обычаи, идеологию и саму родоплеменную организацию, стремясь задержать выход африканских народов на широкую дорогу прогресса.

Неблагодарную задачу «теоретически» обосновать необходимость сохранения институтов доклассового общества в колониях и взяла на себя функциональная школа в этнографии. Ее основатель и глава Б. Малиновский, австрийский поляк по происхождению, большую часть своей жизни прожил в Англии и умер в США. Центральное место в системе взглядов Б. Малиновского на первобытность занимает его положение, что каждое племя — это цельный общественный организм, все функции которого взаимосвязаны и взаимозависимы и находятся в состоянии подвижного равновесия, причем в понятие «функция» вкладывается биологическое со-

держание. В связи с этим утверждается, что в случае гибели одной какой-либо функции племени будет уничтожено все племя. Поэтому нельзя запрещать такие бытующие пережитки первобытного общества, как кровная месть, убийства детей и престарелых, а также жен вождей после смерти последних и другие вредные обычаи, так как все они выполняют те или иные функции в племени.

Б. Малиновский утверждал, что нельзя внедрять более высокую культуру в быт отсталого народа. Он писал, что если бы в каком-либо племени имел место обычай, согласно которому внук поедал бы свою бабушку, то и этот обычай не следовало бы запрещать.

Одной из характерных черт функциональной школы является ее антиисторизм. По Б. Малиновскому, не только бессмысленно, но даже невозможно изучать первобытные народы, поскольку они не обладали письменностью. Сам он заявил, что отказывается от «сомнительной возможности реконструировать прошлое».

Сторонники функциональной школы в целом не отличаются единством взглядов на общественные явления. Они принадлежат к различным реакционным направлениям идеалистической философии. Этим объясняются нечеткие, туманные и порой противоречивые определения понятия «функция», даваемые представителями этой школы. Функционалисты единодушны лишь в стремлении помочь колониальной администрации использовать обычаи родоплеменного строя в интересах британского империализма.

Б. Малиновский цинично писал: «Задача этнографа заключается не в том, чтобы выяснить историю происхождения тех или иных институтов, а в том, чтобы показать их значение в данном обществе и показать это с определенной целью, не ради большей точности описания, но чтобы научить колониальные власти и предпринимателей, имеющих дело с этим народом, как нужно обращаться с ним для более удобного достижения своих целей».

Многие функционалисты, открыто продав себя капиталистам, служат в аппарате колониальной администрации. Своей деятельностью они помогают чиновникам задержать процесс разложения первобытнообщинного строя, дают практические советы, каким образом приспособить деятельность родоплеменной знати к нуждам колониальных властей.

Идеи функциональной школы были подхвачены и развиты правительством Южно-Африканской Республики и ре-

акционными кругами этнографов США. Американские функционалисты рекомендуют применять методы Б. Малиновского и его последователей по управлению колониями к рабочим капиталистических стран. Являясь служанкой британского империализма, функциональная школа в этнографии разделит судьбу своего хозяина. Крушение колониализма означает и ее гибель. Все попытки искусственно сохранить все старое, отживающее, задержать на стадии первобытности отсталые народы обречены на неудачу.

Если функционализм — господствующее направление в английской этнографии, то наиболее влиятельной этнографической школой в США, впитавшей в себя все реакционное и отсталое, является психологическая школа, получившая в советской литературе по праву наименование психорасистской. Представители ее считают задачей этнографии не изучение общества в целом, его исторических закономерностей, происхождение обычаев, а отдельных людей, причем объектом исследования должны стать их психология, привычки и настроения.

Необходимость изучения психологии индивидуумов объясняется психорасистами тем обстоятельством, что психология отдельной личности оказывает якобы воздействие на состояние всего общества. Совокупность же характеров отдельных лиц составляет психический склад общества, или национальный характер. Все изменения в социальной жизни есть результат, по их мнению, эволюции психологии людей, психического склада народа, который будто бы является ведущим фактором в развитии всего общества.

Сами по себе термины «национальный характер» или «психический склад народа» не вызывают возражений, но психорасисты вкладывают в них не научное содержание, а мистический смысл.

Классики марксизма-ленинизма доказали, что национальный характер, или психический склад народа, выражающийся в своеобразии культуры, является лишь одним из признаков нации, причем национальный характер не представляет собой нечто застывшее, но развивается и изменяется в зависимости и в соответствии с изменениями условий жизни людей.

Сторонникам психологической школы в этнографии национальный характер представляется самостоятельным элементом, оторванным от условий жизни народа, не только развивающимся независимо от истории людей, но, наоборот, определяющим их историю. Чаще всего вместо терминов «на-

циональный характер» и «психический склад народа» американские этнографы предпочитают употреблять такие термины, как «модель культуры», «психологический профиль» и др.

Критикуя порой старые, скомпрометировавшие себя теории расизма, последователи этой школы утверждают, что не внешние физические особенности людей, а различия в национальном характере, психологическом профиле имеют решающее значение в жизни общества. По их мнению, одни народы обладают более совершенным психологическим профилем, а другие — менее совершенным, поэтому у них неодинаковая оценка одних и тех же исторических событий, и они не могут понять друг друга, что является источником всех бед на земле. Для ликвидации войн, кризисов, заявляют сторонники психологической школы, необходимо сблизить модели культуры разных народов и создать единый в мировом масштабе психологический профиль, прообразом которого является, разумеется, американский национальный характер.

Обосновывая теоретически притязания империалистов США на мировое господство, психологическая школа проповедует расизм в замаскированной и потому более опасной форме. Все нации мира, исключая американскую, по утверждению психорасистов, обладают в той или иной степени неполноценным психологическим профилем, особенно народы колониальных и зависимых стран.

Видный представитель психологической школы Рут Бенедикт, работавшая в штабе Макартура, написала в 1946 г. книгу об особенностях мышления японского народа под названием «Хризантема и меч». Лейтмотивом этой книги является утверждение, будто душевный мир японцев не контролируется мышлением, что особенности японской культуры свидетельствуют о стремлении страны восходящего солнца к подчинению США. Единомышленник Рут Бенедикт — Кардинер, характеризуя психологический профиль жителей одного из островов Индонезии, выступивших на борьбу с голландскими колонизаторами, усмотрел в них такую черту, «как желание быть объектом агрессии и принимать диктуемые условия мира».

Смертельная борьба между рабочими и капиталистами объясняется психорасистами не классовыми различиями, а существованием у них неодинаковых по ценности моделей культуры. И так как психологический профиль класса буржуа является «идеальным», то людей, выступающих против

порядков капиталистического общества, Кардинер называет «психически ненормальными». Поразительный по своему цинизму факт! Нельзя не вспомнить в этой связи слов В. И. Ленина, что «ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»¹.

Американская этнография за последние сто лет проделала своеобразный путь развития — от стихийно-материалистических позиций Моргана до психорасистской школы, одной из самых реакционных в буржуазной исторической науке. Буржуазная наука, накопив огромный фактический материал, в лице лучших своих представителей решила многие общие и частные вопросы первобытности, однако только труды классиков марксизма-ленинизма заложили основы научной истории доклассового общества.

— К. Маркс и Ф. Энгельс в своих теоретических исследованиях придавали исключительное значение изучению первобытного общества как первой социально-экономической формации в истории человечества. Уже в 40-х годах XIX в. в «Немецкой идеологии» были изложены их самостоятельные взгляды на происхождение языка и мышления, на место человека в природе.

В «Капитале» и других произведениях содержатся мысли Маркса о сущности первобытнообщинного строя, происхождении частной собственности и классов и других кардинальных проблемах древнейшего периода человечества. Намереваясь создать монументальный труд о первобытности, Маркс законспектировал ряд книг по этнографии, в том числе «Древнее общество» Моргана, но смерть нарушила его планы.

Как бы во исполнение завещания своего великого друга Энгельс написал в 1884 г. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — классическое произведение по истории первобытного общества, «одно из основных произведений современного социализма», как оценил его В. И. Ленин.

Используя колоссальную этнографическую литературу и дав блестящий, глубокий анализ фактического материала, Энгельс с позиций диалектического и исторического материализма проследил основные этапы развития первобытного об-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 40.

щества, вплоть до появления классов и государства. В значительной степени им была использована книга Моргана, но только без содержащихся в ней погрешностей и ошибок. Энгельс писал: «Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковывать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»¹.

История доклассового общества освещалась Энгельсом в ряде работ («Диалектика природы», «К истории древних германцев» и др.), в которых, в частности, рассматривались вопросы происхождения человека и человеческого общества, возникновение религии и давалась характеристика соседской общины.

В гениальных работах В. И. Ленина, поднявших на высшую стадию марксистскую философию, глубоко раскрыты общие закономерности развития человечества и выявлены специфические особенности социально-экономических формаций, в том числе первобытнообщинной. Значительное место проблемы первобытности занимали, например, в трудах «О государстве», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» и «Государство и революция», в которых четко и ясно излагались причины появления классов и государства, отстаивались и творчески развивались идеи Маркса и Энгельса о доклассовом обществе, подвергались уничтожающей критике взгляды народников на роль сельской общины в России. Выступая неоднократно против идеализации седой старины, В. И. Ленин осветил причины возникновения религии, вскрыл ее социальные и теоретико-познавательные корни.

Советские исследователи, вооруженные марксистско-ленинской методологией, обобщая новый фактический материал и развивая учение основоположников научного коммунизма об общественно-экономических формациях, внесли ценный вклад в науку о первобытном обществе и этнографию. Нет ни одного раздела древнейшей истории человечества, который бы не обогатили советские ученые своими глубокими исследованиями. В трудах М. О. Косвена, С. П. Толстова, А. М. Золотарева, С. А. Токарева, В. К. Никольского и других видных историков первобытности на большом фактическом материале освещены такие важнейшие вопросы, как формы организации людей, общественные и семей-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 1123.

по-брачные отношения, типы хозяйственной деятельности на различных ступенях первобытнообщинного строя, возникновение материнского рода и процесс превращения его в отцовский, происхождение и сущность патриархальной семьи, распад кровнородственных связей и замена их связями территориальными, зарождение имущественного и общественного неравенства, появление частной собственности, классов и государства.

Проблемы первобытной религии успешно решаются С. А. Токаревым, Ю. П. Францевым, Б. И. Шаревской, А. Ф. Анисимовым, Д. Е. Хайтуном. Великий вклад в науку о первобытности археологов П. П. Ефименко, С. П. Замятнина, П. И. Борисковского, В. И. Равдоникаса, А. П. Окладникова, А. Я. Брюсова, изучающих материальную культуру наших далеких предков, а также антропологов В. В. Бунака, Я. Я. Рогинского, М. А. Гремяцкого, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина, М. Ф. Нестурха, В. П. Якимова, исследующих эволюцию физического облика человека, его происхождение, биологические признаки и расовые особенности. Весьма плодотворно трудится крупный отряд советских этнографов, завершающий многотомное издание серии «Народы мира», равной которой по глубине исследований и объективности не знает буржуазная наука.

Изучение жизни и быта многочисленных народов нашей Родины, особенно отсталых в прошлом в экономическом, культурном и политическом отношениях, сохранявших черты первобытности, способствовало успешному построению социализма и помогает решению насущных вопросов коммунистического строительства.

Все шире и в нарастающем темпе в круг исследований вовлекаются народности и нации зарубежных стран, в первую очередь народы, борющиеся за свою свободу или недавно освободившиеся от колониального ярма и направляющие свои шаги по пути некапиталистического развития.

Состоявшийся в Москве в 1964 г. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук показал, что советские исследователи первобытнообщинной формации заняли ведущее положение в мировой науке.

**ИСТОЧНИКИ,
ХРОНОЛОГИЯ
И ПЕРИОДИЗАЦИЯ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА**

Восстановить картину грандиозного, длившегося сотни тысяч лет процесса возникновения, расцвета и гибели первобытнообщинного строя, помогают исторические источники — различные памятники прошлого, т. е. всевозможные следы и остатки человеческой деятельности той эпохи. Каждая историческая дисциплина имеет свой круг источников. В отличие от других разделов всеобщей истории наука о первобытном обществе располагает крайне скудными письменными памятниками, что затрудняет изучение древнейшего периода человечества. Тем не менее исследователи первобытного общества имеют в своем распоряжении многочисленные и разнообразные источники, главным образом неписьменные.

Археология, этнография, антропология, лингвистика, геология, палеоботаника, палеозоология и другие науки добывают и систематизируют различные материалы и сведения, относящиеся к первобытнообщинному строю. Поэтому источники истории первобытного общества принято классифицировать по наукам их добывающим. Они подразделяются на археологические, этнографические, антропологические, лингвистические, геологические, палеоботанические, палеозоологические и др. Наибольшую ценность для историка первобытного общества представляют археологические и этнографические источники.

Археология — наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным или материальным памятникам. Одна из ее отраслей — первобытная археология — исследует материальные памятники доклассового общества.

Археологические памятники разнообразны. К ним относятся: орудия труда, остатки поселений и жилищ, погребения, украшения, утварь, петроглифы, т. е. рисунки, выбитые или выцарапанные на поверхности скал, и др. Не все вещественные памятники имеют одинаковое значение для воссоздания жизни первобытных людей. Важнейшими являются орудия труда, в которых воплощается творческая мысль людей. С их помощью человечество создает материальную культуру и воздействует на окружающую среду.

Не меньшее значение, чем археологические памятники, имеют для изучения первобытного общества и этнографические источники.

Этнография — отрасль исторической науки, изучающая все стороны культуры и быта народов, их происхождение, расселение и культурно-исторические взаимоотношения. Этнография изучает не только историю жилища, одежды, пищи, способы добывания средств к жизни, семейно-брачные отношения людей, но включает в круг своих исследований духовную культуру человека, историю его положительных знаний и заблуждений, религиозных обрядов, обычаев и прежитков.

Таким образом, содержание этнографии разнообразно, границы ее обширны, она изучает и современные народы земного шара, находящиеся на различных ступенях общественного развития, и народы, давно сошедшие с исторической арены. Соприкасаясь своими многочисленными гранями с другими научными дисциплинами, она распадается на этнографическую лингвистику, этническую географию, историческую этнографию и другие разделы.

Этнографическая лингвистика изучает языки бесписьменных народов. Этническая география интересуется вопросами этнической статистики населения земного шара. Историческая этнография изучает либо уже исчезнувшие народы, либо прошлое современных народов. От других ответвлений этой науки она отличается не столько тем, что исследует все стороны культуры и быта народов в прошлом, сколько характером своих источников. Если основным методом собственно этнографии является непосредственное наблюдение

п изучение живой действительности, то историческая этнография базируется на письменных памятниках.

Исследователь первобытного общества использует данные всех разделов этнографической науки, особенно часто прибегая к помощи исторической этнографии. Многие ученые и путешественники, начиная с эпохи античности и до настоящего времени, оставили обстоятельное описание народов, живших первобытнообщинным строем.

И поныне имеются уголки в Австралии, Америке, Африке и Азии, где люди полностью или частично сохраняют черты первобытности, напоминая современному человечеству его прошлое. Их принято называть р е л и к т а м и. По образному определению Ф. Энгельса, реликты — это «живые ископаемые». Изучая по письменным источникам жившие в прошлом племена, наблюдая современные отсталые народности, наука освещает отдаленные эпохи человеческой истории.

Важную услугу оказывает нам этнография, исследуя пережитки родового строя, существующие в жизни классовых обществ. К ним, например, относятся сохранившаяся у отсталых слоев населения вера в вещи сны, многие религиозные обряды и некоторые свадебные обычаи. К пережиткам родового строя относится и ряд поговорок, вроде «с бешеной собаки хоть шерсти клок», действительный смысл которой почти изгладился из памяти людей. В первобытные времена существовало поверье, что от укуса бешеной собаки может излечить кусок ее шерсти. Для этого его сжигали, произнося при этом заклинания.

Археологические и этнографические источники, наряду с достоинствами, имеют существенные недостатки, если рассматривать их с точки зрения восстановления картины жизни и быта наших далеких предков. Вещественные памятники воссоздают материальную культуру первобытных людей и помогают раскрыть многие стороны минувшей жизни, однако, опираясь лишь на них, невозможно ни реконструировать особенности социального строя, ни дать полного описания духовного развития первобытных народов.

Основными недостатками вещественных источников является их молчаливость. К тому же далеко не все древние вещи дошли до нас в хорошей сохранности. Время и почва лучше всего сберегают вещи неорганического происхождения. Так, например, керамика, т. е. изделия из обожженной глины, может находиться в земле много тысячелетий, а кремневые

орудия — сотни тысяч лет, не претерпевая серьезных изменений. Памятники органического происхождения сохраняются хуже, за исключением костей, зубов и рога. Сохранность археологических памятников в очень большой степени зависит от климата. В сухом и жарком и в очень холодном климате все вещи сохраняются хорошо.

В отличие от археологических этнографические источники дают богатый материал для изучения общественного устройства и семейно-брачной жизни первобытных народов. Многие важнейшие элементы духовной культуры удалось восстановить только благодаря изучению народов, живших родоплеменным строем. Но использование реликтовых источников представляет известные трудности, так как первобытные народы, за редким исключением, испытывали и испытывают влияние классовых обществ, и поэтому судить только на основании непосредственного знакомства с ними о первобытной жизни в минувшие эпохи, не учитывая этого обстоятельства, значит серьезно ошибаться.

Для изучения различных периодов доклассового общества ценность археологических и этнографических источников неодинакова. Древнейшие эпохи первобытнообщинного строя — первобытное стадо, ранние этапы материнского рода — не сохранились в настоящее время в виде реликтовых обществ и поэтому представлены почти исключительно вещественными памятниками. Более поздние этапы первобытного общества — сложившийся материнский род, время его расцвета, зарождение, развитие и разложение отцовской родовой организации, наконец, соседская община — полнее всего освещаются реликтовыми источниками. Этнографические данные как бы облекают в плоть и кровь голый, лишенный покровов костяк, созданный нами исключительно по археологическим памятникам.

Для всестороннего и глубокого изучения процесса исторического развития первобытного общества необходимы объединение и сопоставление друг с другом всех видов источников. Без материалов и сведений, добытых антропологией, лингвистикой, фольклористикой, геологией, палеозоологией, палеоботаникой и другими науками, количество достоверных фактов значительно уменьшилось бы, и целостная картина развития человечества не могла быть ярко нарисована.

Антропология изучает изменения физического типа человека во времени и пространстве. Исследуя останки древнейших людей, прослеживая эволюцию физического облика

человека под влиянием социальных и природных условий, антропологическая наука помогает установить закономерности в развитии истории человечества. Антропология изучает биологические признаки людей, устанавливает их родство с животным миром и выявляет особенности человека, качественно отличные от животного. Особенно большую роль играют данные антропологии при изучении вопросов, связанных с происхождением и становлением человека и его рас.

Немалую услугу историку первобытного общества оказывает и лингвистика, т. е. наука о языке. Возникая вместе с обществом и развиваясь вместе с ним, язык часто сохраняет старые слова, хотя значение их с течением времени становится уже иным. Так, слово «соха» теперь обозначает земледельческое орудие, а некогда оно обозначало палку. В первобытном обществе палкой, т. е. «сохой», взрыхляли почву при обработке ее для посева. С появлением более совершенного земледельческого орудия на него было перенесено старое слово — «соха» (прежнее значение этого корня сохранилось в слове «посох»).

Таким образом, изучая сохранившиеся в корнях слов нашего языка следы глубочайшей древности, лингвистика реконструирует прежнее значение слов, производит своего рода раскопки, восстанавливая многие черты жизни первобытнообщинного строя.

Относительно редкими, но весьма ценными являются фольклорные памятники. Песни, сказания, быliny и другие виды устного народного творчества создавались и на стадии родового строя, хотя записывались они позже, в классовом обществе. Изучение их помогает подметить некоторые важные черты жизни и быта первобытных народов. Интересно, что глубокий анализ трагедии «Орестея» древнегреческого драматурга Эсхила, в основе которой лежало устное народное творчество, помог Бахофену сделать правильный вывод о том, что материнское право предшествовало отцовскому.

Нельзя пренебрегать и сведениями, которыми располагают геология, палеоботаника, палеозоология и другие естественные науки; без сотрудничества с ними немалым является изучение первобытной истории. Например, остатки флоры и фауны, извлеченной вместе с памятниками человеческой деятельности из одного геологического слоя, помогают установить окружающий первобытных людей природный мир.

Таким образом, историк первобытного общества черпает свои сведения из данных разнообразных наук.

Помимо нахождения и классификации источников, необходимо решать более сложные и важные задачи: критически исследовать их и дать им правильную интерпретацию, т. е. установить их действительный смысл.

Учитывая древний возраст и характер памятников первобытного общества, не всегда можно дать им безошибочную или бесспорную интерпретацию. Так, долгое время затруднялись ответить на вопрос, почему часто находят костяки людей с отрезанным большим пальцем правой руки? Правильное объяснение этих находок стало возможным после того, как было установлено, что еще в недавнем прошлом австралийские туземцы, убив врага, отрезали затем большой палец у правой руки трупа, будучи уверены, что дух убитого не в состоянии теперь метать копьё искалеченной рукой и не сможет причинить им вреда.

Курьезный случай, связанный с ошибочной интерпретацией источника, произошел в связи с находкой зуба ископаемого существа в 1922 г. в Северной Америке. Группа видных ученых США объявила, что зуб принадлежит ископаемой человекоподобной обезьяне. Это сообщение вызвало сенсацию в научном мире, ибо, казалось, опровергало установившееся мнение, что ископаемые человекоподобные обезьяны жили только в Старом Свете, а в Америке не протекал процесс превращения обезьяны в человека. Шумиха, поднятая вокруг этой находки, завершилась конфузом, после того как новыми исследованиями было доказано, что найденный зуб принадлежал ископаемой североамериканской свинье. Становится очевидным, что без научной критики источника невозможно дать правильное объяснение.

Дать критику источника — значит установить не только место и время его появления, но также и подлинность памятника или хотя бы степень его достоверности. Нелегко, например, иногда отличить древнейшие каменные орудия, сделанные рукой человека, от сходных с ними естественных камней, находимых в стоянках людей, или самые ранние, еще примитивные, наскальные рисунки первобытных художников — от причудливой игры природы в виде натеков и трещин на стенах и потолках пещер. Но еще большие трудности выпадают на долю науки, когда ей приходится сталкиваться с искусно изготовленными фальшивками, которые выдаются различного рода мошенниками за подлинные источники. Ча-

ше всего это делается с целью наживы, но нередко в буржуазных странах и дельцы от науки прибегают к подделкам для подкрепления реакционных теорий.

Особенно большой и длительный резонанс — и не только в научных кругах — вызвало сообщение Даусона о найденных им в 1911 г. в Юго-Восточной Англии, близ Пилтдауна, остатках человека современного физического типа в раннечетвертичных отложениях среди костей слонов, мастодонта, благородного оленя и других теплолюбивых животных. Это означало, что в то время как в материковой Европе, Азии и Африке жили древнейшие люди типа питекантропов и синантропов, в Англии уже обитал человек современного вида. Между тем питекантропы и синантропы являются далекими предками современных людей, и поэтому не могло быть и речи об одновременном их существовании. Вызвало также удивление и никогда прежде не встречавшееся сочетание высоко развитой черепной коробки и примитивной челюсти найденного человека, названного эоантропом, т. е. «человеком зари».

Реакционные ученые стали выдвигать различные теории, объявлявшие «пилтдаунского человека» предком «благородной северной расы», в отличие от монголоидов и негроидов, возникших от древнейших, еще примитивных людей. Эоантропу посвящались научные труды, число которых только к 1918 г. достигло внушительной цифры — 150. Но в 1954 г. новейшими химическими методами было установлено, что нижняя челюсть «пилтдаунского человека» — обезьянья и принадлежит современному шимпанзе. Для придания «древности» челюсти Даусон подкрасил ее двуххромовокислым калием. Беззастенчивая попытка расистских ученых «обосновать» свои концепции окончилась позорным провалом.

Нельзя не вспомнить по этому поводу справедливые слова К. Маркса: «Читая истории первобытных общин, написанных буржуазными авторами, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами»¹.

Критика источника не ограничивается лишь установлением его подлинности. Необходимо выяснить также место и время появления источника. Все, что существовало на свете, было где-то и когда-то. Историческая наука требует прежде всего определения событий и явлений в жизни людей во времени и пространстве. Хронология и география, говорил выдающийся французский ученый Шампольон, — это

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 679.

глаза и уши историка. Однако если определить место появления памятника доклассового общества, за редким исключением, не представляет особых трудностей, то установить точную дату его возникновения часто бывает почти невозможно.

В отличие от современной эпохи, где все исторические события распределены по столетиям, годам, месяцам, а иногда дням и часам, установить последовательность во времени мимувших фактов первобытной жизни, не зафиксированных письменными документами, представляется далеко не всегда возможным. Но хронология, т. е. наука о времени, лежит в основе точного исторического знания. Вот почему определение возраста древнейших памятников человеческой деятельности является одной из важнейших задач историков, изучающих первобытное общество.

Беззвучно и незримо струится время, и для того чтобы его уловить, исчислить, нужна какая-то отправная точка — эра, от начала которой велось бы летосчисление. В разные эпохи у различных народов были свои календари, связанные с определенной эрой. В этом случае говорят об абсолютной хронологии, которая, исчисляя время от какого-то события — исторического или мифического, — устанавливает точные даты существования фактов и явлений во времени. Так, древние греки вели счет времени по олимпиадам, т. е. спортивным состязаниям, происходившим один раз в четыре года. Упомянув о каком-либо событии, они писали, например, что оно произошло в третий год 78 олимпиады. Римляне отсчитывали время от основания Рима. Примером абсолютной хронологии служит и наша эра — принятое ныне многими народами летосчисление от вымышленного «рождения Христова».

Наука располагает несколькими методами определения возраста археологических памятников. Новейшие из них и самые перспективные основаны на использовании свойств радиоактивных элементов, неустойчивые атомные ядра которых распадаются. Скорость исчезновения радиоактивных веществ характеризуется временем полураспада. Период полураспада у различных радиоактивных элементов варьирует в пределах от ничтожных долей секунды до нескольких миллиардов лет. Чтобы установить абсолютную дату создания какого-либо памятника, необходимо использовать такое радиоактивное вещество, длительность жизни которого примерно соответствовала бы возрасту памятника.

В настоящее время самым ценным способом датирования древних памятников биологического происхождения признан радиоуглеродный метод, впервые разработанный американским ученым Ли б б и. Под воздействием космических лучей на атомы азота в земной атмосфере непрерывно образуется радиоактивный изотоп углерода с атомным весом 14. Растения в процессе своей жизнедеятельности ассимилируют атмосферный углерод вместе с его уже окислившимся радиоактивным изотопом. Питаясь растениями, усваивают его в конечном счете и животные. Так как интенсивность космических лучей постоянна, то концентрация в атмосфере изотопа углерода с атомным весом 14 неизменна. Можно считать практически постоянной величиной и начальное содержание C^{14} в углероде, который усваивается живыми организмами. Неизменно и постоянно количество C^{14} на каждый килограмм органического и живого вещества.

Но изотоп C^{14} неустойчив и в дальнейшем распадается. Его содержание в мертвых тканях растения или животного после смерти их начинает убывать. Устанавливая процент содержания изотопа C^{14} в общем количестве углерода, который содержится в памятниках биологического происхождения, можно оценить их возраст с небольшой степенью погрешности. Так как период полураспада изотопа C^{14} составляет около 5600 лет, то радиоуглеродный метод наиболее эффективен для установления абсолютного возраста памятников в интервале от 1000 до 10 000—12 000 лет, хотя современная техника позволяет пользоваться этим методом и при определении материалов значительно большей давности—50 000 лет.

Весьма ценным методом датировки является и разработанный впервые В. В. Даниловой химический метод, основанный на изучении содержания фтора в ископаемых костях. Оказывается, чем древнее ископаемое, тем больший процент фтора содержится в костях и зубах.

Однако устанавливаемые в настоящее время наукой приемы вычисления абсолютных дат древнейших памятников еще далеки от желаемой точности.

К сожалению, историки первобытного общества не всегда имеют возможность оперировать абсолютными датами. Несравненно чаще они вынуждены пользоваться относительной хронологией, устанавливающей время существования событий и явлений не в абсолютных датах, а в их отношениях друг к другу. Относительная хронология, например, определяет лишь, что тот или иной факт предшество-

вал другому, и то или иное явление возникло позже какого-либо события.

30 Таким образом, без глубоких знаний невозможно дать критику источников первобытного общества и правильно их интерпретировать. Но верно также и то, что одних специальных знаний еще недостаточно для решения этих трудных задач. Подлинно научная критика и глубокое всестороннее изучение исторических памятников возможны лишь при условии овладения марксистско-ленинской методологией. Это особенно следует подчеркнуть при построении периодизации первобытнообщинного строя.

Многим ученым кажется заманчивым положить в основу периодизации истории первобытного общества археологическую классификацию, которая построена на изучении смены орудий труда в истории человечества. Орудия труда, определяющие в значительной степени уровень развития производства и его характер, являются весьма ценным памятником первобытной культуры. Значение их К. Маркс определил следующими словами: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд...»¹

Поэтому мысль археологов положить в основу своей классификации орудия труда, в которых сконцентрирован опыт бесчисленных поколений, не вызывает возражений. Еще в I в. до н. э. великий римский философ-материалист Лукреций в своей поэме «О природе вещей» писал, что человечество прошло долгий путь развития, в процессе которого каменные орудия сменились медными, а затем железными. Мысль Лукреция получила признание у многих исследователей, но все же она оставалась гениальной догадкой до 30-х годов XIX в., когда датский ученый Томсен на значительном археологическом материале Копенгагенского музея показал существование в первобытности трех, последовательно сменяющихся веков—каменного, бронзового и железного (под сло-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

Учен

ном «век» понимается не столетие, а целый период, или стадия, в истории человечества).

С накоплением памятников первобытной культуры появились новые исследования, которые позволили детализировать эту классификацию. Вместе с тем было подтверждено, что камень, бронза и железо почти повсеместно имеют одну и ту же последовательность. Наибольшая заслуга в создании современной археологической классификации принадлежит прогрессивному французскому ученому Г. Мортилье и отчасти его соотечественнику А. Брейлю. Значительный вклад в ее разработку внесли советские археологи.

Принимая во внимание материал, из которого изготовлялись орудия, их назначение и форму, археологическая классификация делит историю материальной культуры первобытного общества на периоды, эпохи и другие более дробные единицы. Самая мелкая из них — археологическая культура, т. е. группа источников, имеющих общие характерные черты и объединенных одним временем и общей территорией. Археологическая культура чаще всего носит наименование пункта, где или вблизи которого были впервые найдены ее памятники.

Существует несколько вариантов археологической классификации, и по одному из них, очень распространенному, первобытность делится на каменный и металлический периоды.

Каменный период, превышающий своей продолжительностью не менее чем в сто раз металлический, подразделяется на три эпохи: палеолит (древний камень), мезолит (средний камень) и неолит (новый камень). Каждая из этих эпох распадается на нижнюю (раннюю) и верхнюю (позднюю) части. В нижний палеолит входят дошелльская, шелльская, ашельская и мустьерская археологические культуры. Верхний палеолит представлен тремя культурами: ориньякской, солютрейской и мадленской. Мезолит является переходной эпохой от палеолита к неолиту. Характерной культурой нижнего мезолита является азильская, а верхнего — тарденуазская культура. Неолитическая эпоха представлена очень многими культурами. С некоторыми из них, наиболее известными и характерными, мы познакомимся позже. В отличие от раннего в позднем неолите широко распространены полированные каменные орудия труда.

Между каменным и металлическим периодами вклинился

энеолит, т. е. меднокаменный век. Его место в археологической классификации точно не определено. Одни ученые относят его к началу металлического периода, другие считают энеолит последним этапом неолита, что, по-видимому, ближе к истине.

Металлический период распадается на эпохи бронзы и раннего железа. Хотя хронологическая протяженность металлического периода ничтожно мала по сравнению с каменным, но по количеству представленных культур и бронзовая эпоха, и ранняя железная, каждая в отдельности, во много раз его превосходят. Нередко в археологической науке выделяют не два, а три периода, или века: каменный, бронзовый и железный.

Археологическая классификация при всех своих достоинствах не может быть принята в качестве периодизации истории первобытного общества. Нельзя судить непосредственно по орудиям труда о характере общественных отношений людей, ибо в одну и ту же археологическую эпоху могут существовать общества с различным социальным строем. Так, в эпоху бронзы в Египте и Южной Азии возникли классовые рабовладельческие общества, в то время как на большей части Европы народы в бронзовом веке жили еще первобытнообщинным строем, и государства у них сложились после появления железа.

Таким образом, необходима крайняя осторожность при попытках воссоздать прошлое исключительно по данным материальной культуры, которая к тому же не сводится только к орудиям труда. Реконструировать историческое прошлое можно лишь с учетом всего комплекса источников.

Тем не менее археологическая классификация, раскрывая последовательные этапы эволюции орудий труда, устанавливает этим самым и основные стадии в развитии производительных сил общества, что является необходимым условием для создания периодизации истории первобытнообщинного строя. Следует оговориться, что когда утверждается, что археологические эпохи не всегда совпадают с общественными, то имеется в виду главным образом бронзовый и железный века и отчасти неолит. Что же касается палеолита и мезолита, то в эти эпохи у всех первобытных народов был примерно одинаковый уровень общественного развития.

Археологическая классификация основана на относительной хронологии. Очень трудно установить абсолютный возраст археологических культур, ибо, как шутливо писал один

ученый, первобытные люди на своих памятниках не ставили дат их изготовления. Но все же имеется возможность приблизительно, с различной степенью вероятности, отнести археологические периоды, эпохи и культуры к абсолютной шкале времени. Хронология их не может быть общей для всех областей земного шара. Например, в силу неравномерности темпов исторического развития неолит в Дании окончился около 1600 г. до н. э., а у маорийцев, коренного населения Новой Зеландии, — примерно в 1800 г. н. э. Поэтому, чтобы приурочить археологические стадии к абсолютным датам, необходимо исходить из развития культуры в данной области.

Для значительной части Европы хронологические рамки археологических эпох примерно следующие: палеолит—550—500—14 тысяч лет до н. э., из них верхнему палеолиту отводится около 30 тысяч лет; мезолит—14—5 тысяч лет до н. э.; неолит—5—2 тысячи лет до н. э.; бронзовый век—II тысячелетия до н. э.; ранний железный век—начиная с I тысячелетия до н. э.

Протяженность во времени раннего и в значительной степени позднего палеолита во всех районах земного шара примерно одинакова.

Для историка первобытного общества вспомогательное значение имеет и геологическая периодизация, делящая прошлое нашей земной коры на четыре эры: архейскую, палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую. Эры подразделяются на периоды, а те в свою очередь на эпохи. Так, кайнозойская эра состоит из двух последовательных периодов: третичного и четвертичного; иногда выделяют и третий период, называя его современным. По ориентировочным подсчетам третичный период начался около 60 миллионов лет, четвертичный — 1 миллион, а современный — 14 тысяч лет назад. Человек выделился из животного мира в начале четвертичного периода. Геологическая периодизация, давая возможность определить возраст человечества в целом, определяет хронологию начального этапа первобытнообщинного строя, но, оперируя миллионами лет, она не может отразить по этапам процесс развития первобытного общества.

Заслуга создания первой развернутой периодизации первобытной истории принадлежит прогрессивному американскому ученому Л. Моргану, разделившему всю историю человеческого общества на дикость, варварство и

цивилизацию, понимая под последним термином классовые общества.

Первые два периода — дикость и варварство — относятся, по Моргану, к первобытнообщинному строю, и каждый из них подразделяется на низшую, среднюю и высшую ступени, в соответствии с успехами в материальном производстве.

Период дикости в целом относится ко времени, когда люди жили исключительно охотой и собирательством, т. е. занимаясь, по выражению Ф. Энгельса, преимущественно присвоением готовых продуктов природы. На низшей ступени дикости человечество еще не употребляло рыбной пищи и не умело пользоваться огнем. Так как ни один из отсталых народов не был засвидетельствован письменными источниками в этом первобытном состоянии, Морган гипотетически воссоздает эту стадию человеческой истории. Средняя ступень дикости «началась с употребления в пищу рыбы и умения пользоваться огнем и окончилась с изобретением лука и стрел». На высшей ступени дикости находились племена, пользовавшиеся луком и стрелами, но еще не овладевшие гончарным производством.

Период варварства характеризуется появлением скотоводства и земледелия. В отличие от дикости, когда способ ведения хозяйства у людей был присваивающим, или хищническим, человечество в период варварства жило главным образом за счет умножения продуктов природы. Низшая ступень варварства повсеместно начинается с введения гончарного искусства.

По Моргану, средняя ступень варварства в восточном полушарии начинается с приручения животных, а в западном — «с воздвигания растений посредством орошения и употребления в строительстве необожженного кирпича и камня». Высшая ступень варварства ведет свое начало с обработки железа.

Периодизация Морганова на современном ему этапе развития науки явилась замечательным экспериментом стихийно-материалистического истолкования первобытной эпохи. Для своего времени она имела крупное теоретическое значение, так как выражала идею единства исторического процесса и прогрессивного развития человечества в первобытном обществе на базе развития материального производства.

Классики марксизма-ленинизма высоко оценили моргановскую периодизацию, и Ф. Энгельс воспроизвел ее в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и госу-

притва». Вместе с тем Энгельс видел историческую ограниченность периодизации Моргана и был далек от ее каноничности, указывая, что она останется в силе лишь «до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести поправки...»¹.

Почти девять десятилетий прошло со дня опубликования книги Моргана «Древнее общество», и за этот промежуток времени наука о первобытности обогатилась колоссальным количеством новых данных. Труды классиков марксизма-ленинизма, поднявшие на новую высоту историческую науку, их высказывания, относящиеся к проблемам первобытного общества, а также исследования советских и прогрессивных зарубежных ученых, обобщивших новейшие археологические, этнографические и антропологические материалы, выявили существенные недостатки периодизации Моргана.

К важнейшим из них, во-первых, относится то, что признаки, характеризующие, по Моргану, отдельные ступени дикости или варварства, иногда не универсальны. Например, ни гончарство, ни лук и стрелы не были известны туземцам большинства островов Тихого океана, хотя у них уже интенсивно протекал процесс классовообразования. Во-вторых, некоторые признаки, характеризующие ту или иную ступень моргановской схемы, просто ошибочны. Так, применение огня и употребление в пищу рыбы относится не к средней ступени дикости, как полагал Морган, а к низшей. В-третьих, приводимые Морганом признаки не всегда являются существенными, чтобы характеризовать ту или иную ступень. Наконец, в-четвертых, крупнейший порок моргановской периодизации состоит в том, что не отдельные изобретения должны определять переход от одной ступени первобытнообщинного строя к другой, а развитие производительных сил в целом и вызываемые ими изменения в общественной организации людей.

В связи с тем, что схема Моргана устарела и не соответствует современному уровню науки, советские ученые отказались от нее и приступили с недавних пор к созданию новой периодизации истории первобытного общества. Она еще не разработана в окончательном виде.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о критерии, т. е. об отличительном признаке, который должен быть положен в основу периодизации. Для А. И. Першица таким критерием является эволюция форм первобытной соб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 28.

ственности, для Н. А. Бутинова — степень разделения труда в первобытном обществе. С. В. Киселев предлагал построить периодизацию первобытнообщинного строя по принципу археологической классификации, т. е. в качестве отличительного признака взять материал и технику обработки брудий труда.

Большинство представленных схем в основу периодизации кладет развитие форм общественной организации первобытных людей. С. П. Толстов, поставивший вопрос о создании новой периодизации взамен устаревшей моргановской, еще в 1946 г. предложил разделить первобытное общество на следующие периоды: I. Первобытное стадо. II. Первобытная община (материнский род). III. Военная демократия. II. П. Ефименко различает периоды: I. Первобытное стадо. II. Первобытная община неандертальцев. III. Первобытная родовая община. Н. П. Горбачева выделяет в первобытном обществе четыре стадии: I. Первобытное стадо. II. Род. III. Племя. IV. Союз племен. Тоже на четыре стадии, но совершенно иначе делит первобытность П. Г. Акритас: I. Человеческое стадо. II. Первобытная орда. III. Первобытная община. IV. Начало классового общества. По М. О. Косвену, доклассовое общество прошло следующие этапы: I. Первобытное стадо. II. Родовой строй (подразделяющийся на эпохи: а) матриархат и б) патриархат). III. Период военной демократии.

Не останавливаясь в данном месте на достоинствах и недостатках всех вышеприведенных схем, задержим свое внимание на схеме, предложенной М. О. Косвеном, как в наибольшей степени, на наш взгляд, отвечающей требованиям, предъявляемым к периодизации истории первобытного общества.

Серьезные критические замечания на страницах нашей печати вызывает лишь данное М. О. Косвеном наименование третьему периоду первобытной истории. Термин «военная демократия», введенный Морганом, применяли Маркс и Энгельс. Однако в понятие «военная демократия» в советской литературе вкладывается неодинаковое содержание.

По М. О. Косвену, военная демократия — это заключительный период первобытнообщинного строя, возникший после разложения отцовского рода и предшествующий появлению классового общества и государства. Но большинство советских ученых обозначает термином «военная демократия» не самостоятельный период первобытного общества, а поли-

типичную подстройку последнего этапа первобытнообщинного строя, когда в общественной жизни еще сохраняются элементы демократии, но только для мужчин-воинов.

Разногласия эти не принципиальные и носят терминологический характер, ибо никто из советских авторов не отрицает существования переходного периода от родового строя к классовому обществу. Остается лишь найти термин, который своей формой и содержанием удачно бы характеризовал сущность этого третьего периода первобытного общества. По-видимому, есть все основания согласиться с высказанным уже в печати предложением именовать последний период первобытнообщинного строя «соседской общиной».

Соседская община является исторически общественной формой, которая была свойственна всем народам мира, прежде чем они переступили порог классово-антагонистических формаций.

Возникшая на развалинах отцовского рода, соседская община уже не была основана на кровнородственных связях, не знала она в то же время и частной собственности на землю. Поэтому не только сущность, но и граница заключительного периода первобытного общества могут быть точно определены.

Итак, общепризнанной периодизации истории доклассового общества пока нет. Эта проблема остается в центре внимания исследовательской мысли советских историков. Но, хотя вопрос о периодизации остается открытым, мы будем пользоваться несколько измененной схемой М. О. Косвена, по которой в истории доклассового общества выделяются три последовательных периода: I. Первобытное стадо. II. Родовой строй, подразделяющийся на: а) матриархат и б) патриархат. III. Соседская община. Серьезный недостаток этой периодизации состоит в том, что второй период включает как высший этап развития первобытного общества (расцвет материнского рода), так и начало его разложения (отцовский род).

ЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ МИРА

Язык — один из важнейших признаков народов, или этнических общностей, будь то родоплеменные общности первобытнообщинной формации, народности, существовавшие при рабовладельческом и феодальном строе, либо возникшие в эпоху капитализма нации.

В настоящее время на земном шаре насчитывается свыше 2000 языков, не считая диалектов. Науке известно несколько классификаций языков, в основу которых положены разные признаки. Наибольшую ценность имеют генеалогическая и морфологическая классификации, особенно генеалогическая, группирующая языки по принципу их материального родства.

Генеалогическая классификация изучает родственные языки посредством сравнительно-исторического метода, высоко оцененного классиками марксизма-ленинизма. Сравнительно-исторический метод в языкознании представляет собой систему научно-исследовательских приемов, использующихся при установлении родства языков и изучении закономерностей их исторического развития. Родство между языками проявляется и в близости грамматического и фонетического строя родственных языков, обусловленной единством происхождения, и в общности древнего слоя их словарного состава. Совокупность родственных языков составляет языковую семью.

Все языки данной семьи возникли из диалектов одного языка, называемого языком-основой (прежде употреблялся термин «праязык»). Диалекты языка-основы, попадая в различные исторические условия, теряли связь друг с другом и в процессе развития превращались в самостоятельные, родственные между собой языки. Языки, возникшие из диалектов языка-основы, в свою очередь распадались на диалекты, которые могли в дальнейшем развиться в самостоятельные языки. В развитии языка параллельно с процессом дифференциации — разделения языка на диалекты с последующим образованием из них новых языков — мог существовать и противоположный ему процесс интеграции, или объединения, когда родственные диалекты, сливаясь, образовывали один язык. Процесс интеграции, слияния диалектов в один язык, характерен для эпохи формирования наций.

Входящие в одну семью языки обнаруживают между собой различную степень родства. В связи с этим языковые семьи могут распадаться на ветви, а последние — на группы и подгруппы. Наши знания о языковых семьях неравномерны. Многие языки мира плохо изучены. Еще не выявлены родственные связи многих языков Америки, Африки и Австралии. Поэтому среди лингвистов нет единогласия по многим важным вопросам классификации языков, в том числе относительно количества языковых семей на земном шаре.

91. ① Индоевропейская семья

Эта семья подразделяется на тринадцать ветвей: индийскую, иранскую, славянскую, балтийскую, германскую, кельтскую, италийскую, романскую, албанскую, греческую, армянскую, анатолийскую и тохарскую.

1. 1. Индийская (североиндийская), или, как ее не без основания называют, индоарийская ветвь, делится на древнеиндийские, среднеиндийские и новоиндийские языки. К древнеиндийским языкам относится ведийский (ведический), на котором были написаны веды — религиозные сборники племен арьев, вторгнувшихся в северную Индию примерно в середине II тысячелетия до н. э. Очень близок к ведийскому языку санскритский, сложившийся в начале I тысячелетия до н. э.

Существуют две последовательные разновидности санскрита: эпический санскрит — язык знаменитых поэм «Махабхарата» и «Рамаьяна» — и классический санскрит, расцвет ли-

гературы на котором приходится на середину I тысячелетия н. э. В последних веках до н. э. санскрит стал мертвым языком, но сохранил в Индии до настоящего времени значение языка традиционной учености.

~~Разговорными~~ языками в Индии становятся среднеиндийские, так называемые пракритские языки, возникшие из диалектов древнеиндийских. Стала создаваться литература и на пракритских языках. Некоторые из этих языков с течением времени становятся непонятными для населения и превращаются в чисто литературные языки, сосуществуя с санскритским. Из ~~пракритских~~ языков широкую известность приобрел ~~язык~~ пали, на котором написана ранняя религиозная буддийская литература. На Цейлоне, в Бирме, Таиланде и Камбодже пали до настоящего времени сохраняет значение церковного и литературного языка, наряду с национальным.

Из пракритских языков возникли новоиндийские, литература на которых появляется с конца X в. н. э. Из новоиндийских языков самым распространенным является хиндустани, имеющий две литературные формы: урду и хинди. Хиндустани является государственным языком в Индии (в литературной форме хинди) и Пакистане (в литературной форме урду). Иногда язык хиндустани также как одну из его литературных форм, называют хинди.

Крупными новоиндийскими языками являются: бенгали, бихари, маратхи, пенджаби, раджастани, гуджарати, орья (урья), непали, синдхи и др. Вне пределов Индостана к индийской ветви принадлежит цыганский язык, отделившийся от других индийских языков в V—X вв. н. э. Индоевропейские языки индийской ветви распространены в основном на юго-востоке Индостана.

② Языки иранской ветви в зависимости от некоторых грамматических и фонетических признаков чаще всего подразделяются на западную и восточную группы. Это деление не соответствует их современному географическому распространению.

К западноиранским языкам относятся: древнеперсидский, представленный надписями эпохи династии Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) и авестийский, т. е. язык «Авесты» — религиозного сборника древних персов, составившегося на протяжении многих веков. Язык «Авесты», точнее ее древнейшие частей, архаичнее древнеперсидского и очень близок к ведийскому. Полагают, что авестийский и ведийский языки возникли из одного индоиранского языка, который называют

только при этом. В XIX в. вместо термина «индоевропейские языки» часто употребляли «арийские». В буржуазной литературе «арийскими» иногда называют индийские и иранские языки.

К западноиранским языкам относятся также мидийский, парфянский, среднеперсидский, новоперсидский (фарси), таджикский, татский, талышский, курдский, белуджский и др.

Восточноиранские языки представлены: согдийским, близким к нему хорезмийским, сакским, скифским, сарматским, аванским, осетинским, афганским (пушту), ягнобским, так называемыми памирскими языками и др.

Славянская ветвь распадается на восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую группы языков. Все славянские языки очень близки друг к другу. Это объясняется тем, что распад общеславянского языка-основы на диалекты произошел сравнительно недавно, примерно в середине I тысячелетия н. э. Один из таких диалектов развился в VIII—IX вв. в древнерусский, или восточнославянский, существовавший еще в X—XII вв. На древнерусском языке были созданы замечательные произведения художественной литературы, в том числе «Слово о полку Игореве». Позднее, к XIV—XV вв., из диалектов древнерусского языка развились восточнославянские языки: русский — «один из самых сильных и самых богатых из живых языков» (Энгельс), украинский и белорусский.

К западнославянским языкам принадлежат: польский и близкий к нему кашубский, чешский и словацкий (государственные языки Чехословакии), полабский (ныне мертвый; по-прежнему, на Нижней Эльбе — Лабэ по-славянски — донныне существует кое-где полабский язык). На территории ГДР остались и развиваются два западнославянских языка: верхнелужицкий и нижнелужицкий.

К южнославянским языкам, развившимся из древних южнославянских диалектов, относятся: болгарский, македонский, словенский (словинский) и сербохорватский (при письме сербы пользуются кириллицей, хорваты — латиницей).

На основе одного из древних южнославянских диалектов (предполагают, македонского) в IX в. возник древнейший литературный язык славян — старославянский (или древнецерковнославянский, древнеболгарский). В качестве литературного и церковного языка он использовался южными и восточными славянами, а также чехами. Так как старославянский язык подвергался влиянию живых славянских языков,

то в XI—XII вв. возникли его разновидности, развившиеся впоследствии на почве отдельных славянских языков в церковнославянские языки.

32v / 1. (4) Балтийские языки распадаются на две группы: западнобалтийскую и восточнобалтийскую. В первую входит один, ныне мертвый, прусский (древнепрусский язык), на котором говорило коренное население Восточной Пруссии, истребленное или насильственно онемеченное к концу XVII в. К восточнобалтийской группе принадлежат литовский, латышский и мертвый куршский (журский) язык, давший имя Курляндии. Спорен вопрос о латгальском языке. Многие ученые считают его диалектом латышского языка.

32v / 2. (р) Германские языки относятся к хорошо изученным ветвям индоевропейской языковой семьи. Они делятся на северогерманскую (скандинавскую), восточногерманскую и западногерманскую группы языков. Северогерманскими языками являются шведский, датский, норвежский, исландский и фарерский, на котором говорит население Фарерских островов. Восточногерманские языки, ныне мертвые, представлены бургундским, вандальским, вестготским и остготским языками. Небольшая часть остготов в III в. н. э. осела в Крыму, растворившись в конце концов среди местного населения. Остготский язык в Крыму существовал до XVI в.

Языки западногерманской группы наиболее многочисленны. К ним относятся сложившиеся в раннем средневековье древнеанглийский, древненижнефранкский, древнесаксонский и древневерхненемецкий. Древнеанглийский язык возник на базе диалектов германских племен англов и саксов, поселившихся в Англии в V в. н. э. Из древнеанглийского языка (V—X вв.) развился среднеанглийский (XI—XV вв.), а затем и новоанглийский (с конца XV в.). Из древненижнефранкского языка возникли голландский, фламандский (Бельгия), фризский. На основе голландских диалектов XVII в. в Южной Африке сложился бурский язык (африкаанс). Древнесаксонский язык распался на нижненемецкие диалекты.

Из древневерхненемецкого языка (VIII—XI вв.) развился средневерхненемецкий (XI—XV вв.), а с XVI в. — нововержненемецкий. Современный литературный немецкий язык возник на базе нововержненемецкого языка. К западногерманским языкам относятся и язык идиш (новоеврейский), возникший в XI—XII вв. на основе средневерхненемецких диалектов. На этом языке говорит некоторая часть еврейского населения Восточной Европы.

20. Кельтская ветвь распадается на галльскую, бриттскую и гэльскую группы языков. К первой из них принадлежит галльский язык, на котором говорили предки французов и бельгийцев; он исчез в первых веках н. э. В бриттскую группу входят бретонский — язык жителей Бретани, переселившихся в V—VI вв. с Британских островов; уэльский (валлийский) и корнуэльский, вымерший в XVIII в. К гэльским языкам относятся: ирландский (гэльский, ирский) — и близкий к нему вымирающий мэнкский (на острове Мэн), а также шотландский, возникший из языка скоттов — группы ирландских кельтов, переселившихся в V—VI вв. в Северную Великобританию. Скотты дали имя стране — Скоттландия (Шотландия).

21. Итальянская ветвь, представленная древними мертвыми языками Аппенинского полуострова, распадается на две группы: в одну из них входит латинский язык, в другую — оскский и умбрский.

22. Языки романской ветви возникли после распада Римской империи из разговорных диалектов латинского языка. Это — испанский, португальский, каталанский (в Испании), французский, провансальский, итальянский, сардинский, ретороманский (государственный язык Швейцарии, наряду с французским, итальянским и немецким), румынский, молдавский и далматинский, вымерший к концу XIX в. Некоторые ученые итальянские и романские языки объединяют в одну (романскую) ветвь.

23. Албанская ветвь индоевропейской семьи представлена одним языком — албанским.

24. Греческая ветвь тоже состоит из одного языка — греческого, прошедшего долгий, более чем трехтысячелетний путь развития в классовом обществе. В истории греческого языка выделяют три периода: древнегреческий, среднегреческий (византийский) и новогреческий. Древнегреческий язык распался на ряд диалектов. В III в. до н. э. на основе аттического диалекта образовался общегреческий язык (койнэ) (Термином «койнэ» обозначается в настоящее время всякий общенародный язык, возникший на основе господствующего диалекта.) Язык койнэ в своем развитии привел к образованию среднегреческого языка (VI—XV вв.), из которого развился новогреческий. Древнегреческий язык, как и латинский, является важным источником международной терминологии для многих языков мира.

25. Самостоятельную ветвь индоевропейской языковой

семьи представляет и армянский язык. В его истории выделяют древнеармянский язык (грабар), известный в письменном виде с V в. н. э., на котором создавалась литература до XIX в., среднеармянский, охватывающий период с XI по XVII вв., и современный разговорный и литературный армянский язык (ашхарабар).

В анатолийскую ветвь входят древние вымершие индоевропейские языки Малой Азии: хеттско-клинописный (неситский), хеттско-иероглифический, лувийский и палайский языки. Все эти языки близки друг к другу. Многими учеными в анатолийскую ветвь включаются и некоторые языки западной части Малой Азии — ликийский, лидийский и карийский.

К тохарским языкам относятся близкие друг к другу тохарский А (карашарский) и тохарский Б (кучанский). Письменные тексты на этих языках, относящиеся к V—VII вв. н. э., были обнаружены в начале XX в. в Синьцзяне (Китайском Туркестане).

Между отдельными ветвями индоевропейской семьи наблюдается различная степень родства. Наибольшая родственная близость обнаруживается между индийскими и иранскими языками. Некоторые лингвисты предлагают даже включить их в одну ветвь, индоиранскую. Второе место в этом отношении занимает родство между славянскими и балтийскими языками.

Древние индоевропейские языки были более близки друг к другу, чем современные. Можно составлять целые фразы, сходно звучащие, например, на русском, ведийском и латинском языках. Так, предложение «дайте мне огня», произносится на ведийском языке — «дата махьям агним», а по-латински — «date mihi ignem».

II. Финно-угорская (угро-финская) семья

Эта языковая семья подразделяется на две ветви: угорскую и финскую.

1. В угорскую ветвь входят венгерский (мадьярский, угорский), мансийский (вогульский) и хантыйский (остяцкий) языки. Предки венгров жили в Приуралье, в IX в. они поселились на нынешней территории Венгрии. Ханты и манси живут по среднему течению р. Оби.

2. Финская ветвь распадается на прибалтийскую, германскую и волжскую группы языков. К прибалтийским языкам относятся финский (суоми), — саамский (лопарский), эстон-

ский, карельский, и менее распространенные: ижорский (ингрия) и вепсский — в Ленинградской области, водский и ливский — в Латвийской ССР. Пермская группа: коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский (вотяцкий) языки. Волжскую группу составляют марийский луговой и марийский горный, эрзя-мордовский и мокша-мордовский языки. Именован и другие классификации финно-угорских языков.

III. Самодийская семья

В самодийскую семью входят: ненецкий, энецкий, иганасинский (тонгийский) и селькупский языки народов Крайнего Севера СССР. Многие лингвисты считают возможным объединить самодийские языки с финно-угорскими в одну языковую семью (так называемую уральскую).

IV. Тюркская семья

Имеется множество классификаций тюркских языков. Одна из них подразделяет тюркские языки на пять ветвей: болгарскую, юго-западную, северо-западную, юго-восточную и северо-восточную. Все языки этой семьи и в настоящее время очень близки друг к другу.

1. **Булгарская ветвь:** болгарский и хозарский, ныне исчезнувшие языки, и современный чувашский (потомок языка камских булгар).

2. **Юго-западная ветвь:** огузский (мертвый), туркменский, тухменский (Сев. Кавказ), азербайджанский, гагаузский (Молдавская ССР), турецкий (с мертвыми сельджукским и староосманским языками).

3. **Северо-западная ветвь:** татарский, башкирский, кавказский, киргизский, алтайский (ойротский), кумыкский, ногайский, каракалпакский, карачаево-балкарский, караимский (Крым, Литовская ССР) и вымершие языки — половецкий (кыпчакский), печенежский и, возможно, золотоордынский.

4. **Юго-восточная ветвь:** узбекский, современный уйгурский (Синьцзян, КНР) и мертвый чагатайский (бывший литературным языком в Средней Азии XIV—XVI вв.).

5. **Северо-восточная ветвь:** якутский, тувинский, хакасский, шорский, карагасский (тофаларский) и мертвые языки — орхонский, древнеуйгурский.

V. Монгольская семья

После распада империи Чингисхана диалекты некогда единого монгольского языка развились в самостоятельные языки. К монгольским языкам относятся: собственно монгольский, бурятский, калмыцкий (ойратский), могольский (Афганистан), монгорский (КНР) и дахурский (Маньчжурия).

VI. Тунгусо-маньчжурская семья

Языки этой семьи распадаются на две ветви: тунгусскую и маньчжурскую.

1. Тунгусская ветвь состоит из сибирской и нижне-амурской групп. Сибирская группа: эвенкийский (тунгусский), эвенский (ламутский) и негидальский языки. Нижне-амурская группа: нанайский (гольдский), удэ́йский, ульчский, орокский и ороцкий языки.

2. Маньчжурская ветвь: маньчжурский, сибо и мертвый чжурчжэньский (предок маньчжурского) языки.

Имеются и другие классификации тунгусо-маньчжурских языков. По мнению многих ученых, в том числе академика Б. Я. Владимирцова, имеется родство между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, которые порой объединяют в одну алтайскую языковую семью. Некоторые лингвисты включают в алтайскую семью и финно-угро-самодийские языки (так называемые уральские). Однако гипотеза о существовании урало-алтайской языковой семьи имеет мало сторонников.

VII. Семито-хамитская семья

Данная семья состоит из пяти ветвей: семитской, египетской (хамитской), ливийско-берберской, кушитской и чадской.

1. Семитская ветвь подразделяется на северную и южную группы. Первая из них распадается на восточную подгруппу, представленную аккадским (вавилонско-ассирийским) языком, и западную, состоящую из хананейского, финикийского, угаритского, моавитского, древнееврейского и арамейского языков. Все эти языки мертвые. В настоящее время в Израиле искусственно воскрешается древнееврейский язык (под названием иврит). Арамейский язык был самым распро-

справленным языком Ближнего Востока примерно с VI в. до н. э. по VI в. н. э. Некоторые диалекты арамейского языка сохранились до нашего времени (Ливан), другие вымерли, а третьи развились в самостоятельные языки: мандейский (иначе мертвый) и айсорский (новоассирийский — СССР, Ирак, Иран, Турция).

Южная группа семитских языков представлена арабским и эфиопскими языками: амхарским (государственный язык Эфиопии), тигре, тигринья и др. К мертвым языкам относятся старозэфиопский (гёз или гезз — предок тигре и тигринья), сохраняющий и теперь значение в качестве церковного языка. Имеются и другие классификации семитских языков.

2. Египетская ветвь: древнеегипетский язык, в истории которого было четыре периода — древнейший, средний, новый и поздний (засвидетельствован письменными памятниками на протяжении примерно четырех тысячелетий); коптский (потомок древнеегипетского) — язык коренного населения средневекового Египта. Вытесненный постепенно арабским, коптский язык употребляется в настоящее время в качестве культового православной церкви в Египте.

3. Ливийско-берберская ветвь состоит из ливийского (мертвого) и берберских, очень близких между собой языков коренного населения западной части Северной Африки: нумидийского и гуанчского (Канарские острова) — мертвых и живых: томашек (туарегского), кабийского, рифского, зенагского и др.

4. Кушитские языки. На них говорит население Северо-Восточной Африки. Наиболее распространенные из них: галла, сомали, афар, бедауэ и др.

5. Чадская ветвь. Крупнейший из языков — хауса.

Общепризнанной классификации семито-хамитских языков нет. Многие ученые эти языки разделяют не на пять, а на две ветви: семитскую и хамитскую, включая в последнюю ливийско-берберские, кушитские и чадские языки. Распространен и взгляд, отрицающий родство семитских языков с хамитскими. В этом случае выделяют две языковые семьи: семитскую и хамитскую.

VIII. Дравидская (дравидийская) семья

Дравидская семья включает в себя 16 языков и подразделяется на четыре ветви: дравиды, андхра, центральноиндийскую и северо-западную.

1. Самые крупные языки ветви дравиды: тамильский, на котором еще в древности создана богатая литература, близкий к нему язык малаялам и каннара.

2. В ветвь андра входит телугу — крупнейший из дравидских языков. На телугу, тамильском, малаялам и каннара (юг Индии) говорят более 95 процентов всех носителей дравидских языков.

3. Из центральноиндийских дравидских языков самым значительным является язык гонди.

4. Четвертая ветвь представлена языком брагун, на котором говорят на северо-западе Индостана, главным образом в Пакистане.

IX. Малайско-полинезийская языковая семья

Языки этой семьи делятся на четыре ветви: индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую. Лучше изучены индонезийские языки, из которых наиболее известны: яванский, мальгашский (Мальгашская Республика), тагальский (Филиппины), малайский (государственный язык Малайской Федерации). Малайский (точнее суматранско-малайский) язык лежит в основе государственного языка Республики Индонезии, где он переименован в индонезийский язык. Различия между индонезийским языком и малайским (Малайская Федерация) незначительны, главным образом в орфографии и лексике.

X. Китайско-тибетская (тибето-китайская) семья

Языки подразделяются на пять ветвей: китайскую, чжуан-тайскую (чжуан-тунскую), тибето-бирманскую, мяо-яо и вьетнамскую.

1. Китайская ветвь состоит из китайского и дунганского языков.

2. В чжуан-тайскую ветвь входят чжуанский, тайский, тан (сиамский), лаосский, шанский и другие языки.

3. К тибето-бирманским принадлежат тибетский, и (ицзу), бирманский, гималайские и ассамские языки.

4. Ветвь мяо-яо включает языки мяо и яо.

5. Вьетнамская ветвь состоит из одного языка — вьетнамского.

Китайско-тибетские языки недостаточно хорошо изучены. Встречается в литературе деление их на две, три и четыре

перви. Не выяснен окончательно вопрос о месте вьетнамского языка в лингвистической классификации.

XI. Южноазиатская (австроазиатская) семья

Семья состоит из пяти ветвей: мон-кхмерской, мунда, малаккской, центральной и юго-восточной.

1. Мон-кхмерская ветвь: мон, кхмерский (камбоджийский) и другие языки.

2. Языки мунда распространены в Индии.

3. К малаккской ветви относятся языки семанг и сеной.

4. Центральную ветвь составляют языки кхзази, никобар и др.

5. К юго-восточной ветви относится язык чан и др.

Не все лингвисты признают существование южноазиатской семьи языков. Некоторые ученые отстаивают старые взгляды, выделяя мон-кхмерские языки и мунда в самостоятельные семьи. Этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным.

XII. Палеоазиатские (древнеазиатские) языки

Это название условно. Палеоазиатские языки не составляют языковой семьи, так как между ними не обнаруживается родство. Но в пределах палеоазиатских языков между некоторыми из них проявляются генетические связи. Большинство советских ученых среди палеоазиатских языков выделяют пять групп.

1. Эскимосско-алеутскую группу составляют близкие между собой языки: эскимосский и алеутский. Иногда эту группу выделяют в самостоятельную языковую семью.

2. Чукотская группа включает родственные чукотский, корякский, камчадалский (ительменский) языки.

3. Кетская группа состоит из кетского и ныне вымерших: коттского, аринского и асанского языков. Языки этой группы некоторые ученые относят к китайско-тибетской семье.

4. Юкагирская группа объединяет юкагирский и чуванцкий языки.

5. В нивхскую группу входит один язык: нивхский (гиляцкий).

ХIII. Кавказская семья

Вопрос о классификации кавказских языков в науке не решен окончательно. Одни ученые разделяют их на четыре самостоятельные языковые семьи, другие — объединяют в одну семью, подразделяя ее на четыре ветви: адыго-абхазскую (северо-западную), нахскую (центральную), дагестанскую (северо-восточную) и картвельскую (южную).

1. Адыго-абхазская ветвь состоит из адыгской группы и абхазской. В первую группу входят адыгейский и кабардинский (кабардино-черкесский), на котором говорят кабардинцы и черкесы. Адыгенцы, кабардинцы и черкесы называют свой язык адыгским. Абхазская группа включает абхазский и абазинский языки.

2. Нахская ветвь: чеченский, ингушский и бацбийский языки.

3. Дагестанские языки наиболее многочисленны и подразделяются на четыре основные группы: аварскую, даргинскую, лакскую и лезгинскую.

4. В картвельскую ветвь входят грузинский, закарский (мегрело-чанский) и сванский языки.

Остальные языковые семьи будут рассмотрены при изучении истории коренного населения Африки и Америки.

Однако не все языки мира объединяются в семьи. Встречаются изолированные языки, не обнаруживающие родства ни с какими другими. Это объясняется тем, что данный язык плохо изучен или что остальные языки, составлявшие с ним семью, вымерли. К изолированным языкам, например, относятся японский, корейский, баскский (Испания) и древние, ныне мертвые языки Передней Азии: шумерский, эламский, хурритский, урартский, хаттский (прото-хеттский) и др. Попытки ряда ученых установить родственные связи баскского, шумерского, эламского, хурритского, урартского и хаттского языков с языками кавказской семьи пока не увенчались успехом. Не доказано также и предполагаемое некоторыми лингвистами родство корейского языка с тунгусо-маньчжурскими.

Важным и трудным является вопрос о времени возникновения языковых семей. Это был длительный процесс, протекавший не одновременно. Некоторые семьи, например монгольская, образовывались в классовом обществе, однако большинство их возникло при родовом строе, по-видимому, в неолите и бронзовом веке, за несколько тысячелетий до н. э.

Но в одно время могли складываться и ветви одной языковой семьи.

Генеалогическая классификация имеет известные недостатки, обусловленные ограниченностью применяемого сравнительно-исторического метода в языкознании. При всех своих достоинствах этот метод имеет и минусы. Не всегда удается с его помощью восстановить историю развития родственных языков. К тому же при изучении изолированных языков применение сравнительно-исторического метода малоэффективно.

Классифицировать языки можно не только по степени материального родства, но и по характеру их грамматического строя.

Так как основными разделами грамматики являются морфология и синтаксис, то в этом случае в основу классификации языков могут быть положены как морфологические признаки, так и синтаксические. Несравненно более важное значение имеет морфологическая классификация, в основе которой лежит структура слова, изменяемость его. Известно несколько морфологических классификаций языков, из которых наиболее распространена разработанная А. Шлегелем и дополненная В. Гумбольдтом.

При этой классификации языки мира подразделяются на четыре типа: 1) корневой (изолирующий), 2) агглютинативный, 3) флективный и 4) инкорпорирующий.

Для изолирующих языков характерна морфологическая неизменяемость слов. У слов нет аффиксов (частиц-прилепов), выражающих грамматическое значение. В предложении слова как бы «изолированы» друг от друга. Отношения между ними передаются прежде всего синтаксически, т. е. порядком их в предложении, служебными словами, интонацией или ритмом. К изолирующему типу языков относятся древнекитайский, бирманские и др. Например, в китайской языке слова имеют различный смысл в зависимости от места их в предложении («хао жэнь» — «хороший человек», а «жэнь хао» — «человек любит»).

Агглютинативный, т. е. «скленвающий» тип языков характеризуется неизменяемым корнем слова, к которому как бы прилеиваются в большом количестве аффиксы, выполняющие уже грамматическую функцию. Аффиксы соединены с корнем слова и могут легко отрываться от своей основы. Аффиксы могут выступать то в виде префиксов, то в виде суффиксов, в зависимости от того, с какой стороны они примы-

кают к корню слова. К агглютинативным языкам относятся тюркские, угро-финские, дравидские, банту и др.

Флективный («гибкий») тип отличается крепкой спаянностью в слове всех его грамматически значимых частей (аффиксов) и широким использованием разнообразных окончаний. В отличие от агглютинативных языков у флективных может происходить фонетическое слияние аффиксов с корнем слова. В флективных языках новые слова образуются посредством словообразующих аффиксов. К флективным относятся индоевропейские и семито-хамитские языки?

Для инкорпорирующих («включающих») языков характерны слова-комплексы; в них (индейских и некоторых палеоазиатских) нашему предложению соответствует слово-предложение. Инкорпорирующие языки в отличие от других типов определяются главным образом на основе анализ предложения, т. е. по синтаксическим признакам, что для морфологической классификации является непоследовательным. Не случайно, что некоторые лингвисты подразделяют все языки мира не на четыре, а на три типа, включая инкорпорирующие языки в качестве подтипа в агглютинативные.

Чистых морфологических типов не существует. Например семито-хамитские языки, относящиеся к флективному типу имеют и многие признаки агглютинативности. В реакционной буржуазной литературе обычно не признается равноценность всех морфологических типов и утверждается, что флективные языки являются наиболее совершенными, а изолирующие — самыми примитивными. Более того, даже полагают, что астрактивное мышление связано только с языками флективного типа. Поскольку флективный тип наиболее характерен для индоевропейских языков, то расистский характер подобных взглядов не вызывает сомнений.

Морфологические типы не являются последовательными стадиями развития языка, поэтому нельзя говорить, что какой-либо морфологический тип является более совершенным. Все народы мира, независимо от того, к какому морфологическому типу относятся их языки, способны создать самую высокую культуру.

Морфологическая классификация имеет два основных недостатка: во-первых, она не может объяснить исторические пути развития языков; во-вторых, она не учитывает структурные особенности многих языков мира. Морфологическая классификация носит подсобный характер и по своей ценности значительно уступает генеалогической.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА
(АНТРОПОГЕНЕЗ)**

Появление людей на Земле, явившееся величайшим событием в органическом мире, произошло несколько сот тысяч лет тому назад. Вокруг вопроса о происхождении и развитии человека веками шла ожесточенная борьба между прогрессивными и реакционными идеями, однако решительную победу наука одержала лишь во второй половине XIX в., когда было неопровержимо доказано, что человек произошел от вымерших человекоподобных обезьян. Труден и долг был путь к познанию этой истины.

В древности господствовали мифы о божественном сотворении людей. Но передовые мыслители, устанавливая черты сходства человека с животными, особенно с обезьянами, высказывали мысль о естественном происхождении человека. Эти материалистические догадки античных философов нашли свое дальнейшее развитие в трудах прогрессивных ученых средневековья Везалия (XVI в.), Гарвея (XVII в.), Ванини (XVI—XVII вв.).

В последующие столетия, сквозь густую пелену религиозного тумана, в трудах А. А. Каверзнева, А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского и в произведениях западноевропейских эволюционистов — Э. Х. Сент-Илера и Ж. Ламарка пробилась себе дорогу идея происхождения человека в результате есте

ственного развития природы. Ламарк привел некоторые доказательства эволюции органического мира. Однако в науке до середины XIX в. господствовали метафизические представления о постоянстве, неизменности видов животных и растений с сотворения мира. Почти никем не оспаривалось утверждение крупного французского палеонтолога Кювье: «Нет и не может быть никаких ископаемых костей человека».

Время шло, наука накапливала новые факты, появились гениальные исследования Ч. Дарвина — создателя эволюционной теории, совершившего революционный переворот в биологии. Догадки о происхождении человека от обезьяны стали научной теорией с появлением его трудов «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859 г.) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.).

По Дарвину, человек относится к семейству гоминид, к классу млекопитающих. Это подтверждают строение и развитие человека, у которого, подобно всем млекопитающим, имеются млечные железы, волосяной покров и постоянная температура тела, существуют такие органы, как сердце, легкие, желудок, кишечник, печень и почки. Отдельные части тела человека соответствуют частям тела млекопитающих. Зародыши людей в начальный период утробной жизни не имеют лица и шеи, обладают хвостом и жаберными бороздами; на ранней стадии развития они похожи на зародышей млекопитающих. Особенно бросается в глаза сходство человека с современными человекоподобными обезьянами (антропоидами): шимпанзе, гориллой, гиббоном¹ и орангутаном, из которых первые две обитают в Африке, а последние — в Юго-Восточной Азии.

Т. Гексли, английский ученый-дарвинист, показал, что между человеком и современными антропоидами меньше анатомо-физиологических различий, чем между последними и низшими обезьянами. Так, головной мозг и скелет антропоидов при всех своих отличиях сходны с головным мозгом и скелетом человека. Обезьяны выражают страх и гнев, радость и смех, печаль и плач. В старости у них наблюдается поседение волос и выпадение зубов. Ряд болезней, свойственных людям (грипп, малярия, брюшной тиф, туберкулез, сифилис и пр.), поражает и обезьян, причем ход болезни и способы лечения у тех и других часто очень сходны.

¹ Некоторые ученые не причисляют гиббонов к антропоидам.

Происхождение человека из животного мира подтверждается наличием у него рудиментарных органов и явлением атавизма. Рудиментарные, или остаточные, — это такие органы, которые исчезают у человека, а у животных хорошо развиты. К ним относятся: ушные мышцы, перепонки между пальцами, волосаянй покров, зубы мудрости, копчиковая кость и т. д.—их у человека свыше двухсот. Они ему не только не нужны, но некоторые из них даже вредны (например, аппендикс). Рудиментарные органы — «верстовые столбы» пройденного человеком эволюционного пути — свидетельствуют о родстве не только с обезьянами, но и с низшими формами позвоночных животных, вплоть до рыб (перепонки между пальцами).

Атавизм — это такое явление, когда у человека появляются не свойственные ему признаки, отсутствующие у его родителей, но существовавшие у отдаленных предков. Например, встречаются очень волосатые люди, порой у человека появляется несколько пар сосков, у младенцев изредка наблюдается небольшой хвост.

Помимо этих, Дарвин привел и другие, не менее убедительные доказательства выделения человека из животного царства. Он справедливо считал ближайшими предками человека узконосых, ископаемых человекоподобных обезьян Старого Света. Дарвин установил биологические факторы, которые способствовали превращению обезьян в человека. Главными из них были: естественный отбор, влияние усиленного употребления или неупотребления органов, соотносительные изменения в строении тела, половой отбор и др. Эти факторы, по Дарвину, имели решающее значение и для предков человека и для древнейших и древних людей.

Но, освещая вопрос происхождения человека почти исключительно с точки зрения биологических факторов, чрезмерно преувеличивая их роль и значение, Дарвин не учитывал влияния социальных факторов, и в этом состояла его главная ошибка. Не поняв значения труда в процессе формирования человека, Дарвин не смог решить проблему антропогенеза в полном объеме, остановился на полпути. Убедительно доказав происхождение человека из животного мира, он смог лишь частично объяснить причины этой эволюции. Тем не менее заслуги Дарвина исключительно велики. Дарвинизм нанес сокрушительный удар по идеалистическим воззрениям на органический мир.

конек 2-й замки ЧБ

Стремясь ослабить влияние эволюционного учения и дискредитировать его, реакционная буржуазная наука создала бесчисленное количество искусственных теорий антропогенеза, построила различные схемы родословного дерева человека, которые столь же легко разрушаются, как и создаются. Оставляя без внимания, как не имеющие никакого отношения к науке, религиозные трактовки антропогенеза, пытающиеся примирить библейский миф об Адаме и Еве с научными данными об эволюции людей, рассмотрим некоторые распространенные гипотезы о происхождении человека, авторы которых лишь формально стоят на почве эволюционизма.

До сих пор в научных кругах Запада, открыто стремящихся к пересмотру дарвиновского учения, живучи идеи о происхождении человека не от обезьян, а от более низших форм животных. Так, английский биолог Ф. Вуд Джонс выдвинул гипотезу о происхождении людей непосредственно от полуобезьяны тарзиуса, или долгопята, жившего в раннетретичном периоде. Современные тарзиусы, величиной с крысу, мало чем отличающиеся от своих предков, обитают в Юго-Восточной Азии, обладают относительно большими задними конечностями и ведут ночной образ жизни. Аргументы, приведенные Вудом Джонсом в пользу тарзиальной гипотезы происхождения человека (укороченность лицевого отдела черепа, движения в выпрямленном положении и др.), не являются убедительными и противоречат многочисленным фактам, доказывающим ее научную несостоятельность.

Широкое распространение среди реакционных ученых имеет гипотеза происхождения человека от низших обезьян. Например, выдающийся аргентинский ученый Ф. Амегино предпринял попытку доказать происхождение людей от американских широконосых обезьян. Однако эта гипотеза, имевшая целью доказать автохтонность американских индейцев, не является научно аргументированной.

Ошибочны взгляды, согласно которым человек происходит от современных антропоидов. В соответствии с этим различают шимпанзоидную, гориллондую, орангоидную и гиббоидную гипотезы антропогенеза. В действительности же современные человекоподобные обезьяны возникли от общих с людьми предков и являются «родственниками» человека. При этом «предки горилл, шимпанзе, орангутанов и гиббонов зашли в своеобразные тупики развития. Эти ан-

тропиды ныне уже настолько специализированы, что для них, кроме развешивания, закрыта дорога к очеловечиванию» (М. Ф. Нестурх).

Весьма популярна, особенно среди ученых, пытающихся примирить религию с наукой, гигантоидная гипотеза антропогенеза, выдвинутая в 1945 г. реакционным американским ученым Ф. Вейденрейхом. В 1935 г. голландский ученый Кенигсвальд приобрел в аптекарской лавке в г. Гонконге зуб ископаемой человекоподобной обезьяны, превышающий по объему в шесть раз человеческий зуб. Новый род ископаемых антропоидов, достигавших трех метров высоты, получил наименование гигантопитеков. В 1941 г. на острове Ява был обнаружен фрагмент челюсти другого ископаемого антропоида — мегантропа древнеяванского, уступавшего по размерам гигантопитеку, но превосходившего в этом отношении человека. Вейденрейх считает гигантопитека и мегантропа гоминидами, представителями древнейших людей.

Советские антропологи доказали, что гигантопитек и мегантроп, получившие в процессе эволюционного развития некоторые признаки сходства с человеком, особенно в строении зубов, являются антропоидами, а не древнейшими людьми. Не могли они быть и предками человека. Кенигсвальд считает, и не без основания, что гигантопитек был близок к предкам орангутанов. Попытка Вейденрейха воскресить библейский миф о великанах, предках людей, потерпела поражение. Таким образом, все антидарвинистские гипотезы происхождения человека закономерно терпят крах.

Проблема антропогенеза включает в себя многие важные вопросы, например: от одного или нескольких видов ископаемых обезьян произошел человек, где впервые возникли люди? Вокруг этих, тесно связанных друг с другом вопросов долгое время ведется ожесточенная полемика, являющаяся отражением политической борьбы. Были созданы три основные теории, отвечающие на эти вопросы: ологенизм («рождение повсюду»), полигенизм («много рождений») и моногенизм («одно рождение»).

Согласно теории ологенизма люди появились почти одновременно на всех материках от многих видов обезьян. Основатель этой теории французский антрополог Монтандон считает, что «никакой колыбели человечества не было». Явно антинаучная теория ологенеза имеет мало приверженцев, так как противоречит достоверным фактам. Во-первых, если бы люди возникли везде, то на всех континентах были бы най-

лены ископаемые антропоиды или древнейшие и древние люди. Однако в Америке и Австралии они отсутствуют, и, следовательно, на этих материках не происходил процесс очеловечения обезьян. Во-вторых, разнообразие фауны и флоры, природных и климатических условий на земном шаре исключает какую-либо вероятность возникновения человека повсюду примерно в одно и то же время.

Столь же реакционной, близко примыкающей к ологенизму, является и теория полигенизма. Полигенисты, одним из видных представителей которых является немецкий антрополог Г. Клаац, утверждают, что люди произошли во многих местах от разных видов обезьян. Не скрывая своих расистских взглядов, сторонники учения о полигенизме стремятся обосновать биологическую неравноценность рас.

Научной является теория моногенизма, выдвинутая Дарвиным, по которой человек произошел от одного вида ископаемых антропоидов, а расовые различия людей возникли на поздних этапах эволюции человечества! *Копилу 1 В*

В вопросе о месте, где происходил процесс очеловечения обезьяны, среди моногенистов не достигнуто полного согласия. Современный уровень науки не позволяет точно очертить географические рамки этой территории. Дарвин склонялся к мысли, что этот процесс протекал в Африке, где обитают шимпанзе и гориллы, наиболее близкие к человеку современные антропоиды. В связи с многочисленными в последние годы палеоантропологическими и археологическими находками ископаемых антропоидов и древнейших людей в Африке многие ученые в настоящее время солидаризуются в этом вопросе с английским естествоиспытателем. В советской литературе, пожалуй, наибольшим признанием пользуется серьезно аргументированный взгляд М. Ф. Нествуха, по которому «первоначальная прародина человечества простиралась на Южную Азию с добавлением северо-восточного участка Африки, и, возможно, некоторых областей Юго-Восточной Европы».

Нелегко ответить и на вопрос, в какой местности очеловечились обезьяны — в гористой, равнинной или лесной? Академик П. П. Сушкин полагал, что обезьяна превратилась в человека в Центральной Азии, где, в связи с медленным поднятием суши в течение третичного периода, обезьяны вынуждены были переходить от жизни на деревьях к обитанию на открытых горных местностях. В этих условиях у обезьян стала вырабатываться привычка становиться на задние конечности,

положившая начало хождению на двух ногах. Сходных взглядов придерживаются Г. Ф. Дебец и Г. Б. Бонч-Осмоловский, причем последний без достаточных оснований отвергает древесную стадию жизни наших далеких предков. П. В. Серебровский считает, что прямохождение, как важная предпосылка очеловечения, появилась у обезьян в условиях степного, равнинного ландшафта, в связи с тем что в некоторых субтропических областях Азии произошло постепенное сокращение и исчезновение лесов.

Большинство советских ученых поддерживает гипотезу Ч. Дарвина и Ф. Энгельса о происхождении человека в условиях тропического леса. Как указывал Энгельс, прямохождение и появление других человеческих качеств связано не с изменением природных условий (обезлесением или процессом горообразования), а с борьбой наших предков за существование.

51

При жизни Дарвина в науке существовал разрыв между человеком и животным царством, так как не были известны ни ископаемые человекоподобные обезьяны, предки людей, ни древнейшие и древние люди. Открытия археологов значительно сократили этот разрыв. Найденные остатки вымерших антропоидов, древнейших и древних людей позволили выявить последовательные ступени развития близких и далеких предков современных людей. Установлено, что во второй половине третичного периода кайнозойской эры в Старом Свете обитали антропоиды, возникшие из низших форм обезьян. Их костные останки представлены почти исключительно челюстями и зубами.

Одной из самых древних и примитивных ископаемых человекоподобных обезьян, находившейся у самого основания родословного дерева антропоидов, был найденный в Египте парапитек, величиной с кошку. Ближайшим его потомком является обнаруженный там же проплиопитек, величиной с собаку. От проплиопитека идут две ветви развития антропоидов. Одна из них, боковая, второстепенная, привела к появлению плиопитеков, сивапитеков и, возможно, удабнопитеков. От плиопитеков возникли современные гиббоны, а от сивапитеков — орангутаны. Другая ветвь, идущая от проплиопитека, более прогрессивная, привела к возникновению дриопитеков («лесных обезьян»), которые являются общими предками человека и современных африканских антропоидов — горилл и шимпанзе. Таким образом, гориллы и особенно шимпанзе обнаруживают

большую генеалогическую близость к людям, чем орангутаны и гиббоны. Дриопитеки жили на довольно обширной территории, о чем свидетельствуют остатки, найденные в Европе, Азии и Африке. Но они не составляли однородной группы. Некоторые разновидности дриопитеков привели в своем развитии к появлению современных горилл и шимпанзе.

От более прогрессивных дриопитеков, так называемых дарвиновских, ведут свое происхождение люди. Эта ветвь в своем развитии на пути к человеку привела к появлению рамапитеков, обнаруженных в Северной Индии и названных так по имени легендарного героя древнеиндийского эпоса Рамы. Рамапитек является самым близким предком человека из найденных ископаемых антропоидов. Существовало еще несколько видов ископаемых человекообразных обезьян, связывающих рамапитеков с человеком, но останки их пока не обнаружены археологами.

До недавнего времени одним из ближайших предков людей считали австралопитека. Австралопитек («южная обезьяна»), обнаруженный в 1924 г. в Южной Африке, является более развитой человекоподобной обезьяной, чем все известные до сих пор современные и ископаемые антропоиды¹. Объем головного мозга у австралопитеков в среднем составляет 520 см³. Зубы и глазницы по форме были уже человеческие. Австралопитеки жили в открытой местности, обладали прямохождением. Как показали исследования Я. Я. Рогинского и В. П. Якимова, у австралопитеков были менее развиты клыки и челюсти, чем у дриопитеков и рамапитеков, что заставляло их для нападения и защиты прибегать к использованию палок, камней и т. п.

В отличие от современных антропоидов австралопитеки были хищниками: они охотились, в частности, на зайцев, павианов и антилоп. Тщательное изучение черепов австралопитеков заставило многих советских и прогрессивных буржуазных ученых отказаться от распространенного взгляда, рассматривающего их как предков человека. Как полагают, австралопитеки — тупиковая, находившаяся на пути превращения в людей, но отмершая ветвь ископаемых антропоидов. Эта ветвь произошла от рамапитеков, отделившись от центральной линии их развития.

Многие южноафриканские ученые, в том числе Дарт, от-

¹ Исключая «президжантропа», который, возможно, принадлежал не к австралопитекам.

крывший австралопитеков, приписывают им умение пользоваться речью и огнем, т. е. рассматривают их в качестве древнейших людей. Но попытка «очеловечить» австралопитека оказалась несостоятельной. Советский антрополог Г. Дебец установил, что австралопитеки — это высокоразвитые обезьяны, неудавшиеся кандидаты в гоминиды, обладавшие некоторыми человеческими чертами.

По-видимому, ископаемые антропоиды, являвшиеся непосредственными предками человека, во многом должны походить на австралопитеков, будучи в то же время прогрессивнее их. Но промежуточные звенья между рамапитеками и людьми еще не найдены. Впрочем, вопрос о месте австралопитеков в родословном дереве человечества окончательно не решен. Некоторые советские антропологи, понимая под термином «австралопитеки» многие, близкие между собой виды обезьян, обитавших не только в Африке, но и в Южной Азии, полагают, что все они вымерли, исключая «одного, самого высокоразвитого вида», ставшего нашим предком.

Науке известны и другие виды вымерших антропоидов. Но их место в родословном дереве предков человека или еще точно не установлено, или они не представляют особого интереса для данной темы, принадлежа к боковым линиям развития. Это относится, в частности, к единственной в СССР находке ископаемой человекоподобной обезьяны в Грузии, в местности Удабно.

Предложенная советскими учеными М. Ф. Нестурхом и С. А. Сидоровым схема эволюции предков человека во многом представляет лишь рабочую гипотезу и с появлением новых данных будет уточняться и дополняться. В этом уже возникла необходимость после обошедших всю мировую прессу находок в ущелье Олдовай (Танганьика), где в 1959 г. английский палеонтолог Л. Лики обнаружил остатки костей существа названного им зинджантропом, в сопровождении галечных орудий¹.

Еще большую сенсацию вызвала находка Л. Лики в 1960 г. остатков другого существа, «презинджантропа», обнаруженного в более глубоком горизонте, чем зинд-

¹ Найденная в различных областях Африки в раннечетвертичных отложениях так называемая культура галечных орудий (олдовайские орудия — один из этапов ее развития) носит дискуссионный характер. По мнению многих ученых, орудия из галек являются вариантом дошелльской культуры.

жантроп. Американские ученые определили калий-аргоновым методом возраст находок «президжантропа» и зинджантропа соответственно в 1 750 000 и 1 230 000 лет. Было установлено также, что «президжантроп» предшествовал, а затем и жил одновременно с зинджантропом и, как полагают, охотился на него. В морфологическом отношении «президжантроп» обладал как признаками более архаическими, чем у австралопитеков, так и рядом человеческих черт (по строению зубов и конечностей), причем в большей степени, чем у известных нам современных и ископаемых антропоидов.

В связи с этим Л. Лики, к мнению которого присоединились некоторые западные авторы, стал утверждать, что «президжантроп» является творцом галечных орудий¹, и предложил назвать Homo habilis («человек способный», или «человек умелый»), видя в нем древнейшего человека, возможно, даже отдаленного предка современных людей. Однако столь смелые выводы не подкреплены вескими аргументами.

Как показал Ю. Г. Решетов, в силу переотложенности слоев нет уверенности, что культура галек принадлежала «президжантропу» или зинджантропу, возраст которых согласно новым измерениям равен соответственно 1 и 0,5 миллиона лет.

Если зинджантропа, обладавшего объемом головного мозга в 530 см³, подавляющее большинство исследователей относит к австралопитековым в широком смысле слова (он являлся, как полагает Кенигсвальд, конечным звеном их развития), то место «президжантропа» среди ископаемых приматов окончательно не установлено.

В советской литературе преобладает мнение, что «президжантроп» — это высокоразвитый антропоид, принадлежавший, возможно, к особому виду, отличному от австралопитековых, и поэтому «очень сомнительно» применять к нему название «человек» (Ю. Г. Решетов). В самом деле, длительное, на протяжении по меньшей мере пятисоттысячелетнего периода, существование «президжантропа» не сопровождалось существенными изменениями его морфологических признаков, что не характерно для древнейших людей с их более быстрыми темпами эволюции.

Что же касается присущих «президжантропу» некоторых

¹ Прежде английский ученый полагал, что эти орудия труда изготавливались зинджантропом

человеческих черт, то не следует переоценивать их значение, ибо обнаруженные Л. Лики костные остатки принадлежали детенышам, а, как известно, антропоиды в детском возрасте имеют больше гоминоидных особенностей, чем во взрослом состоянии.

Дарвиновская идея происхождения человека из животного мира была поддержана многими выдающимися учеными, в том числе Э. Геккелем, высказавшим предположение о наличии переходного звена между антропоидами и людьми. Это существо, гипотетически названное им питекантропом (в переводе с древнегреческого — «обезьяночеловеком»), должно было обладать признаками человека и антропоидов. Воодушевленный идеей Э. Геккеля, молодой голландский ученый-зоолог Дюбуа, оставив педагогическую деятельность в университете, поступил врачом в колониальные войска и отправился на Малайский архипелаг искать останки питекантропа.

В 1891—1892 гг. Дюбуа настойчиво производил археологические раскопки, и ему улыбнулось счастье. На острове Ява, близ Триниля, в раннечетвертичных отложениях, на глубине около 15 метров, среди многих тысяч костей различных животных он обнаружил черепную крышку, бедренную кость и два зуба существа, близкого к человеку. Дюбуа, полагая, что нашел переходное звено между антропоидами и человеком, назвал это существо «питекантропус эректус», т. е. «обезьяночеловеком прямоходящим». Но Дюбуа ошибся, рассматривая питекантропа, в соответствии со взглядами Э. Геккеля, как существо, сочетавшее в равной мере признаки антропоидов и людей.

В действительности, находка Дюбуа, как признал это позже сам автор ее, представляла собой древнейший тип человека, хотя и совмещающего в себе физические особенности антропоидов. В местности, где Дюбуа посчастливилось найти остатки древнейшего человека, другой голландский ученый, Кенигсвальд, обнаружил в 1937 г. еще несколько особей питекантропов, благодаря чему удалось восстановить их физический облик: низкий черепной свод, лоб маленький, убегающий назад, надглазные выступы очень велики, объем головного мозга — примерно 900 см³, челюсть мощная, лишенная подбородочного выступа. Передвигаясь, питекантроп покачивался на несколько согнутых ногах. Он уже обладал способностью к звуковому языку — об этом, можно судить по раз-

витой нижней лобной извилине мозга, где помещается двигательный центр речи.

Эти находки вызвали огромный интерес и породили острые дискуссии в научном мире. Противники эволюционного учения Дарвина подвергли сомнению принадлежность питекантропа к семейству гоминид и для подтверждения своих взглядов указывали на то, что вместе с останками питекантропа не были найдены орудия труда. Однако этот аргумент бьет мимо цели. Доказано, что остатки питекантропа были найдены во вторичном залегании, в вулканической туфе, принесенном в долину течением реки. По-видимому, питекантропы стали жертвой извержения вулкана, а вода разобщила их орудия труда и остатки скелетов. Высокое развитие головного мозга питекантропов позволяет утверждать, что они применяли орудия. Косвенным доказательством этого являются находки Кенигсвальдом грубых каменных орудий почти той же древности и в области, где были найдены питекантропы.

Под влиянием реакционных веяний Дюбуа отказался от своих взглядов и присоединился к точке зрения немецкого ученого Вирхова, утверждавшего, что тринильский питекантроп является не человеком, а гигантским гиббоном. Однако исследования Г. Швальбе, Г. Вейнерта и Н. А. Синельникова не оставляют сомнений в его человеческой природе.

Еще более укрепили теорию Дарвина находки синантропов, близких по своему физическому облику к питекантропам, но несколько ушедших вперед в своем прогрессивном развитии. В 20-х годах нашего столетия, в 60 километрах к юго-западу от Пекина, обнаружили два зуба ископаемого человека, привлечшие пристальное внимание ученых мира. Раскопки, организованные в 1927 г. под руководством китайского ученого Пей Вэнь-чжуна, увенчались триумфом. Около селения Чжоукоудянь, на дне 50-метровой воронки одного из холмов, вместе с многочисленными костями тигров, медведей, гиен, антилоп и оленей были найдены костные остатки примерно 50 особей разного пола и возраста, преимущественно зубы, челюсти, обломки конечностей и черепов.

Древнейшие люди, названные синантропами, т. е. «китайскими людьми», обитали в этой пещере на протяжении многих поколений. Об этом можно судить по остаткам кострищ, одно из которых оставило пласт золы глубиной до 7 метров. Синантропы владели огнем, однако не выяснено, умели ли они добывать его, или только пользовались им, непрерывно

поддерживая. В пользу первого мнения, высказанного М. Ф. Нестурхом, свидетельствуют попадавшие в золе обожженные, но не сгоревшие веточки. Согласно второму взгляду, которого придерживается большинство советских ученых (среди них П. П. Ефименко), наличие мощного слоя золы говорит о том, что синантропы поддерживали стихийно возникший огонь; эта точка зрения более убедительна.

Вместе с остатками синантропов были найдены орудия труда, приближающиеся, если сравнивать с европейскими находками, к ашельской культуре, хотя некоторые из них близки к раннемустье́рским орудиям.

Физический облик синантропа напоминал питекантропов. Объем черепной коробки в среднем составлял 1100 см³. Синантроп в отличие от питекантропов обладал хорошо заметными признаками праворукости, о чем свидетельствует ясно выраженная у него асимметрия головного мозга.

Обстановка находок синантропов вызывает ряд недоуменных вопросов. Почему, например, их остатки встречаются вместе с костями животных и к тому же ниже кострищ? Почему сохранились от синантропов почти исключительно зубы, челюсти и обломки черепов? Эти и другие неясные моменты используются реакционными учеными для создания антинаучных гипотез. Так, французский ученый аббат Брейль полагал, что на синантропов охотились люди современного физического типа, а Вейденрейх считает, что синантропы были людоедами и охотились друг за другом.

Если признание синантропов каннибалами маловероятно, так как известные нам остатки людоедства состояли преимущественно из расколотых костей конечностей, тазов, позвонков, то гипотеза Брейля, вытекающая из расистских предпосылок, просто абсурдна. Синантропы не могли сосуществовать с людьми современного физического типа, со своими далекими потомками, отстоящими от них во времени на несколько сот тысяч лет.

Питекантропы и синантропы относятся к древнейшим людям, или архантропам. Они жили в раннечетвертичное время. Менее ясен вопрос о так называемом гейдельбергском человеке. В Германии, во второй половине XIX в., около города Гейдельберга, производились длительные разработки древних песков на большой глубине. Ученый Шетензак на протяжении почти 20 лет инструктировал рабочих о необходимости бережного отношения к попадавшимся костям ископаемых животных. Его труды не пропали даром.

В 1907 г. на глубине 24 метров была обнаружена нижняя челюсть с полным набором зубов ископаемого человека, обладавшая признаками, свойственными человеку и обезьяне.

Место гейдельбергского человека в эволюции гоминид точно не установлено. Одни ученые полагают, что он является предшественником синантропов, другие — современником их, а Вейденрейх относит гейдельбергского человека к неандертальцам. Среди советских ученых преобладает мнение, что гейдельбергский человек принадлежит к древнейшим людям, несколько более развитым, чем синантропы, и приближающимся к неандертальцам. Так как питекантропы, синантропы и гейдельбергские люди имели еще много черт, присущих обезьянам, то за ними закрепился в антропологической литературе термин — «обезьянолюди».

В связи с тем что питекантроп, синантроп и гейдельбергский человек близки между собой в морфологическом отношении, иногда их всех называют питекантропами («питекантроп яванский», «питекантроп китайский», «питекантроп европейский»).

Следующий этап в эволюции гоминид связан с появлением неандертальцев — древних людей, или палеоантропов, непосредственных предков современного человека. Впервые серьезно заинтересовались древним человеком в 1856 г., когда около Дюссельдорфа, в долине Неандера были обнаружены его останки. Неандерталец жил в мустьерское время, поэтому его называют также мустьерским человеком. Многочисленные находки останков неандертальцев позволили довольно полно описать его физический облик.

Средний рост мустьерца — 160 сантиметров. Обладая мощным телосложением, он ходил несколько сутулившись на согнутых, широко расставленных ногах и был менее ловким, чем современный человек. Стопа и кисть у него еще примитивны. Тяжелая голова с низкой черепной коробкой была несколько опущена, лицо в нижней части слегка вытянуто вперед, лоб очень покатый, огромные надглазничные валики, нижняя челюсть массивна, зубы крупные с крепкими корнями и мощные жевательные мышцы. Средний объем головного мозга составлял примерно 1300—1400 см³, лишь немного уступая современному человеку. Однако мозг неандертальца был по своему строению примитивен, в частности лобные доли небольшие, основная масса головного мозга находилась в затылочной части.

Исключительно важное открытие в Неандертале первона-

чально не получило должной оценки. Даже Дарвин не придавал этой находке большого значения. Раздавались трезвые голоса, признававшие неандертальца вымершим предком современного человека, но многочисленные противники победили. Не последнюю роль в разгоревшейся полемике сыграл и авторитет Вирхова. Берлинский профессор утверждал, что найденные кости принадлежат современному человеку, обладавшему индивидуальными особенностями и многократно перенесшему в жизни тяжелые болезни.

С помощью медицинских приборов Вирхов сделал попытку воссоздать историю жизни и бедствий мустьерца. От рождения этот человек якобы обладал продолговатым черепом. В детстве он болел рахитом, а в конце жизни — в тяжелой форме подагрой и ревматизмом, окончательно исковеркавшими его кости. Будучи взрослым, неандерталец мог принимать участие в драках, при этом, очевидно, череп его не раз был проломлен, и поэтому он принял еще более удлиненную форму. Вирхов был активным противником дарвиновского учения, и этим объясняется его сверхскептицизм к находке в Неандертале.

В связи с тем что неандертальцы по своим физическим особенностям качественно не отличались от питекантропов и синантропов, то и тех и других объединяют в одну стадию эволюции гоминид и называют согласно терминологии Ф. Энгельса формирующимися людьми. Древнейшие и древние люди (архантропы и палеоантропы) жили в нижнем палеолите, потому их именуют и нижнепалеолитическими людьми.

Костные останки неандертальца обнаружены и на территории СССР. Наиболее известными являются находки Г. А. Бонч-Осмоловского в пещере Киик-коба, в Крыму, и А. П. Окладникова в гроте Тешик-таш, в Узбекистане.

К формирующимся людям относятся не только питекантропы, синантропы и неандертальцы. В 1954 г. в Северной Африке, в Алжире, обнаружили остатки скелета древнейшего человека вместе с шелльскими орудиями труда. Его назвали атлантропом. Исследования еще не закончены, но установлено, что наибольшее сходство атлантроп обнаруживает с питекантропами и синантропами. Некоторые ученые к древнейшим гоминидам относят и телантропа, открытого в 1947 г. в Южной Африке и весьма близкого к питекантропу, однако он малоизучен, и поэтому нет оснований торопиться с окончательными выводами.

7B [Дальнейшая эволюция гоминид привела к появлению человека современного физического типа — неантропа, или готового человека, по выражению Ф. Энгельса. Это была новая стадия в развитии людей. Современный человек отличается по своим умственным способностям и физическим особенностям от древнейших и древних людей, поэтому ему присвоили имя *Homo sapiens* — «разумный человек». Он появился в ориньякское время, в раннюю культуру верхнего палеолита, в связи с этим его называют еще и верхнепалеолитическим человеком.

Впервые подобный человек был подробно изучен в 1868 г. после известных находок пяти скелетов в гроте около селения Кроманьон (Франция). По месту первой находки человека современного типа иногда называют кроманьонцем. Но это широкое и по существу ошибочное толкование данного термина. Так как в верхнем палеолите зарождаются расовые различия среди людей, то в узком и точном смысле слова под кроманьонцем следует понимать предка европеоидной расы.

Люди верхнего палеолита характеризуются высоким развитием головного мозга, средний объем которого равняется 1450—1550 см³. По сравнению с неандертальцами у них резко увеличены наиболее прогрессивные участки мозга — теменные, височные и особенно лобные доли. Лицо меньше выступает вперед, имеется подбородочный выступ, нижняя челюсть менее массивна, надглазничные валики смещены менее выступающими надбровными дугами. Лоб у человека верхнего палеолита стал прямым, высота черепа увеличилась, голова хорошо уравновешена и располагается прямо на позвоночнике. Высокого развития достигли стопа, кисть, переставшая быть лапообразной, позвоночник приобрел изгибы. Человек выпрямился, стал более ловким. Продолжительность детства у разумных людей по сравнению с неандертальцами, по-видимому, увеличилась.

С возникновением современного человека процесс антропогенеза в основном завершился. Десятки тысяч лет прошло со времени появления *Homo sapiens*, но физический облик человека, строение его костей, объем головного мозга не претерпели видимых изменений, точнее, с возникновением в верхнем палеолите неантропа темп эволюции гоминид резко замедлился. Люди современного физического типа полностью выделились из царства обезьян, окончательно порвав со своим животным прошлым. «В лице современного человека, —

пишет Я. Я. Рогинский, выражая точку зрения советских и большинства зарубежных ученых, — процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей их эволюции».]

Малообоснованным является ~~мнение~~, изредка появляющееся на страницах буржуазной печати, по которому эволюция гоминид не завершилась и что человек через несколько сот тысяч лет будет отличаться от современных людей так же, как мы отличаемся от питекантропов и синантропов.

Каковы были причины и движущие силы процесса очеловечения, или гоминизации обезьян? Буржуазная наука в силу своей методологической беспомощности даже в лице наиболее выдающегося своего представителя Дарвина оказалась бессильной разрешить полностью проблему антропогенеза. Главная ошибка Дарвина в том, что, отрицая скачки в эволюционном развитии животного мира и человечества, он рассматривал вопрос о происхождении людей как чисто биологический.

Классики марксизма-ленинизма разрешили коренные вопросы антропогенеза, установив, что процесс очеловечения обезьяны не является чисто биологической проблемой. Переход от обезьяны к человеку означал величайший качественный скачок в развитии органического мира. С появлением людей возникают новые, социальные закономерности, ибо человек представляет собой не только биологический организм, но и существо общественное, жизнь которого немыслима вне общества.

Как впервые доказали К. Маркс и Ф. Энгельс, много потрудившиеся над развитием теории происхождения человека, для решения проблемы антропогенеза, кроме биологических, необходимо привлечь факторы социальные, общественные. Основоположники марксизма, привлекая к изучению данной проблемы и социальные, и биологические факторы, выяснили их связь и взаимозависимость в процессе эволюции гоминид.

В советской литературе высказаны два взгляда по вопросу о взаимоотношениях между социальными и биологическими закономерностями.

Некоторые ученые считают, что у древнейших людей безраздельно господствовали биологические факторы, а социальные только нарождались, представляя «слабый росток, перспективная мощь которого была огромна, реальная же сравнительно невелика» (Я. Я. Рогинский). Но с течением времени более прогрессивные социальные факторы усили-

лись и заняли ведущее место в эволюции физического типа человека, окончательно вытеснив биологические закономерности с приходом *Homo sapiens*.

Другая группа советских исследователей, не отрицая значительной роли биологических факторов и особенно естественного отбора на ранних этапах антропогенеза, решающее, ведущее значение в этом процессе отводит социальным факторам с момента их появления. По их мнению, биологические факторы со времени превращения стада животных в человеческое общество находились под воздействием социальных факторов, действовали в измененном виде и постепенно утрачивали свое значение, исчезнув окончательно с появлением современного человека. Этот вопрос остается открытым. Однако последний взгляд является теоретически более обоснованным.

60 | Энгельс в классическом произведении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» доказал, что из всех социальных факторов, под влиянием которых древнейшие и древние гоминиды превратились в людей современного типа, важнейшим является труд. Труд — «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹. Таким образом, трудовая деятельность является гранью, которая отделяет человека от обезьяны: люди трудятся, а животные — нет.

В письме к П. Я. Лаврову от 12/XI 1875 г. Энгельс подчеркивал, что самое существенное отличие стада животных от человеческого общества «состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, между тем как люди производят». В связи с этим возникает вопрос, как узнать, трудится или нет то или иное живое существо, т. е. в чем заключается критерий понятия труда? Энгельс пояснил, что труд начинается с изготовления орудий. Человек — это существо, изготавлиющее орудия, с помощью которых он трудится. «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»².

Критикуя Дарвина, предавшего забвению социальные факторы при решении проблемы происхождения человека, Энгельс использовал в своих выводах все то положительное, что было в его теории, особенно при изучении первой стадии ан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 486.

² Там же, стр. 487.

тропогенеза, когда совершался переход от ископаемых антропоидов к древнейшим людям.

Далекие предки человека, обитавшие в жарком поясе Старого Света, принадлежали к высокоразвитым обезьянам, вели стадный образ жизни и жили на деревьях. Начав жить на земле, при ходьбе они стали отвыкать от помощи рук, приобретая постепенно прямую походку.

Прямохождение сыграло исключительную роль в процессе антропогенеза, являясь необходимым условием, решающим шагом перехода от обезьяны к человеку. Рука освободилась, стала производить более разнообразные и сложные движения, приобрела большую гибкость, передававшуюся по наследству. Прошли миллионы лет, прежде чем освободившаяся обезьянья рука сделала первое грубое орудие. Животное стало человеком. Переход к изготовлению орудий совершился у наших предков в борьбе с природой, в процессе добывания пищи и защиты от врагов.

Трудовая деятельность оказала решающее влияние на изменение физического строения древнейшего человека.

«Труд, — писал К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу»¹.

В процессе труда развивалась рука человека, со временем достигшая такого совершенства, что, по словам Ф. Энгельса, «смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»². В силу биологического закона, открытого Дарвином, изменение форм отдельных органов тела влечет за собой изменение форм других органов; постепенное совершенствование руки оказало прогрессирующее воздействие на весь человеческий организм, способствовало развитию головного мозга.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 188.

² Там же, т. 20, стр. 488.

Мозг современных людей является одним из важнейших результатов эволюции древнейших и древних гоминид. За период от питекантропа до *Homo sapiens* мозг человека увеличился в среднем на 500—600 см³, к тому же сильно изменились его форма и строение. Быстрые темпы развития головного мозга объясняются многими факторами, однако ведущим в эволюции человеческого интеллекта явился труд.

Трудовая деятельность людей носила с самого начала коллективный характер. Труд поставил человека в сложные отношения к силам природы и другим членам человеческого общества, что явилось мощным стимулом для развития мозга. Вторым социальным фактором в эволюции мозга формирующихся гоминид явилась звуковая речь, возникшая как потребность людей к общению в процессе труда.

В последние годы некоторые советские ученые (Б. Ф. Поршнев, А. П. Окладников, Ю. И. Семенов и др.) выдвинули положение о существовании не только человеческого труда, но и животнобразного, дочеловеческого, или, как его иногда еще называют, инстинктивного. Эти ученые считают, что животнобразный труд начинается с использования готовых, не обработанных живыми существами предметов природы, так называемых «естественных орудий», а человеческий — с изготовления искусственных орудий. Другие советские исследователи выступают против признания двух форм труда и признают существование только человеческого труда, отрицая животнобразный, или инстинктивный. Последний взгляд заслуживает полного признания. В самом деле, если допустить существование инстинктивного труда, то граница между животным состоянием и человеческим станет расплывчатой.

Среди большинства советских ученых не находят поддержки ни мнение А. Я. Брюсова, отрицающего какие-либо качественные различия между древнейшими и современными людьми и считающего уже питекантропа готовым, разумным человеком, ни противоположная точка зрения Б. Ф. Поршнева, согласно взгляду которого питекантропы, синантропы и ранние неандертальцы еще не люди, а животные, у которых и труд был инстинктивный, животнобразный, дочеловеческий. А. Я. Брюсов и Б. Ф. Поршнев сделали неудачную попытку подвергнуть сомнению достижения советских антропологов, историков первобытного общества и философов, выделивших в процессе антропогенеза три стадии: 1) ископаемые антропоиды; 2) древнейшие и древние люди; 3) современные люди.

В соответствии с тремя стадиями антропогенеза в эволюции человека выделяют два скачка. Первый из них, более важный, означает переход от первой ко второй стадии, т. е. переход от ископаемых обезьян к формирующимся людям. Он совпадает с началом изготовления орудий и появлением социальных закономерностей. Второй скачок представляет собой переход от древних людей к современным, от формирующихся людей к готовому, или разумному человеку, когда социальные закономерности уже окончательно вытеснили биологические факторы.

Научно аргументированные и четко сформулированные положения о трех стадиях антропогенеза и двух скачках в эволюции гоминид, учитывающие новые находки и открытия, являются заслугой советской науки и развитием учения классиков марксизма-ленинизма о происхождении человека. Впрочем, Я. Я. Рогинский и некоторые другие антропологи предпочитают разделить весь процесс антропогенеза на четыре стадии, выделяя древних людей, или неандертальцев в качестве самостоятельной стадии. В этом случае говорится о трех скачках в эволюции человека.

Большой вклад советские ученые внесли и в разработку проблемы происхождения современного человека. Это — один из самых острых и дискуссионных вопросов в зарубежной и отечественной антропологии. В буржуазной историографии по этому вопросу царит разногласие. Наиболее реакционные ученые пропагандируют мысль об извечности людей современного типа, отрицают его родство и с древнейшими, и древними людьми.

Нет единства взглядов и среди буржуазных исследователей, стоящих на почве эволюционизма. Почти все прогрессивные ученые Запада до недавнего времени ближайшим предком современного человека считали неандертальцев. Г. и А. Мортилье, Т. Гексли и особенно американский ученый чешского происхождения А. Грдличка привели значительное количество археологических и антропологических данных, доказывающих генетические, родственные связи мустьерцев с верхнепалеолитическими людьми. Однако в последние два десятилетия в буржуазной антропологии усилилась реакционная струя. Возникло множество теорий, отрицающих полностью или частично неандерталоидную стадию в развитии современного человека. Наиболее распространенными из них в настоящее время являются различные

варианты теорий полицентризма и теория, получившая наименование «пресапиенса».

Согласно теории полицентризма, в редакции американского ученого Вейденрейха, австралийская раса произошла в конечном счете от питекантропов, монголоидная — от синантропов, бушменская и, может быть, негрская — от родезийского человека, т. е. от неандертальцев, остатки которых обнаружили в Северной Родезии (ныне Замбии) в 1921 г., а европеоидная — от палестинских неандертальцев типа Схул.

Откровенно расистский характер концепции Вейденрейха очевиден. В связи с тем что палестинские неандертальцы более развиты, чем питекантропы, синантропы и родезийский человек, следует превосходство в умственном развитии европейцев над народами Азии, Африки и Австралии. В трудах Я. Я. Рогинского и других советских антропологов полностью вскрыта научная несостоятельность теории полицентризма и доказано, что все расы произошли от единого корня, от неандертальцев, что расовые различия возникли лишь у людей современного типа.

Еще большей популярностью за рубежом пользуется теория пресапиенса, которая вычеркивает неандертальцев из предков современных людей. Согласно этой теории Номо зартепс произошел не от неандертальца, а от некоего пресапиенса, пока еще не обнаруженного археологами. Пресапиенс в отличие от неандертальца будто бы обладал уже почти всеми морфологическими признаками, характерными для современных людей, и существовал якобы в начале четвертичного периода, являясь общим предком неандертальцев и неантропов.

Таким образом, неандертальцы рассматриваются как боковая ветвь в родословной современного человека, причем по одним предположениям — тупиковой, вымершей, а согласно взглядам других ученых, сторонников теории пресапиенса, — положившей начало некоторым расам, но только не европеоидной. Последние полагают, что человеческие расы возникли еще до появления современного человека и произошли от многих ископаемых гоминид, стоявших на различных ступенях развития.

Ошибочна и теория моноцентризма (в трактовке реакционных ученых), по которой современный человек первоначально возник на очень ограниченной территории либо от пресапиенса, либо от одной группы неандертальцев. Позже

современные люди, расселившись по всей территории Старого Света, уничтожили всех древних гоминид.

Советские исследователи подвергли критике расистские и другие антинаучные концепции буржуазных авторов, дали принципиально новое решение всего круга вопросов, связанных с проблемой происхождения современного человека. Хотя среди советских ученых нет существенных разногласий по поводу возникновения *Homo sapiens*, тем не менее в связи с исключительной сложностью исследуемых вопросов предлагается различное конкретное решение некоторых из них.

Все советские исследователи признают неандертальскую фазу в родословной современного человека. Однако неандертальцы не представляют однородного типа. Обычно выделяют четыре локальные группы неандертальцев, отличавшиеся друг от друга ареалом распространения, геологическим возрастом и которые по своим морфологическим признакам были неодинаково близки к человеку современного вида.

1. Ранние западноевропейские неандертальцы, представленные находками из Крапины (Югославия), Эрингсдорфа (ГДР), Сванскомба (Англия), Фонтешевада (Франция), сопровождаемые средне- и позднеашельскими орудиями, датируются в основном ресс-вюрмским межледниковым периодом или даже более ранним временем (сванскомбские неандертальцы жили в миндель-рисское межледниковье). В морфологическом отношении неандертальцы этой группы, с одной стороны, обладали некоторыми примитивными чертами, сближающими их с питекантропами и синантропами, а с другой — рядом признаков, характерных для *Homo sapiens*. Емкость мозговой полости черепа у них равна 1300 см³.

2. Так называемые «классические» неандертальцы, или позднемустьерские, жившие значительно позже предыдущей группы, в начале вюрмского оледенения, типичные представители которых были найдены в Неандертале (ФРГ), Шапель и Мустье (Франция). Несмотря на большой объем головного мозга, равный 1300—1700 см³, в целом они имели меньше сапиентных признаков, т. е. признаков, характерных для современного разумного человека, чем ранние западноевропейские неандертальцы.

3. Южные, или южноазиатско-африканские неандертальцы, будучи наименее однородной в морфологическом отношении из всех неандертальских групп, возможно, хронологически являются самой поздней группой, по крайней мере некоторые их подгруппы. Хотя они обладали рядом са-

пиентных признаков, для них характерно наличие архаических черт. Например, родезийский человек и особенно нгандонгский (Ява), объем головного мозга которых был равен соответственно 1325 и 1035—1255 см³, имели много сходства с питекантропом.

4. Переднеазиатские неандертальцы («прогрессивные», «палестинские») найдены в Ливии, Ираке, Узбекистане (Тешик-таш), но самые типичные и наиболее развитые — в Палестине, в пещере Схул горы Кармел. Датированные концом рисс-вюрма¹ и обнаруженные вместе с позднеашельскими и раннемустьерскими орудиями, скелеты из пещеры Схул имели много сапиентных признаков и являлись, судя по всему, переходной формой от неандертальцев к *Homo sapiens*. Конечности у них были прямые, почти такие же, как у верхнепалеолитических людей, а объем головного мозга в среднем составлял 1553 см³.

Так как неандертальские группы были морфологически неоднородны и жили в различных природных условиях не в одно и то же время, то, естественно, они не могли принимать одинаковое участие в формировании неантропов.

Согласно теории широкого моноцентризма, выдвинутой Я. Я. Рогинским и В. П. Якимовым, процесс становления человека современного вида завершился, в основном, у переднеазиатских неандертальцев. «Классические» неандертальцы не рассматриваются в качестве непосредственных предков *Homo sapiens*, но они частично могли быть ассимилированы современными людьми, проникшими в Европу с востока и юга, тогда как основная масса их, возможно, вымерла в результате эпидемий или недостатка пищи в период оледенения либо уничтожена пришельцами.

Французский ученый А. Валлуа установил отсутствие прямой родственной связи между «классическими» неандертальцами и верхнепалеолитическими людьми Западной Европы. Быструю, почти молниеносную трансформацию позднемустьерских людей в кроманьонцев, происшедшую за ничтожно малый отрезок времени, невозможно объяснить с точки зрения известных науке темпов эволюции гоминид.

Ввиду сохранения многих примитивных признаков и хронологической несовместимости нет, по-видимому, оснований считать южных неандертальцев предковой формой *Homo sapiens*. Что же касается ранних западноевропейских неан-

¹ Эта датировка оспаривается некоторыми учеными.

дертальцев типа Эрингсдорф, то, как обоснованно полагает советский исследователь М. И. Урысон, нельзя исключать возможность их эволюции «в сторону человека современного вида».

В советской литературе высказаны и другие точки зрения по вопросу о соотношении палеоантропов и неоантропов. Так, Г. Дебец склонен считать всех неандертальцев, в том числе и западноевропейских, предками современных людей. По его мнению, *Homo sapiens* формировался на всей территории, где существовал неандерталец — в Европе, Азии и Африке. В отдельных пунктах взгляды Г. Дебеца близки к полицентристской схеме Ф. Вейденрейха. Например, он полагает, что некоторые признаки рас стали складываться уже у древних и даже древнейших гоминид. По Г. Дебецу, у синантропов уже можно отметить монголоидные особенности, у телантропа — негроидные, а у европейских неандертальцев обнаружить черты сходства с современными расами Европы.

Иную схему эволюции гоминид, значительно отличающуюся от принятой в советской литературе, предложил в 1959 г. В. В. Бунак. Исследуя ископаемых людей, В. В. Бунак пришел к выводу, что в семействе гоминид существовало несколько расходящихся ветвей, но только одна из них привела к появлению *Homo sapiens*. К этой ветви не принадлежали некоторые группы питекантропов и неандертальцев. Далекие предки современного человека были ближе к синантропам, чем к питекантропам, а ближайшими — одна из групп палеоантропов, скорее всего отдельные варианты эрингсдорфских неандертальцев.

В. В. Бунак полагает, что вследствие неодинаковых темпов эволюции ископаемых гоминид некоторые их группы, принадлежавшие к разным стадиям, могли жить в одно время. Поэтому в конце мустьерской эпохи могли одновременно существовать типичные неандертальцы и неандертальские группы, сравнительно близкие к неантропам.

Таким образом, советская наука доказала существование неандерталоидной стадии в эволюции гоминид, но сложность этой проблемы и скудость источников вызвали расхождения и различные оттенки мнений у советских исследователей. Все еще не ясно, все ли группы неандертальцев принимали одинаковое участие в процессе становления *Homo sapiens*. Большинство советских ученых признает, что неодинаковые темпы эволюции ископаемых гоминид и разнообразие морфологических форм палеоантропов привели к тому, что отдельные ва-

рианты неандертальцев принимали разное участие в становлении человека современного типа — одни из них служили исходным материалом для появления *Homo sapiens*, другие являлись дополнительным материалом, третьи совсем не принимали участия в этом процессе.

Некоторые варианты древнейших и древних гоминид вымерли, не оставив потомков. По-видимому, в начале мустьерского времени от какой-то группы неандертальцев отделилась ветвь, приведшая на рубеже позднего мустье и верхнего палеолита к возникновению неоантропов. Точно не известно, где впервые возник современный человек, но предположительно — в Передней Азии и прилегающих областях.

В проблеме антропогенеза видное место занимает вопрос о факторах становления *Homo sapiens*, о движущих силах процесса превращения неандертальцев в верхнепалеолитических людей. Буржуазная историография в объяснении этого процесса целиком стоит на идеалистических позициях. Не останавливая своего внимания на взглядах тех буржуазных ученых, которые защищают теорию «творения путем эволюции» или объявляют, подобно Ф. Вейденрейху, появление *Homo sapiens* фактом, непостижимым для науки, рассмотрим те гипотезы, в которых делаются рационалистические попытки объяснить данную проблему. Чаще всего решающая роль отводится биологическим или географическим факторам.

Так, некоторые, подобно Г. Вейнерту, считают, что великое оледенение сыграло решающую роль, вынудив палеоантропов приспособиться к изменившимся суровым условиям жизни и совершенствовать свои умственные способности. Не отрицая влияния ледниковой эпохи, ускорившей эволюцию человека, нужно признать, что географические факторы все же играют вспомогательную роль в процессе антропогенеза.

То же самое относится к биологическим факторам, с той лишь разницей, что географические факторы продолжали известное время оказывать влияние на физический облик человека и после возникновения современных людей, тогда как биологические прекращают или почти прекратили свое воздействие на эволюцию человека с момента возникновения *Homo sapiens*.

Как установили классики марксизма-ленинизма, в процессе антропогенеза решающими факторами являются социальные, из которых ведущим был труд.

Выделение человека из животного мира — закономерный, длительный и сложный процесс. Это, как показал Энгельс, диалектический переход от одного биологического качества, до того безраздельно царившего в органическом мире, к другому, социальному качеству. Появление человека явилось величайшим скачком в развитии природы. В бесчисленной цепи животных предков людей последним звеном явились ископаемые человекоподобные обезьяны. |

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ
НАРОДОВ МИРА
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАС**

8В

Вопрос о расах тесно связан с вопросом о происхождении человечества в целом и принадлежит к числу важнейших проблем антропологии. Помимо научного интереса, этот вопрос имеет и политическое значение. Расистские теории, находящиеся на службе капитала, пытаются научно оправдать закабаление колониальных народов, отравить ядом расизма и национализма сознание трудящихся разных стран, вызвать среди них раскол, отвлечь их внимание от классовой борьбы, узаконить на вечные времена имущественное и социальное неравенство среди людей. Под знаменем расизма фашисты залили кровью Европу. Расизм — это язва на теле современного общества, он продолжает сейчас свирепствовать в США, Южно-Африканской Республике и других капиталистических странах.

Население земного шара отличается друг от друга не только в языковом и культурном отношении, но и своими физическими, или телесными, признаками, носящими устойчивый, наследственный характер, как-то: цветом кожи, волос и глаз, формой черепа, верхнего века, длиной тела и его пропорциями, строением челюстей, носа и губ, типом волос на голове (прямые, волнистые, курчавые), обилием их на лице

и теле (так называемый третичный волосяной покров) и др.

Исторически сложившиеся на определенной территории большие группы людей, отличающиеся друг от друга комплексом физических признаков, передающихся по наследству, называются расами. Каждая раса зарождалась и формировалась на определенной территории.

Классифицировать человеческие расы нелегко, так как между ними трудно провести резко очерченные границы. В основе буржуазных классификаций рас лежит морфологический принцип, т. е. в расы объединяют людей только по внешнему сходству. Поэтому классификации рас, предложенные буржуазными учеными, не могут считаться научными.

Вопрос о классификации рас не решен окончательно и в марксистской литературе, однако советские антропологи уже наметили пути решения этой проблемы.

Разрабатывается научный принцип классификации рас, в основу которого положена генеалогическая близость рас. Классификация по родству не исключает морфологического критерия и учитывает такой фактор, как область обитания отдельных рас. В послевоенные годы Н. Н. Чебоксаров, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин опубликовали разработанные ими классификации рас, которые по существу мало различаются между собой. В антропологической литературе все современные народы мира подразделяются на три большие расы: 1) экваториальную, или австрало-негроидную; 2) евразийскую, или европеоидную, и 3) азиатско-американскую, или монголоидную.

Австрало-негроидная большая раса характеризуется темным или очень темным цветом кожи, волос и глаз, волнистыми или спирально завитыми волосами, мало выступающим, но широким в крыльях носом, толстыми губами, прогнатизмом (выступление верхней челюсти вперед).

Европеоидная большая раса обладает следующими признаками: цветом кожи от светлого до коричневого, прямыми или волнистыми мягкими волосами, обычно резко выступающим узким носом, тонкими или средней толщины губами, порой сильным развитием третичного волосяного покрова на лице (борода и усы), слабо выступающими вперед скулами и челюстями. Цвет глаз, как и волос, варьирует от светлых оттенков до темных.

Монголоидная большая раса отличается желтовато-

коричневым оттенком кожи, прямыми, порой тугими (жесткими) волосами обычно черного цвета, очень слабым развитием третичного волосяного покрова на лице и теле, слабо выступающим носом, тонкими или средней толщины губами, сильным выступанием скул, средним или узким разрезом глаз, имеющим нередко косое положение, наличием эпикантуса (эпикантус — это сильно развитая складка верхнего века, почти достигающая ресниц и закрывающая слезный бугорок). Верхнее веко у монголоидов имеет тяжелый, набухший вид.

Большие расы подразделяются на малые, обладающие специфическими признаками. Деление народов мира на три большие расы общепризнано в советской литературе, однако нет еще полной ясности относительно числа малых рас и места их в системе классификации.

По М. Г. Левину и Я. Я. Рогинскому, в австрало-негроидную большую расу входят шесть малых рас: австралийская, веддоидная, меланезийская, негрская (негроидная), негрилльская (пигмейская) и бушменская.

Основные особенности австралийской расы: тонкое туловище, средний или выше среднего рост, длинные конечности, волнистые черные волосы, обильный рост бороды и усов, очень широкий нос с низким переносьем, губы толще средних, кожа темно-коричневая, лицо прогнатическое и узкое. Надбровье массивное, подбородок слабо выступает, лоб покатый.

2 Веддоидная раса (племена ведда — древнейшее население острова Цейлона — и малорослое население Зондских островов) близка по ряду признаков к австралийской, но отличается от нее низким ростом, слабым развитием третичного волосяного покрова, меньшим прогнатизмом, и менее широким носом.

3 Меланезийская раса очень пестра по своему составу. Она сближается с австралийской такими признаками, как обильный рост бороды и усов, широкий нос и массивное надбровье, но отличается от нее спирально завитыми или курчавыми волосами, а это в свою очередь сближает меланезийцев с африканскими неграми.

4 Негрская раса (основное население Африки к югу от Сахары) характеризуется темно-коричневым цветом кожи, курчавыми волосами, большой толщиной губ, широким носом с низким переносьем, наличием прогнатизма, слабо развитым

надбровьем, часто высоким ростом с длинными по сравнению с туловищем нижними конечностями.

5 Негрилльская, или пигмейская, раса (население бассейна реки Конго) отличается от негрской расы низким ростом (рост пигмеев не превышает 150 сантиметров, средний — 141—142 сантиметра), более светлой кожей, имеющей желтоватый или красноватый оттенок, менее выраженным прогнатизмом, более обильным развитием третичного волосяного покрова и своеобразной формой рта — он очень широк, а губы тонкие.

6 Бушменская раса, представленная бушменами и готтентотами — племенами юго-западной оконечности Африки, обладает низким ростом (в среднем 150 сантиметров), небольшими надбровными дугами и склонностью к исключительно большому отложению жира у женщин в ягодичной области (стеатопигия). Кожа на лице и теле у бушменов и готтентотов уже в раннем возрасте становится очень морщинистой. Для бушменской расы характерны некоторые монголоидные признаки: плоское лицо, желтоватая кожа «цвета подсыхающей листвы» и встречающийся иногда эликантус.

В европеоидную и монголоидную большие расы входят по пять малых рас.

Европеоидная состоит из атланти-балтийской, беломорско-балтийской, средневропейской, индо-средиземноморской и балкано-кавказской малых рас.

Атланти-балтийской расе присущи: кожа, волосы и глаза светлых оттенков, высокий рост, относительно длинный нос.

2 Для беломорско-балтийской расы характерны: средний рост, сравнительно короткий нос, светлая кожа.

3 Среднеевропейская раса обладает по сравнению с атланти-балтийской несколько меньшим ростом, менее светлым оттенком кожи, волос и глаз.

4 У индо-средиземноморской расы — смуглая кожа, темная окраска волос и глаз, очень узкое лицо и более удлиненный, с несколько выпуклой спинкой нос, чем у атланти-балтийской и средневропейской рас.

5 Балкано-кавказская раса отличается очень обильным развитием третичного волосяного покрова, широким, сравнительно коротким лицом, высоким ростом, выпуклым носом и темными волосами.

Монголоидная большая раса включает североазиат-

скую, арктическую (эскимосскую), дальневосточную, южноазиатскую и американскую малые расы.

Североазиатская раса выделяется среди других малых монголоидных рас более светлым цветом кожи, более мягкими и менее темными волосами, очень слабым ростом бороды, тонкими губами и большим лицом.

У арктической расы по сравнению с предыдущей более смуглая кожа, темнее глаза, тугие волосы иссиня-черного цвета, более толстые губы и сильнее выступающий нос. Лицо столь же высокое и широкое, но менее уплощенное, чем у североазиатской расы; эпикантус слабо развит.

Дальневосточная раса отличается от североазиатской более темной пигментацией, более тугими волосами и толстыми губами. Для нее характерно более узкое и низкое лицо и большая высота черепа, чем у двух предыдущих рас.

Для южноазиатской расы характерен еще более смуглый цвет кожи, более утолщенные губы и более короткое лицо, несколько развита борода, нос более широкий и меньший рост, чем у предыдущих рас.

Американская раса, представленная индейцами, более всех сходна с арктической расой: кожа — смугловато-коричневая, волосы прямые и тугие, черного цвета, крупные размеры лица, третичный волосяной покров развит слабо. В то же время у американской расы почти полностью отсутствует эпикантус и сильно выступает нос (у мужчин — часто орлиный). Лица индейцев обладают некоторыми чертами сходства с европеоидами. У американской расы монголоидные признаки менее выражены, чем у обитающих в Азии других малых рас.

Кроме перечисленных малых рас, входящих в состав трех больших, существует шесть самостоятельных малых рас: эфиопская, южноиндийская (дравидийская), уральская, южносибирская (туранская), полинезийская и курильская (айнская). Эти расы по своим антропологическим признакам занимают промежуточное место или между большими расами, или между малыми, входящими в состав больших.

Эфиопская раса характеризуется коричневым или шоколадным цветом кожи, вьющимися, почти курчавыми волосами, полными губами, слабым или средним развитием третичного волосяного покрова на лице. Одновременно эфиопская раса обладает и европеоидными признаками: очень узким и довольно высоким лицом, выступающим узким носом, отсутствием прогнатизма.

2 Дравидийская раса, занимающая промежуточное место между индо-средиземноморской и веддоидной малыми расами, во многом сходна с эфиопской и отличается от нее несколько меньшим ростом, более прямыми волосами и не столь узким и высоким лицом.

3 Уральская раса, занимающая среднее место между беломорско-балтийской и североазиатской расами, обладает прямыми, но мягкими волосами, сравнительно светлой кожей, вогнутой переносицей, повышенным по сравнению с монголоидами ростом бороды, ослабленным эпикантусом, тонкими губами и низким ростом (около 160 сантиметров у мужчин).

4 Южносибирская раса, представляющая промежуточное звено между монголоидной и европеоидной большими расами, характеризуется крупными размерами лица, широкими скулами, средней толщины губами.

Особое место в антропологической классификации народов мира принадлежит полинезийской и курильской (айнской) расам. Занимая как бы нейтральное положение среди рас земного шара, они сочетают в себе признаки трех больших рас с преобладанием, однако, монголоидных и австралоидных элементов. Как полагают Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, полинезийская и курильская расы по значительной части признаков занимают промежуточное место между американской и австралийской расами.

5 Полинезийская раса отличается смуглой кожей, волнистыми волосами, высоким ростом (170—173 сантиметра), средним развитием третичного волосяного покрова на лице, средней прогнатностью, полными губами, широким, умеренно выступающим носом и крупными размерами лица.

6 Для курильской расы характерны следующие признаки: низкий рост, уплощенное лицо, черные волнистые, сочетающиеся с большой жесткостью волосы, довольно высокий процент эпикантуса, широкий нос и утолщенные губы, сильно развитый третичный волосяной покров на лице и теле.

Предложенная Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным антропологическая классификация народов мира, по мысли авторов, потребует изменений и дополнений по мере дальнейших исследований слабо изученных в расовом отношении территорий земного шара. Существенным недостатком их классификации является деление народов мира только на большие и малые расы. Между тем большинство советских ученых исходит из трехстепенной номенклатуры расовых классифи-

каций. Малые расы в свою очередь распадаются на антропологические типы. Антропологический тип — это исторически сложившаяся на определенной территории значительная группа людей, обладающих более или менее устойчивым комплексом физических особенностей.

Наряду с проблемой создания антропологической классификации современного населения земного шара, не нашли еще полного решения и такие сложные вопросы, как время и причины возникновения рас. Очень острые разногласия среди специалистов вызывает вопрос о времени их появления. Оставляя в стороне как явно антинаучную гипотезу полигенеза, согласно которой разные расы якобы происходят от различных видов ископаемых обезьян, нужно отметить, что даже среди моногенистов нет единства мнений по этому вопросу.

В буржуазной историографии сторонники реакционных вариантов полицентрической теории появления рас относят ко времени древнейших или древних людей. Современные же расы рассматриваются ими как потомки нижнепалеолитических рас.

Подобные взгляды не подтверждаются антропологическим материалом и преследуют цель теоретически обосновать расистские измышления о биологической неравноценности современных рас.

Строго говоря, расовые различия наблюдались и у древних людей. Однако согласно теории широкого моноцентризма, принятой подавляющим большинством советских антропологов, не все неандертальские группы, или, как их иногда называют, расы, трансформировались в *Homo sapiens*, а только одна из них, тогда как другие группы или вымерли, или приняли участие в этом процессе лишь частично, путем метисации. С возникновением неантропов стали складываться расы и у человека современного физического типа.

Относительно древности рас современного человека среди моноцентристов высказаны две точки зрения. По В. В. Бунаку, формирование рас у неантропов происходило в мезолите и неолите. Однако среди советских антропологов большим признанием пользуется иной взгляд, наиболее полно аргументированный Н. Н. Чебоксаровым и Я. Я. Рогинским, по которому древние расы *Homo sapiens* стали складываться уже на самых ранних этапах верхнего палеолита.

Данные антропологии и археологии свидетельствуют в пользу гипотезы верхнепалеолитической древности рас не-

антропа. Так, в Северной Италии, в одном из гротов Гримальди, были обнаружены в ориньякском слое скелеты, имевшие негроидные признаки (прогнатность, высокий рост и др.). Около Красноярска, у Афонтовой горы, было найдено верхнепалеолитическое поселение и фрагмент лобной кости, имеющий монголоидные особенности. Гримальдийцев можно рассматривать в качестве предков современной негроидной расы, а людей Афонтовой горы — монголоидной. Кроманьонцы, жившие в ориньякское время и обладавшие европеоидными чертами, могут считаться предками современной европеоидной расы. Есть все основания утверждать, что предки трех современных больших рас зародились в самом начале верхнего палеолита. Следовательно, современные расы, как и верхнепалеолитические их предки, не ведут свое происхождение от разных групп (рас) неандертальцев.

Расы человека современного физического типа возникли из одного корня, преимущественно из одной неандертальской группы, и поэтому с биологической точки зрения они составляют один вид *Homo sapiens*, являясь подвидами или другими его подразделениями.

Расовые признаки, возникшие под влиянием различных факторов, со временем изменялись и развивались. Верхнепалеолитические расы меньше отличались друг от друга, чем современные. Процесс расообразования прошел несколько этапов. В ориньякское время, по-видимому, начали складываться большие расы.

По весьма аргументированному мнению Я. Я. Рогинского, человечество в верхнем палеолите сначала распалось на два расовых ствола, или на две, разделяемые горными хребтами Индокитая, Гималаев и Гиндукуша ветви: юго-западную и северо-восточную. Юго-западная ветвь раскололась затем на европеоидную и австрало-негроидную большие расы, а северо-восточная ветвь образовала большую монголоидную. Большие расы позднее разделились на малые, а те, в свою очередь, — на антропологические типы. Возникали и самостоятельные малые расы.

Время возникновения малых рас и антропологических типов, их генетические связи окончательно еще не выяснены наукой. По этим вопросам существуют значительные расхождения и в советской исторической литературе. Решение их тесным образом связано с уяснением причин расообразования. Полностью этот вопрос еще не разрешен.

На ранних этапах верхнего палеолита основными факто-

рами расообразования были географическая среда и относительная изоляция. Под влиянием географической среды на протяжении многих поколений у верхнепалеолитических людей возникали расовые признаки, имевшие приспособительное значение. Не случайно, например, у негров очень темный цвет кожи и жесткие курчавые волосы. В условиях тропиков эти расовые особенности были полезны. Доказано, что кожа темного цвета менее чувствительна к солнечным лучам, а курчавая шапка волос негра образует вокруг головы пористую оболочку, которая предохраняет ее от перегрева.

Правдоподобна и высказанная Н. Н. Чебоксаровым мысль, что благодаря узкому носу, характерному для жителей пустынь и северных народов, затруднялась свободная циркуляция воздуха в носовой полости, что было полезно как в засушливом, так и в холодном климате.

Возможно, что значительное отложение жира на лице у некоторых монголоидных рас в прошлом могло иметь приспособительное значение как против обмерзания лица, так и в качестве запаса высококалорийного питательного вещества, что важно было в условиях засушливого климата, когда сезоны изобилия пищи сменялись длительными голодовками.

Примером локального отложения жира является и стеатопигия у представителей бушменской расы, сложившейся в сходных природных условиях.

Благоприятную оценку на страницах нашей печати получило исследование С. А. Семенова о происхождении защитного аппарата монголоидного глаза. Высказываемые прежде мнения, что узкая глазная щель и набухшие, массивные веки призваны предохранять глаз монгола от различных травм, получили научную аргументацию. Формирование монголоидной расы происходило в Центральной Азии, в области сухих пустынь, где-то в районе Монголии, отличающейся и ныне исключительными географическими и климатическими контрастами. Например, в Монголии удивительно высокие амплитуды температурных колебаний (годовая равняется в среднем 90° , суточная — 25°) вызывают частые циклоны. Очень велик в Монголии процент отраженных лучей по сравнению с падающими, особенно зимой, когда поглощается лишь десятая часть солнечной энергии.

Следовательно, органы зрения монгола должны быть в большей степени, чем глаза европеоида или негроида, защищены от сильного ветра, часто несущего песок или пыль, и солнечного, преимущественно отраженного света. Набухшие,

мясистые веки лучше защищают глаза от механических воздействий, обладают большей светонепроницаемостью для солнечных лучей, а узкая глазная щель затрудняет попадание пыли и песка в глаза, уменьшает доступ к ним вредного света, ослабляет испарение слезной влаги.

Полезную функцию выполняет и эпикантус. Он прикрывает слезный бугорок и направляет большую часть слез во время плача в носовую полость, затрудняя их излияние наружу, через края век. Смачиваемые же слезами ресницы и веки, особенно вследствие оседания на них пыли, затрудняют работу органов зрения¹. Возникновение особенностей защитного аппарата глаза монголов и передача их по наследству потомкам объясняются С. А. Семеновым влиянием постоянного прищуривания и усиленной работы век, приведшей к некоторому увеличению объема их мышечной ткани.

В целом приспособительное значение расовых признаков к географической среде было поверхностным и незначительным. Расовые признаки, и в верхнем палеолите не имевшие сколько-нибудь существенного значения для покорения человеком природы, в настоящее время полностью утратили свое приспособительное значение, точнее значительную часть их.

Другим важным фактором расогенеза являлась относительная изоляция. В верхнем палеолите человечество было сравнительно малочисленным, и плотность населения была низкой². Многие племена или группы племен жили в относительной культурной и географической изоляции. Расселяясь по земле, люди попадали в области, весьма различные по природным условиям. Первобытное общество состояло в тот период из замкнутых, мало связанных между собой производственных коллективов. Некоторые человеческие коллективы могли долгое время не вступать в соприкосновение с другими. В таких относительно изолированных мирках происходил процесс нивелировки, установления меньшей пестроты и большего однообразия физических признаков. В этих случаях могли получить со временем преобладание и редкие прежде признаки.

По-видимому, на поздних этапах палеолита возникает новый фактор расообразования — метисизация, или сме-

¹ Впрочем, образование эпикантуса могло быть вызвано и другими причинами.

² По мнению многих ученых, численность людей в верхнем палеолите на земном шаре составляла примерно 100 тысяч человек.

шение рас. Смешение рас — это естественный процесс. Не существует каких-либо препятствий анатомического или физиологического характера при смешении представителей различных рас. Антропологические признаки у метисной группы, как правило, занимают промежуточное положение, хотя в ряде случаев наблюдалось преобладание особенностей одной из смешивающихся рас.

Роль разных факторов в ходе расообразования была неодинаковой и менялась в процессе развития человечества. При формировании больших рас главными факторами расогенеза были географическая среда и относительная изоляция, в образовании малых рас, наряду с ними, стала принимать участие и метисизация.

Значение географической среды было сперва сравнительно велико, но постепенно уменьшалось, становилось все слабее и слабее, тогда как роль относительной изоляции и особенно метисизации в этом процессе, наоборот, возрастала. При формировании антропологических типов роль географической среды была совсем незначительной.

Расовые особенности у людей формировались также под влиянием социальных закономерностей. Производственная деятельность людей оказывала воздействие на возникновение рас. Смешение племен и народов, степень их изоляции зависят от общественных факторов.

При формировании рас удельный вес социальных факторов был вначале невелик, но постепенно их роль возрастала. По мнению Н. Н. Чебоксарова, хотя изоляция и метисизация играли существенную роль в образовании антропологических типов, однако решающее значение в этом процессе принадлежало уже социальным факторам. Но этот вопрос продолжает оставаться спорным. Вызвало возражения и утверждение Н. Н. Чебоксарова, что между антропологическим типом и расой существуют принципиальные различия, тем более что он признает влияние природных условий на формирование некоторых антропологических типов.

Формирование малых рас протекало не в одно время, но большинство их возникло в мезолите (Н. Н. Чебоксаров), а некоторые зарождались еще в конце палеолита (например, бушменская). Антропологические типы возникли позже малых рас. В ряде случаев определяющим фактором расообразования была относительная изоляция, например при формировании австралийской, пигмейской и арктической рас, но чаще всего такой причиной была метисизация. В результате

длительного смешения между монголоидами и европеоидами возникли уральская и южносибирская расы, между негроидами и европеоидами — эфиопская и дравидийская, а между негроидами и монголоидами — полинезийская и курильская. Не случайно эти малые расы расположены на «стыке» трех больших рас.

Метисизация человечества, особенно после великих географических открытий, происходит в нарастающем темпе, и в настоящее время по меньшей мере половина населения земного шара в расовом отношении является смешанной. С ростом производительных сил, увеличением численности населения и сведением почти к нулю фактора относительной изоляции метисизация из причины расообразования все более и более перерастает в силу, которая устраняет расовые различия. В современную эпоху «чистых» рас фактически нет, если принимать во внимание комплекс расовых особенностей, а не иметь в виду лишь один какой-нибудь наследственный физический признак. Все расы настолько тесно связаны между собой многими промежуточными типами, незаметно переходящими один в другой, что порой трудно и даже невозможно установить принадлежность к какой-нибудь расе тех или иных людей. К тому же внутри каждой расы и антропологической группы очень сильны индивидуальные расовые различия.

Метисизация стирает границы между расами и антропологическими типами. Современное человечество представляет собой их своеобразное переплетение. Ареалы рас разрываются. В силу различных причин значительные группы представителей той или иной расы переселялись в соседние и даже очень отдаленные страны. Расовые отличия не являются неизменными, присущими человечеству вечно: в далеком будущем они полностью исчезнут. Смешение рас играет положительную роль в истории человечества. Метисы являются полноценными во всех отношениях людьми и сами дают нормальное потомство, что является важным научным доказательством кровного родства и единства происхождения всех рас.

1054 Между тем в капиталистических странах широко распространены антинаучные теории о биологической неравноценности человеческих рас. Расизм — идеология эксплуататорских классов — зародился еще в древние века и служил для объяснения социальных различий между рабами и рабовладельцами. Идеолог рабовладельческого класса Аристотель

(IV в. до н. э.) писал: «Одни люди, по своей природе, — свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо». При феодальном строе дворянство, обосновывая свои привилегии, тоже ссылалось на природные различия между «знатью», обладавшей «голубой кровью», и «чернью».

В буржуазном обществе расистские теории расцвели пышным цветом. Расизм имеет разные варианты и проявляется в различных формах. В зависимости от политических целей, которым он служит, меняется и его содержание. В XVIII—XIX вв. реакционные западноевропейские буржуазные ученые выдвинули тезис, сводящийся к тому, что европеоидная раса является самой одаренной, тогда как остальное население земного шара якобы умственно неполноценное. Созданный миф о «низших» расах преследовал тройную цель: теоретически оправдать эксплуатацию колониальных народов и насильственный захват у них земель и других богатств; морально обезоружить своих жертв, подорвать их веру в свои силы и парализовать волю к борьбе за свое освобождение; отравить расистским ядом сознание европейского пролетариата, отвлечь его от классовой борьбы, вызвать раскол среди эксплуатируемых и посеять среди них вражду.

В новое время расизм впервые ярко вспыхнул в США, где в первой половине XIX в. разгорелась идеологическая и политическая борьба вокруг рабства в южных штатах, не прекращающаяся до наших дней. Сторонники рабовладения стремились доказать неполноценность негров, представляющих якобы особую породу людей по своим физическим и духовным свойствам. В вышедшей в 1854 г. книге «Типы человечества» утверждалось, что негры очень близко стоят по своему развитию к обезьянам. Большую популярность в США в XIX в. имела статья Гайзера «Рабство. Его биологическое обоснование и моральное оправдание», содержание которой легко угадывается по ее названию.

Важно отметить, что прогрессивные деятели России — А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др. — резко выступили в защиту прав негров. «Мы убеждены, — писал Н. Г. Чернышевский, — что и негр от англичанина отличается своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы, а не вследствие органических способностей».

К середине XIX в. расизм пустил глубокие корни в Англии и Франции. В 1853—1855 гг. А. Гобино, идеолог угасающей французской аристократии, движимый, как он сам

опытались, ненавистью к демократии и революции 1848 г., опубликовал «Трактат о неравенстве человеческих рас», ставший на долгие годы настольной книгой для расистов всех стран. А. Гобино выдвинул теорию, по которой движущей силой исторического процесса является якобы борьба между расами. Он стремился доказать, что высшей расой на земле являются светловолосые, голубоглазые и длинноголовые «арийцы», т. е. северные, главным образом германские народы, которые, по его понятиям, превосходят своей одаренностью остальных европейцев, не говоря уже о негроидах и монголоидах. Буржуазная революция во Франции 1848 г. изображалась А. Гобино как восстание «неполноценных» кельтов против дворянства, принадлежащего к «арийцам», или «нордической» (северной) расе. Реальная борьба классов в антагонистическом обществе подменялась им несуществующей борьбой рас.

Особую популярность идея о превосходстве «арийской» расы получила в Германии, где в конце XIX в. даже было создано «Общество Гобино». Идеологи буржуазии несколько видоизменили идеи А. Гобино и приспособили их к интересам своего класса, стараясь его «облагородить». Появились новые варианты расистских теорий, из которых наибольшую известность приобретали социал-дарвинизм и возникший позднее евгенический расизм.

Социал-дарвинисты — Г. Спенсер (Англия), Ляпуж (Франция), Аммон (Германия) — исказили мысли Дарвина о расах и развили концепции, враждебные и чуждые идеям великого естествоиспытателя. Учение Дарвина о роли естественного отбора как фактора эволюции в органическом мире незаконно переносилось ими на человеческое общество. Социальные различия между народами, классами и отдельными людьми социал-дарвинисты объясняли естественным отбором, который объявили главной движущей силой исторического процесса. Европейская раса была объявлена высшим продуктом естественного отбора, бедность людей — признаком их биологической неприспособленности. Господствующий класс, как победитель в борьбе за существование, отождествлялся с «высшей» расой, а трудящиеся — с «низшей».

Таким образом, согласно взглядам социал-дарвинистов общественное неравенство людей вытекает из их биологического неравенства, которое носит наследственный характер. Капитализм при помощи расистских теорий делает попытку снять с себя ответственность за тяжелые условия существования трудящихся масс.

Социал-дарвинисты исключительное значение при характеристике людей придают их головному указателю, или индексу — отношению наибольшей ширины головы к ее наибольшей длине, выраженному в процентах. Существуют различные подразделения головного индекса. Наиболее распространена следующая: если его величина меньше 76, то принято говорить о долихоцефалии (длинноголовости); если она равна или больше 81 — брахицефалии (круглоголовости). В том случае, если величина указателя заключена между 76 и 81, говорят о мезоцефалии (среднеголовости).

По мнению социал-дарвинистов, долихоцефалы, как правило, обладают выдающимся умом и благородным характером, а брахицефалы — обычно малоодаренные люди со всевозможными пороками. Ляпуж полагал даже, что «брахицефальный череп является признаком индивидуумов, которые не могут подняться выше варварства». В связи с этим утверждается: 1) господствующий класс преимущественно состоит из долихоцефалов, а пролетариат и крестьянство — из брахицефалов; 2) в городах живут в основном долихоцефалы, а в сельской местности — брахицефалы; 3) в странах со смешанным населением наибольшее богатство сосредоточено у долихоцефалов.

Любопытно, что по кельтскому варианту расовой теории (Катрфаж) наиболее одаренными являются брахицефалы. Значительная часть населения Франции относится к средне-европейской расе, характеризующейся брахицефалией.

Столь же антинаучным и реакционным направлением, как социальный дарвинизм, является родственный ему евгенический расизм. Сторонники этого варианта расизма тоже исходят из ошибочной посылки, будто бы биологические закономерности, присущие животному царству, господствуют и в человеческом обществе. Евгенические расисты — сторонники социальной селекции. Они — против смешения рас, так как опасаются, что «белокурые долихоцефалы» могут раствориться среди других народов, что приведет к «гибели» европейской цивилизации.

Евгенические расисты призывают правительства принять принудительные меры против быстрого размножения «неполноценных» элементов, т. е. колониальных народов и бедноты буржуазных стран, предрекая в противном случае наступление эпохи «мрака». В некоторых штатах США узаконена принудительная стерилизация.

Расизм достигает своего апогея на стадии империализма обычно в тех странах, которые претендуют на мировое господство. Не случайно поэтому наиболее ядовитые стороны расизм приобрел в фашистской Германии, а после второй мировой войны — в США. Германский и особенно американский варианты расизма, впитав в себя реакционное наследие прошлых эпох, в большей степени прибегали к «научным выкладкам», чтобы скрыть или замаскировать свою человеконенавистническую сущность. Расизм стал официальной идеологией германского фашизма. Немецкие расисты с приходом Гитлера к власти предпочитали употреблять не старые термины «арийская раса», «северная раса», а — «арийская душа», или «арийская кровь», «северная душа».

Старый расизм в его биологической форме был отвергнут в связи с тем обстоятельством, что во всей Германии, по данным немецких антропологов, имеется всего 6—7% людей, обладающих комплексом признаков, присущих атлантико-балтийской, или, в их понимании, «северной» (нордической) расе. К тому же, понятия о «северной расе» не вязались с внешним обликом нацистских руководителей. До прихода фашистов к власти президент Баварской академии наук писал: «Я видел Гитлера вблизи. Лицо и голова его — свидетельство плохой расы. Метис. Низкий, убегающий назад лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза, темные волосы».

После 1933 г. немецкие расисты стали утверждать, что в основе «расовой чистоты» лежат не внешние, морфологические признаки, а «душевные свойства». «Свойством нордической души являются спокойный взор, целеустремленность, решительность действий...» — писал теоретик расизма Г. Гюнтер. Он же утверждал, что если отдельные арийцы и совершают преступления, то не малые, а крупные, причем они только способны на «возвышенные», «благородные» преступления.

Если в XIX в. буржуазный расизм поднимал на вершину иерархической лестницы европеоидную расу в целом, то идеологи фашизма водрузили на пьедестал только немцев. Идеолог нацизма Гитлер считал, что все остальные народы, в том числе и европейские, гораздо ближе стоят к животному миру, чем к «арийцам», под которыми подразумевались немцы. По Гитлеру, только представителям «нордической» расы присуща развитая членораздельная речь и вполне вертикальная походка. Комментарии здесь излишни.

В ходе Великой Отечественной войны сокрушительному разгрому подверглись не только вооруженные силы гитлеровской Германии, но и расизм — идеология фашизма.

Однако в США расизм, имевший там глубокие исторические корни, не только не ослаб, но значительно усилился после второй мировой войны, что было связано с политическими устремлениями господствующего класса, претендующего на мировое господство. Не существующий в природе антропологический «англосаксонский тип» был объявлен наиболее совершенным в умственном отношении и призванным «цивилизовать» остальное человечество. Еще в 1899 г. сенатор Беверидж говорил: «Бог в течение долгих тысяч лет готовил говорящие на английском языке народы и тевтонов отнюдь не для напрасного и беспечного самолюбования. Нет! Он сделал нас умелыми организаторами мира... знатоками в управлении, так что мы можем управлять дикарями и старчески бессильными народами».

Расизм в США является орудием классового и национального угнетения. В этой стране острейших социальных противоречий наибольшей эксплуатации подвергаются те национальные меньшинства, которые не принадлежат к европеоидной расе. Индейцы, мексиканцы, филиппинцы, китайцы, пуэрто-риканцы и другие нацменьшинства испытывают дискриминацию со стороны властей США. Особенно же это относится к неграм. И чем энергичнее этот народ, составляющий десятую часть населения страны, борется за свои экономические и политические права, тем чаще прибегает реакционная буржуазия к попыткам теоретического обоснования неравенства рас.

В вышедшей в США книге «Смешение рас на Ямайке» (1929 г.) авторы, создавая видимость научности, проводили опыты на сообразительность над белыми и неграми, заставляя тех и других складывать заданные фигуры из деревянных брусков. Победителями в этом соревновании вышли белые, что не явилось неожиданностью, так как благодаря специальному подбору более одной трети из них составляли моряки и строители. Следующая серия опытов выявила превосходство негров в умении решать арифметические задачи. Однако способность к быстрому счету была истолкована «беспристрастными» авторами как свидетельство примитивного строения мозга негров, поскольку и арифмометр, вообще не имеющий мозга, может быстро и правильно считать.

Подобными «аргументами» об умственной неполноценности негроидов переполнены книги и других расистов.

«Негр — это зверь» — таков заголовок одной из книг, вышедшей в США. А в другой книге некий доктор с серьезным видом писал, что если негр получит высшее образование, то его мозг неминуемо разрушится. Расисты утверждают, что негр так же относится к белому, как «горилла к негру». Согласно подсчетам американского ученого Д. Берма человек относится к низшей расе, даже если у него имеется $\frac{1}{64}$ часть негритянской крови. В США процветает и евгенический расизм. После второй мировой войны раздавались голоса о необходимости проведения стерилизации не менее 10 миллионов американцев.

Расисты прочно свили гнездо в США. В 1947 г. Американская антропологическая ассоциация обратилась в один из органов ООН с пожеланием учесть при разработке «Декларации прав человека» выводы многих ученых о биологической неравноценности рас. Всех прогрессивных белых людей в США и особенно коммунистов, борющихся за социальное равенство негров, расисты объявляют «предателями» своей страны и своей расы.

Несостоятельность расистских теорий неопровержимо доказана выводами многих отраслей науки. Советскими исследователями и передовыми буржуазными учеными установлено, что физические признаки, которыми отличаются расы друг от друга, не имеют сколько-нибудь серьезного значения для жизни человека в обществе. Сходство между людьми разных стран и континентов неизмеримо более велико, чем различия между ними. Все расы в одинаковой степени приспособлены к созданию высокой культуры и передовых общественных отношений. Такие важнейшие органы человека, как головной мозг, рука и стопа, имеют одинаковое строение у представителей всех рас. Одинаковы у людей всех рас и биохимические признаки: состав крови, число хромосом в клетках (46).

О единстве рас свидетельствует и то, что у всех людей земного шара независимо от пола вес лобной части мозга составляет примерно 44 процента общего веса мозга. Объем головного мозга в среднем одинаков у всех рас, но внутри каждой из них сильно варьирует у разных людей в пределах нескольких сотен граммов. Умственные способности человека не зависят ни от формы головы, ни от объема мозга, ни

от его веса, ни тем более от других антропологических признаков.

Одаренные талантами люди встречаются в равной степени как среди долихоцефалов, так и среди брахицефалов или мезоцефалов. Например, выдающимися талантами обладали Гёте, Лейбниц, Бетховен, Вольтер, Лаплас, Тургенев и другие брахицефалы. Головной указатель к тому же не является постоянным и может на протяжении ряда поколений изменяться у населения данной области в ту или другую сторону под влиянием различных факторов. Более того, профессор Д. И. Ивановский в годы гражданской войны установил, что длительное голодание за короткое время вызвало значительное изменение головного индекса, причем у русских, украинцев и белоруссов он изменился в сторону долихоцефалии, а у армян, грузин и крымских татар, наоборот, усилилась круглоголовость. Изменение головного указателя на протяжении одного поколения у иммигрантов наблюдал в США прогрессивный американский ученый Ф. Боас.

Таким образом, хотя расовые признаки носят наследственный, достаточно устойчивый характер, все же они подвергаются постоянному изменению, в ряде случаев варьируя в течение жизни одного поколения. Изменчивость расовых признаков происходит под действием главным образом социальных факторов. Выдающиеся умственные способности обнаруживались у людей разных рас, обладавших различным весом мозга, в том числе и очень малым. Например, у знаменитого французского писателя Анатоля Франса головной мозг весил 1017 г, у президента Академии наук СССР А. П. Карпинского—1220 г. В то же время у И. С. Тургенева вес мозга был равен 2017 г.

Столь же ошибочны утверждения реакционных ученых, что каждой расе присущи особые черты характера и свой темперамент. В основе многих антропологических классификаций, предложенных буржуазными учеными, лежат не только физические признаки людей, но и психические. Так, Карл Линней полагал, что негроидам свойственны хитрость, лень, злость и равнодушие, монголоидам — жестокость, скупость, упрямство и меланхоличность; для европеоидов характерны остроумие, изобретательность, подвижность. Многочисленные свидетельства путешественников, беспристрастное изучение темперамента и характеров людей показывают, что они не зависят от расовых признаков.

Обстоятельно исследовавший этот вопрос Дарвин пришел

к выводу, что представители разных рас тождественно выражают различные чувства при помощи мимики лица.

Передовые ученые разных стран и эпох признавали биологическую равноценность всех рас.

В XIX и XX вв. с ростом научных знаний объективные буржуазные исследователи привели бесспорные доказательства, свидетельствующие об одинаковой приспособленности всех народов земного шара к трудовой деятельности. Особое внимание уделялось изучению интеллекта людей, живущих в условиях родового строя.

Большую заслугу науке оказал в этом вопросе всемирно известный русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай, многие годы изучавший папуасов Новой Гвинеи, представителей меланезийской расы. Этнографические и антропологические исследования Н. Н. Миклухо-Маклая неопровержимо доказали, что умственные способности папуасов такие же, как и у европейцев.

Знаменитый мореплаватель и знаток народов Тихого океана В. М. Головнин писал более ста лет тому назад: «Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев. Между островитянами, без сомнения, есть люди, одаренные проницательным умом и необыкновенной твердостью духа».

Известный немецкий ученый-антрополог и путешественник Лушан, многие годы живший в Африке, в 1923 г. писал: «Тяжело слышать, когда невежественные профаны называют негров «дикарями»... в Африке не существует других дикарей, кроме некоторых обезумевших европейцев». Американский ученый Гарт свыше 45 лет изучал умственные способности более 25 тысяч человек, представителей разных рас и племен: индейцев, китайцев, негров, итальянцев, мексиканцев, испанцев и др. Вывод Гарта таков: «... нет никаких данных, которые дали бы право утверждать, что действительно существуют духовные расовые различия».

Этнографическая литература богата фактами, показывающими, что даже при самых неблагоприятных социальных условиях жизни из среды отсталых народов выходили одаренные люди, стоявшие на высоте современной культуры. Ту-

земное население Австралии, жившее до прихода европейцев в каменном веке, было самым отсталым на земном шаре, не считая жителей Тасмании. Жизнь австралийских аборигенов в тисках колониального гнета невыносима. Тем не менее и среди них в настоящее время встречаются талантливые самородки.

Замечательный художник Альберт Наматжира из племени араанда прославился на весь мир. В возрасте 32 лет он впервые в жизни случайно увидел выставку картин, устроенную миссионерами. Им овладело страстное желание рисовать, и вскоре Наматжира обнаружил необычайные способности, заставившие обратить на него серьезное внимание. С каждым годом дарование Наматжиры росло, его картины были помещены в Национальной галерее, и он удостоился звания академика живописи. Но талант не спас художника от дискриминации. Наматжира умер, так и не побывав на выставках своих картин, ибо ему, как аборигену, запрещалось посещать города.

Таким образом, умственные способности людей не зависят от цвета кожи, формы верхнего века или головного индекса, как не зависит уровень культуры народа от принадлежности его к той или иной расе. Так, утверждение об исключительной одаренности «нордической» расы легко опровергается даже при беглом знакомстве со всемирной историей. Немцы, англичане и другие североевропейцы сравнительно поздно создали классовые общества и на протяжении многих тысячелетий отставали в своем общественном развитии от народов Северо-Восточной Африки, Передней Азии, Индии, Китая и Южной Европы. Уровень культуры, степень цивилизации зависят от исторических условий, от общественного строя и экономического развития, а не от расовых признаков.

Нет связи между расой и языком. Деление людей на расы ничего не имеет общего с делением их по языкам. На тюркских языках говорят, например, представители многих рас: азербайджанцы (европеиды), казахи (южносибирская раса), якуты (монголоиды). И, наоборот, народы каждой из трех больших рас по языку относятся не к одной, а к нескольким языковым семьям.

Нельзя смешивать и расы с нациями. Между ними тоже нет зависимости. Это совершенно различные категории. В каждую из больших рас, а порой и в малые, входит несколько наций. В то же время в составе многих наций—представители ряда рас. Так, почти все нации американского континента

порода состоит из европеоидов и монголоидов (индейцев), а некоторые из них включают в свой состав и негроидов (Бразилия, США и др.). Неоднородны в расовом отношении и европейские нации. Раса, как понятие биологическое, принципиально отлична от нации — категории исторической и языка — лингвистической.

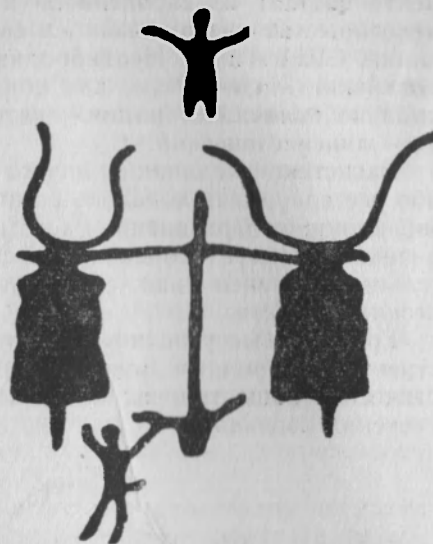
Расистские концепции ничего общего с наукой не имеют, ибо все современное человечество находится на одной стадии эволюционного развития. Фашизм порожден не наукой, а политикой эксплуататорских классов и поэтому будет окончательно искоренен лишь с ликвидацией классово-антагонистических обществ.

Грандиозные успехи в области экономики и культуры, достигнутые народами Советского Союза, строящими коммунистическое общество, являются наглядным опровержением расистских взглядов.

Наша задача

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
РАЗВИТИЯ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА**

14

П окинув мир животных, человек сотни тысяч лет жил дородовым строем. Каким же был древнейший период первобытнообщинной формации? Каковы были орудия труда, форма организации людей, общественные отношения в процессе производства материальных благ, тип хозяйственной деятельности, брачные связи, физический облик человека, его речь и мышление? Каков был животный и растительный мир, окружавший первых людей? Наконец, какова была географическая среда, являющаяся существенным фактором в истории человечества, особенно на ранних ступенях его развития?

Не все эти вопросы нашли полное освещение в науке. Труднее всего охарактеризовать социальные отношения, так как о самых первых этапах первобытнообщинного строя мы имеем возможность судить лишь по археологическим и палеоантропологическим материалам. Человечество тогда распадалось на небольшие группы людей, получивших в советской литературе наименование первобытных стад, или первобытных человеческих стад. Ф. Энгельс и В. И. Ленин употребляли термин «стадо» в применении к древнейшему человечеству, не порвавшему полностью со своим животным прошлым и находившемуся на самой низкой

ступени развития. Люди в то время недалеко ушли от животного стада, и природа властвовала над ними.

«Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹.

Первобытные стада, каждое из которых насчитывало, по видимому, несколько десятков человек, были изолированными, обособленными друг от друга коллективами, бродившими в поисках пищи по редко заселенной территории. В первобытном стаде господствовал совместный труд. Люди сообща охотились, собирали растительную пищу и защищались от диких зверей. Человек не смог бы просуществовать в одиночку, и только сплоченными усилиями всего первобытного стада можно было возместить слабость отдельного индивидуума перед опасными хищниками и грозными силами природы. Коллективный труд, сам по себе способствовавший объединению людей (так как благодаря ему становилось очевидной польза совместной деятельности), ведет к общей собственности и на средства производства, и на продукты потребления.

Первобытному стаду археологически соответствует нижний палеолит с дошелльской, шелльской, ашельской и мустьерской культурами. Населяли тогда нашу планету древнейшие и древние люди — питекантропы, синантропы, гейдельбергцы и неандертальцы. Но кем были они — охотниками или собирателями?

В буржуазной литературе наиболее распространены взгляды немецкого экономиста К. Бюхера, изложенные в его книге «Возникновение народного хозяйства», первый очерк которой посвящен описанию экономики доклассового общества. В нем утверждается, что древнейшие люди занимались исключительно собирательством, довольствуясь дарами окружающей их природы, что «в течение продолжительных периодов человек существовал, не работая».

Отвергая идейно порочные установки К. Бюхера, назвавшего даже начальный этап доклассового общества «периодом индивидуального добывания пищи», все советские исследователи утверждают, что инстинкт самосохранения при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 183.

нуждал первобытного человека объединяться в коллективы. Однако среди них имеются известные расхождения во взглядах на хозяйство древнейших людей. Например, В. К. Никольский и В. И. Раздоникас рисуют людей родового общества в основном собирателями и охотниками на ящериц, змей, крыс и других мелких животных. Это мнение не подкреплено убедительными аргументами, в отличие от развиваемого С. П. Толстовым, П. И. Борисковским и С. Н. Замятиным тезиса о преимущественно охотничьем хозяйстве древнейших людей, у которых собирательство дикорастущих съедобных растений, включая сюда и ловлю насекомых и мелких животных, играло второстепенную роль.

Коллективная охота на крупных животных в большей степени, чем собирательство, побуждала древнейших людей совершенствовать орудия труда; укрепляла их мышцы, выработывая выносливость; содействовала сплочению первобытного стада; стимулировала развитие умственных способностей человека, в частности тем, что обеспечивала его мясной пищей, столь необходимой для развития головного мозга первых гоминид.

Охота в большей степени, чем собирательство, содействовала окончательному выделению человека из царства животных, превращению обезьянолюдей в *Homo sapiens*. В пользу этой точки зрения свидетельствуют орудия труда нижнего палеолита, являвшиеся орудиями охоты, а не собирательства.

Древнейшие орудия (дошелльской культуры) грубы и примитивны: это осколки камня, заостренные по краю незначительной обивкой и не имевшие какой-либо устойчивой формы. Каменные орудия были основными в течение многих сотен тысяч лет. Широко распространенный на земле камень, точнее кремень, обладает твердостью, способностью расслаиваться на пластинки и давать острые режущие края, что делало его превосходным материалом для изготовления орудий. Возможно, что первые люди одновременно с каменными орудиями научились изготавливать орудия труда из дерева, обрезая палки острыми камнями, а позже и обжигая их на огне. Таковы были орудия труда людей, стоявших у истоков великого пути человеческого прогресса.

Более поздние, шелльские, орудия почти столь же несовершенны. Для них типичны так называемые ручные рубила. Шелльское рубило, весившее от 500 граммов до одного килограмма, при длине в 10—20 сантиметров, — это миндале-

видное орудие, представлявшее грубо обитый с двух сторон кремневый валун с заостренным зигзагообразным рабочим краем на одном конце и утолщенным и закругленным, оставленным без обработки, гладким противоположным концом, который захватывался рукой.

В ашельское время появляются более тщательно и умело изготовленные рубила. Они менее массивны, имеют более правильную, в результате вторичной обивки, миндалевидную форму; наряду с этим встречаются орудия треугольной и овальной формы. Поверхность их хорошо обработана. Ашельские рубила употреблялись для нанесения удара, резания, пиления, скобления, изготовления древних орудий (в ашельских стоянках находили деревянные пики или рогатины с заостренным концом, обожженным на огне), но вряд ли использовались при выкапывании из земли растительной пищи.

Не были приспособлены для копания и значительно более дифференцированные мустьерские орудия труда, для которых характерны остроконечник и скребло. Мустьерский остроконечник — это треугольной формы пластина с заостренным концом и двумя обычно острыми краями. Скребло представляет собой широкую пластину с расположенным по длинному краю острым лезвием. Орудия труда у неандертальцев были не только разнообразнее, но и совершеннее, чем у древнейших людей.

П. П. Ефименко высказал предположение, что мустьерский остроконечник — это мужское орудие, а скребло — женское. Однако С. Н. Замятин подверг обоснованной критике подобную интерпретацию мустьерских орудий труда. Вопрос о времени возникновения дифференцированного труда в доклассовом обществе слабо освещен в литературе. Большинство советских ученых склонно считать, что в первобытном стаде до времени его разложения еще не было естественно-го, или половозрастного, разделения труда, т. е. мужчины и женщины, старики и дети в равной мере участвовали в охоте, собирательстве и выработке орудий производства. При этом в качестве доказательства ссылаются на простоту и примитивность трудовой деятельности архантропов, не требующей расчлененного труда по полу и возрасту, на однотипность орудий труда в пределах каждой археологической культуры.

Заслуживают, однако, внимания высказанные в нашей печати предположения о разделении труда первоначально по полу, а затем — по возрасту, причем естественное разграничение обязанностей между мужчинами и женщинами в про-

цессе добывания пищи могло иметь место еще у древнейших людей в связи с особыми функциями женского организма (беременность, роды, вскармливание детей и т. д.).

Крупнейшим достижением мустьерской эпохи явилось освоение огня. Если синантроп только укротил пламя и научился поддерживать огонь, возникший помимо его воли, то неандерталец уже мог его искусственно добывать, как об этом можно судить по широко распространенным в стоянках древних людей остаткам костров, обгорелых костей и т. д.

Овладение огнем исключительно высоко оценено Энгельсом, так как «оно впервые дало человеку господство над определенной силой природы», сыграло революционизирующую роль в развитии человечества. Могущественная сила природы, склонившись перед человеческим разумом, стала служить людям. Огонь улучшил качество пищи и сократил во времени процесс пищеварения, расширил источники питания человека, дал защиту от постоянно угрожавших ему диких зверей и согревал его тело в холодное время года; он же позволил людям, ставшим независимыми от климата, широко расселиться на поверхности земли и сыграл важную роль в обработке орудий труда из дерева и кости.

Каков был древнейший способ добывания огня? Этот вопрос остается открытым. Некоторые ученые (например, Б. Ф. Поршнев) полагают, что таким способом было высекание, однако преобладает мнение, согласно которому первоначально огонь получали путем трения дерева о дерево. Интересно, что во многих туземных языках Австралии слова «дерево» и «огонь» восходят к одному корню.

Освоение огня укрепило общественные связи в первобытном стаде и еще более выделило людей из животного мира. Тем не менее творческие возможности человека оставались еще ограниченными. Жизнь неандертальцев была полна лишений и невзгод. Смертельная опасность подстерегала их на каждом шагу. Иногда природа была благосклонна к людям, но чаще всего она подвергала их суровым испытаниям.

Основываясь на антропологических данных, французский ученый Валлуа установил, что 55 процентов неандертальцев умирало моложе 20 лет и только 5 процентов из них перешагнули 40-летний рубеж. Средний возраст жизни у питекантропов и синантропов, постоянно живших бок о бок со смертью, был еще ниже. Большая зависимость человека от природы не исключает того, что люди с момента своего появления, в

процессе трудовой деятельности, медленно, шаг за шагом, учились познавать ее законы и овладевать ими.

Освоение огня мустьерцами было ускорено изменившимися климатическими условиями. Уже в конце третичного или начале четвертичного периода наступило некоторое похолодание — так называемое первое, или Гюнцское, оледенение. Все же климат в Южной и Средней Европе оставался субтропическим, а в Южной Азии и Африке — тропическим. В Европе водились гиппопотамы, слоны, носороги, лошадь Стенона и другие теплолюбивые животные, росли такие породы деревьев, как самшит, лавр и смоковница.

В ашельское время наступило значительное ухудшение климата, вызванное наступлением второго, или миндельского, ледника. С конца ашели начинается третье, самое крупное оледенение, которое вызвало резкое похолодание. К третьему, или рисскому, оледенению четвертичного периода относится в большей своей части мустьерская эпоха. Причины оледенения пока не выяснены. В период максимального своего развития спустившийся с севера ледник продвинулся в Европе своими языками почти до современных Волгограда, Днепропетровска, Львова, Кракова и южнее Берлина и Лондона. Толщина ледникового щита достигала двух километров. Испытали оледенение Сибирь и Северная Америка. Одновременно спустились в низины горные ледники. Не выдержав холодного дыхания ледников, теплолюбивые животные в Европе вымерли или частично переселились на крайний юг — на Апеннинский и Пиренейский полуострова. Их место заняли мамонты, бизоны, олени, лоси и хищники — пещерные медведи, львы и гиены. Изменилась флора. По окраинам ледника простиралась тундра, а южнее — таежные леса, испещряя Италию и Испанию.

В приледниковой полосе Евразии обитали многие неандертальские общины. В суровых климатических условиях выжили те коллективы древних людей, которые стали пользоваться одеждой, состоявшей из простых шкур животных, строить прочные жилища, по крайней мере на зиму, освоили огонь. Неандертальцы охотились на крупных животных. В некоторых мустьерских поселениях находят кости нескольких сотен пещерных медведей или мамонтов.

Реконструируя жизнь и быт наших далеких предков, невозможно обойтись без гипотез при характеристике их хозяйства, общественного строя, семейно-брачных отношений, так же как и при изучении речи и мышления древнейших

людей. По общепризнанному мнению советских и прогрессивных зарубежных исследователей, в первобытном стаде отсутствовала оформившаяся семья и существовали свободные, неупорядоченные половые отношения, получившие в науке наименование промискуитета. Между мужчинами и женщинами не было никаких брачных ограничений, в том числе между братьями и сестрами, родителями и детьми. Брачные отношения определялись лишь биологическим инстинктом, что являлось наследием животного прошлого. Это не означает в то же время, что неупорядоченные половые отношения господствовали повседневно, ибо ничто не препятствовало соединяться отдельным парам на более или менее длительное время. За редким исключением, буржуазные ученые из «моральных» соображений отрицают существование промискуитета в дородовом обществе, желая избавить человечество, как отмечал Ф. Энгельс, от тяготеющего над ним этого «позора».

В немарксистской литературе до настоящего времени широко распространена патриархальная теория, согласно которой патриархальная семья (включавшая в свой состав и рабов), где власть находилась в руках старейшего мужчины, являлась древнейшей социально-экономической ячейкой, зародышем человеческого общества. Родоначальником этой теории считается Аристотель (IV в. до н. э.), ссылавшийся на «общий закон природы», в силу которого «властвование и подчинение — не только вещи необходимые, но и полезные», он связывал появление патриархальной семьи с чувством взаимного самосохранения, руководившим мужчиной и женщиной, не могущих «существовать друг без друга» и господином и рабом, имеющих «общность интересов».

Зародившаяся в древности патриархальная теория была воспринята с некоторыми модификациями идеологами феодального общества и капиталистического.

Столь же реакционна теория изначальности моногамной семьи, особенно пропагандируемая в трудах католических ученых — патеров Шмидта и Копперса. Научная несостоятельность этих теорий была вскрыта еще Бахофеном и Морганом, чьи выводы подкрепляет накопившийся новый этнографический материал. Появление патриархальной семьи связано с разложением родового строя, а моногамная, или индивидуальная, семья — конечный продукт развития семейно-брачных отношений в первобытном обществе — характерна для классовых формаций. Существование моногамии на заре че-

ловческой истории, при крайне низком уровне развития производительных сил, немыслимо и потому, что отдельной семье, учитывая слабую размножаемость и длительную беспомощность детей, не под силу было бы без коллектива воспитать потомство.

Исключительные трудности стоят перед наукой при выяснении характера речи и мышления древнейших и древних людей. Классики марксизма-ленинизма доказали, что речь и мышление неотделимы друг от друга, так как мыслить возможно только на основе и при помощи языка. Переход предков человека к труду в его коллективных формах породил потребность в общении людей между собой в процессе производства материальных благ и привел к возникновению языка и мышления. Труд, речь и мышление находятся в диалектическом единстве, они возникли одновременно и, развиваясь и совершенствуясь, оказывают воздействие друг на друга. Но определяющим фактором в этом единстве как в период возникновения, так и в процессе дальнейшего развития является трудовая деятельность.

Каковы же важнейшие особенности языка и мышления людей дородового общества? В буржуазной литературе получили широкое распространение две одинаково антинаучные, пропитанные насквозь идеализмом и взаимоисключающие друг друга концепции относительно мышления архантропов и палеоантропов. Одна из них, выдвинутая эволюционистами Г. Спенсером и Тэйлором, отрицает какие-либо качественные различия между мышлением питекантропов и синантропов, с одной стороны, и человеком современного физического типа — с другой. Другая концепция, более реакционная, сформулированная Л. Леви-Брюлем, наоборот, старается вырыть непроходимую пропасть между сознанием современного человека и сознанием его далекого предка. Мышление не только древнейших людей, но и вообще всех первобытных народов, в том числе и ныне живущих, будто бы «алогичное», т. е. не признающее требований логики.

Советские ученые выделяют две стадии в развитии мышления и речи, качественно отличающиеся, но генетически связанные между собой. Первая стадия соответствует древнейшим (архантропам) и древним людям (палеоантропам), вторая — человеку современного физического типа. В советской литературе, однако, нет единой точки зрения относительно важнейших особенностей мышления и речи людей дородового общества.

Так, Л. О. Резников и А. Г. Спиркин полагают, что на первой стадии мышление было чувственно-наглядным и что абстрактное мышление, т. е. мышление в понятиях, появилось у людей верхнего палеолита, а человек эпохи первобытного стада отражал объективную действительность лишь в форме ощущений и восприятии. Зачатки абстрактного мышления возникли лишь у неандертальцев. Речь на первой стадии была нечленораздельной. В понимании А. Г. Спиркина, она характеризуется отсутствием «системы четко дифференцированных, противопоставляемых друг другу звуковых единиц языка. В нечленораздельной речи противопоставлялись друг другу не отдельные звуки, выделенные из смысловых единиц в качестве фонем, а целостные комплексы звуков, обладающих относительно самостоятельным смыслом».

Речь, как и мышление, не оставалась неизменной у людей родового общества. У питекантропов и синантропов «конкретное содержание мысли выражалось целым, нерасчлененным звуковым комплексом, каждый из компонентов которого не выделялся ни в сознании говорящего, ни в сознании слушающего как часть целого, так как части этого диффузного целого не обладали самостоятельным смыслом» (А. Г. Спиркин). Речь у них была связана с предметами, находившимися в «непосредственном поле их зрения».

На позднем этапе, когда у неандертальцев возникли зачатки отвлеченного мышления, «отдельные смысловые комплексы выделились в слова, из которых составлялись предложения. Но слова еще не обладали системой грамматических форм» (А. Г. Спиркин). Люди начинали уже говорить и об отсутствующих предметах.

Зародившаяся в мустьерское время членораздельная речь, важнейшими особенностями которой являются «наличие дифференцированной звуковой системы, словарного состава и грамматического строя», получает свое дальнейшее развитие в ориньяке, но окончательно складывается в солютре, мадлене и раннем мезолите.

Иную и более убедительную картину развития мышления и речи у древнейших и древних людей нарисовали В. В. Бунак и В. З. Панфилов. По их мнению, элементы абстрактного мышления и, следовательно, возникновение способности образовывать понятия появляются уже у самых ранних людей — питекантропов и синантропов, хотя чувственно-наглядное мышление у них было основным и преобладающим вплоть до появления *Homo sapiens*.

В самом деле, если отрицать способность древнейших людей формировать понятия, выражающие более или менее законченную мысль, как полагают Л. О. Резников и А. Г. Спирикин, то чем тогда отличается человеческое мышление от интеллекта животных, которые отражают объективную действительность в форме ощущений и восприятий, т. е. чувственно-наглядным способом? Отвергать способность архантропов образовывать отвлеченные понятия — значит признавать особую, дологическую стадию в развитии мышления.

Процесс труда возможен только на основе абстрактного отражения действительности, ибо нельзя намеренно изготовить самое примитивное орудие, не обладая способностью создавать отвлеченные понятия. Даже при изготовлении простого шелльского рубила древнейший человек должен был знать свойства различных пород камня, применять в процессе обивки разной силы прямые и косые удары, затрачивая на производство одного орудия, как экспериментально доказал С. А. Семенов, в среднем около 30 ударов. В этой связи становится очевидной ошибка Б. Ф. Поршнева, представляющего деятельность питекантропов и синантропов как инстинктивную. Невозможно объяснить появление языка вне связи с возникновением абстрактного способа отражения действительности.

В соответствии с подобной трактовкой начальной ступени мышления речь питекантропов и синантропов, по В. В. Бунаку, «состояла из отдельных неизменяемых слов, обладавших в то же время известной полнотой содержания».

Каждое слово было односложным в фонетическом отношении, неизменяемым, независимым, не связанным с другими словами, и имело законченный смысл. «Число первоначальных слов было очень ограничено. Они выражали понятия, связанные с хозяйственной деятельностью первобытного человека, и притом в широком значении каждое» (В. В. Бунак). Слово обладало многими значениями и поэтому его иногда называют словом-предложением.

Нельзя, по В. В. Бунаку, питекантропы и синантропы общались между собой не «целостными звуковыми комплексами», а отдельными, не связанными друг с другом неизменяемыми словами, каждое из которых обладало многозначностью. Речь неандертальца несколько более развита: у них появляются новые слова-предложения, уже с менее многозначным, но по-прежнему с целостным содержанием. Такого понимания В. В. Бунаком первой стадии развития речи, име-

нуемой им стадией изолированных речений, или нечленораздельной речью.

На второй стадии развития речи — стадии связанных речений, возникает членораздельная речь, когда люди научились «не только пользоваться изолированными понятиями, но и формулировать связь между ними». Человек верхнего палеолита сначала овладел способностью создавать связи между двумя понятиями, а затем стал осваивать соотношение и между многими понятиями.

41 Темпы развития отдельных групп архантропов и палеоантропов были неодинаковы и зависели от многих факторов, в том числе от географической среды, которая в различной степени оказывала влияние на эволюцию человеческих коллективов. Не все неандертальские группы трансформировались в *Homo sapiens*, не все стада древних людей переросли в родовую организацию. Раньше всего и в основном эти процессы, согласно теории широкого моноцентризма, завершились у переднеазиатской группы неандертальцев.

42/15 Вопрос о происхождении рода — один из труднейших в науке о первобытности. Процесс превращения первобытного стада в более высокую общественную организацию можно восстановить лишь теоретически. Разложение первобытного стада в основном было вызвано, во-первых, ростом производительных сил и связанным с ним усложнением общественных связей между людьми, оказавшимися несовместимыми с примитивной его организацией, и, во-вторых, появлением экзогамии, т. е. запрета половых отношений внутри родственного коллектива (как брачных, так и внебрачных). Как установил впервые Морган, экзогамия — это исключительный, специфический признак рода. В связи с этим вопрос о происхождении рода в значительной степени сводится к вопросу о возникновении экзогамии. Однако происхождение экзогамии еще не выяснено, хотя нет недостатка в гипотезах, объясняющих появление этого обычая.

! Весьма распространенные в буржуазной литературе гипотезы, но едва ли имеющие сколько-нибудь научную ценность, источник экзогамии выводят из свойственного людям инстинктивного отвращения к инцесту (кровосмешению) либо объясняют ее появление похищениями женщин у других коллективов или отсутствием полового влечения между живущими вместе с детства людьми.

4. В советской литературе выявились три основных взгляда на эту проблему. Одни ученые поддерживают гипотезу Мор-

тапа, видевшего в экзогамии сознательное стремление избежать кровосмешения, биологически вредного для потомства. По мнению американского ученого, люди исключили из полового общения сначала родителей и детей, а затем со временем были воспрещены брачные отношения между братьями и сестрами, как родными, так и боковыми. Аналогичную мысль, но в менее категорической форме высказал Энгельс, объяснявший появление этого обычая «смутным стремлением ограничить кровосмешение». Однако многие советские исследователи высказали сомнение в том, что наши далекие предки могли обнаружить вредные последствия браков между кровными родственниками.

По мнению С. А. Токарева и Д. А. Ольдерогге, экзогамия была вызвана к жизни возникновением тесных хозяйственных связей между двумя родами, закрепленных перекрестными браками (сходные взгляды в прошлом веке высказывал Ф. Тэйлор).

Среди советских ученых, пожалуй, наибольшего признания находит точка зрения М. М. Ковалевского, развитая С. П. Толстовым, усматривающего в экзогамии частный, хотя и важный случай половых запретов, широко распространенных при родоплеменном строе, особенно в период интенсивной производственной и общественной деятельности людей.

Несупорядоченные половые отношения в первобытном обществе находились «в неизбежном противоречии с производственной жизнью», приводили к постоянным раздорам и столкновениям на почве ревности, что нарушало «нормальное функционирование хозяйственного коллектива» (С. П. Толстов). Исследованный от животного мира промискуитет тормозил производственную деятельность людей. Экзогамия явилась эффективным средством предотвращения столкновений между членами одного коллектива из-за женщин, являющихся «яблоком раздора» на ранних стадиях развития общества. С возникновением экзогамии половые запреты были доведены до своего логического предела — полностью возбранялось половое общение между людьми одного рода. «Никто из членов рода, — писал Энгельс, — не может брать жену внутри рода». Экзогамия явилась «первым средством воспитания человеческого и человека» (А. М. Золотарев). Появление экзогамии — первой формы половой морали — оказалось возможным лишь у перхипериндустриальных людей. Только с возникновением Нюно зарисовка появляются общественно регулируемые половые

отношения, упрочившие социальные нормы поведения людей.

Помимо экзогамии, важнейшим признаком рода является то, что он представляет собой единый производственный коллектив с господством коллективного труда и общей собственности на средства производства и продукты потребления. Имеются и другие, менее существенные признаки рода.

Итак, род — это состоящий из кровных родственников хозяйственный коллектив, покоющийся на коллективном производстве и общей собственности и характеризующийся экзогамностью, односторонним счетом родства (по материнской линии или отцовской), единством имени и культа, общностью территории и демократическими порядками в общественной жизни.

Почти все советские ученые признают, что родовая община возникла в самом начале верхнего палеолита одновременно с появлением человека современного физического типа. С возникновением рода — основной социально-экономической ячейки первобытнообщинного строя — человечество окончательно выделилось из мира животных, преодолев пережитки животного состояния и в физическом строении людей, и в их общественных отношениях.

Если первобытное стадо было организовано неустойчивым человеческим коллективом, отягощенным тяжелым наследием животного прошлого в области брачных отношений, с относительно слабыми социальными связями, то родовая община представляет собой прочное объединение людей с более сложным образом жизни, крепкими общественными связями, сумевших обуздать прежние инстинкты.

В ходе тысячелетий происходило постепенное преодоление животного индивидуализма как в сфере брачно-половых отношений, так и в общественно-трудовой. В процессе развития трудовой деятельности унаследованное от животного царства старое, звериное, все более и более уступало новому, человеческому. Люди прошли долгий и трудный путь, прежде чем вырвались из первобытной трясины дикости. Род — это объединение людей современного физического типа, с появлением которых резко возросли темпы развития культуры. Творческий гений разумного человека не может идти ни в какое сравнение с умственными способностями древнейших и древних людей.

Изучение раннеродового общества представляет большие трудности. Самые отсталые реликтовые общества, известные этнографической науке, жили уже относительно развитым ро-

доплеменным строем. Совокупность нескольких родственных родов, между которыми существовали постоянные связи, составляло племя. Но всегда ли родовая община составляла часть племени? Может быть, племенная общность людей появилась позже, чем родовые коллективы? Вопрос об историческом соотношении рода и племени возник в советской литературе сравнительно недавно и является дискуссионным.

С. П. Толстов, А. А. Формозов и другие ученые высказали предположение, что род исторически предшествовал племени. Полагают, что первоначально род был изолированным, самодовлеющим в хозяйственном отношении коллективом, связанный с другими родами лишь взаимобрачными отношениями. Объединение родов в племена, по А. А. Формозову, стало возникать в мезолите, но окончательно племенная организация сложилась, по мнению одних авторов, в неолите, а по мнению других — даже в эпоху бронзы.

Однако не менее многочисленная группа исследователей отвергает существование доплеменной стадии в развитии родовой организации. Так, М. О. Косвен привел веские аргументы в пользу мнения, разделявшегося Морганом и Энгельсом, что род не мог существовать вне племени. Будучи в известной мере самостоятельным хозяйственным коллективом, род был экзогамен, и поэтому его существование было немыслимо без постоянных брачных связей с другим родом; уже одно это обстоятельство не делает его изолированным в общественном отношении.

Отсутствие единства взглядов по этому вопросу в значительной степени объясняется тем, что конкретный процесс превращения первобытного стада в родовую организацию не получил ясного освещения в этнографической науке и представляется неодинаково ученым. Некоторые из них, например Ю. И. Семенов, склонны считать, что каждое первобытное стадо в отдельности трансформировалось в один родовой коллектив. Напротив, подавляющее большинство советских исследователей (С. П. Толстов, А. М. Золотарев, П. П. Ефименко, А. И. Першиц) придерживается более обоснованного мнения, что первобытное стадо первоначально расщепилось на две экзогамные половины, каждая из которых превратилась в родовую общину. Косвенным подтверждением подобного пути превращения первобытного стада в родоплеменной коллектив является так называемая дуально-родовая организация раннего племени.

Советские этнографы на большом фактическом материале

Зол. ?
подтвердили гипотезу передовых буржуазных ученых (Файсон, Э. Тэйлор, Риверс), что племя первоначально состояло из двух взаимнообращающихся родов. «Процесс превращения стадного общества в родовое был универсальным всемирно-историческим процессом; а дуальная организация — всеобщей первоначальной формой родового строя» (А. М. Золотарев). В трудах С. П. Толстова и особенно А. М. Золотарева было показано, что дуально-родовая организация оставила глубокий след в мировоззрении и психологии людей не только первобытного, но и классовых обществ.

Конечно, племенная организация на протяжении своей истории не оставалась неизменной. На ранних этапах своего развития она еще примитивна, и ее роль в жизни людей относительно невелика. Постепенно она консолидируется как этническая общность, возникают и развиваются общеплеменные органы власти, усложняется ее структура.

Как установили Бахофен, Морган и Энгельс, первоначальный род мог быть только материнским, т. е. таким, в котором счет родства велся исключительно по женской линии. В условиях группового брака отцовство не может быть с достоверностью установлено. Поэтому дети принадлежали к роду матери. Женская линия родства, говоря словами С. А. Токарева, была основана не только «на простейшей биологической связи матери с ребенком», но и в связи с тем обстоятельством, «что в условиях первобытного охотничьего хозяйства женщины и дети составляли более оседлую и стабильную часть общины, тогда как мужчины вели более бродячую охотничью жизнь».

С возникновением рода начинается второй период в истории первобытнообщинной формации. Однако в советской литературе имеется и другая точка зрения по этому вопросу. В последние годы Ю. И. Семенов высказал оригинальное мнение, что историю первобытнообщинного строя следует начинать с появления родовой организации. Он отвергает существование дородового общества. По его мнению, первообытное стадо не может быть названо подлинно человеческим коллективом, как нельзя его считать и чисто животным, биологическим объединением. «Первообытное человеческое стадо является формой переходной между чисто биологическим и чисто социальным объединениями, является формирующимся обществом».

В отличие от установившегося взгляда, что первобытное стадо следует рассматривать как первый период первобытно-

общинной формации, Ю. И. Семенов предлагает его назвать периодом становления человеческого общества. «История человечества, — пишет он, — таким образом, прежде всего делится на два основных крупных периода: историю первобытного стада (период формирования, становления, складывания человеческого общества) и историю человеческого общества...».

7 ссн.

Выводы Ю. И. Семенова о том, что история человеческого общества начинается с появлением современного человека и возникновением родовой общины и что понятие «общественно-экономическая формация» не применимо к первобытному стаду, не подкреплены убедительными аргументами и не получают признания. Взгляды Ю. И. Семенова противоречивы. С одной стороны, в первобытном стаде жили древнейшие и древние люди (пусть формирующиеся, но люди), с другой стороны, их объединение нельзя назвать обществом. Отсюда делается странный вывод: человеческое общество возникает позднее, чем появляются люди, а человечество, куда включаются Ю. И. Семеновым люди эпохи первобытного стада, долгое время развивалось вне общества.

В действительности первобытное стадо явилось первой формой организации человеческого общества, хотя и не порвавшей еще полностью с животным царством. Это был коллектив людей, в котором ведущую роль играли социальные связи, а не биологические. Первобытному человеческому стаду были присущи все основные социально-экономические черты, свойственные первобытнообщинной формации: общая собственность на средства производства, коллективный труд и коллективное потребление; наконец, это было объединение людей, основанное на принципе кровного родства. И так, нет оснований «укорачивать» историю человеческого общества.

При изучении раннеродового строя верхнего палеолита, как и первобытного стада, историки не располагают этнографическим материалом, и поэтому они вынуждены довольствоваться другими видами источников — преимущественно археологическими и антропологическими.

Переход от нижнего палеолита к верхнему был ознаменован не только качественными изменениями в общественных отношениях и в самом физическом типе человека, но и важными сдвигами в материальной культуре. Возникли новые приемы и техники обработки кремня, появились разнообразные и четко дифференцированные типы орудий: скребки, резцы, тесла, пожи, проколки, остря, наконечники копий и др.

тиков и др. В ориньяке, самой ранней культуре верхнего палеолита, при выработке орудий труда из камня еще господствовала характерная для мустье техника скола. Однако скальваемые пластины были более совершенны, чем в мустье: они тоньше, удлинены и ножевидны. Эти пластины служили материалом для изготовления разнообразных орудий.

Самыми распространенными орудиями были резцы и особенно концевые скребки. Резец, рабочий конец которого имел клиновидное режущее заострение, использовался при обработке твердых предметов, а концевой скребок, имевший дугобразное рабочее лезвие, — менее твердых. В ориньяке появились копье и дротики с кремневыми наконечниками, а также многочисленные орудия из кости, имевшие, однако, подсобное значение.

В солютре появляются еще более совершенные приемы обработки кремня. Широко применяется отжимная ретушь. Кремневое орудие впервые стало обрабатываться не ударами отбойника или колотушки, а при помощи отжимника — длинной костяной палочки, которой человек сильным и осторожным давлением отделял чешуйки и тонкие пластинки, сглаживая и как бы выстругивая его поверхность, придавая остроту и прочность рабочему краю. Орудия труда солютрейского времени отличаются правильностью форм и хорошей отделкой. Характерными орудиями солютра являются лавродистные наконечники — тонко отделанные с обеих сторон широкие кремневые клинки охотничьих ножей и метательных копий, имеющих заостренно-овальные очертания.

В ориньяко-солютрейское время происходит дальнейшее развитие охотничьего хозяйства. Рост производительности труда, в том числе усовершенствование охотничьего оружия, значительно повысила продуктивность охоты. В ориньякских и солютрейских стоянках находят огромные скопления костей мамонтов, диких лошадей и других животных. Например, в Солютре (Франция) было обнаружено около 10 тысяч костяков лошадей.

Крупные изменения произошли в образе жизни верхнепалеолитического человека: возникла прочная оседлость. Наряду с использованием пещер для жи.п.я., люди впервые стали создавать постоянные жилища, часто имевшие вид землянок. Заслуга их открытия принадлежит советским археологам, главным образом С. Н. Замятнину и П. П. Ефименко. Верхнепалеолитические люди жили еще в менее благоприятных природных условиях, чем неандертальцы.

Все стоянки верхнего палеолита относятся к четвертому, или юрмскому (валдайскому), оледенению. (К сожалению, не так легко увязать археологические культуры палеолита с ледниковыми и межледниковыми периодами; различными учеными это делается по-разному.) По своим размерам четвертое оледенение уступало рисскому, однако, несмотря на отступление главной волны оледенения и сокращения площади, занятой ледниками, климат стал более суровым (холодным и засушливым), чем в мустье. Прежние лиственные и хвойные леса в Европе сменялись тундрами, в которых обитали северный олень, мускусный овецбык, полярный заяц. По мнению П. П. Ефименко, похолодание в верхнем палеолите связано с появлением в Северной Атлантике холодных морских течений.

Наиболее суровым климат был в мадлене. В фауне этого периода господствовал северный олень, проникший на Кавказ, в Крым, Италию и достигший Испании. В мадлене мамонт стал встречаться реже.

Верхнепалеолитические люди, преодолевая неблагоприятные условия природы, значительно усовершенствовали орудия производства по сравнению с мустьерским временем. Прогресс культуры наблюдается в мадлене, когда орудия труда стали разнообразнее и совершеннее, чем в ориньяке и солотре. Для мадлена характерно преобладание костяных орудий.

При изготовлении охотничьего оружия и некоторых видов орудий труда кремень был вытеснен костью и рогом (преимущественно северного оленя), из которых создавались шпильки, наконечники гарпунов и копий и другие предметы. Вместе с тем камень продолжал сохранять свое первенствующее значение как материал при изготовлении орудий, предназначенных, например, для обработки кости, рога, копыт и черепа.

Если ориньяко-солотрейские общины охотились главным образом на мамонтов и диких лошадей, то основным объектом охоты мадленцев в умеренных широтах северного полушария стал северный олень — животное стадное и кочующее. (В одной из мадленских стоянок Западной Европы кости северного оленя составили около 80 процентов всех костных остатков.) Это предопределило подвижный, полукочевой образ жизни мадленских людей, совершавших вслед за северными оленями сезонные перекочевки. Охотились мадленцы также на бизона и диких лошадей. Не пренебрегали они и поляр-

ными лисицами и зайцами. Судя по наскальным изображениям в Северной Испании, люди верхнего палеолита, жившие в умеренном поясе, занимались сбором меда диких пчел.

Основным охотничьим оружием стало метательное копье с костяным наконечником. Появилась копьеметалка — металлическая доска в виде стержня с крючком на конце, с помощью которой копье летит до 70—80 метров, тогда как брошенное рукой — на 30—40. Как свидетельствует миссионер Чеслинг, австралиец может с небольшого расстояния вонзить копье с помощью копьеметалки в ствол пальмы на 6 дюймов.

Мадленцы были умелыми охотниками. Во Франции в одной из мадленских стоянок обнаружили остатки примерно 3 тысяч оленей. В отличие от ориньякцев и солютрейцев, живших оседло в больших жилищах долговременного типа, мадленцы обычно недолго обитали на одном месте, выбирая для жилья чаще всего естественные укрытия.

Немаловажное значение в хозяйстве мадленских людей имело рыболовство. Ловили пресноводных рыб: щуку, форель, леща, а также лососей, заходивших в реки метать икру. Рыболовных крючков и сетей не было, и рыбная ловля являлась еще видом охоты. Рыбу били острогами, гарпуном или копьем.

В конце мадлена ледник начинает таять и отступать на север. Вместе с верхним палеолитом закончился и ледниковый период. Вслед за уходящим оледенением отступили северные олени и другие полярные животные. Наступил мезолит. В связи с потеплением климата тундры и холодные степи в Средней и Южной Европе постепенно сменились растительностью современного типа. Соответственно изменился и животный мир, для этого времени типичными стали благородный олень, лось, кабан, бобр, медведь и другие животные лесной фауны.

В мезолите произошли важные изменения в материальной культуре и хозяйственном строе первобытных общин. Для раннего мезолита характерна азильская культура, получившая свое название от пещеры Мас д'Азиль (Южная Франция). Орудия труда в азиле хотя и сохраняли мадленские типы, но костяные орудия стали значительно более редкими, произошел упадок навыков в обработке кости и рога. Для изделий из кремня характерно появление микролитов — тщательно обработанных небольших скребочков и остриев размером 1—2 сантиметра. Особенно широкое распространение они получили в позднем мезолите, как об этом можно судить

по стоянкам тарденуазской культуры. Микролиты служили наконечниками, составляя рабочий край деревянного или костяного орудия. Использовались они и в качестве наконечников для стрел.

В начале мезолита, а, возможно, еще в конце мадленской эпохи, появились лук и стрелы. «Лук, тетива и стрела, — писал Ф. Энгельс, — составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно и одновременное знакомство со множеством других изобретений»¹.

Лук и стрелы сыграли исключительную роль в развитии первобытных общин. Не только скорострельность, но и дальность, меткость и сила боя нового оружия выгодно отличали его от копья. Индейцы североамериканского племени апачей на расстоянии 300 шагов насквозь пронзали стрелой человека, а эскимосы Аляски вблизи — оленя.

Разнообразны и способы стрельбы из лука. Ведды на Цейлоне нередко, например, стреляют лежа на спине, руками натягивая тетиву, а ногами упираясь в дугу лука.

Оригинальным изобретением мезолитических племен является бумеранг — особая метательная палица, которая, будучи брошенной умелой рукой, обладает замечательным свойством описывать при полете дуги, петли, восьмерки и другие замысловатые кривые. Плоское в сечении, имеющее обычно серповидную форму, с едва заметной для глаза искривленной винтообразной поверхностью, от чего, собственно, зависят особенности полета бумеранга, оружие это при попадании в цель наносит тяжелые раны своим заостренным краем или концом. Хотя бумеранг известен многим племенам земного шара, однако он является характерным оружием туземцев Австралии, виртуозно владеющих искусством его метания. Боевые бумеранги летят на расстояние до 150 метров.

Некоторые виды бумерангов обладают поразительной способностью, описав в воздухе параболу или широкий круг, диаметром порой до 100 метров, возвращаться к ногам бросившего, если не попадут в цель. Возвращающиеся бумеранги играют второстепенную роль у австралийцев и применяются ими в основном в спортивных целях и для охоты на птиц.

Несмотря на появление более совершенных видов оружия,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 29.

удельный вес охотничьего хозяйства в экономике мезолитических племен уменьшился по сравнению с временем верхнего палеолита. Снижение хозяйственного значения охоты объясняется, с одной стороны, тем, что на смену стадным животным предшествующего периода в мезолите в качестве охотничьей добычи человека становятся благородный олень, лось, кабан, медведь и другие нестадные животные, охота на которых в значительной степени приобретает характер индивидуальных поисков и поэтому не может быть всегда добычливой. К тому же овладение навыками при охоте на новые виды животных требовало немало затрат и времени.

С другой стороны, уменьшение значения охоты в азили и тарденуа определялось дальнейшим развитием рыболовства. Некоторые мезолитические племена занимались уже в основном не охотой, а рыбной ловлей. В мезолите появились крючок, сеть и лодка, представлявшая собой деревянный челн, выдолбленный из целого ствола. Возрастала и роль собирательства, особенно у племен, населявших южные края. Распространена была охота на птиц, причем пользовались уже стрелами с притупленным концом, чтобы не испортить оперения. Водоплавающую птицу ловили с помощью силков. Удельный вес охоты на птиц колебался в зависимости от местных условий. Сделан был первый шаг к одомашнению животных — была одомашнена собака, ставшая верным помощником человека на охоте. Впрочем, ее приручение, по мнению некоторых ученых, произошло еще на исходе верхнего палеолита (по крайней мере для Юго-Западной Европы это доказано).

Ведя полубродячий образ жизни, человечество в мезолите широко расселялось по планете, освоив, в том числе, области, покрытые прежде ледяным панцирем. Возросший уровень техники позволил мезолитическим племенам в зависимости от природных условий заниматься разнообразными формами хозяйственной деятельности, что привело к возникновению множества местных культур. Впервые в истории человечества появились, наряду с охотничьими племенами, рыболовские, племена собирателей съедобных моллюсков или семян диких растений, плодов и корней. В связи с этим усиливается неравномерность темпов исторического развития населения различных территорий земного шара.

Если при изучении людей нижнего и верхнего палеолита наука о первобытности пользовалась преимущественно археологическими источниками, то начиная с эпохи мезолита в

круг своих исследований она включает и этнографический материал. Ученые как бы спустились по ступенькам истории в далекое прошлое, в глубь тысячелетий, и своими глазами увидели жизнь и быт наших далеких предков.

В прошлом веке сохранялись в виде реликтов мезолитические племена, лишь в незначительной степени испытавшие влияние классовых обществ. К ним относились, например, гуаяки в Парагвае, ведды, бушмены, австралийцы. Жили они родовым строем, который, однако, далеко ушел в своем развитии от примитивной родоплеменной организации ориньяко-фульотрейского времени.

16. В эпоху мезолита прочно сложился материнский род, укрепилась родоплеменная структура. Племя состояло уже из нескольких родов, связи между которыми усложнились. Естественное разделение труда стало четко выраженным: мужчины занимались охотой, женщины — собирательством. Общественное положение их было равноправное. Известные различия в положении членов общества были связаны лишь с возрастным делением, имевшим важное значение в жизни первобытных людей.

19. Племя делилось на три возрастные группы (детей, взрослых и стариков), занимавших неодинаковое общественное положение. У каждой из них, кроме общих прав и обязанностей, свойственных всем членам коллектива, например, права получения пищи и обязанности трудиться, имелись особые, присущие только данной возрастной группе. Так, дети не участвовали в войнах и не имели права голоса в народном собрании. Старики являлись блюстителями обычаев. Нередко они заведовали культом. Влиятельное положение стариков в обществе объясняется их большими знаниями и жизненным опытом.

20. Переход из одной возрастной группы в другую, связанный с изменением общественного положения первобытного человека, был важным событием в его жизни и сопровождался посвятельными обрядами. Посвящения, или инициации, носили особенно торжественный характер при переходе юношей и девушек в число взрослых людей и имели важное общественное значение. Над молодыми людьми, достигшими возмужалости, совершался цикл обрядов, в ходе которых подростки насильственно подвергались некоторым, порой мучительным физическим операциям. Посвятельные обряды были неодинаковы по форме у различных племен и рас-

падались на несколько степеней, или стадий, каждая из которых носила особое наименование.

Лучше всего нам известны инициации у австралийских племен, для большинства которых характерна, по мнению видного буржуазного ученого А. Элькина, следующая схема стадий посвящений.

На первой стадии (увод посвящаемого) юношей, раскрашенных человеческой кровью или красной краской, уводят из стойбища, в то время как женщины имитируют сопротивление. Беззаботная жизнь подростков, переходящих под власть суровых и требовательных стариков, окончилась.

На второй стадии (обрядовые приветствия и битва) приветствуют приглашенных на церемонию членов племени, после чего, если имелись неурегулированные споры, происходят обрядовые битвы, обычно без смертельного исхода, а затем устраивается пир.

На третьей стадии (подготовительный церемониал) посвящаемых готовят к физическим испытаниям, причем подростки ведут себя так, словно они умерли: не разговаривают и порой не двигаются.

Четвертая стадия (ритуальные телесные испытания) — важнейшая. Молодых людей на этой стадии подвергают нескольким операциям, например: выбивают зубы, наносят рубцы на тело, вырывают ногти, обжигают на костре, совершают обрезание. Обычно одно какое-либо испытание, чаще всего обрезание, рассматривается как главное.

На пятой стадии (период уединения), длящейся примерно год и больше, а иногда и меньше, в зависимости от понятливости посвящаемых, юношам, живущим изолированно, обычно в лесных зарослях, передают накопленные знания, знакомят с правилами семейно-брачной жизни, рассказывают о верованиях, обычаях, преданиях и тайнах рода и племени, предупреждая при этом, что нарушение общественной дисциплины влечет за собой наказание, вплоть до смертной казни.

Наконец, на шестой стадии совершаются обряды, символизирующие возвращение посвящаемых к повседневной жизни, из которых последним является омовение.

Прошедших посвящения соплеменники восторженно приветствуют как воскресших из мертвых, а те делают вид, что не над ними совершались обряды, будто бы никого не знают, даже родителей, иногда притворяются, что не обладают речью и лишь постепенно, делая «поразительные» успехи, в

течение нескольких дней научаются говорить и запоминают названия окружающих их вещей.

Инициации понимаются первобытными народами как смерть и второе рождение подростков, и не случайно поэтому у некоторых племен они называются «возрождением».

В чем смысл посвячительных обрядов? Зачем подвергали физическим мучениям подростков, едва лишь переживших золотую пору раннего детства? Буржуазные этнографы, идеалистически истолковывая общественные явления, не видят, что в основе инициации лежит возрастное разделение труда, лишь облекаемое в религиозную оболочку, и поэтому полагают, как, например, А. Элькин, что «цель обряда посвящения: освятить человека и сделать его участником священной жизни героев племени и природы».

На самом деле основная цель посвячительных обрядов — воспитательная: юношей и девушек подготавливали к переходу в ранг полноправных взрослых людей, приучали их к выносливости, общественной дисциплине, соблюдению обычаев, традиций, морали, перенесению нужды и суровых тягот, которыми наполнена жизнь первобытных людей. Попутно им передавали предания и верования рода и племени. В эпоху материнского рода инициации совершались над всеми без исключения подростками.

С распадом первобытнообщинного строя через посвячительные обряды проходили только представители родоплеменной знати, тогда как беднейшие соплеменники, не говоря уже о рабах, не допускались к ним и поэтому принадлежали к категории неполноправного населения. Вместе с тем обряды упрощались, физические мучения облегчались и постепенно заменялись денежным выкупом.

В качестве пережитка инициации сохранялись в классовых обществах, например в Спарте, где всех юношей раз в год секли розгами, хотя бы они и не совершали никаких проступков.

Большие изменения произошли в жизни мезолитических племен в области семейно-брачных отношений. В этой связи обратимся к морганической схеме развития форм брака и семьи в первобытном обществе, которая в свете современных данных нуждается в уточнении.

По Моргану, из промискуитета развилась древнейшая форма семьи — кровнородственная семья, основанная на групповом браке между братьями и сестрами разных степеней родства. Запрещались брачные отношения между роди-

телями и детьми и вообще между предками и потомками, тогда как все лица, принадлежавшие к одному поколению, включая родных братьев и сестер, являлись друг для друга мужьями и женами. В результате запрета полового общения между братьями и сестрами, родными и отдаленных степеней родства, кровнородственная семья сменилась пуналуальной.

Пуналуальная семья, как полагал Морган, представляла собой такой коллектив, когда некоторое число сестер — родных, двоюродных и т. д. состояло в общем браке с группой мужчин, из которых исключались их братья, сперва родные, а затем и более дальних степеней родства. Ядром пуналуальной семьи могла быть группа братьев родных и дальних степеней родства, вступивших в общий брак с группой женщин, но только не своих сестер. Дальнейшая эволюция форм брака и семьи привела к появлению парной семьи, которая, в свою очередь, с возникновением частной собственности сменилась моногамной.

Более поздние исследования внесли некоторые коррективы в предложенную Морганом схему развития семейно-брачных отношений. Во-первых, выяснилось, что в XIX в. у туземцев Гавайских островов был парный брак, а не групповой. Моргана ввели в заблуждение американские миссионеры, извращающие факты в стремлении очернить гавайцев. Во-вторых, серьезные возражения вызывает гипотеза о кровнородственной семье. Аргументы, приведенные американским ученым в пользу ее существования, оказались несостоятельными. Гипотеза о существовании кровнородственной семьи пользуется все меньшим и меньшим признанием в советской литературе.

Этнографическая наука имеет в своем распоряжении многочисленный материал, свидетельствующий, что первой формой брачных запретов явилась экзогамия, тогда как исключение из полового общения лиц разных поколений, состоявших в кровном родстве, произошло уже после возникновения рода. Тем не менее эта гипотеза сохраняет в числе своих приверженцев таких видных ученых, как П. П. Ефименко, М. О. Косвен и П. И. Борисковский, которые видят в кровнородственной семье последний этап в развитии первобытного стада и относят ее существование к мустьерскому времени. Однако, ошибаясь в деталях, Морган был прав по существу, и его идея о развитии семейно-брачных отношений от промискуитета через групповой брак к парной семье и моногамии не вызывает возражений.

Групповые формы брака, как стадия в развитии семейно-брачных отношений, не оставались неизменными и эволюционировали по линии сужения круга лиц, могущих вступать внутри его в половое общение. Полагают, что на первом этапе своего развития групповой брак, возникший одновременно с родовой организацией непосредственно из состояния промискуитета, представлял собой такую форму общественного регулирования отношений полов, когда все без исключения мужчины одного рода имели право на всех женщин другого и наоборот. В дальнейшем, с сужением брачного круга, повидимому, только определенные группы мужчин и женщин разных родов являлись друг для друга коллективными мужьями и женами. Еще позже, в раннем мезолите, а, возможно, в конце верхнего палеолита, по мере закрепления сожителства парами, эпизодически имевшие место еще в промискуите, групповой брак уступил свое место парному.

Переход к парному браку, по мнению Бахофена и Ф. Энгельса, происходил по инициативе женщин, для которых групповой брак имел свои тяготы. Парную семью нельзя смешивать с моногамной, от которой она далека. Имеется пять важных отличий парного брака от моногамного.

1) Главное из этих отличий состоит в том, что парная семья в противоположность моногамной не является экономической клеточкой общества: хозяйство ведет сообща группа парных семей. Далее, если моногамный брак в эксплуататорских обществах основывается на господстве мужчины, то парная семья характеризуется полным равенством обоих супругов. Кроме того, в отличие от моногамной семьи брачные узы парного брака непрочны и легко расторгимы по желанию одной из сторон. К тому же моногамный брак в антагонистических обществах покоится на частной собственности, тогда как парная семья — на коллективной. Наконец, парной семье сопутствуют пережитки группового брака, что исключено при моногамии.

Пережитки группового брака многочисленны, и некоторые из них доживают до раннеклассовых обществ. К ним, например, относятся наблюдавшаяся у многих племен большая половая свобода женщин до брака и строгое ее запрещение после замужества. Нередко конфликты между отдельными мужчинами или даже коллективами улаживались посредством временного обмена женами. Зачастую временно обменивались женами и члены отряда мстителей, перед тем как ступить в поход. Если их противники желали избежать

кровопролития, то они, как это обычно делалось у австралийцев, высылали к ним навстречу группу женщин, предлагая вступить с ними в брачные отношения. В случае отклонения этого предложения примирения не происходило.

У некоторых центральноавстралийских племен наблюдался обычай, получивший наименование пир а у р у, когда супруги имели по несколько добавочных жён и мужей, считавшихся главными у других мужчин и женщин. Вместе с тем эти супруги являлись добавочными мужьями и женами для других женщин и мужчин. Таким образом, супруги имели преимущественные, но не исключительные права друг на друга.

Пережитки эти проявлялись и в том, что в определенные праздники снимались всякие брачные запреты с мужчин и женщин, и на короткое время восстанавливалось свободное половое общение¹, и в том, что женщина, прежде чем стать женой одного мужчины, должна откупиться от других мужчин, некогда имевших на нее право при групповом браке. В последнем случае правом первой ночи впоследствии пользуется старейшина рода или вождь племени и даже феодал — в некоторых странах средневековья.

Живучими пережитками группового брака оказались сорорат и левират. Сорорат — это обычай, по которому мужчина брал в жены двух или нескольких сестер, родных или двоюродных. С появлением моногамной семьи сорорат превращается в порядок, по которому вдовец мог или даже был обязан вступить в брак с сестрой жены, если та свободна. Согласно обычаю левирата вдова могла или чаще всего должна была выйти замуж за родственника мужа, обычно его брата, если он не женат.

Пережитками группового брака также являются «гостеприимный гетеризм», полиандрия — когда группа братьев является мужьями одной женщины — и кросс-кузенный брак, при котором наиболее желательным браком, воспринимаемым порой как обязательным, является брак между двоюродными братом и сестрой².

Сменившая мезолит неолитическая эпоха отличается по сравнению с палеолитом значительно большим количеством археологических культур, имеющих теорриториально ограниченный характер. С развитием производительных сил человеческая культура все более дифференцируется.

¹ Этот пережиток, по-видимому, восходит еще к промискуитету.

² Имется в виду брак между детьми брата и сестры. Дети же двух братьев или дети двух сестер не могли вступать в брак.

Неолит начинается с появления глиняной посуды, явившемся важным событием в истории человечества. Возникновение нового производства — гончарства — помогло первобытному человеку в борьбе за существование, так как значительно облегчило ему приготовление и хранение пищи, в немалой степени способствовало дальнейшему развитию скотоводства и земледелия. Варка пищи в глиняной посуде улучшила питание человека, позволив увеличить ассортимент продуктов, употребляемых им в пищу. Отныне люди систематически стали есть вареную горячую пищу. Производство изделий из обожженной глины не только улучшило быт людей, но явилось необходимым условием для последующего развития строительного искусства и металлургии.

Каким образом человек научился, применяя обжиг, превращать сырую глину в твердое и прочное водонепроницаемое и огнестойкое вещество, точно не установлено. Существует несколько гипотез о происхождении керамики. Согласно одной из них, весьма правдоподобной, древнейшие сосуды, деревянные или чаще всего плетеные из растительных волокон, иногда обмазывались сырой глиной для придания им водонепроницаемости. У таких сосудов, случайно попавших в огонь, деревянная часть выгорала, а глиняная превращалась из мягкой и эластичной в твердую и хрупкую. Это навело человека на мысль изготавливать сосуды из одной только обожженной глины.

В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что древнейший способ изготовления горшков состоял в обмазывании глиной плетеных или деревянных сосудов с последующим их обжигом на костре. Однако более вероятно полагать, что путь изобретения керамики был неодинаков в разных местностях земного шара.

Неолитические племена применяли несколько способов лепки глиняной посуды. Самый распространенный из них состоял в наращивании кольцевым налепом стенок горшков глиняными валиками. Керамические изделия лепились «от руки» примерно до образования классовых обществ, когда был изобретен ручной гончарный круг — приспособление для производства главным образом глиняной посуды, состоящее из горизонтального круга, свободно вращающегося на вертикальной оси, укрепленной в опоре. Его изобретение позволило резко повысить производительность труда и улучшить качество продукции. До появления гончарного круга изготовление гончарной посуды занимались женщины.

Наряду с керамикой, в раннем неолите появляется топор, предназначенный преимущественно для обработки дерева. Он был по достоинству оценен в первую очередь при строительстве жилищ и лодок.

Основой жизни раннеолитических племен являлись охота и рыболовство. Земледелие и скотоводство только зарождались.

12 Не менее богат крупными производственными успехами был поздний неолит. В этот период у большинства племен земного шара появляется ткацкий станок простейшего типа. Возникает текстильное производство. Ткани, изготовление которых составляло обязанность женщин, богато орнаментировались. Не лишено основания мнение, что ткачество развилось из плетения. Сырьем для ткачества служили в основном крапива, лен и шерсть одомашненных овец.

Основным археологическим отличием позднего неолита являются полированные орудия, которые лишь изредка встречались в предшествующее время. С их появлением значительно возросла производительность труда. Полированные орудия были более легкими, удобными и прочными по сравнению с орудиями труда прошлых эпох. Полирование твердых пород камня — трудоемкий процесс. Полировались главным образом деревообделочные инструменты, чаще всего топор, тогда как основная масса кремневых орудий даже в позднем неолите изготовлялась посредством обивки и ударной ретуши.

В позднем неолите широкое распространение получили также пиление и сверление камня, продолжали развиваться скотоводство и земледелие.

У многих позднеолитических племен, живших в благоприятных природных условиях, скотоводство или земледелие стало ведущей отраслью хозяйства, оттеснив охоту, собирательство и рыболовство на второй план. Земледелие и скотоводство в неолите носили еще примитивный характер. Ведение скотоводческого и особенно земледельческого хозяйства требовало от людей огромной затраты времени и тяжелого изнурительного труда. Тем не менее земледельцы и скотоводы продвинулись далеко вперед по пути исторического прогресса в сравнении с охотниками, рыболовами и собирателями, суровая и полная лишений жизнь которых представляла собой чередование коротких времен изобилия пищи и длительных периодов голодовок.

Почти полная зависимость людей от природы на предыдущих этапах первобытнообщинного строя требовала от них постоянного максимального напряжения физических и духовных сил. Все это приводило к высокой смертности, обусловившей медленный рост численности населения на заре истории человечества. Однако люди в процессе трудовой деятельности вырывали у природы одну тайну за другой, научились приспосабливать ее для своих целей. Каменный топор в союзе с разумом уничтожал враждебные человеку дикие леса, создавал поля и пастбища.

Переход от присваивающего, или хищнического, способа ведения хозяйства к земледелию и скотоводству, от использования природных ресурсов в их натуральном виде к умножению продуктов природы значительно расширил область трудовой деятельности человека, обеспечил эти племена более или менее постоянными источниками питания и тем самым качественно изменил условия их существования. Люди научились заготавливать запасы пищи.

С возникновением земледелия и скотоводства первобытные люди резко уменьшили свою зависимость от природы, что явилось большим толчком в количественном развитии человечества. Увеличилась плотность населения. Появление земледелия и скотоводства в качестве основы хозяйства не повлекло за собой прекращения прежних видов деятельности людей — охоты, собирательства и рыболовства. Плоды сельскохозяйственного труда первоначально не были столь велики, чтобы можно было пренебречь другими источниками пищи. К тому же земледелием занимались не круглый год, а в определенные сезоны, что позволяло людям уделять внимание другим формам хозяйственной деятельности.

В позднем неолите материнский род достиг высшей точки своего развития. Классическим примером расцвета материнского рода являлись индейские племена ирокезов, жившие к началу европейской колонизации Северной Америки в районе Великих озер. Северная, самая многочисленная, группа ирокезов состояла из трех союзов племен, один из которых, получивший в этнографической литературе наименование собственно ирокезского, приобрел мировую известность благодаря исследованиям Л. Моргана и особенно Ф. Энгельса, критически изложившего в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» выводы американского ученого о сущности первобытнообщинного строя и основных этапах его развития. Глубоко были изучены обще-

ственный строй, вопросы родства и семейно-брачная жизнь индейцев племени сенеки, один из родов которого — Ястреб усыновил своего исследователя — Моргана.

Союз собственно ирокезов образовался, по-видимому, в XVI в. Первоначально в него входили четыре племени: сенека, онейда, онондага и кайюга. Вскоре после своего образования он включил в свой состав могауков, а в начале XVIII в. — тускароров. Ирокезы, первые получившие среди индейцев востока Северной Америки огнестрельное оружие из рук европейских колонистов, создали мощную военную организацию. Подталкиваемые колонизаторами, они в XVII в. покорили, частью истребив и прогнав, соседние племена.

Вопрос об этногенезе ирокезов в науке окончательно не решен. То обстоятельство, что они жили в окружении алгонкинских племен, наводит на мысль, что ирокезы являются пришельцами, потеснившими коренное население. Распространенная в прошлом гипотеза, по которой ирокезы поселились в районе Великих озер незадолго до открытия Колумбом Америки, принеся с собой относительно высокую культуру, теряет своих приверженцев. Археологические данные дают основание ряду ученых относить появление ирокезов на северо-востоке США к V—VI вв. н. э., если не раньше. Не подтверждены новейшими этнографическими исследованиями прежние взгляды о значительной обособленности в культурном отношении ирокезов от алгонкинских племен. Открытым остается вопрос о первоначальном месте обитания ирокезов. Большинство ученых склоняется к мысли о южном происхождении ирокезских племен.

Большой интерес для науки представляют экономика и особенно общественный строй ирокезов. Основой хозяйства у них являлось огородничество, или мотыжное земледелие подсечно-огневого типа, а главной сельскохозяйственной культурой была кукуруза. Ирокезы культивировали более 10 сортов кукурузы, длина початка некоторых из этих сортов достигала 45 сантиметров, а высота растений — 5 метров. По свидетельству путешественников XVII—VIII вв., размеры некоторых кукурузных полей, окружавших селения ирокезов, достигали многих сотен гектаров. Кукуруза составляла основу питания ирокезов, и колонизаторы, чтобы нанести им наибольший урон, стремились в первую очередь уничтожить кукурузные поля и запасы зерна. Ирокезы также уделяли большое внимание выращиванию многочисленных разновидностей бобов и тыкв, сажали подсолнечник, табак, арбузы, кабачки.

земляную грушу и другие сельскохозяйственные культуры.

Для ирокезов, живших в лесной местности и не имевших металлических орудий, подготовка участков земли под посев — расчистка ее от зарослей кустарников и деревьев, выкорчевывание пней, выравнивание почвы — было наиболее трудоемким процессом, и эту работу производили мужчины. Основные сельскохозяйственные работы — обработка почвы, посадка семян и сбор урожая — выполнялись исключительно женщинами. Из земледельческих орудий преимущественно употреблялись заостренная палка, мотыга, лопата и каменные ножи — для жатвы.

Наряду с земледелием, немаловажное значение в экономике ирокезского общества сохраняли охота, рыболовство и собирательство. Охотились в основном осенью и в первой половине зимы на оленя, бобра, лося, лисицу, зайца, медведя и других животных. Охота велась как в одиночку, так и коллективно с соблюдением охотничьих правил, предохранявших дичь от полного истребления. До появления огнестрельного оружия основным охотничьим оружием был лук, хотя ирокезы широко применяли ловушки и западни. На птиц охотились круглый год. Особенно интенсивно весной и осенью ловили перелетных птиц.

Рыболовство, как и охота, было мужским занятием. Рыбу ловили преимущественно весной и летом удочками и сетями, били копьями и гарпунами, стреляли из лука. Реки и озера местности, где жили ирокезы, изобиловали рыбой, и поэтому уловы были значительны. Сохранился рассказ одного миссионера, участвовавшего в коллективной рыбной ловле. Улов был так велик, что на его долю досталось столько рыбы — разрезанной, высушенной и упакованной в корзины, — что понадобилось 30 мулов, чтобы ее привезти.

В отличие от охоты и рыболовства собирательством занимались женщины. Ирокезы употребляли в пищу земляной орех и дикий картофель, молодые побеги многих растений, каштаны, желуди, различные орехи и грибы, свыше 20 видов ягод, а также черепах, лягушек, птичьи яйца, муравьев и т. д. В большом количестве собирали кленовый сок (одно дерево давало за сезон до семи ведер этой жидкости), из которого вываривали патоку и сахар. Ирокезы пили кленовый сок как в свежем виде, так и после того как он перебродит, в качестве хмельного напитка.

Значительное место в экономике ирокезских племен занимали ремесла, развитие которых, однако, сдерживалось от-

сутствием металлов. Домашняя утварь, предназначенная для собирания, приготовления, употребления и хранения пищи, была разнообразной и изготавливалась из коры вяза, дерева и глины. Гончарного круга ирокезы не знали — горшки и сосуды выделывали способом налепа. Из керамических изделий широкую известность приобрели орнаментированные курительные трубки. Ирокезы умели превращать звериные шкуры в кожу и мягкую замшу, из которых изготавливали плащи, набедренные и головные повязки, гамаки, ноговицы-гамашаи и мокасины — обувь без подошв, шерстью наружу. Одежду из замши украшали бахромой и расшивали иглами дикобраза и оленьим волосом.

Дома ирокезов представляли собой легкие, обшитые пластинами из древесной коры прямоугольные в плане постройки, достигавшие в длину 90 метров, в ширину — 6—20 и в высоту 8 метров. Не случайно ирокезы называли себя «народом длинного дома». Посередине хижины прямо на земле находились очаги, отстоявшие друг от друга на расстоянии 5—6 метров. По обе стороны от коридора располагались помещения для парных семей.

В основе общественной организации ирокезов был род, покоившийся на коллективной собственности на средства производства и коллективном потреблении. Имелся десять важнейших прав и обязанностей членов рода.

1. Род выбирал старейшину (сахема) и военного вождя. Старейшина, обязанности которого ограничивались мирными делами, избирался на общем собрании всех совершеннолетних мужчин и женщин из числа наиболее авторитетных и опытных в хозяйственном отношении членов рода. Другие роды данного племени должны были санкционировать его выборы. Распоряжения сахема выполнялись из уважения к нему (он не обладал правом принуждения). В отличие от старейшины, должность которого не могла оставаться вакантной, военного вождя могли не избирать в мирное время. Выбирался он на собрании взрослых мужчин и не обязательно из членов рода. Во время военных походов все приказания вождя выполнялись. Род мог избрать нескольких военных вождей. Влияние в обществе сахемов и вождей, не выделявшихся в имущественном отношении среди своих соплеменников, было обусловлено исключительно их личными качествами.

2. Хотя сахем избирался пожизненно, род имел право сменить его в любое время, как и военного вождя.

3. Род был строго экзогамен. Никто не мог взять жену

или мужа внутри рода, запрещались и внебрачные связи между членами этого коллектива.

4. Имущество умерших оставалось в роде и наследовалось в случае смерти женщины ее детьми и родными сестрами. Если же умирал мужчина, то наследство делилось между его родными братьями и сестрами и братьями матери. Супруги исключались из наследования друг другу, так же как отцы и дети. Наследование по женской линии, равно как и счет родства, вытекало из существования у ирокезов материнского рода. Какое же имущество после смерти их владельцев доставалось наследникам? Только личная собственность: одежда, утварь, оружие, предметы украшения и т. д.

5. Род был спаян взаимной обязанностью сородичей в материальной помощи, защите и отмщении обид, обязанностью, вытекавшей из коллективного характера производства и сознания родственных связей между ними. Право членов рода на материальную помощь со стороны сородичей, удивительное гостеприимство ирокезов, засвидетельствованное путешественниками и миссионерами, не порождали лодырей, и все трудились в меру своих сил и способностей. Обязанность кровной мести сдерживала нанесение беспричинной обиды, ибо каждый ирокез знал, что на защиту потерпевшего станет весь его род. В ту историческую эпоху, в условиях слабости индивидуума перед другими человеческими коллективами, этот обычай играл положительную роль. Как правило, даже самые тяжелые проступки не вызывали немедленных ответных действий со стороны сородичей потерпевшего. Совет племени прилагал усилия, чтобы примирить оба рода. Богатые дары и извинения, приносимые родом обидчика по поводу проступка, если имелись смягчающие вину обстоятельства, чаще всего приводили к мирному урегулированию конфликта. Если же соглашение не состоялось, то род потерпевшего выделял мстителей для наказания обидчика, после чего инцидент считался завершенным. Таким образом, род не только защищал интересы своих членов, но и нес ответственность за их поступки.

6. Род имел имя, которым чаще всего являлось видовое название животного или птицы. Например, в племени сенека роды имели следующие названия: Волк, Медведь, Черепаха, Бобр, Олень, Кулик, Цапля, Ястреб.

Каждый род имел присущие только ему серии имен для своих членов. Имена давались не на всю жизнь. При переходе из одной возрастной группы в другую, в период отпра-

ления должностей и нередко во время болезни ирокезы меняли имена. Встречались очень красивые имена. Например, у мужчин: «Прекрасное озеро», «Ястреб, парящий в воздухе»; у женщин: «Лодка, плывущая по течению», «Птица, поющая при дневном свете».

7. Род мог усыновлять как иноплеменников, в том числе захваченных в плен, так и соплеменников. По сообщению Моргана, однажды род Ястреба из племени сенека, значительно сократившийся в своей численности, усыновил несколько человек из рода Волк по взаимному согласию. Гораздо чаще усыновляли иноплеменников. Племя онейда в конце XVII в. состояло фактически на две трети из гуронов и алгонкинов. Институт усыновления при материнском роде имел несравненно большее значение, чем в классовом обществе. Вследствие низкого уровня развития производительных сил военнопленных не могли тогда обращать в рабов и поэтому их чаще всего усыновляли, в первую очередь женщин и девушек, а затем — мужчин и юношей. Церемония усыновления в первобытном обществе состояла из различных обрядов. Например, необходимо было пройти обряд нового рождения, или дотронуться губами к соскам груди одной из старейших женщин, или выпить немного крови усыновителя, смешанной со своей кровью. Усыновленные становились полноправными членами данного рода.

8. Роду был присущ особый религиозный культ.

9. Род имел свое кладбище.

10. Каждый род имел совет — основанное на демократическом принципе собрание всех мужчин и женщин членов рода, достигших совершеннолетия. Ему принадлежала высшая власть в роде. «Свобода, равенство и братство, хотя и не были никогда формулированы, были основными принципами рода» (Морган).

Ко времени колонизации Северной Америки ирокезский род не представлял уже экономической единицы и распадался на несколько *о в а ч и р* — семейно-родственных групп, каждая из которых вела коллективное хозяйство. Овачира состояла из нескольких парных семей и первоначально помещалась в одном длинном доме. Дислокальное поселение супругов, господствовавшее у ирокезов до XVIII в., сменилось матрилокальным, когда муж поселялся в доме жены и вступал в ее домохозяйство. Но и в этом случае супруги сохраняли принадлежность к своим овачирам и родам, а дети их принадлежали к овачире матери.

Власть внутри овачиры находилась в руках женщин. Собрание замужних женщин, имевших детей, выбирало из числа трудолюбивых, с покладистым характером и опытных в хозяйстве женщин правительницу и ее помощниц — двух или четырех распорядительниц. Правительница руководила овачирой с согласия женщин-матерей. Малочисленные овачиры рода нередко объединялись. С другой стороны, отдельные овачиры, разрастаясь, становились родами и расчленились на несколько овачир.

Роды группировались во ф р а т р и и (братства). У ирокезов племена состояли из двух фратрий, представлявшие, как указывал Ф. Энгельс, «первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя». Фратрия — соединение родственных родов. Она не имела каких-либо функций управления, принадлежащих роду, племени и конфедерации. Первоначальный род, разделившийся с ростом населения на несколько самостоятельных дочерних родов, и составил фратрию.

Сначала фратрия была экзогамна и лишь позднее стали разрешаться браки между дочерними родами. Роды одной фратрии сознавали близкое родство между собой и составляли известную социальную и идеологическую общность. Так, в совете племени сахемы и вожди одной фратрии сидят против сахемов и вождей другой; если умирали выдающиеся члены племени, то организацию похорон брали на себя люди противоположной фратрии; сахемы и вожди утверждались и братскими родами, и советом другой фратрии; каждая из фратрий имела особые религиозные обряды.

Более сложную общность, чем род и фратрия, составляло племя. Каждое племя имело собственное имя, особый диалект и владело определенной территорией. Оно утверждало в должности избранных сахемов и вождей и могло смещать их. Управлял племенем совет, состоявший из всех сахемов и вождей. Участвовать в его заседаниях с правом совещательного голоса могли все взрослые члены племени, но окончательное решение, которое должно быть единогласным, принимал совет племени. Некоторые племена выбирали из числа сахемов верховного главу, полномочия которого были скромны.

Еще более развитую общественную организацию представлял союз ирокезских племен. Он был основан на принципах равноправия и управлялся союзным советом, состоявшим из 50 сахемов (практически — из 48 сахемов, так как Гайавата и Дагеноведа — легендарные основатели союза — были пожиз-

ненными его членами из уважения к их памяти; Гайавату обессмертил Лонгфелло в поэме «Песнь о Гайавате», хотя знаменитый американский поэт несколько и отступил от исторической правды при изображении его жизни).

По традиции в совете союза племена были представлены неодинаковым числом сахемов, что не ущемляло чьих-либо интересов, так как при голосовании племя имело один голос. К тому же постановления союзного совета должны были приниматься единогласно. Во внутренних делах племя оставалось полностью самостоятельным. Совет союза выбирал двух высших вождей, равных друг другу по рангу и власти. Должности эти были не очень влиятельные, постоянные и замещались только членами двух родов племени сенеки.

И что за чудесная организация этот родовой строй,— писал Энгельс,— во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой... Все вопросы решают сами заинтересованные лица и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал... А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямотушии, силе характера и храбрости этих варваров»¹.

Вместе с тем Энгельс предостерегал против попыток идеализации первобытнообщинного строя. «Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примерах попыток ирокезов поработить другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии была несколько смягчена под влиянием материальных интересов»².

В силу неразвитости производительных сил природа гос-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 97—98.

² Там же, стр. 99.

подчинялась над человеком. Кругозор людей был крайне узок. Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга¹. Зажатые в тиски традиций и преданий, слепо подчиняясь обычаям, установленным их предками, люди того времени являлись рабами прошлого. «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена,— и она была сломлена»².

Расцвет материнского рода — это высшая точка развития первобытнообщинного строя. В обществе отсутствовали богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые. Каждый человеческий коллектив был тесно сплочен общностью интересов его членов, рожденной коллективным трудом. Возникновение отцовского рода, пришедшего на смену материнскому, явилось началом гибели первобытнообщинной формации.

В марксистской литературе вопрос о причинах превращения материнского рода в отцовский, когда счет родства и наследование велись уже по мужской линии, освещен неудовлетворительно. Реакционные буржуазные ученые вообще отвергают правомерность постановки этого вопроса, утверждая, без должных оснований, подобно датскому этнографу Старке, что первобытные народы развивались двумя параллельными путями: либо земледельческо-матриархальным, либо скотоводческо-патриархальным. Этим самым отрицается универсальность материнского рода как всеобщей стадии развития первобытного общества, отвергается теория единства исторического процесса.

Прогрессивные буржуазные авторы переход от материнского рода к отцовскому чаще всего объясняли следующими факторами (одним или несколькими): возникновением патрилокального поселения, похищением женщин, моногамией, отцовским счетом родства, появлением частной собственности, развитием скотоводства, переходом от мотыжного земледелия к плужному, сменой религии, естественным ростом населения и т. д. Не смог решить эту проблему и Морган. Автор «Древнего общества» главным мотивом перехода к отцов-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

² Там же.

скому роду считал стремление отца передать имущество родным детям, что было обусловлено возникновением скотоводства, развитием земледелия и появлением частной собственности.

В действительности, как это установил Ф. Энгельс, смена материнского рода отцовским объясняется ростом производительных сил общества, вызвавшим в конечном итоге глубокие преобразования как в экономике, так и в социальных отношениях.

На данном этапе подъем производительных сил был вызван в первую очередь появлением и развитием обработки металлов. Самые ранние металлические орудия изготовлялись из самородной меди, по-видимому, способом холоднойковки с помощью каменного топора. Процесс плавки людям стал известен позднее. Но медь, мягкая и непрочная, не могла вытеснить каменные орудия. Однако первый шаг был сделан. Человек вступил в век металла, который произвел революцию в производстве и вызвал глубокие перемены в общественной жизни людей.

Начало подлинного металлического периода в истории человечества связано с появлением бронзы, когда была одержана победа над камнем. Представляя собой сплав меди с оловом или — значительно реже — цинком, свинцом либо сурьмой, бронза по сравнению с медью значительно тверже, имеет более низкую температуру плавления, что облегчает ее литье, обладает хорошей ковкостью. Орудия труда из бронзы к тому же прочнее медных. В бронзовом веке каменные орудия не исчезли полностью. Бронза хрупка, и поэтому каменные полированные топоры успешно соперничали с бронзовыми. К тому же месторождения меди, и особенно олова, крайне редки.

Рост производительных сил определил дальнейшее развитие старых форм хозяйства и вызвал к жизни новые отрасли экономики. Огородничество, или мотыжное земледелие с примитивной техникой обработки почвы, переходит к более высокой форме — полеводству, или плужному земледелию. В советской литературе общепризнанно, что земледелие развилось непосредственно из систематического собирательства диких съедобных растений. Так как собирательством растительной пищи занимались женщины, то именно им принадлежит заслуга перехода к земледелию, которое первоначально было отраслью женского труда.

Некоторые ученые происхождения культурных растений

связывают с верхним палеолитом, однако древнейшие следы земледелия археология с достоверностью относит к раннему неолиту. Жатвенный нож и серп с лезвием из острых кремней вкладывались в мезолите, применялись, как полагают, для сбора диких трав. Обработка почвы мотыгой вручную была трудоемким процессом. Однако выращивание злаков давало людям постоянную пищу, и поэтому земледелие, занимавшее сначала небольшой удельный вес в экономике первобытных народов, оттеснило в конце неолита на второй план «присваивающие» формы хозяйства — охоту и собирательство.

Со времени возникновения полеводства женщины утрачивают ведущую роль в земледельческом труде, который становится мужской отраслью деятельности. Переход от мотыжного земледелия к плужному, когда в качестве тягловой силы использовался уже рабочий скот, мог произойти лишь после приручения и одомашнения животных.

Приручение, а затем и одомашнение диких животных, по-видимому, произошло в мезолите, так как неолитическим племенам уже были известны большинство основных видов современных домашних животных. Относить это культурное завоевание к более раннему времени, к верхнему палеолиту, представляется маловероятным, в связи с тем что мадленский охотник непрерывно кочевал. Приручение и одомашнение диких животных возможны были в условиях прочной оседлости, которая появилась в мезолите. Первым прирученным животным была собака, затем свинья или коза. Крупные домашние животные были приручены позже, чем мелкие.

Существует много теорий о том, как были приручены и одомашнены животные. Самая распространенная из них начало скотоводства выводит непосредственно из охоты. В неолитическую эпоху скотоводческое хозяйство было примитивным. Животных разводили главным образом ради их мяса, жира и шкур.

С появлением бронзовых орудий труда, примерно в то же время, когда произошел переход от мотыжного земледелия к плужному, возникло развитое, или подлинное, скотоводство. Отныне одомашненные животные стали использоваться и для обработки земли, и для вьючного и гужевого транспорта. Человек научился употреблять в пищу молоко. Навоз стал применяться для удобрения почвы, а шерсть шла на изготовление пряжи.

По-видимому, в начале металлического периода на обшир-

ных пространствах Азии, Африки и Европы произошло первое крупное общественное разделение труда: одни племена стали заниматься преимущественно скотоводством, а другие — земледелием. При этом последние занимались подсобным скотоводством, ибо плужное земледелие невозможно без скота, тогда как многие пастушеские племена, обитавшие в богатых травами степях, не знали земледельческого труда.

Ф. Энгельс на примере главным образом скотоводов показал переход от материнского рода к отцовскому. Объясняется это, по-видимому, тем, что у скотоводческих племен патриархальные отношения развились более быстрыми темпами, чем у земледельческих, где дольше сохранялись пережитки материнского рода, пережитки, обусловленные тем, что женский труд сохранял известное значение в земледелии. «Увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее»^{1/}

Появился прибавочный продукт. Возникли экономические предпосылки эксплуатации человека, военнопленных стало выгодно обращать в рабов! «Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуатируемых»^{2/}

Первое крупное общественное разделение труда и вызванный им подъем производительной деятельности дали толчок развитию обмена. Натуральное хозяйство первобытного общества не исключает обмена, который вытекает из экономических потребностей человека. В мезолите уже существовало межплеменное разделение труда, связанное с различием физико-географических условий. Например, интенсивно обменивались изделиями и сырыми материалами прибрежные жители с населением внутренних областей, горные племена с равнинными и т. д. Чаще всего предметами обмена являлись оружие, утварь, украшения, местные продукты природы и значительно реже — съестные припасы.

Обмен был примитивен и состоял из одного акта: купля и продажа совершались одновременно. Обменивались предметами, которые непосредственно нужны были для потребления обеим сторонам, например: каменный топор отдавали за копье.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 161.

² Там же.

Пятие стоимости отсутствовало. С ростом производитель-
ных сил и возникновением излишков обмен между скотовод-
ческими и земледельческими племенами количественно воз-
рос. Стало зарождаться товарное производство. Товар — это
продукт, удовлетворяющий какую-либо потребность человека
и производимый не для собственного потребления, а для про-
дажи.

Очень важным следствием крупного общественного раз-
деления труда явилось также изменение места мужчины и
женщины в общественном производстве. Скотоводство, как
и плужное земледелие, явилось отраслью труда, принадле-
жащей мужчине, а женщина довольствовалась ведением
только домашнего хозяйства. Если в предшествующее время
труд женщины по своей производительности не уступал тру-
ду мужчины, а в период расцвета материнского рода нередко
превосходил его, то положение коренным образом измени-
лось при патриархате, когда «домашняя работа женщины утра-
тила свое значение по сравнению с промысловым трудом
мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным
придатком»¹.

Разделение труда по полу, имевшее естественное проис-
хождение, с возникновением отцовского рода приобрело об-
щественное значение. «Ведение домашнего хозяйства утра-
тило свой общественный характер. Оно перестало касаться об-
щества. Оно стало *частным занятием*»². Излишки, которые
давал теперь промысел, принадлежали мужу — отцу. Его по-
ложение в семье стало более влиятельным, чем положение
жены — матери.

«Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вто-
рым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась
своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину
оттеснил на второе»³. Отстраненная от участия в обществен-
ном производстве, жена утратила при патриархате свое по-
четное положение и была превращена в служанку мужа. Не
только в производстве, но и в семье мужчина захватил бразды
правления. Появление богатств у мужа — отца вызвало у не-
го стремление изменить прежний порядок наследования, что-
бы передать имущество своим детям. Все это привело в ко-
нечном итоге к изменению счета происхождения и родства,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 162.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 162.

а затем и к переходу от матрилинейного наследования к наследованию патрилинейному. Процесс превращения материнского рода в отцовский завершился.

! [«Ниспровержение материнского права,— писал Ф. Энгельс,— было *всемирно-историческим поражением женского пола*»¹.]

Подавляющее большинство первобытных народов проделало путь от материнского рода к отцовскому, занимаясь земледелием или скотоводством. Объясняется это тем, что плужное земледелие и развитое скотоводство в тех исторических условиях более, чем другие отрасли производства, благоприятствовали возникновению и развитию патриархата, благодаря их высокой производительности труда и сравнительно быстрому изменению роли полов в общественном производстве.

Вместе с тем переход к патриархату происходил и в обществах, не знавших ни земледелия, ни скотоводства, обществах, в которых ведущей формой хозяйственной деятельности были высокопродуктивное рыболовство или охота. При особых условиях производительность труда рыболовческих или охотничьих племен достигала такого уровня, когда появлялся прибавочный продукт и мужчина приобретал решающее значение в производстве.

Переход от материнского рода к отцовскому составил длительную историческую эпоху. Он сопровождался появлением новых обычаев, новых форм брака и семьи. Возросшая хозяйственная роль мужского труда вызвала замену матрилокального поселения супругов патрилокальным, когда жена переходила на постоянное местожительство в род мужа. Новый порядок поселения супругов соответствовал интересам мужчины.

Изменились и брачные отношения. Неустойчивый и легко распадавшийся парный брак, который сопровождался пережитками группового, перерос в более высокую форму — моногамию, т.е. единобрачие, характеризующуюся более прочными брачными узами. Если при парном браке отсутствовал антагонизм полов, то моногамия, вызванная экономической необходимостью, в эксплуататорском обществе основана на подчинении жены мужу, так как в основе ее лежат не естественные, основанные на индивидуальной половой любви, а имущественные отношения супругов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 60.

Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия¹. Таким образом, возникновение патриархального рабства и связанное с ним первое в истории человечества имущественное и социальное неравенство «совпадает с порабощением женского пола мужским»².

Появившееся единобрачие было неполным: муж сохранял право на супружескую неверность, тогда как измена жены строго каралась. Вместе с тем порядки материнского рода полностью не исчезли. Например, замужняя женщина не теряла окончательно связи со своим родом, возвращаясь время от времени в него на короткий срок. Отец и его дети были по-прежнему чужими друг другу, так как принадлежали к разным родам, хотя и жили совместно. С наступлением же половой зрелости дети переходили жить в род матери, к дяде, который продолжал считаться их самым близким родственником по мужской линии.

В период разложения материнского рода и становления отцовского сложился специфический комплекс отношений между дядей с материнской стороны и племянниками. Этот обычай получил наименование *авункулата* (от латинского *avunculus* — «дядя по матери»). Тесная связь между дядей и племянниками выражалась в их взаимных правах и обязанностях. Так, дядя заботился о воспитании племянников, подготавливал их к посвященным обрядам при переходе в группу взрослых, подыскивал им женихов и невест. В свою очередь племянники являлись помощниками своего дяди, наследовали его имущество, а старший племянник — и пост, если дядя был вождем или старейшиной. Порой племянник обязан был вступить в брак со вдовой дяди.

Вопрос о времени возникновения *авункулата* не решен окончательно в исторической литературе. Широко распространенное в прошлом мнение о существовании этого обычая в материнском роде оставлено многими советскими этнографами после выхода в свет трудов М. О. Косвена. Московский ученый основательно аргументировал свой взгляд, по которому *авункулат* лишь зарождался в матриархате, но окончательно сложился в переходную эпоху от материнского рода к отцовскому.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 68.

² Там же.

С укреплением патриархальных начал существовавшие взаимоотношения между дядями и племянниками вступили в противоречие с новым укладом жизни, тогда как связи между отцом и его детьми неуклонно возрастали. С возникновением патриархата конфликт между двумя общественными порядками окончился поражением материнского права. Родство начало считаться по отцовской линии, отец стал удерживать у себя своих детей. Отцовский род окончательно сложился.

Тем не менее и при патриархате авункулат продолжал существовать в виде пережитка. Например, дяди и племянники обязаны были делать друг другу подарки в торжественных случаях, племянник отдавал часть охотничьей и военной добычи дяде, сохранял право на долю его наследства и т. д. В раннеклассовых обществах верховная власть иногда передавалась от дяди к племяннику.

К числу распространенных обычаев, возникших в переходное время от материнского рода к отцовскому, относится кувада (от французского couveг — «высиживать яйца»). Обычай этот заключается в том, что отец имитирует роды ребенка. За несколько месяцев до родов муж, подобно супруге, начинает употреблять в пищу те продукты, которые в период беременности требуются женскому организму и, наоборот, отказывается есть определенные виды продуктов. В момент родов муж ложится в постель, стонет, кричит, а затем принимает поздравления от родственников и соседей, тогда как роженица делает вид, что не имеет никакого отношения к появившемуся на свет младенцу. Впервые правильную интерпретацию кувады дал Бахофен, пояснивший, что в этом обычае нашел отражение переход от материнского права к отцовскому, когда отец стремился подчеркнуть свое преимущественное право на детей.

Одним из важнейших результатов смены материнского рода отцовским является образование новой социально-экономической ячейки общества — патриархальной семьи. Переход к единобрачию не означал в тех исторических условиях появления экономически самостоятельной моногамной семьи. Развитие производительных сил не достигло еще такого уровня, который позволил бы отдельной супружеской паре вести самостоятельное хозяйство. Такой хозяйственной клеточкой общества явилась патриархальная семья, состоявшая из четырех-пяти поколений ближайших родственников по линии отца, потомков одного мужчины с их женами.

В основе патриархальной семьи, численность которой достигала иногда ста и более человек, лежала коллективная собственность на землю и основные орудия производства, общий труд и потребление. Предметы индивидуального пользования, например одежда, оружие, украшения, находились в личной собственности. Женщины и дети полностью зависели от мужа и отца. Разрастаясь, патриархальная семья порой делилась на части, каждая из которых становилась самостоятельной семьей.

Патриархальная семья в литературе имеет несколько наименований. Часто ее называют также большой семьей, семейной общиной или патриархальной домашней общиной. Долгое время во взглядах на большую семью царила путаница, так как она зачастую смешивалась с сельской общиной. Впервые сущность и значение патриархальной семьи раскрыл М. М. Ковалевский, установивший, что она явилась переходной ступенью от парной семьи к моногамной семье классового общества. Этим самым было доказано, что большая семья является временной категорией и представляет собой универсально-историческую стадию в развитии семьи. Заслуги М. М. Ковалевского в этом вопросе были высоко оценены Ф. Энгельсом.

Многие исследователи посвящали свои труды патриархальной семье, тем не менее не все стороны ее хорошо изучены. Например, не совсем ясен процесс возникновения большой семьи. В буржуазной науке распространены антиисторические воззрения, согласно которым большая семья возникла из моногамной в связи с тем, что последняя разрасталась, причем вопреки фактам время ее возникновения относят к эпохе феодализма. В действительности, большая семья образовалась в процессе разложения материнского рода.

Значительный вклад в изучение патриархальной семьи внесли советские ученые, особенно М. О. Косвен, обобщивший результаты своих многолетних исследований в монографии «Семейная община и патриархат».

Большая семья управлялась патриархом, старейшим мужчиной, который являлся организатором и руководителем хозяйства и почти полным распорядителем общесемейного имущества. С гибелью первобытнообщинного строя семейная община распалась на экономически самостоятельные малые или моногамные семьи.

В пережиточной форме большие семьи существовали одновременно с моногамными во многих рабовладельческих и

феодалных обществах, доживая до ранней ступени развития капиталистических отношений. В классовых формациях патриархальная семья претерпела значительные изменения. В зависимости от конкретно-исторических условий возникли различные типы семейных общин. В раннерабовладельческих обществах главы патриархальных семей имели обычно огромную власть. У римлян, например, патриарх обладал правом жизни и смерти над всеми членами семьи. Таким же господином жены и детей, не говоря уже о рабах, был глава патриархальной семьи в Ассирии, Палестине, Индии и других странах Древнего Востока. Нередко патриархам разрешалось многоженство.

Другой тип семейной общины, где управление всем хозяйством строилось на демократических основаниях, наиболее характерно представлено южнославянской большой семьей. Она существовала еще в XIX в. и называлась у сербов — «задруга», хорватов — «скупщина», герцеговинцев — «дома». Лучше всего изучена задруга («товарищество», «братство»). Высшая власть в ней принадлежала семейному совету, состоявшему из всех взрослых мужчин и женщин, имевших равные права. Семейный совет выносил постановления относительно крупных закупок или продаж, о займах, обсуждал вопросы о браке своих членов, чинил суд над ними. На семейном совете избирались домачин и домачица — руководители общин.

Домачин («правитель дома») управлял хозяйственной деятельностью членов семьи, организовывал их труд, сам являлся работником, подавая пример другим. Он мог накладывать дисциплинарные взыскания, вел денежные дела, являлся представителем общины перед властями. Домачин пользовался уважением за свои личные качества и не обязательно должен быть старейшим по возрасту мужчиной. Деятельность домачина контролировалась семейным советом, который в любое время мог лишить его занимаемого поста, если он не по-хозяйски вел дела или скомпрометировал себя.

Главной домохозяйкой была домачица, являвшаяся обычно женой домачина. Она ведала трудом женщин по дому и следила за их поведением, подыскивала юношам невест, а девушкам женихов, распоряжалась продуктами и предметами домашнего обихода. Как и домачин, она несла ответственность за свою деятельность перед семейным советом. Малолетние дети обоего пола находились в ведении своих мате-

рей, но, подрастая, переходили в распоряжение домачицы (девочки) и домачина (мальчики).

В Югославии и поныне эпизодически встречается так называемая «разделенная задруга», когда вследствие малоземелья или иных причин некоторые члены ее живут и хозяйствуют не вместе со всеми, а отдельно, в разных местах. Несмотря на территориальную разобщенность, задруга сохраняет экономическое единство, так как во главе ее стоит один домачин, сохраняется коллективная собственность на землю и основные орудия производства, сообща распределяются продукты труда.

Существование большой семьи в XIX в. засвидетельствовано в Швейцарии, Испании, Норвегии, Афганистане и других странах мира, где в сельской местности сохранялись остатки первобытнообщинного уклада. У некоторых народов Кавказа семейная община сохранялась до Великой Октябрьской социалистической революции, а местами, например у горских евреев, до коллективизации.

Благодаря стараниям М. М. Ковалевского подробно описана большая семья осетин. Глубоко исследована грузинская семейная община в трудах Р. Л. Харадзе. Меньше сведений сохранилось о великорусской большой семье. Глава ее — большак, старшой — обладал значительной властью. В качестве пережитка семейного быта патриархальной домашней общины в России до 1917 г. существовало снохачество (сожителство свекра со снохой) — явление, описанное в художественной литературе (например, А. Ф. Писемским в рассказе «Батька»).

Существенной особенностью патриархальной семьи доклассового и раннерабовладельческого обществ является включение в ее состав несвободных, т. е. рабов. Рабство зародилось в недрах первобытнообщинного строя в виде уклада и носило примитивный характер. Это было так называемое «патриархальное рабство», существовавшее у всех народов мира. Первоначально в рабов обращались исключительно военнопленные.

Эксплуатация рабов в тех исторических условиях носила смягченный характер, в жестокой эксплуатации просто не было необходимости. Рабы входили в состав патриархальной семьи на правах ее младших членов, но они выполняли наиболее тяжелую, главным образом малоквалифицированную работу. В целом труд рабов играл второстепенную роль в экономике, и поэтому патриархальное рабство не являлось

особым способом производства. Рабы принадлежали всему коллективу патриархальной семьи, а не отдельным лицам.

Совокупность патриархальных семей образовывала отцовский род, в основе которого лежало коллективное владение землей, пастбищами, лесом, водными пространствами. Земли, годные для пахоты, передавались в пользование патриархальным семьям и в зависимости от изменений в численном составе последних время от времени подлежали переделу. Основной хозяйственной ячейкой общества являлась патриархальная семья, но в известных случаях, когда необходимо было объединение усилий большого коллектива (например, во время загонной охоты, строительства каналов или плотин), восстанавливалось на короткий срок бывшее производственное единство родовой общины.

Однако не всегда распад материнского рода приводил к возникновению отцовского. Иногда материнский род распался, а отцовский не складывался; так было, например, у полинезийцев и эскимосов Аляски. В этом случае материнский род сменился непосредственно соседской общиной, состоящей из нескольких больших семей.

Большая семья представляла довольно прочное общественно-хозяйственное единство ее члeнов. Но первобытный коллективизм и родственные узы — принципы, на которых она была основана, — с ростом производительных сил подрывались.

Несмотря на свою стойкость, патриархальная семья на определенном этапе своего развития неизбежно должна была распаться. Процесс перехода от многочисленной семейной общины к малой, или моногамной, семье обнимал продолжительный исторический отрезок времени.

Первобытнообщинные отношения в большой семье сохранялись особенно устойчиво, и распад их протекал, как отметил М. О. Косвен, гораздо медленнее, чем патриархально-родового строя в целом. В зависимости от конкретно-исторических условий темпы распада семейной общины были неодинаковы в различных обществах. В основном этот процесс завершился до возникновения государств.

В буржуазной литературе причины разложения большой семьи объясняются обычно с идеалистических позиций. Как правило, их усматривают в женских ссорах, в индивидуалистическом «инстинкте» человека и т. д. На самом деле распад патриархальной семьи был вызван материальными факторами — главным образом возникновением в ее недрах частной

ственности, появление которой было обусловлено успехами в области материального производства, а также развитием общественного разделения труда и обмена.

Мощный подъем в развитии производительных сил был связан с возникновением выплавки и обработки железа, что явилось началом великого технического переворота в истории человечества, преобразовавшего всю материальную культуру и со временем — общественную жизнь. По сравнению с цветными металлами железо обладает необычайной твердостью; вместе с тем оно хорошо куется в холодном и горячем состоянии и обладает свойством вытягиваться в проволоку. Будучи наиболее распространенным в природе металлом, железо за редким исключением, позже стало служить человеку, чем медь и бронза. Объясняется это, во-первых, тем, что в свободном состоянии железо встречается редко и обычно находится в соединении с другими элементами и, во-вторых, — высокой температурой плавления (1530°). Новый металл первоначально ценился дорого и шел в основном на производство оружия — мечей, копий и кинжалов.

С хозяйственным освоением железа человеческое общество стало развиваться ускоренными темпами. По сравнению с предшествующими археологическими эпохами ранний железный век хронологически очень краток, однако, как это отметил Ф. Энгельс, люди за этот период времени сделали в хозяйственной жизни больше успехов, чем за все предыдущие ступени истории человечества вместе взятые. Кремень окончательно был отнесен на второй план и стал играть вспомогательную роль.

Железные орудия резко повысили производительность труда в земледелии и ремесленном производстве. Власть человека над природой была намного расширена. Железо явилось материальной основой для современной цивилизации. Орудия пахоты, снабженные железными лемехами, позволили обрабатывать почву на больших площадях, чем прежде, а железный топор вырубал более значительные лесные массивы, чем каменный или бронзовый. Железо, указывает Ф. Энгельс, «дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»¹.

Уже в бронзовом веке появились группы людей, занимающихся только добычей и обработкой металлов. Даже у

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

ряда племен, не знавших металлов, ремесленники выделялись в особые общественные группы.

Однако окончательное отделение ремесла от земледелия (скотоводства), названное Ф. Энгельсом вторым крупным общественным разделением труда, произошло в эпоху железа, когда над человечеством взошла заря новой эры. В ряде случаев это явление возникло не в рамках первобытнообщинного строя, а в рабовладельческой или феодальной формациях. С появлением железа возникло много новых ремесленных специальностей! Производство настолько усложнилось, что ремесленники уже не могли заниматься земледельческим трудом. С разделением хозяйства на две основные отрасли — земледелие (скотоводство) и ремесло — намного возросла производительность труда и, как следствие этого, стали систематически возникать излишки продуктов.

Товарное производство, зародившееся на предыдущей стадии, окрепло и пустило более глубокие корни. Все больше и больше стало производиться продуктов не только для собственного потребления, но и специально для обмена, который стал регулярным. Товарный обмен первоначально совершался между родами или патриархальными семьями, представителями которых в сделках выступали родовые старейшины или главы семейных общин.

С ростом масштабов обмена изменилась и его качественная сторона. Существовавшая в прошлом примитивная форма непосредственного обмена одного продукта на другой уже оказалась недостаточной. Обменивающиеся стороны, наряду с продуктами, необходимыми им для непосредственного удовлетворения потребностей, стали охотно принимать в обмен и такие товары, которые всегда можно будет сбыть другим.

Возникли деньги — особый товар, стихийно выделившийся из остального мира товаров и являвшийся при обмене всеобщим эквивалентом. Далеко не сразу роль денег была закреплена за одним каким-либо товаром. В разных областях земного шара в качестве денег выступали различные, наиболее ходкие товары, например зубы животных, щиты черепахи, коровьи, а иногда и человеческие черепа, куски кож, бруски соли, бобровые шкуры, бобы какао, перья. На острове Яп были удивительные деньги, описанные Н. Н. Миклухо-Маклаем, в виде круглых просверленных в центре плоских каменных дисков, похожих на жернова, достигавших пяти метров в диаметре.

Весьма распространенным всеобщим эквивалентом товаров в первобытном обществе являлись раковины, особенно круглые, и гладкие раковины каури, выполняющие и в наше время роль денег в некоторых районах Африки, Южной Азии и Океании. Широкое хождение имели так называемые «живые деньги» — различные виды домашних животных. Не случайно слово «скот» в некоторых языках стало обозначать деньги.

С развитием обмена функции денег все чаще и чаще стал выполнять металл. Употребительны были бронзовые и железные деньги в виде слитков и брусков, орудий труда и оружия. Потребности растущей торговли требовали перехода к единому эквиваленту. В конце концов роль денег закрепилась за серебром и золотом — драгоценными металлами, обладающими рядом достоинств, как-то: сохраняемостью, однородностью вещества, делимостью и малым объемом при высокой стоимости.

Деньги сначала обменивали по весу. Об этом свидетельствуют современные их названия, носящие следы древности, в некоторых странах, например: в Англии — «фунт стерлингов» или у нас — «рубль», происшедшее от слова «рубить», когда действительно отрубали часть от куска серебра. На деньгах со временем появились клейма, удостоверяющие чистоту металла и его вес, а еще позже возникла чеканка монеты.

Появление металлических орудий, особенно железных, не только обусловило быстрый подъем всех отраслей хозяйственной деятельности, развитие обмена и зарождение товарного производства, но вызвало также серьезные изменения в общественной организации первобытных людей. Стал разрушаться первобытный коллективизм патриархальной семьи. С ростом производительных сил возникли экономические предпосылки для ведения самостоятельных хозяйств меньшими человеческими коллективами, чем большая семья. Малые семьи, входившие в ее состав, постепенно экономически обособлялись, начинали вести самостоятельные хозяйства.

Наряду с коллективной, общественной собственностью, появилось имущество, которое принадлежало малой семье и имело тенденцию превратиться в частную собственность. Сначала обособление моногамной семьи проявилось в том, что она питалась отдельно, получая продукты из коллективных запасов в соответствии с числом своих членов, и в локальном выделении из общесемейного жилища, тогда как в про-

изводстве она по-прежнему растворялась в большой семье. В дальнейшем малая семья стала самостоятельной производственной единицей.

Патриархальная семья распалась. Она была взорвана изнутри развившимися в ее недрах малыми семьями, являвшимися носителями частной собственности. Общинно-родовые узы оказались не в силах задержать победное шествие частной собственности, исторически прогрессивной в тех условиях. Возникшая на развалинах патриархата, моногамная семья стала основной социально-экономической ячейкой общества, а вместе с тем и «первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия» (Ф. Энгельс).¹⁷

28) Частная собственность явилась великой экономической силой. Однако ее победа далеко не сразу была полной. В частную собственность раньше всего перешли дом, стада, сельскохозяйственные орудия и инструменты ремесленников, тогда как на землю еще долгое время сохранялась коллективная собственность. Впрочем в классовых обществах при разложении больших семей нередко делилась и пахотная земля.

Таким образом, частная собственность существовала не извечно, как утверждают реакционные буржуазные идеологи, а возникла на последнем этапе родового строя в результате развития производительных сил, общественного разделения труда, обмена, товарного производства, имущественного и социального неравенства людей. В разделе общественного имущества и выделении из патриархальной семьи заинтересованы были зажиточные малые семьи, в первую очередь должностные лица, накопившие богатства. Экономически слабые малые семьи, не имевшие возможности вести самостоятельные хозяйства, наоборот, препятствовали дроблению большой семьи.

Иногда наблюдалось явление, когда в силу своей относительной слабости отдельные моногамные семьи, выделившись из одной семейной общины, сохраняли между собой тесные связи. Допустим, что после распада большой семьи образовывалось 14 малых семей, из которых 8, например, находятся в более близких родственных отношениях между собой, чем с другими семьями, и поэтому они поддерживают друг с другом различные связи. То же самое следует сказать относительно других 6 семей. В этнографической литературе такая группа близкородственных между собой малых семей, образовавшихся после разделения семейной общины, объеди-

земля общей территорией, единством имени и сохраняющих друг с другом хозяйственную, общественную и идеологическую связь, получила наименование патронимии.

Впервые патронимию обнаружил и описал М. О. Косвен в начале 30-х годов среди удмуртов и юго-осетин. Другие советские ученые выявили ее у горских евреев, украинцев Закарпатья, аварцев, марийцев, киргизов, каракалпаков, армян, кабардинцев, ингушей и других народов. Земля патронимии находилась в коллективной собственности, ее сообща обрабатывали. Потребление, однако, было индивидуальное; урожай делился между семьями.

Патронимия обладала самоуправлением. Глава старшей патронимии семьи обычно был ее руководителем. При решении серьезных вопросов собиралось общее собрание всех взрослых членов патронимии. Патронимия образовывала отдельные поселения, либо отдельный квартал, «конец» улицы, причем их дома, между которыми существовали средства связи, порой создавали единый архитектурный ансамбль. Члены патронимии помнили, что являются потомками одного предка, сознавали свое близкое кровное родство и носили общее для них всех имя. Они принимали активное участие в семейных делах всей патронимии, отмечая, например, заключение браков, рождение детей, похороны. Патронимия имела свое отдельное кладбище или участок на нем.

Будучи исторически-общественной формой, свойственной патриархально-родовому строю, патронимия нередко сохранялась в виде пережитка в антагонистических обществах, проникаясь в этом случае классовыми началами. Государство порой признавало этот родственный коллектив в качестве юридического лица, считалось с его обычаями, признавая, например, ограниченное право мести, право предпочтительной выкупки и т. д.

Патронимия как правило, представляла собой экзогамный коллектив, хотя у некоторых народов она была эндогамна. Последнее явление — этнографическая загадка.

Патронимия как социально-экономическая ячейка общества не является универсально-историческим этапом позднеродового строя. Далеко не все народы ее переживали.

Гораздо чаще выделившиеся из семейной общины моногамные семьи не объединялись в патронимии, не создавали производственных коллективов, основанных на родственных связях. Малые семьи нередко переселялись. Территориальное единство родов нарушалось. Создавались смешанные поселе-

ния. Хотя поселившиеся на одной территории моногамные семьи принадлежали к разным родам и племенам, тем не менее они были связаны между собой общностью экономической жизни, проявлявшейся, например, в совместном пользовании землей и необходимостью коллективного выполнения некоторых работ.

29 / Уровень развития производительных сил обуславливал в тех исторических условиях необходимость в известной степени хозяйственного единства совместно проживающих людей. Обитание людей на одной территории, имеющих общность экономических интересов, требовало политической организации. Так появилась новая историческая форма соединения людей. Родственная связь сменилась территориальной, или соседской. Возникла новая форма общины — соседская (территориальная, деревенская, земельная); у земледельческих народов она обычно называется сельской, а у скотоводческих — кочевой. Образование соседской общины, являвшейся связующим звеном между родовым строем и классовым обществом, знаменует наступление заключительного периода первобытнообщинной формации.

Преобразование родовой общины в соседскую есть неизбежный естественноисторический процесс. Соседская община является универсально-историческим этапом, который прошли все народы мира, создавшие классовые общества.

Между тем в буржуазной литературе имеет хождение тезис, согласно которому соседская община будто бы является искусственной организацией, навязанной правительством народу в фискальных целях. Известный русский историк и юрист В. И. Сергеевич, например, отрицал ее существование в допетровской Руси и утверждал, что частная собственность на землю появилась якобы прежде общинной.

Все возражения против исторической преемственности соседской общины неосновательны в научном отношении. Концепция о ее происхождении не из родовой общины, имеющая цель доказать исконность частной собственности на землю, является антиисторической и была опровергнута еще в XIX в. исследованиями многих авторов, в том числе прогрессивным немецким ученым Маурером, одним из первых показавшим повсеместное распространение коллективных форм землевладения в первобытном обществе.

По своей хронологической протяженности соседская община, существовавшая у разных народов в зависимости от их исторических судеб и местных условий от нескольких ве-

ков до 3—4 тысячелетий, значительно уступает предшествующим периодам — первобытному стаду (около 500 тысяч лет) и родовому строю (около 40 тысяч лет).

Пути образования соседской общины различны. Нередко она складывалась из больших семей или патронимий. В этом случае последние не являлись составной частью рода. Впоследствии, с распадом больших семей и патронимий, соседская община состояла уже из малых семей. В таких соседских общинах процесс разрушения патриархальных семей протекал порой не одновременно и поэтому для них на определенном этапе развития характерно было сочетание больших и малых семей. Но, по-видимому, гораздо чаще соседская община с момента своего возникновения состояла из группы моногамных семей. Следует отметить, что одни соседские общины включали в свой состав многие не родственные друг другу малые семьи, тогда как другие состояли из близкородственных моногамных семей, образовавшихся после распада одной патриархальной семьи.

Как было доказано А. Я. Ефименко, М. М. Ковалевским и другими учеными, для севера и юга России был характерен последний путь образования соседской общины. Если большинство или даже все малые семьи в соседской общине связаны были родственными узами, то это обстоятельство играло незначительную роль в жизни общины. Руководствовались главным образом экономическими и общественными интересами, а не отношениями родства.

Существенная черта соседской общины, как указывал Маркс в письме к Вере Засулич от 8/III 1881 г., ее дуализм, т. е. двойственность: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹.

Итак, дуализм соседской общины объясняется ее переходной формой, он проявляется в сосуществовании первобытнообщинных и частновладельческих начал, коллективной и частной собственности.

В основе производственных отношений соседской общины лежала частная собственность на дом, орудия труда, скот, урожай и т. д. Пахотная земля, разделенная на участки, индивидуально обрабатывалась отдельными семьями, хотя она,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 695.

так же как и леса, луга, пастбища и другие угодья, используемые сообща членами соседской общины, являлась коллективной собственностью. Представляя собой коллектив людей, хозяйство которых базировалось на противоречивых первобытнообщинных и частновладельческих началах, соседская община неминуемо должна была разложиться. В тех исторических условиях развитие частной собственности было прогрессивным явлением, и ее победа над первобытнообщинной формой собственности была неизбежной.

Распад сельской общины проявлялся в том, что с течением времени пахотная, а затем и вообще вся земля перешла в частную собственность глав малых семей. В классическом виде этот процесс завершился в преддверии образования государств, как это было, например, в древнегреческом обществе. Однако в качестве пережитка соседская община бытовала у многих народов в классовых обществах — рабовладельческом и феодальном, видоизменяясь в ходе исторического развития в зависимости от господствующего типа производственных отношений, темпов экономического развития и местных условий.

Необычайной стойкостью и живучестью обладала сельская община на Востоке, например индийская. Объясняется это тем, что в странах Южной Азии земледелие в силу природных условий невозможно без искусственного орошения. Строительство и поддержание ирригационной сети вызывали потребность в постоянном коллективном труде и сохранении производственных коллективов. В связи с этим коллективный труд в сельской общине играл важную роль. Поэтому не случайно, что в сельской общине на Востоке основные средства производства принадлежали всему коллективу общины, тогда как частная собственность развивалась крайне замедленными темпами.

Консервации сельских общин способствовало то обстоятельство, что в странах Востока при рабовладельческом строе и феодализме почти вся земля, так же как водные ресурсы и оросительные системы, принадлежала государству, в лице монарха, а не отдельным сельским общинам, которые являлись лишь владельцами. Государственная власть была заинтересована в сохранении сельской общины и прилагала все усилия, в том числе принимала и административные меры, чтобы задержать процесс ее распада. Проведение подобной политики облегчалось тем, что сельская община являлась не только производственным коллективом, замкнутым и хозяй-

отлично обособленным, но и административно-территориальной единицей. Менее застойный характер носила сельская община у германских и славянских народов.

Классики марксизма-ленинизма в своих трудах уделили много внимания проблемам, связанным с сельской общиной, особенно русской, генезис и пути развития которой вызывали горячие споры в России и за рубежом. В немарксистской литературе было распространено мнение реакционного немецкого ученого Гакстгаузена, согласно которому сельская община объявлялась особенностью только славянских народов. Оно было воспринято идеологами народников, которые, отстаивая тезис о «самобытности» русской соседской общины, идеализировали ее, видели в ней панацею от всех зол капитализма и, по существу, защищали тем самым феодальные формы землевладения, помещичий строй.

В работах В. И. Ленина блестяще показано, что романтические мечтания народников о сельской общине как о чем-то лучшем, по сравнению с капитализмом, а также желание видеть процесс расслоения крестьянства внутри общины носит не только экономически, но и политически сугубо реакционный характер. Существование соседских общин в классовых формациях сковывало производительные силы и являлось величайшим тормозом в общественном развитии народов. Капитализм разрушил сельскую общину. В России смертельный удар ей нанес 1861 год, а окончательно уничтожила столыпинская реформа.

30) Появление моногамных семей, их экономическая обособленность в связи с ростом товарного хозяйства и развитием обмена усиливали имущественную дифференциацию среди свободного населения. Наряду с делением общества на свободных и рабов, после второго крупного общественного разделения труда с течением времени появились резкие имущественные различия между отдельными малыми семьями. Уже патриархальные семьи одного рода значительно отличались между собой в этом отношении.

Богатство или бедность перестали быть общим уделом всех свободных лиц. Некоторые семьи богатели, но материальное положение большинства людей ухудшалось. Свободное население неудержимо раскалывалось на бедных и богатых — два класса, возникающих в виде уклада в недрах первобытнообщинной формации на последних этапах ее развития. Богатство приобрело общественную силу, причем, говоря словами Ф. Энгельса, «богатство, еще раз богатство и

трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида»¹. Имущественное неравенство породило неравенство общественное.

Процесс распада патриархально-родовых отношений сопровождался консолидацией крупных племенных групп и превращением их в могучие военные союзы, появление которых ослабляло, в свою очередь, кровнородственные связи и являлось предпосылкой для возникновения новой формы этнической общности людей — народности, свойственной рабовладельческой и феодальной формациям.

Накопленные богатства в условиях развивающейся частной собственности приводили в движение низменные побуждения и страсти людей, служили объектом грабительских вожделений соседних племен, стремившихся к насильственному их захвату. «Войпа, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»².

Добывание средств существования трудом своих рук стало более позорным, чем грабеж. Физический труд, исключая земледельческий, презирался и был объявлен уделом рабов. Грабительские походы усиливали власть военных вождей и родовых старейшин, захватывавших наибольшую добычу. Их влияние в обществе основывалось уже на богатстве, а не на личных достоинствах. Родоплеменные органы власти преобразовывались, выборные должностные лица постепенно превратились в наследственные. Сложилась наследственная родоплеменная знать. Функции военачальника, совета старейшин и народного собрания видоизменились.

Однако родовая знать еще вынуждена была считаться с мнением верховного органа — народного собрания, состоявшего из всех взрослых общинников-воинов. Элементы первобытного демократизма сохраняли свое значение только для боеспособного мужского населения, игравшего еще значительную роль в общественной жизни. Военный вождь, совет старейшин и народное собрание, писал Энгельс, «образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию»³.

Исполнительные «органы родового строя постепенно от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 176.

² Там же, стр. 164.

³ Там же.

решаются от своих корней в народе... а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел, он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹.

Слуги народа превратились в его господ. Общество выросло из рамок родового строя. Оно более и более раскалывалось на рабовладельцев и рабов, богатых и бедных, антагонистические противоречия между которыми все разрастались.

«Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и предложило бы печать всеобщего общественного признания к разрывающимся одна за другой новым формам приобретения собственности... Недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*»².

Таким образом, государство появилось не в результате «божественного предопределения», не как воплощение нравственной идеи, абсолютного духа, по Гегелю, и не согласно общественному договору, как полагал Руссо, а явилось следствием разделения общества на рабов и свободных, бедных и богатых, признанием, «что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно»³.

Рожденное в тяжелых муках, в потоках слез и крови, государство, будучи исторической категорией, не остается неизменным по своей сущности.

В рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах, основанных на частной собственности на орудия

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164—165.

² Там же, стр. 108.

³ Там же, стр. 170.

и средства производства, государство является аппаратом насилия эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. В социалистическом обществе возникает социалистическое государство — государство высшего типа, принципиально отличное от эксплуататорского. В переходное время от капитализма к социализму государство представляет собой диктатуру пролетариата, орган власти трудящегося большинства над эксплуататорским меньшинством.

С победой социализма и переходом к строительству коммунистического общества государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное, не являющееся уже орудием классового господства.

После того как в нашей стране коммунизм будет построен и упрочен, а на мировой арене восторжествуют и окрепнут социалистические отношения, государство неизбежно отомрет и заменится коммунистическим общественным самоуправлением. Общество «отправит свою государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 173.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РЕЛИГИИ
И ЕЕ РАННИЕ ФОРМЫ**

Вопрос о происхождении религии, о ее ранних формах— один из сложнейших вопросов истории первобытного общества. В. И. Ленин указывал, что без научного объяснения причин происхождения религии нельзя успешно вести борьбу с религиозными верованиями. Проблема происхождения религии — это не чисто теоретический, но и политически актуальный вопрос, непосредственно связанный с борьбой трудящихся в странах капитала, с интересами строительства коммунистического общества.

Чтобы отличить религиозные явления от иных явлений общественной жизни, необходимо, прежде всего, дать научное определение понятию «религия». Эта задача не так уж проста, ибо такое определение должно быть применимо к христианской, буддистской, мусульманской, иудаистской, индуистской, конфуциантской, синтоистской и другим религиям мира, в том числе и разнообразным первобытным верованиям.

В буржуазном религиоведении отсутствует единство взглядов по вопросу о важнейшем признаке религии. Например, одни ученые считают основными ее признаками нравственный элемент, другие — веру в «душу» и «духи», третьи видят в религии комплекс специфических чувств, как-то: «умиления», «экстаза», «покаяния», четвертые — обман. По-

лучил также распространение взгляд, по которому в основе религиозных верований лежат психические или физиологические переживания людей.

Попытки буржуазных ученых выделить главный признак религии оказались неудачными. Так, неверно отождествлять религию и нравственность. Мораль — это особая форма общественного сознания. Она возникла вместе с человеческим обществом задолго до появления религиозных верований и будет существовать после их искоренения. Не во всех религиях имеется вера в «душу» и «духов». Далее, хотя у верующих в бога людей голос разума порой заглушается религиозными переживаниями, ошибочно сводить к ним всю религию. Нет достаточных оснований считать важнейшим признаком религии обман, так как появление и существование ее вызывается главным образом объективными условиями, а не субъективными факторами. К тому же в первобытном обществе, в эпоху материнского рода, религия не играла классовой роли, не использовалась в корыстных целях какими-либо группами людей. Еще меньше заслуживает внимания мнение исследователей, рассматривающих религию в качестве биологической категории.

I. В действительности, главным признаком религии является вера в сверхъестественное в чудесное, необъяснимое естественным образом.

1 Существенными признаками всякой религии являются культ, ее обрядовая сторона, а также религиозные переживания. Впрочем, вопрос о существовании религиозного чувства является дискуссионным. Некоторые исследователи (Ш. Эншлен, И. А. Кривелев, В. Н. Посович) отрицают наличие в природе специфических религиозных чувств, полагая, что человеческие чувства могут лишь связываться с религией, как и с другими формами общественного сознания, например с искусством.

Из всех определений религий, существующих в советской литературе, наиболее лаконичным является определение, предложенное С. А. Токаревым: «религия есть совокупность человеческих отношений, действий, предметов и идей, связанных с верой в сверхъестественное».

В проблеме происхождения религии важное значение имеет вопрос о времени ее возникновения. Он еще не нашел своего конкретного решения и носит дискуссионный характер: слишком велики трудности, стоящие перед учеными, слишком далека от нас эпоха, когда сформировались у лю-

лей первые религиозные верования. В решении этого вопроса многое зависит от правильной интерпретации дошедших до нас скудных археологических и палеоантропологических памятников древнейших периодов человеческой истории.

В реакционной буржуазной историографии господствует тезис об извечности религии, которая якобы свойственна, присуща человеку. Этот тезис, в частности, лежит в основе прамотеистической теории, выдвинутой патером В. Шмидтом. В своем многотомном труде «Возникновение идеи бога» В. Шмидт так и не привел ни одного веского аргумента в пользу своей теории, по которой у людей с самого их возникновения на земле было якобы единобожие, вложенное в головы туземцев самим провидением. Позже, однако, вследствие «заблуждения», люди стали верить в многобожие.

Ученик В. Шмидта — В. Копперс в 1922 г. «обнаружил» единобожие у огнеземельцев — одних из самых отсталых племен земного шара. Он это назвал величайшим открытием XX века. Однако В. Шмидт и В. Копперс настолько грубо фальсифицировали факты, что прамотеистическая теория теряет своих приверженцев даже среди католических ученых.

Объективное изучение древнейших памятников людей позволяет сделать вывод о существовании в истории человечества длительного дорелигиозного периода, длившегося несколько сотен тысяч лет.

Когда же конкретно возникла религия? По этому вопросу высказаны две точки зрения. Почти все прогрессивные зарубежные ученые и такие видные советские исследователи, как В. К. Никольский, А. П. Окладников и П. И. Борисковский, возникновение религии относят к мустьерскому времени. Для подтверждения своих взглядов эти ученые ссылаются на неандертальские погребения, которые истолковываются как убедительное свидетельство религиозности древнего человека. Кроме того, в некоторых неандертальских погребениях нашли скопление медвежьих черепов, а А. П. Окладников обнаружил в пещере Тешик-таш, вокруг погребения мальчика-неандертальца, несколько пар рогов горных козлов, что трактуется как существование культа животных у мустьерского человека.

Другого взгляда на время происхождения религии придерживаются М. С. Плисецкий, В. Ф. Зыбковец и другие советские ученые, связывающие возникновение религиозных верований с верхним палеолитом, т. е. с появлением людей сов-

ременного физического типа. Они подвергли критике взгляды своих оппонентов и дали иную интерпретацию неандертальских погребений. По их мнению, наличие захоронений у неандертальцев еще не свидетельствует с бесспорностью о их религиозности. Не говоря уже о том, что далеко не у всех найденных останков неандертальцев обнаружены погребения, последние не обязательно связывать с верой в потустороннюю жизнь или в сверхъестественные свойства мертвецов.

Захоронения могли быть вызваны инстинктивными стремлениями сохранить покойника вблизи себя или желанием избавиться от гниющего трупа—ведь инстинкты привязанности и опрятности свойственны даже многим высшим животным. Такое объяснение захоронений представляется правильным, тем более, что из 19 известных неандертальских погребений 8 принадлежат детским погребениям, которые с большей вероятностью можно рассматривать как проявление материнского инстинкта—сохранить тело своего ребенка от хищников. Далее, религиозные погребения никогда не производятся в месте непосредственного обитания людей, что делали неандертальцы. К тому же в них не обнаружен культовый инвентарь, всегда сопровождающий религиозные захоронения; найденные в пещерах скопления медвежьих черепов можно толковать как запасы мясной пищи, а обнаруженные в Тешик-таш рога горных козлов рассматривать как предметы, на которых сушились шкуры животных. Кроме того, неандертальцы не обладали развитым абстрактным мышлением и едва ли могли представить в своем воображении какие-либо сверхъестественные силы.

Первые бесспорные религиозные погребения наблюдаются лишь в ориньякскую культуру, у людей верхнего палеолита. Таким образом, существование религиозных взглядов у неандертальцев не доказано. Аргументация ученых, считающих, что зарождение религии относится к верхнему палеолиту, ко времени появления людей современного физического типа, на данном уровне науки представляется более убедительной.

Ранние религиозные верования при всем многообразии очень сходны у всех племен земного шара, что объясняется сходными условиями жизни первобытных людей. Тем не менее они недостаточно исследованы, научная классификация первобытной религии еще ждет своей разработки.

Наиболее отсталые племена земного шара к моменту знакомства с ними европейцев относились археологически к мезодиту или раннему неолиту. Поэтому ученые прошлых ве-

ков не в состоянии были изучать непосредственно самые ранние религиозные верования, верования людей верхнего палеолита. Но, учитывая большую консервативность религиозных верований, долго сохраняющих архаические черты, можно в значительной степени воссоздать религиозные воззрения более ранних эпох.

Распространенная в настоящее время классификация делит религиозные верования на так называемые «формы». Наиболее распространенные формы религии материнского рода и лучше всего изученные — это анимизм, магия, тотемизм и фетишизм¹.

32) Анимизм — это вера в «духов» и «душу» (по-латыни *animus* — «дух», *anima* — «душа»). «Дух» в отличие от «души» представлялся первобытному человеку самостоятельным, не связанным с каким-либо телом, предметом или явлением природы; он мог лишь временно вселяться в какой-либо материальный предмет. Верования в «души», по-видимому, появились раньше, чем в «духи».

В жизни первобытных народов анимистические верования были широко распространены, вся природа представлялась им одушевленной. Ирокезы, например, верили, что даже самая малая травинка тоже имеет душу. Очень часто одухотворялись деревья. У некоторых племен дровосек пил сок дерева — «брался» с ним, прежде чем срубить. Он полагал, что душа дерева не будет теперь ему мстить. Нередко плодородное дерево в цвету рассматривалось как беременная женщина. Туземцы старались не толкнуть его, говорили ему приятные в подобных случаях комплименты.

Одушевляя неодушевленные предметы, первобытные народы тем более были убеждены в существовании душ у животных и людей. Каины острова Калимантана (Борнео) не убивали пойманного крокодила, а связывали его и предоставляли естественной смерти, полагая, что в этом случае душа его не будет им опасна. По этой же причине индейцы Северной Америки после убийства медведя просили у него прощения, вставляли ему в пасть трубку, выкуривали ее вместе с ним и уверяли, что убили его случайно.

Особенно большим материалом этнографическая наука

¹ Оригинальная классификация первобытных верований, предложенная С. А. Токаревым в книге «Ранние формы религии», требует обстоятельной дискуссии, прежде чем о ней можно будет вынести окончательное суждение.

располагает относительно веры в существование душ у людей. Люди в первобытном обществе полагали, что человек как бы состоит из двух частей — тела и души, считали, что последняя может находиться в различных частях тела. Так, встречались верования, по которым душа человека находится в его крови. Люди отмечали, что раненные в бою вместе с кровью, вытекавшей из раны, теряли и жизнь. В этой связи возник обычай побратимства, когда несколько человек смешивали свою кровь и пили ее, полагая, что они частично обмениваются душами и между ними устанавливаются родственные отношения. У папуасов, арабов и древних евреев понятия «душа» и «кровь» обозначались одним словом.

Многие племена верили, что душа находится в глазах, отсюда — широко распространенная вера в «дурной глаз», в то, что можно «сглазить». Носителями души считались также слюна, волосы, ногти. У некоторых первобытных народов смешение слюны, как и смешение крови, считается признаком тесного союза.

Еще шире распространено верование, по которому дыхание является душой человека. Так как в момент смерти у человека прекращается дыхание, то в связи с этим, возможно, и произошло отождествление дыхания и души. Не случайно во многих языках мира слова «душа» и «дыхание» происходят от одного корня, а сказать «испустить дух» — то же самое, что «умереть».

Нередко душа отождествлялась с тенью. Так, туземцы некоторых восточноафриканских племен боятся в солнечный день ходить по берегу реки, где водятся крокодилы, опасаясь, что последние могут «схватить» тень, а вместе с ней человека. У индейцев араваков и алгонкинов, негров басуто и тасманийцев слова «душа» и «тень» означают одно и то же.

Развитие анимистических представлений привело к мысли, что души людей могли временами покидать тело, особенно во время сна. Поэтому у многих племен земного шара существовал обычай ~~не будить~~ спящего человека, из опасения, что его душа, возвратившись, не найдет своего тела. Первобытный человек принимал сны за действительность. Индейцы южноамериканского племени оороро однажды чуть было в панике не покинули ночью свое селение, так как один туземец увидел во сне приближавшихся врагов. В те времена верили, что после смерти человека его душа не умирает и может приносить людям пользу или вред.

Часто люди, чтобы «обезопасить» себя от душ умерших,

покидали жилье, около которого хоронили покойника, а его родственники меняли свои имена, одежду или раскрашивали свои тела, чтобы душа мертвеца не узнала их. Прежние верования, что душа покойника находилась вблизи его захоронения, сменялись другими. Возникла мысль о существовании загробного мира, который представлялся первоначальной копией земного и его еще не делили на рай и ад. Загробный мир одни племена «помещали» на небе или высоко в горах, другие — под землей, третьи — далеко на западе, на островах.

Первобытным людям души представлялись часто в виде бабочек, мышей, птиц или насекомых. Многие были убеждены, что люди могут иметь несколько душ, например четыре, как полагали индейцы североамериканского племени дакота: одна остается в теле после смерти человека, другая — в его селении, третья — отлетает в воздух, а четвертая — в страну духов.

Широко распространена была вера в переселение, или реинкарнацию душ, когда души покойников якобы воплощались в новорожденных. В связи с этим у некоторых австралийских племен внимательно осматривали новорожденного, чтобы определить, на кого из умерших предков он похож, и дать ему его имя. Если этого не удавалось сделать, то младенцу перечисляли имена предков до тех пор, пока он криком или кашлем не даст знать о своем выборе.

Анимистическим верованиям посвящена необозримая литература. В термин «анимизм» разные авторы вкладывают порой неодинаковое содержание. В научную литературу этот термин ввел английский ученый Э. Тэйлор, понимавший под анимизмом преимущественно веру в духовные, не материальные существа, главным образом веру в существование человеческих душ, отделимых от него и бессмертных. Другие исследователи в термин «анимизм» вкладывают более широкое понятие, включающее и телесную, материальную душу. Представление о материальной душе появилось у первобытных людей раньше, чем о бестелесной. Наконец, третья группа ученых (к ним принадлежит большинство советских авторов) еще шире толкует термин «анимизм», понимая под ним не только веру в «духов» и «душу», но и во всеобщую одухотворенность природы. Это мнение наиболее авторитетно.

Вопрос о происхождении анимистических верований окончательно еще не решен наукой. В буржуазной историографии господствует тэйлоровское объяснение анимизма. По Тэйлору,

«мыслящих людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять, во-первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти? Они задавались вопросом, во-вторых, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях?» И вот первобытный человек, размышляя, стремясь к истине, пришел, поясняет Тэйлор, к выводу, что внутри его живет душа, невидимая и неосязаемая, способная покинуть тело и являться другим людям во сне. Тэйлор даже называл анимизм «философией дикаря».

Подобная трактовка происхождения анимизма является идеалистической, ошибочной, ибо Тэйлор объясняет возникновение представлений о душе не условиями материальной жизни людей, не общественными причинами, а умственным развитием человека. К тому же развитие мышления рассматривается им вне связи с общественными условиями жизни людей. Таким образом, Тэйлор не смог объяснить причину появления веры человека в «душу» и «духов», показать социальные корни анимизма.

В первобытном обществе широко были распространены магические верования и обряды. Под магией понимаются различные суеверные обряды, «которые имеют целью непосредственное воздействие человека сверхъестественным образом на тот или иной материальный объект и которые не связаны при этом с анимистическими представлениями» (С. А. Токарев).

В этнографической литературе можно встретить несколько классификаций магических верований и обрядов.

В буржуазной историографии самой ранней и наиболее распространенной является классификация, предложенная Д. Фрезером в 12-томном произведении «Золотая ветвь». Английский ученый разделил магию на подражательную и заразительную.

Подражательная магия исходит из принципа: подобное вызывает подобное. Например, у батаков острова Суматры женщина, пожелавшая сделаться матерью, изготавливает куклу, затем нянчит ее и прикладывает к груди. Сородичи поздравляют «роженицу», делая вид, что женщина действительно родила ребенка.

Заразительная магия исходит из другого принципа, а именно: предмет, который соприкасается или соприкасался с человеком, находится с ним в связи, поэтому, воздействуя на

того предмет, можно тем самым воздействовать на человека. Так, совершая магические обряды над одеждой, обрезанными волосами или ногтями, можно воздействовать тем самым на их бывшего владельца. Н. Н. Миклухо-Маклаю удавалось заполучить волосы у папуасов, изучение которых имеет важное значение в антропологии, только в обмен на свои собственные.

Одновременно Фрезер подразделял магию на положительную (колдовство) и отрицательную (табу). Пример отрицательной магии: во время охоты мужей их жены не должны смазывать маслом головы детей из опасения, что животные и звери ускользнут от охотников, став такими же скользкими, как головы детей. Фрезеровская классификация магии исходит из чисто психологических факторов и поэтому не является научной.

Среди советских ученых наибольшим признанием пользуется классификация, предложенная С. А. Токаревым, который делит магические верования и обряды в зависимости от их общественной направленности и роли в жизни людей. В этом случае магия подразделяется на следующие основные виды: вредоносную (черную, злую, «порчу»), военную, половую (любовную), лечебную и предохранительную, промысловую, метеорологическую.

Приемы вредоносной магии разнообразны, но суть их всех сводится к тому, чтобы сверхъестественным образом нанести вред одному или нескольким лицам. Так, индейцы североамериканского племени оджибве изготавливают статуэтку, изображающую врага, и, произнося заклинания, прокалывают острым предметом сердце или голову статуэтки, в зависимости от того, куда они желают нанести рану своему недругу. Нередко туземцы, узнав, что их околдовали, действительно умирали. Подобные случаи засвидетельствовали многие этнографы. У других племен нередко наблюдались случаи, когда сжигали остатки пищи врага, лоскуты его одежды или обрезанные волосы, сопровождая это подобающими заклинаниями и полагая, что та же судьба постигнет и жертву колдовства. Некоторые туземцы не разрешали себя фотографировать или рисовать, будучи убеждены, что владеющий портретом может нанести магическим способом вред и оригиналу. Много времени и сил потратил Н. Н. Миклухо-Маклай, чтобы убедить папуасов позволить ему сделать их зарисовки.

С вредоносной магией тесно соприкасается военная

магия, обряды которой, направленные на обеспечение победы над противником, совершаются не тайно, а публично. У многих племен перед походом инсценируются сражения, сопровождающиеся магическими заклинаниями. Порой жены воинов воспроизводят битву, которая, по их расчетам, совершалась в тот день во враждебной стране.

Цель любовной (половой) магии — вызвать симпатию в человеке противоположного пола или, наоборот, уничтожить ее. Приемы половой магии различны, но техника ее проста и однообразна. На островах Адмиралтейства, в Меланезии, мужчины для приворожения женщины прикасаются к ее телу заколдованной землей. Другой способ — околдовать еду или напиток и дать съесть или выпить. Наблюдались и такие несложные приемы, как высывание языка, моргание, сопровождавшиеся заклинаниями.

По-видимому, наиболее разнообразными приемами обладает лечебная и предохранительная магия. Объясняется это отчасти тем, что некоторые приемы этого вида магии порой сопровождаются рациональными методами лечения. Так, туземцы Андаманских островов смазывают грудь больного плевритом разогретым пчелиным воском, сопровождая эту процедуру заклинаниями. Австралийцы к кровоточащей ране прикладывают глину, жир, смолу некоторых деревьев; боль зубов утоляют наркотиками; при ревматизме больных заставляют потеть. Но все эти рациональные приемы, исторически связанные с народной медициной, сопровождались магическими обрядами. Однако большинство приемов этого вида магии наносит вред человеку или, в лучшем случае, не помогает ему. Многие племена земного шара верят, что смазывание жиром оружия, которым нанесена рана, способствует ее заживлению. У некоторых австралийских племен знахарь обвязывает шнурком большую часть тела, а другим концом трет свою губу до крови, сплевывая затем эту «дурную кровь».

К промысловой магии относятся те обряды, которые сопровождают хозяйственную деятельность людей. Установлено, что магические обряды сопровождают главным образом те отрасли хозяйства, где люди не уверены в успехе, где велика роль случая (при охоте на крупных животных, ловле акул и т. д.). Промысловая магия подразделяется на подвижную: охотничью, рыболовецкую, скотоводческую, земледельческую и др. Некоторые австралийские племена, желая задержать убегающих животных, кладут околдованную золу

на след зверя. Одним из распространенных приемов магии является копчение рыболовецких сетей, над которыми одновременно поют чародейские песни.

С. Крашенинников оставил описание обряда охотничьей магии у ительменов (камчадалов), которые изготавливали чучела волков и китов из травы и съедали их во время религиозных церемоний, чтобы им «прямых китов и волков промышлять и есть, как с травяными поступали». Для скотоводческой магии характерны обряды, связанные с размножением скота, его болезнями и падсжом. Обряды земледельческой магии преследуют цель обеспечить хороший урожай. С этими подвидами магии связано распространенное поверье у первобытных народов, что плодовитая женщина оказывает благоприятное магическое воздействие на размножение скота и плодородие почвы.

По своим целям к промысловой магии близка метеорологическая магия. По сравнению с другими видами магии, приемы ее бедны. Чаще всего встречаются обряды вызывания дождя — либо льют воду через сито, либо разбрызгивают ее изо рта или посуды. У некоторых австралийских племен мужчины в этом случае вскрывают вены и поливают кровью землю, разбрасывая одновременно белые перья, символизирующие облака. Индейцы Южной Америки гуаяки полагают, что можно шумом напугать и остановить ветер и дождь.

Вопросу происхождения магии посвящена огромная литература. В буржуазной историографии магию обычно противопоставляют религии. Р. Смит и Дюркгейм, например, видели в религии общественный культ, а в магии — индивидуальный; первая поэтому сплачивала людей, а вторая — разъединяла. Другие буржуазные ученые полагают, что религия преследует идеальные, возвышенные цели, между тем как магия заботится о низменных, чисто практических вещах. Оба эти взгляда на магию и религию ошибочны, ибо нет принципиальной разницы между публичным культом и частным, а возвышенного элемента в религиях классового общества столько же, сколько в магии.

По-иному подошел к этой проблеме Д. Фрезер. В магии он видел систему логических ошибок; по его мнению, первобытные люди последовательные события во времени воспринимали как причинную связь явлений, и то, что происходило в их сознании, воспринимали как действительные события. По Фрезеру, взгляды людей на мир в процессе развития про-

ходят три этапа: магический, религиозный и научный. При этом магия ближе к науке, ибо та и другая исходят из одного принципа: из убеждения в существовании связи в природе причин и следствий.

В магии, как и в науке, люди убеждены, что они могут подчинить себе природу. Поэтому Фрезер называл магию «близкой родственницей науки». Магия, по Фрезеру, противоположна религии, в которой люди считают себя бессильными перед природой и поэтому они обращаются с просьбой, молитвой к высшим силам, стараются умилостивить их. Воспринятое многими зарубежными учеными подобное понимание магии и религии является в корне неправильным. Фрезер ошибочно считает религией лишь анимистические верования, незаконно сужая тем самым понятие религии. В действительности, магические обряды — это религиозные обряды, ибо они связаны с верой в сверхъестественное, являющейся основным признаком всякой религии.

Известного внимания заслуживают взгляды Маретта и тех буржуазных ученых, которые рассматривают происхождение магических верований как результат неосознанных реакций людей на внешние раздражения. Первобытные народы очень эмоциональны, под влиянием сильной возбудимости их действия чаще, чем у цивилизованных людей, не контролируются или почти не контролируются рассудком. Как полагает С. А. Токарев, характер неконтролируемых реакций, возможно, и был «психологической почвой, на которой могла развиться магия». Однако Маретт, будучи идеалистом, далеко не сумел в целом решить этот вопрос.

Из советских историков глубоко исследовал данную проблему С. А. Токарев, установивший, вопреки мнению буржуазных ученых, что, во-первых, корни магии следует искать не в чисто психологической сфере, а в человеческой практике, в общественном бытии, и, во-вторых, нельзя дать общее объяснение всем видам магии.

Исторически возникшие в разные эпохи виды магии связаны с различными формами человеческой деятельности. Так, условия жизни разобщенных самостоятельных племен, часто враждовавших друг с другом, явились той питательной средой, которая породила и способствовала развитию вредоносной магии. Интересно, что на одном из бушменских языков понятия «чужой человек» и «опасный человек» совпадают. Военная магия связана своим происхождением с тренировками туземцев перед сражениями с врагами. Обряды по-

новой магии возникали из простейших приемов ухаживания, имевших целью привлечь к себе внимание представителя противоположного пола, но с появлением идеи сверхъестественного стали придавать им магическую силу. Происхождение лечебной магии было связано с народной медициной, а промысловой — с разными сферами трудовой деятельности людей. Из всех видов магии только метеорологическая косвенно, а не прямо связана своим происхождением с производством людей.

Одной из форм первобытной религии является тотемизм. Относительно сущности тотемизма в зарубежной литературе нет единства взглядов. Многие буржуазные историки считают тотемизм социальной организацией (Риверс) или полусоциальной, полурелигиозной системой (Фрезер). В действительности, как это впервые установил А. М. Золотарев, тотемизм — одна из форм первобытной религии. Термин «тотемизм» происходит от слов «го тем» (точнее: «от тем», или «от отам»), означающих на языке оджибве — «его род». В первобытном обществе отношения родства играли несравненно большую роль, чем в классовых, каждый производственный коллектив был и коллективом родственников. Огромное значение родственных связей нашло отражение в религиозных верованиях.

Тотемизм — это вера в сверхъестественную родственную связь между родом и каким-либо видом животных, растений или явлений природы. В тотемизме в фантастической, извращенной форме выражены идея тесной связи людей с природой и представление о кровном родстве и общем происхождении членов рода.

Австралия — классическая страна тотемизма. Тотемистические верования лучше всего изучены на материале австралийских племен. Члены родового коллектива верили, что они произошли от тотема или от предков, общих с тотемом. Эти мифические первопредки, тотемы, представляются полулюдьми-полуживотными или полулюдьми-полурастениями.

Тотем — это не божество, его считают как бы отцом, старшим братом. О своем тотеме австралийцы говорят: «это мой отец», «мой брат», «мое мясо», выражая разными способами свою веру в родство с ним. О себе же австралиец скажет: «Я кенгуру», или: «Я дождь», т. е. он из рода, где тотемом является кенгуру или дождь. Так как тотем — старший родственник или предок, то члены рода не могут нанести ему вред; на тотем, если это животное, накладывается

табу, т. е. запрет его убивать. Позже, с развитием родового строя, запрет этот снимается, не разрешалось только употреблять в пищу отдельные части животного: голову, печень и т. д.

Австралийцы верят, что их жизнь тесно связана с судьбой тотема, который помогает им, предупреждает об опасности. Тотему оказывают почести, ему посвящают обряды. Главный тотемистический обряд имеет целью умножение тотема. Он совершается ежегодно, около так называемого тотемистического центра, где находятся духи-тотемы, и приурочивается ко времени, когда тотем начинает размножаться (если это животное), или цвести (если это растение). Церемония обряда проста. Вокруг тотемного животного обычно совершаются неистовые пляски, изображающие порой сцены охоты на животное, произносятся магические заклинания и поются песни, в которых описываются повадки тотема и эпизоды из его жизни. Руководит этими церемониями тотемистический главарь. До окончания обряда никто не должен есть пищу и пить воду. Завершается обряд ритуальным поеданием тотема, если он съедобен. Тотемистический главарь, а затем и все члены рода пьют кровь и едят немного мяса тотема, причем самые невкусные части.

По мнению А. Ф. Анисимова, обряд размножения тотема понимается австралийцами как «умножение» пищи для других родов своего племени. Так как каждый род совершает аналогичный обряд, то все роды заботятся о пище для племени и находятся в одинаковом отношении друг к другу. Тотемизм тесно переплетается не только с магическими верованиями, но и с анимистическими представлениями.

Австралийцы верят в перевоплощение членов рода в тотем и обратно. Душа каждого члена рода есть как бы частица души тотема. Причиной рождения детей считается вселение в тела женщин духов-тотемов или частицы души тотема. Когда женщина проходит около тотемистического центра, тотем скрытно бросает в нее чурингу, имеющую вид небольшого плоского камня или куска дерева, в которой помещается частица его души, после чего женщина становится матерью. Члены рода находят затем чурингу, разрисовывают ее (обычно схематическим рисунком) и прячут в тотемистическом центре. Смерть человека объясняется возвращением души-частицы в душу тотема. Также объясняются рождение и смерть тотемных животных или растений. Проходит время, и частицы души тотема вновь покидают тотемистический центр, воп-

лощаяся в людей, животных или растения. Обряд размножения тотема «заставляет» частицы души тотема вселяться в тела женщин, животных или растений.

Проблема происхождения тотемизма полностью еще не решена. Так, открытым является вопрос, каким образом род присваивает себе имя того или иного тотема. Может быть, в выборе тотемов играл роль случай, а, возможно, ими стали те животные или растения, которые первоначально в большей степени оказывали влияние на жизнь родового коллектива. На материале австралийских племен прослеживается некоторая зависимость выбора тотемов от фауны и флоры территории, где проживает род, причем крупным животным отдается предпочтение перед мелкими. С. А. Токарев установил, что в Австралии тотемами являются преимущественно животные, реже — растения и крайне редко — явления природы (ветер, дождь, солнце, море и др.).

В буржуазной литературе существует около 60 теорий происхождения тотемизма, но ни одна из них не может считаться удовлетворительной, ибо всем им присущ идеалистический подход к изучаемому вопросу. Д. Леббок и Г. Спенсер, например, объясняли происхождение тотемизма обычаем давать шуточные, насмешливые прозвища и неверного их впоследствии «истолкования». По Фрезеру, тотемизм является выдумкой первобытных женщин, не понимавших истинных причин рождения детей, а Тэйлор выводил тотемистические верования из анимизма, из идеи переселения душ.

Происхождение тотемизма следует объяснять условиями материальной жизни первобытных людей, их отношениями в процессе производства материальных благ. В последние годы усилиями советских ученых, в первую очередь С. А. Токаревым, А. Ф. Анисимовым и Д. Е. Хайтуном, решены многие вопросы проблемы тотемизма. В частности, установлено, что тотемистические верования фантастически отражают раннеродовое общество, основой хозяйства которого были охота и собирательство, и что развитому роду тотемизм не свойственен.

К распространенным формам религии относится и фетишизм. Фетиш — это неодушевленный предмет, обладающий, как полагают верующие, сверхъестественными качествами, а фетишизм — это «религиозное почитание неодушевленных материальных предметов, которым приписываются сверхъестественные свойства» (С. А. Токарев). Фетишист поклоняется не духу, заключенному в вещи, а самой вещи, обладаю-

щей якобы сверхъестественными свойствами. Термин «фетиш» происходит от португальского слова *feitico* — «деланный», «сделанный»; его употребляли еще в XVI в. португальские моряки для обозначения предметов культа у народов Западной Африки. В XVIII в. выдающийся французский ученый де Бросс ввел в научную литературу понятие «фетишизм» как одну из форм первобытной религии.

Фетишизация предметов — широко распространенное религиозное явление в жизни первобытных народов. Фетишизм очень часто переплетается с анимистическими и магическими верованиями. Австралийцы, например, верят, что прозрачные кристаллы кварца, некоторые деревья, скалы и другие предметы природы обладают сверхъестественными свойствами. Обладание фетишем делает человека способным колдовать.

У индейцев Северной Америки сверхъестественными свойствами, например, наделялись реки, огонь, солнце, луна, шкуры волков, лисиц. Классической страшной фетишизма является Западная Африка, точнее Западный Судан, где фетиши встречаются на каждом шагу: висят на шее у многих людей, прикреплены к дверям дома, помещены у каждого брода. Фетишами являются скорлупа ореха, хвост дикой кошки, зубы леопарда, кости животных и человека, рога антилопы и т. д. Ими могут стать любые предметы природы, наделенные верующими сверхъестественными свойствами. Негры верят, что фетиши придают им храбрость, предохраняют от болезней, помогают в делах.

Тэйлор описывает случай, происшедший с ученым XVIII в. Ремером в Гвинее: «Ремер раз заглянул в открытую дверь и увидел старого негра, сидящего между 20000 фетишей своего частного музея: он совершал таким образом свои молитвы. Старик сказал ему, что он не знает и сотой доли услуг, оказанных ему этими предметами. Их собирали его предки и он сам. Каждый оказал им какую-нибудь услугу. Ремер взял в руки камень величиной с куриное яйцо, и хозяин рассказал его историю. Однажды он выходил из дому по важному делу, но, перейдя через порог, наступил на этот камень и ушиб себе ногу. «Ага! — подумал он. — Ты здесь», — и он взял камень, который действительно много помог ему тогда в его делах». Фетишами часто становились необычные для туземцев предметы.

Все эти примеры подтверждают мысль К. Маркса, что фетишизм „является *«религией чувственных вожделений»*. Распаленная вожделением фантазия создает у фетишиста иллю-

шно, будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть»¹.

Фетишизм изучен значительно хуже, чем анимизм, магия и тотемизм. Этим объясняется распространенный в советской и особенно буржуазной литературе взгляд, будто фетишизм не является самостоятельной формой первобытной религии, а представляет разновидность анимизма (Э. Тэйлор, Ф. Ратцель, А. Я. Штернберг) или, что встречается реже, магии.

Крупнейший советский исследователь фетишизма Ю. П. Францев всесторонне осветил эту проблему в трудах «Фетишизм и проблема происхождения религии» (1940 г.) и «У истоков религии и свободомыслия» (1959 г.). На огромном фактическом материале Ю. П. Францев раскрыл сущность фетишизма и показал, что он является одной из форм первобытной религии. Им была высказана гипотеза о происхождении фетишизма. Ю. П. Францев исходит из приведенного выше положения К. Маркса, что в условиях беспомощности перед природой сильное эмоциональное напряжение, «чувственное вождение» возбуждает фантазию первобытного человека и способствует формированию у него искаженного представления о предметах. Но это положение Ю. П. Францев конкретизирует, связывает возникновение фетишизации предметов с существовавшим у человека конкретным мышлением и, следовательно, относит появление фетишизма к неандертальской стадии людей.

39 | Религиозные представления первобытных людей непрерывно изменялись, становясь более сложными и разнообразными. Само человеческое общество не оставалось неизменным. Каменные орудия труда сменялись металлическими, охота и собирательство уступали место скотоводству и земледелию, естественное разделение труда — общественному, материнский род перерастал в отцовский. Среди людей возникло неравенство, появились рабы и рабовладельцы, бедные и богатые. В недрах разрушавшегося родового строя зарождались антагонистические классы. Все эти изменения в экономике и общественной организации людей нашли извращенное отражение в религиозных верованиях. Прежние религиозные представления видоизменялись, получали иное содержание, возникали новые формы первобытной религии.

На последних этапах родового строя реакционная роль

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 98.

религии возросла, она уже освящала неравенство среди людей, служила интересам зарождающегося класса рабовладельцев. Если в период материнского рода духи делились на «добрых» и «злых», то с появлением неравенства возникла и среди них иерархия. Зародились представления о «низших» и «высших» духах, последние стали превращаться в богов. Возникает политеизм, т. е. многобожие. На смену прежним смутным представлениям о потустороннем мире появились более «точные» сведения, возникло учение об аде и рае, о загробном блаженстве как награде за терпение на земле. Так, греки клали в рот покойнику монету, которую необходимо было отдать перевозчику Харону, переправлявшему в своей лодке души умерших через реку Стикс в подземный мир.

После смерти вождя племени нередко убивали всех его жен и рабов, слуг и поваров. Их души обязаны были в загробном царстве служить своему господину. Так, в XIX в. на островах Фиджи после гибели вождя 17 его жен были задушены. На многих островах Тихого океана жрецы учили, что потусторонний мир — копия земного, поэтому души знатных после их смерти помещаются на небе в высшем царстве, а души бедняков — в простом царстве.

Возникли новые обычаи и в магических верованиях. Так, у племени хайда, в Северной Америке, женщины, чтобы помочь своим мужьям, ушедшим на войну, захватить в плен врагов, ежедневно инсценировали нападение на своих детей, обращая их в «рабов». Описаны случаи, когда рабов стригли и волосы их прятали в тайном месте. Рабы не убегали из опасения, что могут наколдовать над их волосами и причинить им вред. В случае выкупа рабов возвращались и волосы.

Для повышения плодородия полей многими племенами приносились человеческие жертвоприношения — чаще всего рабы или военнопленные, которых нередко предварительно откармливали. Кровью жертв смачивали зерна хлеба или борозду пашни. По религиозным представлениям ацтеков древней Мексики существовала зависимость между возрастом жертв и ростом кукурузы. Во время посева кукурузы убивали новорожденных, затем более взрослых детей, когда появлялись первые всходы и т. д. Когда же приходило время жатвы, то приносили в жертву стариков. Источники сообщают, что ацтеки в один из дней принесли в жертву богам растительности, земли и войны 20 тысяч военнопленных.

Впрочем, богов не только умиляли жертвоприношениями, их порой «наказывали», если они оставались глухими к просьбам людей. Этнографическая наука располагает данными, когда богам угрожали, если они, например, не посылали дождь во время продолжительной засухи, поворачивали их изображения к стене, будто провинившихся детей, и даже сажали идолов в тюрьму на определенный срок.

Возникли новые приемы в лечебной магии: больному вместо лекарства порой давали выпить воду из чаши, на которой выгравирована священная формула, или воду, смочившую полоску бумаги, на которой было написано название лекарства.

Из всех форм первобытной религии наибольшие изменения произошли в тотемистических верованиях. Тотемизм, свойственный раннеродовому строю, экономика которого основывалась на примитивной охоте и собирательстве, стал разлагаться в период расцвета материнского рода, с появлением новых форм хозяйства, и изжил себя в патриархате, сохраняясь в качестве пережитка. Как на внешнее проявление этого процесса можно указать на существование в роде двух или нескольких тотемов или на то, что почитанием пользовался не столько сам тотем, сколько его отдельные части и изображения. Постепенно был снят запрет убивать и есть тотемное животное. Помимо родового тотема, у многих племен появились тотемы фратрии, еще позже — племенные тотемы. Племенные тотемы, а также семейные и индивидуальные возникли в самом конце существования первобытного общества. Таким образом, тотемизм исчезает раньше всех первобытных форм религии.

Претерпели изменения и фетишистские верования. У эскимосов, например, с возникновением патриархальной семьи мужчины стали носить фетиши, которые оказывали им «помощь» в промысловой охоте, где случайность играет большую роль. Обычно женщины и «даже пяти-шестилетние девочки носят амулеты ради блага тех сыновей, которые у них когда-нибудь родятся, — ведь чем старше амулет, тем он сильнее» (Расмуссен). Фетишами служили: лебединый клюв — чтобы первый ребенок был мальчик, медвежий зуб — чтобы у ребенка были крепкие зубы; голова и когти ворона, оленьи зубы, зашитые в одежду, должны были помочь стать ребенку хорошим охотником за оленями. В Западной Африке фетиши на заборах и деревьях предупреждали воровство, там же негры носили их с целью предохранить себя от вымога-

тельств колониальных чиновников и европейских купцов.

В ходе разложения патриархально-родового строя возникли новые формы религии, генетически связанные с первобытными и в то же время составляющие начальный этап зарождающихся религий классового общества. Эти формы религии — культ предков, шаманизм, культ вождей, культ племенных богов и другие — исследованы хуже, чем анимизм, магия, тотемизм и даже фетишизм. Формы религии, возникшие на поздних этапах первобытного общества, как и ранние формы, не существовали изолированно, они тесно переплетались друг с другом, порой сливаясь, и были пропитаны анимистическими, магическими, тотемистическими и фетишистскими верованиями.

Культ предков был связан с появлением и развитием патриархальной семьи как фантастическое отражение огромной власти патриарха, страх перед которым и повиновение были перенесены на его предков — родоначальников большой семьи.

Шаманизм особенно был распространен в прошлом у народов Сибири и индейцев Америки. Шаманизм (шаманство) — это вера в способность особых людей (шаманов), которые, приводя себя исступленными плясками в состояние экстаза, могут сноситься с богами, духами, предсказывать будущее или лечить больных.

Дореволюционные и советские ученые, изучая шаманизм в Сибири, пришли к выводу, что многие шаманы были нервно-больными людьми, психически неуравновешенными, которые искренне верили в свои «пророчества» и способность изгонять болезни у людей. Знаток народов северной Сибири В. Г. Богораз установил, что первоначально в шаманстве преобладал женский элемент, который затем отступил на задний план. Следовательно, шаманизм зародился еще в материнском роде, по-видимому, на стадии его разложения. Шаманы были представителями родоплеменной знати.

В процессе разложения родового строя и становления классового общества оформлялся культ вождей, переходящий у некоторых племен в обожествление. Обожествление вождей было особенно распространено у островитян Тихого океана. На вождей накладывалось табу. Нельзя было произносить вслух их имя, дотрагиваться до них. На Соломоновых островах предавался смерти тот, кто наступал на тень верховного вождя. В представлении туземцев вождь обладал сверхъестественной способностью. На все вещи, до ко-

торых дотрагивался вождь, налагалось табу. На островах Тонга считалось, что рядовой общинник, коснувшийся рукой священной особы вождя, умрет, если будет есть пальцами пищу. Чтобы остаться в живых, он должен был дотронуться руками к следам вождя и затем смочить пальцы водой.

Не всегда, впрочем, туземцы могли спастись при нарушении табу. На Новой Зеландии однажды мужчина, прославившийся своей храбростью в боях с врагами, съел случайно пищу, оказавшуюся остатками трапезы вождя. Узнав об этом, несчастный «грешник» почувствовал сразу адские боли в желудке, приведшие его к смерти в тот же день. Там же умерло несколько человек, узнав, что они зажигали свои трубки огнем, оброненным вождем. Такова сила самовнушения. По выражению одного писателя религиозные верования выполняли в этом случае «роль палача».

Параллельно с культом вождей складывался культ племенного бога. С образованием союзов племен и слиянием их в народности бог сильнейшего племени становился главным богом, а позже, с возникновением развитых классовых обществ и перерастанием политеизма в монотеизм, — единым богом.

На поздних этапах первобытного общества появилось профессиональное жречество как составная часть, прослойка складывавшегося эксплуататорского класса. Внутри жречества возникла дифференциация, оно организовывается по принципу иерархии. Нередко верховным жрецом являлись брат или дядя вождя; знания были монополизированы жрецами. Их сан был наследственным или ими становились младшие сыновья знати. Возникшие в ходе разложения родового строя новые формы религии, особенно культ вождей и культ племенного бога, появление профессионального жречества, ускорили, в свою очередь, процесс образования классовых обществ.

В качестве пережитков первобытные верования сохраняются в религиях классовых обществ. Современные религии пронизаны анимистическими, магическими, тотемистическими и фетишистскими верованиями. Пережитки анимизма в христианской религии проявляются в поминках по умершим, вере в чертей, дьявола, ведьм, нечистую силу (злых духов), ангелов (добрых духов). Каждый христианин якобы находится под защитой своего ангела-хранителя, в честь которого один раз в год, в определенный день, устраивает праздника — именины, т. е. «день ангела». Бог христиан проявляет-

ся в трех лицах: отца, сына (Христа) и «святого духа».

К пережиткам магии в христианстве относятся молитвы, молебны — о дожде, даровании победы, избавлении от мора, — вера в чудотворные иконы, в исцеление у «святых» источников, в «счастливые» и «несчастливые» дни и числа. Ислам запрещает изображать не только аллаха, но и человека, полагая, что существует таинственная связь между личностью и его изображением.

Тотемистические верования отчетливо проступают в почитании «святых» — покровителей животных. Так, Сергей считается покровителем кур, Василий — свиней, Влассий — коров. «Святой дух», один из трех лиц божества, изображается в виде голубя. На одной из картин III в. Христа нарисовали в виде ягненка, распятого на кресте, а в XVII в. можно было видеть икону с изображением святого Христофора с собачьей головой.

Обряд поедания тотема в пережиточной форме представлен в христианстве таинством причащения, когда верующие, поедая кусочек хлеба и выпивая немного вина, будто бы вкушают «тело и кровь» Христа. В иудаистской религии пережитки тотемизма сказались в изображении бога Иеговы (Ягве), который первоначально представлялся в образе льва. Фетишизм проглядывает в исламе в культе черного камня в Мекке, а в христианской религии — в поклонении иконам и мощам, вере в крест как охранительной силе от всего нечестивого.

35 Вопрос о происхождении религии имеет более чем двухтысячелетнюю историю. В немарксистской литературе делались сотни попыток решить эту проблему, однако в связи с неверными методологическими установками они не имели успеха. Тем не менее среди бесчисленных заблуждений и ошибок встречались правильные догадки и высказывания по отдельным вопросам. Прежде всего это относится к попыткам с материалистических позиций решить данный вопрос.

Религиозные заблуждения никогда не господствовали над человеческими умами абсолютно. В повседневной жизни люди гораздо чаще руководствовались здравым смыслом. За помощью к сверхъестественным силам, как это показали еще наблюдения Н. Н. Миклухо-Маклая за жизнью папуасов, они обращались обычно тогда, когда нарушался естественный, привычный ход жизни — в случае болезни, смерти, стихийного бедствия и т. д. В процессе трудовой деятельности возникали начатки положительных знаний, первые научные дости-

жестия. Сквозь густой религиозный туман, обволакивавший сознание людей в начальный период истории, пробивались солнечные лучи материалистической мысли.

Неизбежным спутником материалистического понимания природы является атеизм. Атеистические мысли, зародившиеся в странах Древнего Востока, наивысшего своего развития достигли в рабовладельческом обществе в Греции и Риме. Античный атеизм был стихийным, во многом наивным, что было обусловлено недостаточным развитием научных знаний. Он страдал непоследовательностью: допускал существование богов, отрицая в то же время вмешательство их в дела людей и развитие природы. Античные атеисты объясняли явления природы естественными причинами. Атеизм не сразу превратился в античных государствах в стройную систему взглядов и проявлялся у ранних материалистов первоначально в форме свободомыслия и скептицизма.

Первыми в Греции выступили с критикой официальной религии Ксенофан (конец VI в. до н. э.) и Гераклит (конец VI—начало V в. до н. э.).

Ксенофан отрицал гадания и прорицания, высмеивал культ умирающих и воскресающих богов. «Если это боги, — говорил он, — то не оплакивайте их, если же это люди — не приносите им жертв». Впервые в истории человечества, Ксенофан высказал мысль, что люди создают в своем воображении богов по образу своему и подобию:

Если бы руки имели быки или львы, или кони,
Если б писать, точно люди, умели они что угодно, —
Коня коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки: их наружностью каждый сравнил бы
С той породой, к какой он и сам на земле сопчислен.

Но критика религии Ксенофаном была непоследовательной. Он признавал существование бога, единого, разлитого в мире и не вмешивающегося в земные дела людей. По Ксенофану, познание бога недоступно человеку, а если кто случайно и высказал о нем правильную мысль, то доказать ее он не смог бы.

Гераклит утверждал, что боги не принимали участия в создании мира, первоосновой которого был огонь. «Мир единый из всего не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим».

Отрицательно относился Гераклит к учению о бессмертии человека, признавая душу материальной и смертной, не ве-

рил он в вещие сны и высмеивал жертвоприношения, культ мертвых, поклонение статуям богов.

Высказывать атеистические взгляды не всегда было безопасно. Философ V в. до н. э. Протагор едва не поплатился жизнью за свои слова: «Относительно богов я не могу знать, существуют ли они или не существуют и каковы они на вид. Многое мешает этому — и неясность вопроса и краткость человеческой жизни».

Выступления греческих философов конца VI — первой половины V в. до н. э. против религии носили эпизодический характер. Их атеистические взгляды, во многом еще незрелые, были развиты материалистами последующих поколений.

В середине V в. до н. э. Греция переживала свой расцвет. Развитие сельского хозяйства, ремесел и торговли, успешные завоевательные войны, насыщавшие внутренний рынок рабами, установление демократических форм правления во многих греческих государствах способствовали росту научных знаний.

Одновременно в греческих обществах усилилась классовая борьба между рабами и рабовладельцами, бедняками и богачами, возросли противоречия внутри господствующего класса между демократическими и аристократическими группировками. Развитие атеистических взглядов было тесно связано с укреплением рабовладельческой демократии. Философы-материалисты, отражая интересы преимущественно демократических кругов рабовладельческого класса, под знаменем атеизма вели идеологическую борьбу с аристократией.

Не случайно, что величайший материалист древности, отец атомистической теории Демокрит (460—370 гг. до н. э.), прозванный за обширность и глубину своих знаний Мудростью, явился создателем первой теории происхождения религии. «Древние, — писал он, — наблюдая небесные явления, как-то: гром, молнии ... затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого — боги». По Демокриту, следовательно, религия появилась в результате беспомощности и страха людей перед силами природы. Эта великая мысль была обогащена атеистами в последующие эпохи.

Демокрит отрицал существование духов и выступал против учения о загробной жизни: «Некоторые люди, не зная, что смертная природа подлежит уничтожению, но, испытывая бедствия в жизни, проводят всю свою жизнь в беспокойстве и страхах, сочиняя лживые сказки о загробной жизни». Вместе с тем Демокрит, проявляя непоследовательность, призна-

пня существование богов, хотя и отрицал их всемогущество. Демокриту было чуждо традиционное представление о богах. По его мнению, боги — это образы, являющиеся во сне людям. Это не сверхъестественные существа, и состоят они из сочетания атомов, как и все предметы. Уже древние философы отмечали, что подобное понимание богов Демокритом было равносильно безбожию.

Наибольшей глубины критика религии среди греческих мыслителей достигла в учении Эпикура (342—270 гг. до н. э.), одного из величайших материалистов античности, высоко ценимого Марксом и Энгельсом. Эпикур воспринял взгляды Демокрита о возникновении религии, считая, что боги создали страх и невежество. Стремясь освободить людей от суеверного страха перед загробными муками, Эпикур, вслед за Демокритом, учил, что все в мире состоит из атомов, в том числе и душа. После смерти человека душа погибает, распадаясь на атомы, и, теряя способность к ощущению, не может уже страдать. Следовательно, человек не должен бояться смерти и вечных мук на том свете. «Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерти еще нет, а когда она присутствует, — не существуем мы».

Эпикур страстно выступал против божественной природы снов, учил не бояться небесных явлений, ибо восход светил и их заход, затмения солнца и луны, гром и молния объясняются естественными причинами, что небесные тела не божества, а концентрированный огонь и что в мире нет ничего сверхъестественного. И все же Эпикур не отказался полностью от признания богов, но он их поместил вне пределов нашего мира, в межмировых пространствах, где они живут безмятежно, наслаждаясь бессмертной жизнью.

Боги Эпикура — это бездеятельные, блаженные существа, состоящие из комбинации атомов, не принимавшие никакого участия в жизни людей и управлении миром. Богам Эпикура неизвестны ни гнев, ни милость к людям — это, по шутливому выражению древнего философа, «бездельники», повторяющие всю жизнь непрерывно фразы: «Ах, как я счастлив!», «Ах, какое блаженство!» Многие в древности считали, что Эпикур лишь из соображения безопасности сохранил в своем учении богов.

Своей вершины атеистическая мысль в древности достигла в учении Лукреция Кара. В гениальной поэме «О природе вещей» он поставил цель — освободить людей от стра-

ха, внушаемого вымыслами о богах, показав, «откуда являются вещи, и каким образом все происходит без помощи свыше». Развивая атеистические мысли Демокрита и особенно Эпикура, Лукреций призывал людей не «пятнать свои души гнусной религией», которая обрекает их на «жалкую жизнь», высмеивал тех, кто своими молитвами тщетно «богам докучает». В поэме дается естественнонаучное объяснение молниям и грому, смерчу, землетрясениям и другим явлениям природы, раскрывается противоположность науки и религии.

Лукреций последовательнее своего учителя Эпикура боролся с религией и глубже объяснял причины ее происхождения. Он пытался установить связь религиозных фантазий со сновидениями. Первобытные люди, учил римский философ, испытывая страх перед грозными силами природы, создали в своем воображении богов. Другую причину появления религиозных представлений, тесно связанную с первой, Лукреций видел в невежестве первобытного человека, в скудности его ума, в неправильном понимании им природных явлений и наделении их вследствие этого сверхъестественными свойствами. В атеистическом учении автора поэмы «О природе вещей» нет места богам, он покончил с этими «бездельниками», показав, что боги — плод фантазии темных и невежественных людей.

Среди античных атеистов особняком стоит Критий, один из вождей аристократической партии в Афинах конца V в. до н. э., считавший, что религия возникла из обмана, что богов выдумали люди, стоящие у власти. По Критию, этот обман необходим, чтобы держать в повиновении рабов и бедняков. Подобные взгляды разделял и греческий историк Полибий (II в. до н. э.).

Античный атеизм носил ограниченный характер. Древние атеисты не видели общественных корней религии и, будучи идеологами класса рабовладельцев, не только не связывали борьбу против религиозных предрассудков с борьбой народа против угнетателей, но стремились порой использовать религию как узду, сдерживающую угнетенные массы. Но при всех своих недостатках античный атеизм имел прогрессивный характер.

Передовые идеи античных атеистов оказали благотворное влияние на последующее развитие атеистической мысли. В средневековье, этом «золотом веке поповщины», свободомыслие вынуждено было маскироваться, порой даже рядиться в религиозные одежды. В Западной Европе католическая цер-

ковь, как многоголовая гидра, протягивала всюду свои щупальца и душила еще в колыбели даже самые робкие проявления свободомыслия и атеизма, сжигая на кострах лучших представителей человечества.

Вопрос о происхождении религии не волновал передовых мыслителей, их интересовали причины возникновения иудаизма, христианства, ислама. Возможно, отзвуком атеистических идей античности и явилась средневековая теория «трех обманщиков», приписывавшая возникновение этих монотеистических религий трем «обманщикам»: Моисею, Иисусу и Мухаммеду, которые опутали ложью народы.

В Западной Европе в XV—XVI вв. возникли зачатки капитализма. С ростом научных знаний, знакомством с трудами античных писателей, с расширением кругозора европейских народов вследствие великих географических открытий пробудился интерес к вопросу о происхождении религии. Итальянский философ Ванини возродил к жизни идеи атеистов античности, но впервые глубоко заинтересовались этой проблемой в новое время английские материалисты XVII в. — Гоббс, Локк и Толанд.

Гоббс привел новые аргументы для обоснования основного тезиса атеистов, что страх и невежество людей создали богов. Расстроенное под влиянием страха сознание людей порождало фантастические образы, особенно в сновидениях. «Из бесконечного разнообразия образов своей фантазии люди сотворили бесконечное количество видов богов» (Гоббс). Гоббс учил, что нельзя доказать существование бога и решительно противопоставлял религии разум, показывая их несовместимость. Идеи Гоббса оказали сильное влияние на атеистическую мысль XVII—XVIII вв. Вместе с тем взгляды Гоббса на религию противоречивы, его атеизм был «аристократичен». Будучи идеологом класса буржуазии, Гоббс признавал необходимость религии для народа. Ограниченность атеизма Гоббса особенно проявлялась в признании им невозможности искоренить религиозные представления у людей.

В разработке вопроса о происхождении религии немалая заслуга принадлежит Локку, показавшему, что у человека отсутствуют врожденные идеи, и, следовательно, религиозные идеи и представления не присущи природе людей, не являются извечными.

Но самым решительным противником религии среди английских материалистов XVII в. был Толанд, идеолог левого крыла буржуазии. Признавая вслед за Гоббсом религию

орудием государства, Толанд пошел дальше, указывая, что деспотическая власть использует ее в своих целях. Толанд призывал распространять знания, чтобы искоренить религиозные суеверия, выбить это оружие из рук тиранов. По Толанду, религия возникла после того, как люди пришли к выводу, что их мысли существуют независимо от предметов, а это, в конечном итоге, в связи с неверным осмысливанием явления смерти привело к представлению о существовании души.

Английские материалисты подготовили следующий, наивысший этап развития буржуазного атеизма, связанной с деятельностью французских философов-просветителей XVIII в. и немецкого ученого XIX в. Фейербаха. Французские атеисты XVIII в. были идеологами класса буржуазии, шедшей на штурм феодализма, являлись передовыми борцами с религиозными суевериями. Они более тесно, чем их предшественники, связали религиозные вопросы с жизнью общества и видели социальную роль религии. Французские материалисты философски обосновали атеизм, опровергли доказательства церковников бытия бога, систематизировали и развили прежние теории о происхождении религии, указали на ее реакционную роль в истории человечества.

Они первыми стали изучать историю религий и установили, что политеизм предшествует монотеизму, доказали, что в основе всякой религиозной системы лежат вымыслы и нелепости. «Все религии, какие мы только видим на земле, дают нам лишь клубок вымыслов и бредней, возмущающих ум. Таким образом, со стороны своих притязаний, христианская религия не имеет никакого преимущества перед другими суевериями, которыми заражен мир, и ее небесное происхождение оспаривается всеми другими религиями с таким же основанием, с каким она оспаривает его у них» (Гольбах).

Одним из ранних просветителей XVIII в. был Фрере, прозванный патриархом атеизма. С материалистических позиций исследовал он многие религии и пришел к выводу, что все они придуманы «лживыми священнослужителями с целью порабощения слабых умов». Все религии Фрере делил на политеизм и монотеизм.

Ярким мыслителем был Вольтер, не бывший атеистом, хотя отрицание бога логически вытекает из его убийственной критики христианской и иных религий, полной сарказма, злой иронии, насмешки и издевательства которого, по замечанию Ленина, «в высшей степени полезны для дезинфекции чело-

поческого ума от миазмов религиозного тумана». Всю свою долгую жизнь, яркий талант пера, сочетавшего «легкость ветра и мощь грома», нечеловеческую энергию Вольтер отдал борьбе с предрассудками, церковью — с «гадиной», по его выражению.

Вольтер по существу был материалистом, хотя и непоследовательным. Его классовые интересы сказались в двойственном отношении к религии. С одной стороны, десятки томов Вольтера были пронизаны лозунгом: «Раздавите гадину!», с другой — он полагал, что «вера в загробные кары и награды — это узда, которая народу необходима». Афоризм Вольтера — «Если бы бога не было, его бы следовало выдумать» — не теряет популярности среди защитников частной собственности. В вопросе о происхождении религии Вольтер больше проявил остроумия, чем глубины, полагая, что ее изобрел первый мошенник, встретивший первого дурака.

Более глубоким исследователем истории религии и ее принципиальным противником был Гольбах, в трудах которого подводились теоретические итоги достижений атеистов XVIII в. «Личный враг бога», по шутливому выражению друзей, Гольбах страстно ненавидел религию, усматривал в ней отравленный источник всех бед и несчастий, тяготеющих над человеческим родом, истинную причину «невежества, рабства, сумасбродства и развращенности людей». Гольбах считал религию «вредной для блага государства, врагом умственного прогресса» и, вслед за античными философами, видел в страхе, порожденном невежеством, и страданиях людей основной корень происхождения религии. Колдуны, шаманы, а затем и цари с помощью обмана закрепили, оформили первоначальные верования — «религия потомков есть лишь результат глупости отцов». Гольбах видел тесную связь религии с земными интересами.

Сходные во многих отношениях взгляды высказывали Дидро, Гельвеций, де Бросс, Маршалль и другие философы-просветители. Высоко ценимые Марксом, Энгельсом и Лениным, французские атеисты дали классические образцы глубокой, остроумной по форме критики церкви и религиозных суеверий. Однако атеисты XVIII в., подобно всем материалистам домарковского периода, объясняли общественные явления с идеалистических позиций, не сумев вскрыть социальных корней религии и наметить пути ее преодоления.

Традиции французских просветителей развил крупный ма-

териалист XIX в. Л. Фейербах, всю свою жизнь стремившийся «осветить темную сущность религии факелом разума». Фейербах первым доказал идейную общность идеализма и религии — двух близнецов, считающих дух первичным. Восприняв теорию происхождения религии в результате страха и невежества первобытных людей, Фейербах акцентировал внимание на страхе перед смертью, говоря, что «могила человека — это колыбель бога».

Фейербах правильно поставил вопрос, что источники религии следует искать не на небе, а в условиях жизни людей. Но земные корни религии, «условия жизни людей» понимались им крайне узко. Это лишь желания людей, нужда, неудовлетворенные потребности, которые заставляли людей, по Фейербаху, обращаться к богу: «Только в потребности коренится религия, люди религиозны лишь в нужде, недостатке, несчастии». Будучи идеалистом в изучении явлений общественной жизни, Фейербах не понял сущности религии в эксплуататорском обществе, не видел и путей ее преодоления.

Буржуазный атеизм был оторван от народа, носил созерцательный, просветительский характер, не был связан с практическими задачами революционного переустройства общества.

Огромный вклад в развитие атеистической мысли внесли русские революционеры-демократы XIX в. — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, чьи материалистические и атеистические взгляды были более прогрессивными, чем взгляды Фейербаха. Они видели в религии опору самодержавия, и, будучи горячими защитниками интересов угнетенного народа, старались освободить его от религиозного дурмана, чем в значительной степени преодолели созерцательность домарксовского материализма, близко подойдя к пониманию общественных корней религии. Н. Г. Чернышевский, самый выдающийся из революционных демократов, говоря словами В. И. Ленина, вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

С приходом к власти буржуазия потеряла свою революционность. Материалистические теории происхождения религии стали предаваться забвению. В XIX в. в буржуазном религиоведении господствовали идеалистические направления, причем проблема происхождения религии нередко оставалась в тени и подменялась вопросом о древнейшей форме первобытной религии. Наибольшее распространение приобрели ми-

филологическая (натуристическая) и анимистическая теории происхождения религии.

Согласно взглядам виднейшего представителя мифологической теории М. Мюллера религия зародилась из обожествления сил природы, небесных светил, прежде всего солнца. Этнографический материал, однако, опровергает эту теорию. Обожествление сил природы — это относительно поздний этап развития религиозных верований, он возник лишь с появлением земледелия и скотоводства, значительно позже, чем анимизм, магия, тотемизм и фетишизм.

В 70-х годах прошлого века возникла концепция, выдвинутая Э. Тэйлором и почти одновременно с ним Г. Спенсером, по которой первоначальной формой религии является анимизм, из которого возникли остальные формы первобытных верований. Вера в душу, по Тэйлору, — это «минимум религии», неотъемлемый признак всех религиозных представлений, зародыш, из которого возникли все современные религии. Анимистическая гипотеза имела прогрессивные черты в момент своего появления, ибо она развеяла миф о божественном происхождении монотеистических религий и доказала, что их боги и ангелы — всего лишь потомки духов и душ первобытных людей. Взгляды Тэйлора в той или иной степени были восприняты многими, в том числе русскими учеными дореволюционного времени, и разделяются частью советских исследователей (Г. В. Плеханов, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. К. Никольский и др.).

В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, а также некоторые зарубежные ученые отделяли от анимизма веру первобытных людей во всеобщую одухотворенность природы, превращая ее в самостоятельную форму ранней религии под названием «аниматизм» (от латинского слова *animare* — «оживлять»). Аниматизм, всеобщее одухотворение, или оживление вещей, рассматривается ими как стадия, предшествующая анимизму, как первоначальная форма религии. Подобный взгляд недостаточно аргументирован. Более того, сомнительно выделение аниматизма в самостоятельную форму первобытной религии. Не убедительны и попытки считать аниматизм не религиозным верованием, а дорелигиозным мышлением человека, или видеть в нем, подобно А. Д. Сухову, лишь путь к созданию религии, так как аниматизму присуща вера в сверхъестественное. Аниматизм, по-видимому, следует признать разновидностью анимизма.

Разновидностью анимизма является и преанимизм,

или вера в безличную, не обладающую никакими качествами силу — в мана. На одном из полинезийских языков слово «мана» означает «сила». Если духи и души обладают индивидуальными свойствами, то мана — абстрактная, невидимая, сверхъестественная сила, разлитая по всему миру, но постоянно ощущаемая и вездесущая. Термин «преанимизм» неудачный. Его предложил английский ученый Маретт, понимавший под ним древнейшую стадию религии, предшествующей анимизму. Такое понимание веры в мана является ошибочным, ибо вера в абстрактную силу появляется позже, чем в индивидуальные конкретные души.

Представление о некоей обезличенной силе предполагает уже хорошо развитое отвлеченное мышление, и не случайно, что вера в мана засвидетельствована этнографами у первобытных людей на стадии расцвета материнского рода и более поздних степеней развития первобытного общества. Преанимизм — не особая форма первобытной религии и тем более не предшествующая стадия анимизму, а разновидность его.

Анимистическая теория происхождения религии, будучи и ныне распространенной в буржуазной литературе, потеряла в последние десятилетия значительное число своих приверженцев. В конце XIX и в первые десятилетия XX в. она подвергалась основательной критике со стороны ученых, видевших в магических верованиях первоначальную форму религии. Д. Фрезер, Р. Смит, Э. Дюркгейм хотя и не признавали магию религией, тем не менее видели в ней предшественницу анимизма. Их труды оказали влияние на других исследователей, выводивших из магических верований все остальные формы религии.

С перерастанием капитализма в империализм усилилась реакционная струя в буржуазном религиоведении. Это нашло выражение, в частности, в нигилистическом отношении к проблеме происхождения религии, когда некоторые ученые вообще стали отрицать возможность ее разрешения, и в распространении биологических теорий происхождения религии, из которых до сих пор «модной» среди буржуазной интеллигенции Австрии, Франции и США является теория психоанализа З. Фрейда.

З. Фрейд, видевший в человеке грубого животного, которого цивилизация коснулась лишь внешне, выводил религию из полового инстинкта — основного двигателя, по его мнению, в жизни людей, причем не естественного, а извра-

пешного, патологического, якобы тяготеющего над каждым человеком. Фрейд исходил из так называемого «эдипова комплекса». Древнегреческий драматург Софокл обработал миф, в котором Эдип волею судьбы убивает отца и женится на своей матери. Фрейд ошибочно истолковывал этот миф как извечное инстинктивное половое стремление детей к родителям. Фрейдизм отражает кризис не только буржуазной науки, но и буржуазной морали.

Столь же несостоятельными оказались попытки доказать, что первоначальной формой религии являются тотемизм или фетишизм. Таким образом, ни сторонники анимистической теории, ни магической, ни тотемистической (Р. Смит, Э. Дюркгейм), ни те, кто подобно де Броссу, считал фетишизм древнейшей формой религии, не говоря уже об адептах биологических теорий, не смогли привести сколько-нибудь убедительных фактов для подтверждения своих взглядов.

В марксистской литературе подвергнуты научной критике концепции буржуазных авторов. Среди советских ученых преобладает мнение, согласно которому все формы первобытной религии являются древнейшими и что нет оснований отдавать приоритет анимизму, магии, тотемизму или фетишизму. Впрочем, иную позицию в этом вопросе занимают Ю. П. Францев и А. Ф. Анисимов.

Ю. П. Францев в монографии «Фетишизм и проблемы происхождения религии» (1940 г.) признал фетишизм самой ранней формой религии. По существу эта мысль, хотя и в менее категорической форме, проводится и в его капитальном труде «У истоков религии и свободомыслия» (1959 г.). Поставив своей целью исследовать древнейшую основу религиозных верований, общую для анимизма, магии, тотемизма и фетишизма, Ю. П. Францев пришел к следующему выводу: «Древнейший вид сверхъестественного заключается в представлении о «сверхчувственных» свойствах вещей». «Анализ различного рода религиозных явлений позволяет считать фетишизацию древнейшим видом неправильного, извращенного отношения человека к явлениям природы». Итак, по Ю. П. Францеву, наделение вещей сверхъестественными свойствами, фетишизация предметов — это еще не фетишизм, а лишь зародыш, первооснова всех форм первобытной религии.

По А. Ф. Анисимову, магия генетически связана «с наиболее архаической формой представления о сверхъестественном — фетишистскими воззрениями палеолитического человека. В свою очередь фетишистские воззрения, выражающие

представление о сверхъестественном в наиболее грубой предметно-натуральной форме, были, судя по всему, той начальной стадией развития анимизма, из которой развились его последующие более обобщенные и отвлеченные формы тотемистических верований раннеродового общества». Таким образом, и в советской литературе вопрос о древнейшей форме первобытной религии является дискуссионным.

Буржуазные ученые оказались бессильными решить вопрос о происхождении религии, хотя наука располагает достаточным количеством достоверных фактов, позволяющих правильно осветить эту проблему. Но реакционные ученые не заинтересованы в объективном, добросовестном изучении вопроса о генезисе религии, так как в капиталистических странах религия является орудием угнетения бесправных масс. Только классики марксизма-ленинизма, открыв объективные законы развития природы и общества, научно, со всей глубиной объяснили происхождение и сущность религии, впервые доказали, что источники религии коренятся не в «головах» людей, а в условиях их материальной жизни. Этим самым был сорван покров святости с религии, обнажена ее земная основа и показано, что религиозные представления являются иллюзорным отражением внешнего, реального мира, отражением сил природы и общественного бытия и питаются они не небом, а землей. Таким образом, возникновение и существование религии объясняется социальными, т. е. общественными условиями.

531 | Религия — это целая система взглядов на мир, это мировоззрение, одна из форм общественного сознания. Искусство, наука, мораль, религия и другие формы общественного сознания порождены общественным бытием и отображают это бытие. Но религия в отличие от других идеологий дает ложное, извращенное, фантастическое отражение общественного бытия. В этом состоит главная особенность религии как идеологии.

36 | Классическую формулировку сущности религии дает Энгельс: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹.

Что же это за внешние силы, которые господствуют над

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

религиозными людьми в их повседневной жизни? В первобытном обществе такими внешними силами являются силы природы. Бессилие людей перед лицом природы явилось основной причиной возникновения религии в первобытном обществе. Но почему первобытный человек был беспомощен перед силами природы? Это бессилие было следствием низкого уровня производительных сил.

Итак, страх и бессилие людей перед силами природы, обусловленные низким уровнем развития производительных сил, явились главным социальным корнем появления религии.

В. И. Ленин под беспомощностью первобытных людей перед силами природы понимал относительное бессилие, а не абсолютное. Человек никогда не был абсолютно беспомощен перед силами природы, иначе он не выжил бы. В ходе своего развития человечество медленно и постепенно познавало законы природы, покоряя ее.

536 Многие религии — буддизм, христианство, ислам — возникли в классовых обществах. Какие же внешние силы явились причиной их возникновения? Основоположники научного коммунизма ответили и на этот вопрос. В классово-антагонистических обществах такими внешними силами является главным образом классовый гнет. Бессилие народных масс в борьбе с угнетателями — вот основная причина, классовые корни появления религии в эксплуататорском обществе. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹.

Понятие социальных корней шире классовых. В первобытном обществе и социалистическом отсутствуют классовые корни религии, но существуют социальные (в СССР социальные корни подорваны). В эксплуататорских обществах классовые корни религии являются составной частью социальных.

Понятие корней религии — социальных, классовых, гносеологических — впервые четко сформулировано В. И. Лениным. Вопрос о гносеологических, или познавательных, корнях религии очень сложен. Не уяснив его, нельзя понять причины происхождения религии, нельзя понять, почему не было религиозных верований у древнейших и древних людей, почему в истории человечества был длительный дорелигиозный период.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

В самом деле, почему у древнейших и древних людей не было религии, хотя они были более беспомощны перед силами природы, чем люди верхнего палеолита? Социальные корни религии у нижнепалеолитических людей были, а религиозные верования отсутствовали. Следовательно, одного бессилия человека в борьбе с природой еще недостаточно для появления религии.

Для возникновения религии необходимо, чтобы беспомощность людей перед внешними силами нашла отражение, как-то преломилась в их сознании. Это возможно лишь с появлением развитого абстрактного мышления, которое, как полагает большинство советских ученых, свойственно только человеку современного физического типа. Способность к абстрагированию — главное из тех новых свойств и особенностей мозга, которые возникли у человека верхнего палеолита. Вот эти некоторые свойства и особенности человеческого сознания В. И. Ленин и назвал гносеологическими корнями религии. Эти свойства и особенности сознания людей делают возможным засорение его религиозными верованиями.

Следовательно, в характере абстрактного мышления человека имеются гносеологические возможности возникновения религии. Но эти гносеологические возможности приводят к появлению религиозных представлений лишь при наличии социальных корней религии.

В сознании человека лишь под влиянием условий материальной жизни может возникнуть извращенное, фантастическое отражение внешнего мира. В первобытном обществе вследствие низкого уровня производительных сил возможности появления религии превращаются в действительность. Таким образом, главными корнями религии являются социальные корни, а гносеологические — второстепенными, которые существуют лишь как возможность при наличии социальных корней.

Гносеологические корни религии не существуют независимо от социальных, они находятся с ними в тесной связи и взаимозависимости, в диалектическом единстве. Какие же конкретно свойства и особенности человеческого сознания относятся к гносеологическим корням религии? В научной литературе этот вопрос разработан еще недостаточно. Не установлено еще точно, какие конкретно свойства и особенности человеческого сознания следует назвать гносеологическими корнями религии. Так, А. Д. Сухов относит к ним: 1) способность к абстракции и 2) активность сознания; по И. А. Кры-

ислеву, это: 1) способность к абстракции, 2) стремление к олицетворению, 3) любознательность, 4) несовершенство логического мышления, 5) ассоциативный характер мышления.

По-видимому, к гносеологическим корням религии с бесспорностью можно отнести лишь способность к абстракции и стремление к олицетворению. Активность сознания, любознательность, несовершенство логического мышления и ассоциативный характер мышления присущи были и мозгу древнейших и древних людей, у которых, однако, отсутствовали религиозные верования. Следовательно, эти свойства и особенности человеческого сознания едва ли можно отнести к гносеологическим корням религии.

Способность к абстрагированию, мысленному отвлечению от тех или иных свойств и сторон рассматриваемых, изучаемых предметов и явлений является в полной мере способностью мышления современного физического типа. Благодаря способности к абстрагированию мышление может отделять существенные признаки от несущественных; оно может вскрывать то общее, что присуще отдельным предметам и явлениям внешнего мира. Способность мышления к абстракции дала возможность человеку образовывать связи между понятиями, познавать объективные закономерности, существующие в природе и обществе независимо от воли и сознания людей.

Вместе с тем абстрагирующая способность мышления в определенных условиях жизни людей может дать и отрицательные результаты. Ведь благодаря способности к абстракции стал возможен отрыв мысли от действительности. Получив возможность объяснять мир, человек мог отныне и заблуждаться. Таким образом, отрыв мысли от действительности в условиях беспомощности людей перед природой может явиться гносеологическим источником религии.

Возникновение абстрактного мышления у человека порождает фантазию, и, как указывал В. И. Ленин, «отлет фантазии от жизни». Но фантазии фантазиям рознь. Бывает полезная фантазия, без которой немислимо никакое творчество, ни появление искусства, ни науки. Подобная фантазия, хотя и отрывается от жизни, но вырастает на почве действительности и связана с нею тысячью нитями. Она обогащает возможности человека, помогает глубже познавать явления природы и свойства предметов, позволяет заглянуть в будущее.

Но способность мышления к абстракции может привести к ложной, вредной фантазии, искажающей действительность

и уводящей человека в вымышленный мир грез, подменяя реальное иллюзорным. Такая фантазия не улучшает жизнь людям, а, наоборот, затемняет им сознание, направляет по ложному пути, отвлекает их от накопления и обобщения положительных знаний, препятствует практической деятельности людей. Подобная фантазия в условиях зависимости людей от природы открывает широкий простор для появления сверхъестественных представлений.

«Итак, нити, из которых соткано причудливо пестрое полотно религиозной формы сознания, имеют земную основу. Они вырваны усилиями абстракции из естественных связей, невероятно преувеличены и поставлены воображением в неестественные отношения. Так сложились образы, лишенные оригинала» (А. Спиркин).

Не следует, однако, думать, что деятельность мышления первобытных людей целиком извращала реальный мир. Первобытный человек в основе имел правильные взгляды на жизнь, его мышление искажало действительность лишь отчасти, сфера проявления извращенной фантазии всегда была ограниченной.

В процессе познания человек выделяет некоторые свойства предметов, без чего вообще невозможно изучать окружающий мир. С возникновением абстрактного мышления это выделение отдельных свойств вещей связывается обычно с обобщением, т. е. с олицетворением. Отдельные свойства, взятые в отрыве от предметов, олицетворяются, и создается впечатление, что они не зависят уже от этих конкретных вещей. Но абстрагирование, отвлечение каких-либо свойств предметов и обобщение их могут в условиях бессилия человека перед природой привести к искажению реального мира и стать гносеологическим корнем религии. Таким образом, сверхъестественные представления могут возникать как на основе абстрактных понятий, так и на базе обобщения, олицетворения отдельных свойств предметов. Но эти религиозные образы возникают лишь при условии беспомощности человека перед внешними силами.

Процесс познания сложен и противоречив, он имеет зигзаги и отклонения. Сознание человека с возникновением абстрактного мышления раздвоилось: оно стало создавать не только правильные представления о мире, но и ложные, искаженные образы, приведшие к появлению религии. К тому же процесс познания всегда связан с чувствами, он эмоционально окрашивается. Чувства сопровождают процесс познания и

в свою очередь воздействуют на него. Они могут способствовать процессу познания, но могут играть и роль тормоза. Чувства, эмоции в условиях бессилия людей перед природой могут стимулировать у них появление сверхъестественных представлений.

В этом отношении из всех эмоций наибольшая роль принадлежит страху. Это понимали и древние авторы. «Страх создал богов» — этот стих римского поэта I в. н. э. Стация цитировал В. И. Ленин. Чувство страха было постоянным спутником первобытного человека. Знаменитый путешественник и исследователь Севера Расмуссен в одной из своих книг приводит слова эскимосского шамана: «Мы боимся! Мы боимся непогоды, с которой должны бороться, вырывая пищу от земли и от моря. Мы боимся нужды и голода в холодных снежных хижинах. Мы боимся болезни, которую ежедневно видим около себя. Не смерти боимся, но страданий. Мы боимся мертвых людей и душ зверей, убитых на лове. Мы боимся духов земли и воздуха... Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания».

Советский исследователь первобытной религии и знаток народов Севера А. Ф. Анисимов о прошлой жизни эвенков пишет: «А сколько раз случалось так, что пущенная стрела не попадала в цель или преследуемое стадо животных уходило, минуя засаду. Целыми днями выслеживали охотники табуны диких оленей. С выдержкой и хитростью хищного зверя приближались они к стаду. Перед их глазами как возможная добыча ходили, поедая ягель, «живая пища», «одежда», «теплое жилище». Но вот, почти на расстоянии полета стрелы, ветер менял направление, и чуткие к запаху человека животные исчезали. А вместе с ними исчезало все, ради чего охотники так терпеливо, направляя все свои силы и проявляя большую наблюдательность, выслеживали быстроногое стадо: исчезало мясо, вкусный костный мозг, сочные оленьи губы, солоноватые салынные почки, горьковато-пряная печень, теплые прочные шкуры. Все это исчезало вместе с убежавшим от охотников табуном. У охотников оставались лишь страстные и бессильные желания обладания добычей, страх и неуверенность за завтрашний день, ужас перед голодом и голодной смертью, толкавшие сознание охотника, ориентированное на практику, в сторону развития представлений о сверхъестественном». Парализованный страхом, здравый смысл первобытного человека нередко отступал перед религиозной фантазией.

В реакционной буржуазной историографии утверждается, будто бы религия в первобытном обществе приносила человеку пользу, придавая ему стойкость в борьбе с невзгодами. Религия якобы концентрировала опыт человека и давала ему уверенность в борьбе против сил природы, являясь орудием сплочения рода и племени.

Так, А. Мальвер считает, что «религия оказала в период детства человечества в высшей степени благотворное действие. Она была в то время главным органом прогресса, и без нее человечество еще оставалось бы погруженным в варварство». По Дюркгейму, религия, как и наука, обогащает знания человека, ибо «каждая религия, какой бы грубой или варварской, какой бы причудливой и ничтожной она ни оказалась, содержит в себе элемент истины».

В современном американском буржуазном религиоведении распространена концепция, согласно которой религия хотя и противоположна науке, но тем не менее играет благотворную роль в жизни людей, ибо «религиозные обычаи утешают тех, кто их выполняет, и укрепляют их силы» (У. Хауэллс). Первобытная религия, по У. Хауэллсу, «глубокомысленна, целеустремленна, она хороша как медицина» и дает ответ на вопросы, перед которыми наука отстывает. Эти взгляды перекликаются с распространенной в Западной Европе реакционной философией А. Бергсона, видящей в религии якорь спасения, благородную функцию, защищающую человечество от губительной для нее деятельности разума.

Подобные взгляды на роль религии в первобытном обществе противоречат историческим фактам и ничего общего с наукой не имеют. Религия никогда не была полезна человеческому обществу. С первого дня своего возникновения религиозные представления отвлекали людей от борьбы с природой, задерживали рост научных знаний и тормозили развитие производительных сил общества. Религия принуждала людей тратить много времени и сил на различные церемонии, обряды, заставляла выполнять вредные обычаи (деформации черепа, обрезание и др.), отвлекала их от реальных, земных интересов. С самого своего возникновения религия является ядовитым пустоцветным побегом на живом дереве истинного человеческого познания. С появлением эксплуататорских обществ и возникновением классовых корней религии ее реакционная роль неизмеримо возрастает.

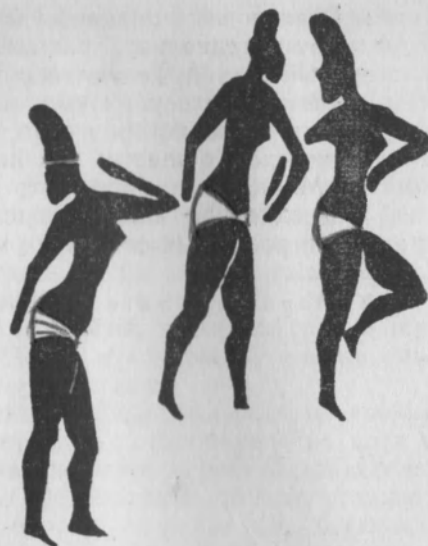
Религия—«опиум народа». Это изречение Маркса В. И. Ленин назвал краеугольным камнем марксистского учения о ре-

лгии. Религиозные предрассудки, затемняя сознание людей, сковывают инициативу, размагничивают волю, порождают умственный застой, делают верующих порой глухими к доводам логики и голосу разума.

Религия — это историческая, временная категория. В социалистическом обществе пробил ее смертный час. По словам К. Маркса, она исчезнет, «когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 90.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Искусство зародилось в глубокой древности на ранней ступени доклассового общества. Вопрос о его возникновении, сущности и характере в первобытном обществе является сложным и интересным вопросом истории культуры. Решение его имеет не только важное научное значение, но и практическое, и поэтому издавна находится в центре внимания искусствоведов разных стран и эпох. Вокруг него уже много веков ведется страстная борьба прогрессивных сил с реакционными, являющаяся отражением классовых и политических противоречий антагонистических обществ. Высшего напряжения эта борьба достигает в XX в.

Даже в трудах прогрессивных буржуазных исследователей не нашел ясного освещения ни один сколько-нибудь важный вопрос, связанный с происхождением искусства. Еще меньше внесло домарксистское искусствоведение в решение этой проблемы в целом. Только в произведениях классиков марксизма-ленинизма подлинно научно, с материалистических позиций разработаны кардинальные вопросы возникновения и развития искусства.

К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что «общественное бытие определяет общественное сознание», т. е. вся духовная

деятельность людей в ее различных проявлениях зависит от условий материальной жизни общества. Общественное бытие — первично, общественное сознание — вторично. Общественное сознание, будучи отражением общественного бытия, проявляется в различных формах или разновидностях.

Формами общественного сознания являются: наука, философия, политические идеи, искусство, религия и другие имеющиеся в обществе взгляды и теории. Все формы общественного сознания отражают реальную действительность, т. е. окружающий человека мир, и среди них искусству принадлежит значительная роль. Формы общественного сознания существуют и развиваются во взаимосвязи, оказывают воздействие друг на друга, составляют единство и различаются между собой в зависимости от того, какая сторона общественного бытия отражается в каждой из них, каким образом происходит это отражение и какую роль они играют в жизни общества. Следовательно, каждая из форм общественного сознания имеет свои особенности, свою специфику.

Вопрос о специфике искусства безнадежно запутан в буржуазной историографии. Является дискуссионным он и в марксистском искусствоведении, хотя расхождения между взглядами марксистских ученых не являются принципиальными и не столь уж велики. Различные аспекты этой сложной и трудной проблемы нуждаются еще в углубленных исследованиях.

В советской науке основной спор ведется вокруг вопроса о том, что определяет специфику искусства — сам ли предмет познания и изображения или способ отображения действительности? Первую точку зрения энергично пропагандирует в последние годы А. Буров, считающий специфическим признаком искусства сам предмет познания и изображения. Таковым, по его мнению, в искусстве является человек.

Вторая точка зрения, излагаемая ниже, подкреплена, на наш взгляд, более убедительными аргументами. Наиболее ярко она выражена в статье В. Иванова «Заметки о специфике искусства» («Коммунист», 1958, № 1).

Развивая мысли В. Белинского и Н. Чернышевского, В. Иванов видит специфику искусства в особом способе отображения действительности, в том, что искусство отражает действительность в художественных образах. Конечно, искусство отличается от других форм общественного сознания не только тем, что оно отражает реальную действительность в художественных образах. Имеются и другие отличия. Одна из

особенностей искусства, в частности, состоит в том, что оно отражает не одну какую-либо сторону общественного бытия, как это свойственно другим формам общественного сознания, а всю жизнь человека во всем ее многообразии. Если, например, мораль отражает существующие в обществе нравственные принципы и правила поведения людей в их повседневной жизни, а наука познает конкретные законы природы и общества, то искусство отражает жизнь людей во всей ее полноте: отношение их к природе, обществу, семье, мир личных переживаний и т. д.

Этим объясняется, что искусство является многообразным и весьма сложным общественным явлением, включающим в себя музыку, скульптуру, живопись, театр, литературу и другие виды искусства. Конкретные виды искусства различаются между собой и по форме отражения реального мира, и по содержанию, отражают действительность своими специфическими способами и средствами. Скульптура, например, изображает преимущественно человека, раскрывает внутренний мир его обычно посредством изображения лица, позы, жеста, т. е. через внешние формы. Музыка передает главным образом чувства человека, сложный мир его переживаний в звуковых художественных образах. Но эта особенность искусства, заключающаяся в отражении жизни во всей ее полноте, не является качественным, а следовательно, и специфическим отличием его от других форм общественного сознания.

Художественное отражение жизни материально воплощается в различных произведениях искусства: картинах, статуях, музыкальных произведениях и т. п. Произведения искусства доставляют людям эстетическое наслаждение, будят в них возвышенные чувства.

Эстетическая функция является важнейшей функцией искусства. Произведения, не доставляющие эстетического удовольствия, не являются произведениями искусства. Эстетическая функция — специфическая функция искусства, отличающая его от других форм общественного сознания. Но содержание искусства не ограничивается его эстетической функцией; искусству присущи и другие функции — познавательная и воспитательная, которые сближают его с некоторыми другими формами общественного сознания.

Так, произведения искусства, доставляющие нам художественное наслаждение, одновременно позволяют узнать жизнь людей, их быт и нравы в различные эпохи. Познавательная природа искусства роднит его с наукой. Но процесс позна-

ния окружающего мира искусством и наукой имеет свои особенности. Если наука отражает действительность в форме понятий, суждений, умозаключений, обобщенных в виде законов, теорий и гипотез, т. е. в абстрактно-теоретической форме, то искусство отражает реальный мир в художественных образах, т. е. в конкретно-чувственной форме. В отличие от науки человек приобретает с помощью произведений искусства не только понятия о тех или иных предметах и явлениях окружающего мира, но и конкретные представления и знания о них.

Искусство, как и всякая форма общественного сознания, не пассивно отражает реальный мир, не копирует действительность. Произведения искусства — это претворенное в художественных образах творческое осознание активно познаваемого художником окружающего мира. С помощью искусства человек осмысливает реальную действительность, осваивает ее духовно. Произведения искусства помогают читателю, зрителю или слушателю познавать действительность эстетически, т. е. через призму своих переживаний, эмоций. Не все чувства, однако, помогают людям познавать мир; страх, например, не относится к таким чувствам.

Искусство, писал Г. В. Плеханов, есть одно из средств общения между людьми посредством образов. Удовлетворяя эстетические потребности людей, давая объективное отражение реальной действительности, искусство не противопоставлено науке. Они взаимно дополняют друг друга, обогащая человека.

Но искусство воздействует не только на чувства и мысли человека. Оно обладает огромной эмоциональной силой влияния на характеры людей, формируя у них, например, смелость, волю, понятие о солидарности, политические идеалы и т. д. В этом состоит воспитательная, или идеологическая, функция искусства. Эмоциональное воздействие произведений искусства на человека определяется в значительной степени тем, что художественный образ всегда индивидуален, единичен, но в нем, однако, отражаются общие, значительные, существенные черты познаваемого художником реального мира.

Следовательно, искусство, подобно другим формам общественного сознания, обобщает, делает выводы и дает оценку тем или иным явлениям или событиям общественной жизни.

Искусство есть явление общественное. Оно возникло в обществе и обслуживает общество. Все функции искусства

нельзя ни отрывать друг от друга, ни противопоставлять друг другу, все они — и эстетическая, и познавательная, и воспитательная — находятся в неразрывном единстве. Между тем в буржуазном искусствоведении имеется идеалистическое течение, отрицающее общественно-воспитательное значение искусства. Художник якобы стоит над жизнью, он не должен интересоваться радостями и горестями людей, и что цель искусства — в нем самом. На этой почве и возникла реакционная теория «искусства для искусства», или «чистого искусства», провозглашающая независимость искусства от общественной жизни. В действительности, как отмечал еще В. Г. Белинский, «такого искусства никогда и нигде не бывало». Искусство с самого своего возникновения связано тысячами нитей с обществом.

В. И. Ленин указывал, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹. В классовом обществе идеи и взгляды людей не могут быть свободными от классовых интересов. Художник принадлежит к определенной общественной группе, и в произведениях искусства всегда воплощаются, помимо эстетических, политические, нравственные, религиозные и иные взгляды, а следовательно, и воззрения этой общественной группы. Пропагандируя их, произведения искусства оказывают воздействие (положительное или отрицательное) не только на чувства и умы людей, но и воспитывают их в духе определенных идей, являясь оружием в идеологической борьбе. В классовом обществе искусство носит классовый характер. Искусство не может быть независимым от политики, оно партийно.

Как и другие формы общественного сознания, искусство обладает известной самостоятельностью и активно воздействует на реальную действительность. Являясь могучим средством воспитания людей, оно воздействует на человека, вооружает его для практической деятельности в борьбе за преобразование жизни. В нашей стране искусство активно и сознательно используется в качестве вдохновляющей силы в строительстве коммунистического общества.

Итак, искусство, находясь в определенной связи с другими формами общественного сознания, имеет свои особенности. Важнейшая особенность искусства, его специфика, состоит в художественном, образном отражении действительности. Главная функция искусства — эстетическая, с которой нераз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

рынно связаны и другие функции — познавательная и воспитательная. Искусство всегда является орудием борьбы за те или иные общественные идеалы. Как не может быть «науки для науки», так не может быть «искусства для искусства».

Археологические памятники позволяют с бесспорностью утверждать, что на самой ранней стадии первобытного общества не существовало искусства как особой формы общественного сознания, отражающего действительность в художественных образах. Искусство не возникло сразу с появлением людей, оно не было изначальной способностью человеческого сознания отражать реальный мир в образной форме. Человечество прошло длительный путь развития, прежде чем люди стали обладать способностью отражать действительность в произведениях искусства. Сотни тысяч лет протекли, прежде чем у человека на основе упражнений в процессе труда появилась гибкость руки, верность глаза, достигли определенной зрелости органы чувств и сознание, возникла способность обобщать, без чего немислимо было создание памятников искусства. Ни питекантроп, ни даже неандерталец не могли отражать реальный мир в художественных образах.

20 Самые ранние памятники первобытного искусства мы находим у верхнепалеолитических людей. Переход от нижнего палеолита к верхнему, сопровождавшийся крупными успехами людей и в сфере материального производства, и в общественной организации (переход от первобытного строя к родовому строю), и в развитии физического облика человека (появление *Homo sapiens*), был ознаменован и возникновением искусства.)

Если наука сравнительно легко ответила на вопрос о времени появления искусства, то этого нельзя сказать о попытках осветить другой, более важный вопрос — о причинах его возникновения. Этот вопрос волновал уже мыслителей древности и средневековья, но лишь в XIX в. стали возникать разветвленные гипотезы и теории, объясняющие причины происхождения искусства.

Самой ранней и наиболее распространенной в буржуазном искусствоведении теорией происхождения искусства является теория игры, выдвинутая впервые поэтом Ф. Шиллером. В основе взгляда Ф. Шиллера лежали эстетические воззрения Канта, и поэтому немецкого философа часто не без основания называли соавтором этой теории. По Шиллеру, свойственный людям избыток физических и духовных сил проявляется в игре, в деятельности, имеющей смысл и свою

цель в себе самой. Бесцельная игра от избытка энергии рассматривалась ими как проявление божественного свойства человеческого интеллекта. В игре человек испытывает чувство наслаждения, поднимаясь над реальностью в сферу «высокой и свободной красоты», которая «сама по себе становится объектом стремлений человека». Но так как в человеке, утверждают Кант и Шиллер, заложено биологическое стремление к красоте, то игра и связанное с нею наслаждение приводят к тому, что форма овладевает воображением людей. Так возникает искусство. Прыжок от радости, например, становится пляской.

Следовательно, произведения искусства рассматриваются Кантом и Шиллером подобно игре, как самоцель, проявление бесцельной игры духовных сил, не имеющих никакой познавательной ценности и не приносящей практической пользы обществу.

Теория происхождения искусства из игры исходит из ошибочной предпосылки «врожденности эстетического чувства» и является идеалистической. Она легла в основу всех антиреалистических течений в искусстве, в том числе и теории «искусства для искусства». Во второй половине XIX в., после того как были найдены произведения первобытного искусства, стали делаться заранее обреченные на неуспех попытки подкрепить теорию игры фактическим материалом. Одну из них предпринял К. Бюхер, обобщивший идеи Канта и Шиллера формулой, ставшей популярной в буржуазном искусствоведении: «Игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов».

Одновременно стали возникать разновидности «теории игры», из которых значительное распространение среди буржуазных ученых получила выдвинутая Г. Спенсером так называемая теория художественного инстинкта. Согласно этой теории искусство — это род утонченной игры: то и другое возникают во время отдыха, когда люди имеют возможность наслаждаться избытком своей энергии бесполезно ее расходуя.

В одном отношении Г. Спенсер прошел дальше Канта и Шиллера. Он более решительно, чем его предшественники, утверждал, что эстетические эмоции присущи и животным. В подтверждение своих взглядов Г. Спенсер ссылаясь на Дарвина, установившего, что в животном мире красота является важным фактором в половом отборе. Отсюда Спенсер заключил, что не существует принципиальной разницы между

искусственными украшениями человека и естественной половой окраской животных. Возникновение искусства Г. Спенсер связывал с биологическим инстинктом самоукрашения.

Взгляды Г. Спенсера глубоко ошибочны. Из достоверных фактов, установленных Дарвином, он сделал неверные выводы, не понимая, что неправомерно проводить параллель между инстинктивными поступками животных и сознательной деятельностью людей. Теория происхождения искусства из игры не состоятельна во всех ее вариантах. Искусство не бесполезная трата избыточной энергии, не роскошь, не проявление биологического инстинкта, а отражение осмысленной деятельности человека, имеющее общественное значение.

Помимо теории игры, в буржуазной науке имеют распространение взгляды, согласно которым искусство возникло из религии, в качестве «художественного оформления» магических и тотемистических обрядов, либо из подражания природе и животным, либо из мифов. Нельзя объяснить появление искусства ни особой впечатлительностью охотников, ни случайностью, когда якобы в результате «нечаянных» набросков линий на стенах пещер первобытные люди пришли к выводу о возможности передавать формы животных.

Все немарксистские теории, покоящиеся на идеалистическом методе изучения общественных явлений, оказались не в состоянии удовлетворительно решить проблему происхождения искусства.

Впервые научное понимание вопросов, связанных с этой проблемой дано в трудах классиков марксизма-ленинизма. Дальнейшее развитие и обоснование марксистской теории эстетики мы находим в произведениях Г. В. Плеханова и советских ученых.

Г. В. Плеханов высказал ряд глубоких и оригинальных мыслей по эстетике и подверг научной критике буржуазные концепции, пытавшиеся оторвать искусство от общественной жизни. На большом фактическом материале он доказал общественный характер искусства на самом раннем этапе его существования, что искусство всегда было связано с производственной деятельностью человека и обусловлено ею. Искусство, связанное корнями с общественной жизнью, возникло в результате трудовой деятельности людей, являясь непосредственным воспроизведением процессов производства в образах, «труд старше искусства».

Взгляды Г. В. Плеханова на происхождение искусства содержат и ошибки, порой существенные, вытекавшие из непо-

следовательного проведения им материалистического метода анализа художественного творчества. Так, он делал уступку концепции Канта—Шиллера, считая игру зародышем искусства, отождествляя в определенном смысле игру с искусством. Ошибочно признавал он и врожденность у человека эстетического чувства.

Советские ученые, руководствуясь марксистской теорией, используют в своих трудах все то ценное, что было создано в прошлом в эстетике, и плодотворно разрабатывают проблемы происхождения искусства. Многочисленные находки памятников первобытного искусства в последние десятилетия углубляют наши познания о его сущности, требуют обобщений, уточняют некоторые прежние выводы и ставят новые вопросы, ждущие своего решения.

И. Изучая памятники материальной и духовной культуры верхнепалеолитических людей, их общественный строй, советские исследователи показали, что первобытное искусство свое содержание черпает из действительности, что оно возникло из потребностей общественной практики. Анализ «сюжетов» произведений первобытного искусства показывает, что они отражают процесс трудовой деятельности людей и взяты из окружающего мира. Первобытный человек чаще всего изображал животных — объекты охоты. Своими внутренними корнями искусство связано с практической жизнью людей.

Почему же люди, подавленные трудностью существования, наряду с изготовлением полезных, жизненно необходимых орудий труда, стали создавать памятники искусства, бесполезные на первый взгляд? Ответ на этот вопрос может быть один: художественное творчество явилось жизненной необходимостью познания окружающего мира, хотя первобытные люди не сознавали этого. Отображать мир в художественных образах явилось потребностью человека, это ему было действительно полезно и нужно.

Человек стал заниматься рисованием и скульптурой не от избытка физических и духовных сил, а чтобы познать объект своей трудовой деятельности. Рисую и лепя из глины животных, люди закрепляли свои знания о них, закрепляли результаты своего жизненного опыта. Насущные, практические потребности повседневной жизни явились непосредственной причиной возникновения искусства. Только в процессе своей трудовой деятельности человек научился образно мыслить и создавать художественные образы.

Истоки образно-художественной формы мышления людей

находятся не в игре или в религии и не в биологическом инстинкте самоукрашения, а в условиях материальной жизни общества. С появлением искусства человечество сделало крупный шаг в познании окружающего мира.

Уже в первобытном искусстве с самого его возникновения можно выделить три его функции: познавательную, воспитательную и эстетическую. Они появляются одновременно и развиваются в дальнейшем в тесном взаимодействии. Эти функции сперва находились в зачаточном состоянии и поэтому в советской литературе вместо термина «функции» их часто называют «началами». Воспитательное начало искусства формировало у людей качества, необходимые для совместной деятельности в борьбе с природой: выносливость, ловкость, понятие о солидарности, способствовало укреплению социальных связей в коллективе и усиливало первобытную общину.

В условиях крайне низкого уровня экономического развития произведения искусства имели непосредственно практическое назначение. Вместе с тем первобытное искусство содержало в себе эстетическое начало. У человека нет врожденного эстетического чувства, хотя объективные основы прекрасного существовали до появления людей и независимо от них. Правда, в основе эстетического чувства лежит физиологическая природа человека (наличие органов чувств и мозга), но способность эстетически воспринимать явления действительности зарождается и развивается в обществе под воздействием трудовой деятельности.

В процессе труда совершенствовались мозг и органы чувств людей, возникла потребность ценить правильно соотношение частей и целого, симметрию и воспроизводить художественными средствами окружающий мир. Одновременно с появлением первых памятников искусства зарождались и развивались зачатки эстетического чувства, лежащего в основе художественной фантазии.

Итак, эстетический момент свойственен первобытному искусству. Однако в советской литературе имеются попытки отрицать этот очевидный факт. Так, в последние годы И. Б. Астахов в своих работах отвергает эстетическое значение памятников первобытного искусства, утверждая без веских оснований, что первобытнообщинный строй «не благоприятствует развитию эстетического вкуса». По его мнению, искусство, как специфическая форма общественного сознания, возникает лишь в классовом обществе.

Концепция И. Б. Астахова, возрождающая взгляды

Н. Я. Марра на первобытное искусство, не нашла сочувствия на страницах советской печати и подверглась резкой критике, особенно в аргументированной статье А. П. Окладникова «Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства» («Вопросы философии», 1954, № 2).

38 Чтобы глубже уяснить вопрос о происхождении и сущности первобытного искусства, необходимо хотя бы бегло ознакомиться с выдающимися его произведениями и проследить в общих чертах эволюцию художественного творчества на разных этапах первобытнообщинного строя. Свое внимание мы остановим преимущественно на памятниках изобразительного искусства, в первую очередь живописи и скульптуры, уделив основное внимание зарождению и становлению искусства, относящегося ко времени каменного века.

Общепризнанной периодизации искусства первобытнообщинной формации не существует. По-видимому, целесообразней всего ее связывать с периодами и этапами первобытного общества. Так как первые памятники образно-художественной формы мышления появляются в самом начале верхнего палеолита, когда первобытное стадо уступило свое место родовому строю, то в искусстве родового общества выделяют два основных периода: искусство материнского рода и искусство патриархата.

Искусство первого периода подразделяется в свою очередь на искусство раннего материнского рода и времени его расцвета. Первому его этапу археологически соответствуют верхний палеолит и мезолит. О верхнепалеолитическом искусстве мы имеем возможность судить по сохранившимся рисункам, вырезанным на камне, кости и роге, по монументальным росписям на стенах пещер и скульптурным изображениям животных и людей.

Большой интерес представляет пещерная живопись. Область распространения ее ограничена; в настоящее время она обнаружена главным образом на северо-западе Испании и юго-западе Франции. Люди тогда вели преимущественно охотничий образ жизни, объектами охоты являлись в основном бизоны, олени, лошади и мамонты. Не случайно поэтому главной темой первобытных художников было изображение этих крупных животных. Реже встречаются изображения медведей, пещерных львов и других хищников и совсем редко — людей, растений и птиц. Чаще всего в пещерной живописи животные изображались крупным планом, обычно они

имеют в длину полтора-два метра. Изображения животных, имеющих длину менее метра или более трех метров, встречаются крайне редко.

В ориньяко-солютрейское время лишь складываются и крепнут зачатки искусства. Эстетические идеалы человека были еще примитивны, а его способность оценивать красоту окружающего мира — ограничена. Поэтому рисунки были наивны по форме и беспомощны по своей технике. Животные, изображенные лишь контурной линией на стенах пещер, известковых плитах или прочерченные по сырой глине, еще схематичны и условны. Контуры рисунков не заполнялись деталями. Отсутствуют попытки изображения предметов в перспективе.

Вместе с пещерной живописью в ориньяке и солютре появляются вырезанные из бивня мамонта или мягкого камня скульптурные изображения людей и животных. Представлена и художественная резьба (гравировка) на кости и камне. Но если район распространения пещерной живописи мал и охватывает главным образом Пиренеи с прилегающими районами, то статуэтки животных и людей найдены на огромной территории, включающей не только Западную, но Центральную и Восточную Европу, а также Сибирь. Скульптурные изображения мамонтов, медведей, пещерных львов и других животных встречаются в ориньяке и солютре гораздо реже, чем людей, представленных почти исключительно женщинами. Последнее обстоятельство, по-видимому, может рассматриваться как одно из доказательств возникновения в этот период материнского рода.

Таких статуэток найдено свыше ста, из них более двух третей — в СССР. Статуэтки женщин, так называемых «ориньяко-солютрейских Венер» — это, как правило, стоящие обнаженные женские фигурки. Широкой известностью по своей реалистической трактовке пользуются некоторые женские фигурки из верхнепалеолитического поселения Костенки-1 (недалеко от г. Воронежа), относящегося к солютрейской культуре.

По количеству женских статуэток (43) поселение Костенки-1 занимает первое место в мире. С большим искусством вырезаны из бивня мамонта шесть миниатюрных женских статуэток, обнаруженных в Гагарино (около г. Липецка), поселении ориньяко-солютрейского времени. Но в большинстве случаев техника выполнения скульптурных изображений, как и роспись в пещерах, еще примитивна. Первобытные худож-

ники передавали общую форму тела и головы животных и людей, резко акцентируя порой внешние приметы. Так, в женских статуэтках часто подчеркиваются большая отвислая грудь, огромный живот и широкие бедра, что, по-видимому, должно символизировать плодородие. Впрочем, некоторые женские фигурки отличаются стройностью.

Слабые стороны ориньяко-солютрейской живописи и скульптуры присущи художественной резьбе на камне и кости. Гравированные животные на стенах пещер или кусках кости обычно имеют неправильные пропорции тела, а контурные очертания зверей грубы и часто бывают не завершены. В то же время всем этим памятникам искусства присущи реалистические черты. Они обладали эстетическими качествами с точки зрения верхнепалеолитических людей, умственный кругозор и эстетические идеалы которых были ограничены низким уровнем развития производительных сил.

Произведения искусства ориньяко-солютрейского времени являются свидетельством того, как сквозь элементарные чувства древнейших и древних людей, не порвавших полностью с животным миром, с появлением Homo sapiens прорвались эмоции, давшие возможность человеку чувствовать и мыслить по-иному. С возникновением образно-художественной формы мышления люди расширили и углубили свои знания об окружающем мире, обогатились духовно и еще более возвысились над природой. В произведениях искусства проявилась творческая деятельность первобытных людей.

Наивысшего своего развития палеолитическое искусство достигает в мадлене. Ярким цветком искусства доклассового общества является мадленская пещерная живопись. К этому времени завершился переход от примитивных контурных плоскостных изображений к полихромным росписям. Если в ориньяке и солютре изображения ровно заливались краской одного цвета, то художники мадленского времени употребляли четыре краски минерального происхождения: черную, желтую, красную и коричневую. Используя две или три краски при изображении животного, создавая тона или полутона путем изменения силы цвета, им удавалось передавать объем фигур. По-прежнему в пещерной живописи преобладают рисунки животных; человек, птицы, рыбы и растения изображались крайне редко.

Изумительная наблюдательность художников мадленского времени, изучение повадок животных, возросшая техника выполнения росписей позволили им с большой живостью и

жизненной правдой передать и особенности строения зверя, и самые тонкие оттенки его поведения. Мамонты, бизоны, олени, пещерные львы, шерстистые носороги, лошади очерчены так ясно и ошутливо, с таким умением передано своеобразие их облика, что эти произведения первобытного искусства могут быть отнесены к шедеврам.

Чувствуется, что для художников эти животные не просто добыча — источник питания, а живые существа, имеющие различные повадки. Мировой славой пользуются стенные росписи французских и испанских пещер. Звездой первой величины сияет среди них стенопись Альтамирской пещеры в Испании. Обнаруженная в 70-х годах XIX в., она явилась первым открытием палеолитической живописи. Долгое время с сомнением относились к этому сообщению. Слишком велико было мастерство безвестных художников, живших несколько десятков тысяч лет тому назад.

После тщательных исследований фресок Альтамыры необоснованный скептицизм сменился безграничным восхищением. Стены и потолки пещеры были усеяны многокрасочными росписями различных животных, преимущественно бизонов, изображенных почти в натуральную величину. Свет не проникал в пещеру, и краска сохранилась во всей свежести. Только на потолке одного из залов пещеры живописно изображено 25 фигур животных. В отличие от ориньяко-солотрейских художников мадленские обычно изображали животных не статично, а в движении, с сильными поворотами тела и головы.

Легко и свободно, с удивительной верностью природе запечатлены в Альтамыре и мирно пасущиеся бизоны, и раненые. Их могучие шеи, взгляд подчеркивают необычайно сильного зверя. Наблюдательность художника сквозит в каждой детали. Великолепны стремительно бегущий кабан, ревущий бизон с изогнутой спиной и разъяренной мордой, готовый броситься на врага. Восхищение художников их могучими упругими телами, упоение победой над ними, гордость от сознания своей силы, умения и способностей передаются зрителям.

Прославлены фрески пещеры Фан-де-Гом (Франция), на которых с тонкой художественной наблюдательностью изображены пасущийся спокойный и медлительный северный олень и испуганный, пятящийся от направленных на него копий, бизон (Пиндаль, Испания).

Дальнейшее свое развитие в мадлене получили искусство

гравировки и скульптурные изображения, сделанные из кости, камня и глины. На стенах пещеры Комбарелль (Франция) с верным пониманием пропорций и тонким художественным вкусом гравированы настороженно застывшая лошадь и величественно шествующий мамонт. Умело передана и неуклюжая походка медведей. С исключительной выразительностью гравирован пещерный лев. Образцом реалистического искусства доклассового общества являются изображенные резьбой на кости олени, переплывающие реку (грот Лортэ, Франция). Высоким мастерством исполнения среди мадленских статуэток, сделанных из кости, отличаются изображения бизона с повернутой головой (Ла-Мадлен) и пользующаяся широкой известностью за свою необычайную реалистичность голова лошади, найденная в пещере Мас-д'Азиль (Франция).

Исключительного внимания заслуживает сообщение некоторых советских историков о нахождении на территории нашей Родины наскальных изображений верхнепалеолитического времени. Одно из них находится в Грузии, где в пещерах Мгвимеви обнаружили примитивные нарезки на стенах в виде схематических знаков, другое — около Мелитополя, в гроте «Каменная могила». Там нашли, помимо схематических знаков, реалистически выполненные рисунки животных. Датировка этих изображений вызывает большие трудности. Они неодновременны, но вполне вероятно, что часть их относится к последним этапам палеолита.

Пожалуй, наибольший интерес представляют сообщения о палеолитическом возрасте древнейших рисунков знаменитых шишкинских скал в верховьях Лены. Начиная с XVII в. путешественники и ученые обращали внимание на сотни рисунков, изображенных на протянувшейся почти 3-километровой скалистой стене вблизи деревни Шишкино. Эти рисунки, не составлявшие, как правило, больших целостных композиций, выполнены в разные эпохи и отличаются друг от друга по стилю, сюжетам и технике исполнения.

По мнению крупнейшего исследователя рисунков шишкинских скал А. П. Окладникова, три из них относятся к палеолиту: два изображают диких лошадей, третий — дикого быка. Фигуры животных даны строго в профиль и выполнены красной краской в одной стилистической манере. Одна лошадь изображена в натуральную величину, ее длина — 2,8 метра, другая имеет меньшие размеры. Массивные, грузные туловища их имеют почти квадратные пропорции. Голо-

па небольшая, а шея и морда несоразмерно короткие. Ноги маленькие. Теми же техническими приемами изображен бык.

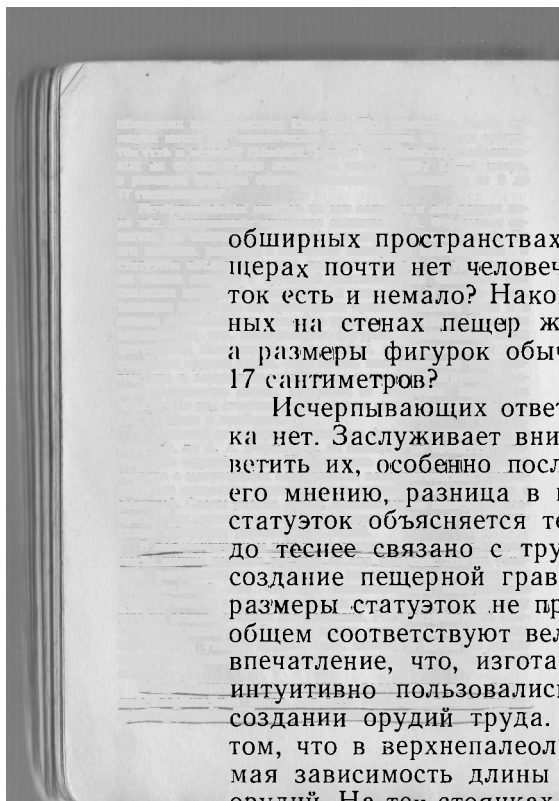
Эти рисунки, простые по форме и далекие от художественного совершенства, выполнены в целом реалистически. А. П. Окладников предположительно относит эти изображения к ориньяко-солютрейскому времени, не исключая, однако, и возможности отнесения их к позднемадленской эпохе.

Вопрос о палеолитическом возрасте древнейших рисунков в гроте «Каменная могила» и на шишкинских скалах не считается в советской литературе окончательно установленным. То же самое следует сказать и о многих рисунках в Каповой пещере (Южный Урал).

Верхнепалеолитическое искусство достигает высшей точки своего развития в мадене. Расцвет его объясняется тем, что, будучи продуктом практической деятельности людей, первобытное искусство являлось непосредственной частью трудового процесса человеческого коллектива. Оно было неразрывно связано с общественным бытием. Верхнепалеолитические люди были преимущественно охотниками, превосходно знавшими все повадки зверей. Отсюда необычайная реалистичность при изображении зверей. Человек обладал еще несовершенными орудиями труда и наблюдательность, рождавшая знание повадок животных, была лучшим его помощником.

Но верхнепалеолитическое искусство имело, естественно, и недостатки, что было обусловлено примитивностью производства. Художниками не была познана связь явлений в природе, не знали они развернутого сюжета и стройной композиции, поэтому отдельные животные изображены обычно без всякой связи друг с другом и окружающей природной средой. Не зная животноводства и земледелия, не умея обрабатывать металлы, мадленские художники чрезвычайно узко охватывали действительность. Палеолитическое искусство было сосредоточено на изображении форм животного мира. Изображались почти исключительно объекты охоты.

Советские ученые обратили внимание на две важные особенности палеолитического искусства. Одна из них заключается в том, что при сравнении пещерной гравировки и живописи со статуэтками обнаруживаются различия, касающиеся областей их распространения и отчасти тематики изображений, а также их размеров. Почему фрески и гравировки на стенах пещер встречаются преимущественно на сравнительно небольшой территории, тогда как фигурки обнаружены на

обширных пространствах Евразии? Чем объяснить, что в пещерах почти нет человеческих изображений, а среди статуэток есть и немало? Наконец, почему большинство изображенных на стенах пещер животных имеет длину 1,5—2 метра, а размеры фигурок обычно колеблются в пределах от 2 до 17 сантиметров?

Исчерпывающих ответов на эти вопросы в литературе пока нет. Заслуживает внимания попытка А. А. Формозова осветить их, особенно последний, наименее исследованный. По его мнению, разница в величине пещерных изображений и статуэток объясняется тем, что изготовление фигурок гораздо теснее связано с трудовой деятельностью человека, чем создание пещерной гравировки и живописи. В самом деле, размеры статуэток не превышают предела захвата руки и в общем соответствуют величине кремневых орудий. Создается впечатление, что, изготавливая фигурки, первобытные люди интуитивно пользовались масштабом, выработавшимся при создании орудий труда. Эта мысль подкрепляется тем фактом, что в верхнепалеолитических стоянках обнаружена прямая зависимость длины статуэток от величины кремневых орудий. На тех стоянках, где размеры орудий велики, — крупнее фигурки и наоборот.

В отличие от статуэток создание фресок и гравировок в пещерах, по А. А. Формозову, не зависело от процесса изготовления орудий труда. Изображение в пещерах было тесно связано с магическими верованиями палеолитических охотников. Нет основания отрицать связь первобытного искусства с религией. Следы ударов копий, находимых на пещерных изображениях животных, интерпретируются в связи с магическими обрядами первобытных людей.

В палеолитическом искусстве получила отражение зависимость наших далеких предков от сил природы. Это не означает, разумеется, что искусство возникло из религиозных представлений или что оно исключительно обслуживало культ. Религия явилась паразитом по отношению к искусству уже на ранних стадиях его развития. Распространенные обычаи в доклассовом обществе носить украшения и покрывать орнаментом утварь, орудия, тела, одежду и обувь не имеют прямого отношения к религиозным верованиям первобытных народов.

Второй важной особенностью палеолитического искусства, характерной почти для всех этапов первобытного общества, является близость человеческих статуэток. Если

морды животных изображались первобытными художниками реалистически, с тщательно отработанными деталями, то черты человеческих лиц обычно не передавались. В то же время на статуэтках с любовью воспроизводились другие детали. Например, на одной из фигурок стоянки Мальта (Восточная Сибирь) отчетливо воспроизведены браслеты на руках, коса, перекинутая через плечо, но черты лица не переданы.

Эта особенность палеолитического искусства отражала положение личности при родовом строе, скованной обычаями и вековыми традициями. Условия материальной жизни препятствовали развитию индивидуальных характеров, и люди той эпохи, как отметил Ф. Энгельс, не отличались друг от друга. Поэтому палеолитических художников так мало интересовал духовный мир человека. Все их внимание было направлено на познание окружающей среды, от которой зависела их жизнь. Вот почему безлики палеолитические статуэтки и так реалистически изображены животные.

В мезолите искусство раннего материнского рода продолжало развиваться. Мезолитическое искусство изучено намного слабее, чем искусство палеолита или неолита. Это объясняется тем, что стоянок мезолитического времени обнаружено значительно меньше, чем стоянок других эпох каменного века. Изобразительное искусство в мезолите хорошо представлено наскальными изображениями в разных местах Старого Света: в Испании, на севере и юге Африки, в Средней Азии и Восточной Сибири.

Живопись и гравировка мезолита и последующих эпох первобытного общества в целом уступают по своим достоинствам лучшим образцам палеолитического искусства. Этот факт не нашел еще в литературе ясного освещения. Мезолитические люди были преимущественно охотниками. Поэтому наскальная живопись и гравировка изображают главным образом охотничьи сцены и лишь отчасти военные и культовые. Животные показаны убедительно и точно в различных позах, полных жизни, изображения людей выполнены гораздо проще.

В этом отношении характерны бушменские наскальные росписи (отчасти и пещерные), предположительно отнесенные к мезолиту. Они часто изображают охоту облавой. Многие животные превосходно нарисованы. Их быстрые движения, повороты полны страсти. В то же время фигуры охотников изображены упрощенно. Подчеркнуто не то, как они вы-

глядят, а то, как они действуют. Антидопы, изображать которых любили бушменские художники, раскрашивались ровными плоскостями в один-два цвета, не дававших мягких переходов. Изображения не имели объема.

Одним из замечательных памятников первобытного искусства являются цветные рисунки, обнаруженные в Узбекистане на скалах, в навесах и нишах ущелья Зараут-Сай. Они еще недостаточно хорошо изучены. Полагают, что большая часть из сохранившихся почти двухсот рисунков относится к мезолиту и неолиту, а некоторые из них — к бронзовому веку. Впрочем, некоторые советские археологи относят создание древнейших рисунков Зараут-Сая к верхнему палеолиту. Размеры рисунков невелики — от 4 до 30 сантиметров. Изображают они различные сценки из охотничьей жизни.

Второй этап искусства периода материнского рода археологически соответствует неолиту и энеолиту, когда материнский род достиг своего расцвета. Различные варианты неолитической культуры изучены сравнительно хорошо, особенно на территории Советского Союза. Основой хозяйства ранне-неолитических племен являлись охота и развитое рыболовство. Зарождались земледелие и скотоводство. Появилась глиняная посуда, а позже — и полированные каменные орудия труда. Сдвиги, происшедшие в экономике и общественной организации родового строя, нашли свое отражение в изобразительном искусстве.

Отличительной чертой неолитического искусства является схематизм. Это особенно проявляется в скульптуре. Художник стремился прежде всего подчеркнуть те черты животных, которые отличают их от других. Часто туловища животных выполнены очень схематично, условно, в то же время головы их изображены ярко и колоритно. По-прежнему в произведениях искусства отображается окружающий человека мир, главным образом мир животных.

В неолитических стоянках часто находят сделанные из кости, дерева или камня статуэтки, изображающие животных, рыб, птиц и людей. Интересны скульптурные изображения, найденные в погребениях могильника на Южном Оленем острове Онежского озера. Наибольшее количество скульптур изображает лося преимущественно его голову. Голова лося украшала также рукоятки кинжалов, жезлов из рога и, возможно, нашивалась на одежду.

Обнаружены были и вырезанные из кости три человеческие статуэтки и две фигурки змеи. Если люди и змеи изо-

бражоны схематично (формы человеческого тела, например, переданы неотчетливо, так, что невозможно даже установить принадлежность пола одной фигурки), столоси изображены в превосходной реалистической манере. Характерные признаки их — горбатый нос и толстая, отвислая нижняя губа — переданы отчетливо.

Оригинальны миниатюрные кремневые фигурки, распространенные от побережья Белого моря до Среднего Поволжья. Для неолитических стоянок в Сибири характерными являются фигурки рыб, сделанные из камня. Несмотря на их схематичность, можно различить среди них бычков, стерлядей, налимов и других рыб. Эти скульптурные изображения использовались неолитическими рыболовами в качестве приманок. Этой же цели служили охотникам на птиц деревянные, в натуральную величину, фигурки уток, найденные вблизи Нижнего Тагила на стоянке Стрела.

Интересны наскальные рисунки неолитического времени у деревни Шишкино и в ущелье Зараут-Сай. На шишкинских скалах в верховьях Лены в превосходной реалистической манере, крупным планом нарисованы красной краской лоси. Нельзя не восхищаться, например, кистью первобытного художника, уверенно изобразившего в движении лося, который, как бы остановившись на бегу, с рогами, откинутыми назад и вытянутой головой, прислушивается к неожиданному шороху. Длинная и узкая голова лося очерчена изящно и правдиво.

С подлинным реализмом нарисована сцена охоты на дикого кабана в Зараут-Сая. Охотники, вооруженные луками, копьями и бумерангами (или пращей), изображены схематично, но сила и упрямство быка переданы точно и убедительно. Бык уже ранен, в ухо вонзилось копье, стрела направлена в грудь, а сзади, в спину, летит бумеранг или камень, выпущенный из пращи, но в позе быка еще ощущается мощь и уверенность в своих силах.

Из наскальных изображений широко известны и за пределами нашей Родины петроглифы Карелии на восточном берегу Онежского озера и на западном побережье Белого моря. В этих местах на гранитных скалах неолитическими охотниками выбито свыше тысячи изображений, часть из которых еще не прочитана. Основная масса карельских петроглифов относится к неолиту.

Преобладают изображения животных (лосей, оленей) и птиц (лебедей, гусей и уток). Встречаются изображения мед-

ведей, рыб, собак, змей, лисиц и белок, а также человеческие фигурки. Реже воспроизводятся лодки, а на беломорских скалах сохранились древнейшие в мире изображения лыжников. На скалах выбиты и какие-то знаки, связанные, по-видимому, с культом солнца и луны. Встречаются крупные изображения, например, лосей в натуральную величину и налимов (2,66 метра). Изображения карельских петроглифов отличаются большим схематизмом, чем неолитические рисунки Зараут-Сая и шишкинских скал.

Более высокими художественными достоинствами, по сравнению с петроглифами Карелии, обладают наскальные изображения на островах Ангары, в районе Братского моря. Сейчас ведутся работы по изучению этих памятников искусства, относящихся к разным эпохам. Неолитическими рисунками, по-видимому, являются высеченные на камне, иногда прорисованные красной краской, контуры животных, преимущественно лосей. С реалистической точностью и высоким мастерством, напоминающим лучшие образцы палеолитического искусства, изображены и величественно шагающие лоси, и свернутые в спирали змеи. С редкой наблюдательностью даны очертания лошадиной головы и морды.

Энеолитическое изобразительное искусство известно нам по характерным для этого периода памятникам трипольской культуры, хорошо изученным у нас и распространенным на правом берегу Днепра. Имеется в виду несколько сот найденных глиняных человеческих фигурок, которые изображают женщин, обычно работающих внутри дома на зернотерках. Мужские статуэтки встречаются очень редко. Находят и скульптурные изображения животных, в основном быков. Человеческие фигурки условны и схематичны. Они, по-прежнему, безлики. В конце неолита и энеолита искусство во многом уже связано с земледельческой мифологией.

К неолитическому времени относятся древнейшие рисунки Сахары, обнаруженные в скалистом массиве Тассили. Сведения об отдельных изображениях животных, находимых в пещерах Тассили, стали поступать давно, начиная с 1909 г., но лишь в 1956 г. известный французский ученый А. Лот возглавил экспедицию, которая исследовала это малодоступное каменное плато.

В результате 16-месячного упорного труда в сложнейших условиях было установлено, что здесь, в центре африканской пустыни, находится величайший в мире естественный музей искусства доклассового общества. Было найдено много сотен

рисунков с десятками тысяч изображений людей и животных. А вот насчитывает до 30 стилей в живописи древней Сахары. Рисунки создавались на протяжении многих тысячелетий и отсылали к жизни разных народов, в том числе и негритских.

Некоторые цветные рисунки поражают своим мастерством. Они превосходно сохранились в сухом и жарком климате Сахары. Предварительные результаты своих исследований А. Лот изложил в увлекательной книге «В поисках фресок Тассили» (М., 1962). Его выводы далеко еще не общепризнаны и представляют собой только первый шаг в изучении бесценных сокровищ Сахары. Хотя не все еще найдено, тем не менее уже сейчас ущелья Тассили по количеству и научной ценности обнаруженных произведений первобытного искусства занимают первое место в мире.

Второй период истории первобытного искусства начинается с возникновения патриархата и подразделяется на искусство раннего отцовского рода (бронзовый век) и позднего — времени его разложения (ранний железный век). С появлением развитого животноводства, земледелия и бронзовых орудий материнский род сменился отцовским. Первое и второе общественные разделения труда привели к имущественному и социальному неравенству, возникла частная собственность. В недрах родового строя зародились антагонистические классы. Все эти процессы в экономике и общественной жизни нашли свое отражение в различных формах общественного сознания, в том числе в искусстве.

Археологические памятники бронзового и раннего железного веков представлены столь многочисленными вариантами, что совершенно исключают возможность на немногих страницах осветить даже в общих чертах важнейшие произведения изобразительного искусства этого времени. Отметим лишь некоторые тенденции в развитии искусства эпохи разложения родового строя.

Хотя люди научились более глубоко воспринимать действительность и представление их об общественных явлениях и природе усложнилось, памятники живописи и скульптуры утратили свою яркость и художественную силу, свойственные палеолитическому искусству. Уже начиная с мезолита, изображения людей и животных становятся грубее по рисунку.

Первобытные художники как бы разучились передавать движение. Фигуры становятся более статичными. В особенности это относится к бронзовому веку, когда и люди и жи-

вотные изображаются все более и более схематичными, превращаясь постепенно в какие-то знаки и узоры. Это явилось следствием перехода человечества от охоты к скотоводству и земледелию, когда дикий зверь уже не приковывал к себе пристального внимания художников, а интерес к человеку еще не появился.

Возникли некоторые изменения и в тематике изобразительного искусства. Все чаще стали появляться изображения домашних животных.

С гибелью примитивного охотничьего уклада искусство скотоводческих и земледельческих племен стало передавать более сложные и отвлеченные понятия, выразившиеся, например, в широком распространении геометрического орнамента. Нарисованные на камне или кости изображения постепенно становятся одним из средств сообщения на расстоянии, что приводит в конце концов к появлению пиктографической письменности.

Изменение роли женщин и мужчин в общественном производстве привело к тому, что женские статуэтки встречаются в раскопках все реже и реже сменяясь мужскими. Развивающееся имущественное неравенство повлекло за собой усложнение общественных отношений внутри рода.

Возникли родовая знать и жречество. Была создана почва для развития индивидуальных характеров. Появилось иное отношение к личности. Портреты людей начали приобретать индивидуальность. Нарождающийся эксплуататорский класс ставил искусство себе на службу.

Искусство стало отрываться от непосредственного процесса трудовой деятельности, сохраняя связь с ним опосредственную, косвенную. Общественного значения искусство не утратило. Но если прежде оно обслуживало нужды в процессе материального производства и было общенародным, то теперь искусство начало вторгаться в сферу идеологической борьбы, приобретать классовый характер и переходить в услужение господствующим слоям общества.

Как же оценить первобытное искусство в целом? В марксистской литературе встречаются отдельные меткие замечания, правильно характеризующие искусство доклассового общества, однако они тонут в потоке неверных суждений.

Наибольшее распространение в буржуазной науке получили два направления, одинаково ошибочно и с реакционных позиций оценивающие искусство первобытных народов. Одно из них полностью отрицает эстетические качества произведе-

нии первобытного искусства и, следовательно, само существование искусства в доклассовом обществе. К этому направлению обычно принадлежат ученые-расисты, которые приписывают культурные достижения первобытных народов, изображая последних неполноценными, не имеющими якобы человеческих чувств и потребностей.

Другое направление состоит из эстетов, пропагандирующих антиреалистические, формалистические течения разлагающегося буржуазного искусства. Внимание их привлекает не мужественная простота, не реалистические черты первобытного искусства, а его слабые стороны, являющиеся следствием низкого экономического уровня развития общества. Они восхищаются встречающимися порой грубым натурализмом и схематизмом рисунков первобытных людей, проводят параллели между безликими верхнепалеолитическими статуэтками и скульптурами современных абстракционистов, пытаясь историческими аналогиями оправдать все бесплодие, загнивающий характер буржуазного изобразительного искусства в эпоху империализма. Подобная оценка первобытного искусства является антиисторической; нельзя подходить к нему с меркой нынешнего дня.

Возникшее в младенческий период истории человечества, первобытное искусство не только отражало трудовую деятельность, но и непосредственно порождалось им. Первобытное искусство не могло возникнуть случайно или независимо от истории общества. Оно явилось итогом длительного развития творческого человеческого труда и было одной из первоначальных форм познания, изучения окружающего мира. Вместе с тем первобытное искусство с самого своего зарождения содержало в себе эстетическое начало.

Первобытное искусство прошло долгий и сложный путь в своем развитии. Являясь продуктом общества, не знавшего социального угнетения, оно никого не унижало и никому не льстило, неся в себе печать мужественности и простоты. Первобытное искусство было непосредственно связано с повседневной жизнью людей и принадлежало всему народу. Этим и объясняется, что в условиях крайне низкого уровня экономического развития искусство первобытных людей стояло относительно высоко и было при всей своей неразвитости реалистическим по содержанию.

НАРОДЫ
АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ

История и быт коренных жителей Австралии и Океании, не имевших на протяжении многих тысячелетий почти никаких контактов с народами других частей света, привлекают пристальное внимание этнографической науки. Это объясняется тем, что коренное население Австралии и Океании сохраняло в прошлом веке, а кое-где сохраняет и поныне, многие черты первобытнообщинного строя.

Особый научный интерес представляет культура австралийских туземцев, которые ко времени знакомства с ними европейцев были одним из наиболее отсталых племен земного шара. Изучение их позволяет понять многое из нашего собственного прошлого. В связи с тем, что Австралия не входит в зону антропогенеза, возникают вопросы: откуда прибыли и когда вступили на ее землю первые поселенцы?

Современная наука не располагает исчерпывающими ответами на эти вопросы. Наибольшее признание заслуживает гипотеза, по которой первоначальное заселение Австралии шло из Индонезии и Меланезии, т. е. из областей, лежащих к северу от этого материка.

По мнению С. А. Токарева, наиболее вероятно, что на австралийский континент люди проникли в верхнем палеолите частью по суше, частью морем на плотах или лодках,

продолжая узкие проливы, двумя путями: через остров Тимор и, преимущественно, через Новую Гвинею.

Заселение и освоение австралийского материка произошло значительно позднее, чем других материков Старого Света, и было длительным многовековым процессом. Движение племен с севера на юг шло по трем направлениям: по широким берегам и вдоль восточного и западного берегов.

Условия жизни на новой родине не были благоприятны для переселенцев. Австралия, расположенная почти целиком в тропической и субтропической зонах, бедна реками и не имеет внутренних морей. Осадки выпадают редко, за исключением северной и восточной береговых полос, где идут обильные дожди. Весьма засушливым климатом обладают обширные и пустынные, выжженные палящим солнцем обширные равнины, получившие название «Мертвого сердца Австралии». Реки Центральной Австралии не добираются до океана. Они наполняются водой только во время кратковременных дождей (так называемые «крики»).

Флора Австралии богата и своеобразна. Север страны местами покрыт тропическим лесом, а для юго-востока характерны эвкалипты—величественные вечнозеленые деревья, насчитывающие более 350 видов и достигающие 150 метров высоты. Прибреж материка большей частью уныл и безрадостен. Большие пространства покрыты чахлым травянистым покрытием и зарослями колючего кустарника. Примерно 80 процентов всех видов растительности свойственны лишь этому континенту.

Нельзя же архаична, но менее разнообразна фауна Австралии. Многие млекопитающие отсутствуют, тогда как низшие широко распространены. К ним относятся, например, сумчатые: летяги, муравьеды, белки, кроты, куницы, кенгуру, а также примитивные, яйцеродные млекопитающие—утконос и однодетенница ехидна. Многочисленны пресмыкающиеся, особенно богат различными видами пернатый мир. Редкостью красотой отличается, например, черный лебедь, обитающий только на этом континенте; он изображен на австралийском гербе.

Несуществование пригодных для приручения животных и хлебных растений, относительная изолированность континента, а также его положение на краю света и остававшегося неизвестным на протяжении тысячелетий остальному миру, а также освоение материка, приспособление к новым природным условиям,—все это не могло не задержать развития производительных

сил и привело к значительному отставанию аборигенов Австралии от передовых народов земного шара.

К началу европейской колонизации австралийские племена неравномерно расселились по континенту. Западные и центральные области были слабо освоены, в отличие от севера и северо-востока. Однако наибольшая плотность населения была на юго-востоке страны, где имелись самые благоприятные условия для жизни человека.

В антропологическом отношении австралийцы составляют малую расу, входящую в состав австрало-негроидной большой расы. Языки их не обнаруживают родства ни с одной из известных языковых семей. Попытки установить генетическую связь австралийских языков с дравидийскими, африканскими, папуасскими и языками индейцев Огненной Земли не увенчались успехами. Общепризнанной классификации языков Австралии нет. Их часто делят на две ветви: южную и северную, которые довольно далеки друг от друга. Южно-австралийские языки близки между собой и подразделяются на 12 групп. Они хорошо изучены, не в пример североавстралийским языкам. Последние находятся в отдаленном родстве друг с другом. По мнению многих ученых, нет оснований объединять североавстралийские языки в одну ветвь или родственную группу языков. Распространена и другая классификация австралийских языков, по которой они распадаются на 6 групп.

Австралийские языки, большая часть которых согласно морфологической классификации относится к агглютинативному типу, относительно богаты словарным запасом и очень выразительны. У них необычайно много конкретных слов, передающих свойства и детали предметов природы. Так, в языке аранда, одного из самых отсталых австралийских племен, насчитывается примерно 10 тысяч слов.

По сравнению с языками классовых обществ австралийские языки бедны отвлеченными, абстрактными понятиями. В частности, они имеют очень мало понятий, обозначающих количество. В языке аранда, например, имеются только числительные «один» и «два». Вместе с тем в некоторых отношениях языки Австралии превосходят европейские. Так, они имеют большое число терминов для обозначения различных степеней родства; так, в племени диери их не менее 26.

У австралийцев был распространен язык жестов, дополнявший звуковую речь. При известных обстоятельствах, например во время охоты, при переговорах на значительном

расстоянии, иногда для уточнения смысла слов и выражений, а также в ряде других случаев в общении первобытных народов жесты применялись очень широко. Юленгоры Северной Австралии, как сообщает миссионер У. Чеслинг, могли часами беседовать, сидя у костра, не проронив при этом ни одного слова. У араанда имелось более 450 различных знаков жестов. Пальчики языка жестов, игравшего вспомогательную роль, ни в коем случае не говорит о бедности или недоразвитости звуковой речи у австралийцев.

Аборигены Австралии в целом изучены лучше, чем туземцы других частей света, хотя и не все племена в одинаковой степени. К хорошо изученным племенам относятся, например, курнаи и камиларон—на юго-востоке, днери, арабана (урибуша), араанда (арунга)—в центре. Племена севера и запада менее исследованы, а некоторые из них известны науке только своим названием. Хотя впервые европейцы познакомились с австралийцами в XVII столетии, аборигены серьезно стали изучаться в буржуазной историографии лишь с 80-х годов XIX в., с выходом в свет трудов прогрессивных ученых Файсона и Хаунта, Б. Спенсера и Гиллена, из которых первые два исследовали ряд племен юго-востока, а вторые — центра. Этнографическая литература об австралийцах обширна.

С целью оправдать зверства колонизаторов реакционные ученые наделяют туземцев всевозможными пороками, принижая их умственное развитие.

В действительности, австралийцы жизнерадостные, мужественные, честные и трудолюбивые люди, обладающие благородными чертами характера. Чеслинг пишет: «Как-то был такой случай. После долгих розысков военный отряд Северной Территории поймал, наконец, двух в чем-то, по мнению белых, провинившихся юленгоров и сопровождал их в тюрьму. Когда отряд переправлялся через бушующий поток, лошади конвоиров погибли, а их самих стало уносить течением. Юленгоры же благополучно выбрались на берег, но, увидя своих охранников в беде, недолго думая, нырнули в воду и спасли их. Об этом случае много говорили и превозносили этот поступок, как проявление чего-то нового и необычного в характере аборигенов. Вскоре начальника отряда, родившегося и выросшего среди местных жителей, стали упрекать за то, что он не оценил по достоинству их благородство. На это начальник ответил: «К чему вся эта шумиха? Они всегда были такими».

Относительно умственных способностей австралийцев миссионеры заявляют хором, что дети туземцев учатся не хуже, чем дети белых.

Одним из видных современных буржуазных этнографов, придерживающихся либеральных взглядов, является Л. Элкин, который написал сводную работу «Коренное население Австралии» (1952 г.). Популярно, с гуманных позиций описали жизнь туземцев Ч. Маунтфорд «Коричневые люди и красные пески» (1958 г.) и У. Чеслинг «Среди кочевников Северной Австралии» (1961 г.). Эти книги переведены на русский язык. Исключительным событием в мировом австраловедении явилось издание в 1956 г. тома «Народы Австралии и Океании» из серии «Народы мира», выпускаемой Институтом этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Этот фундаментальный труд, написанный С. А. Токаревым, Н. А. Бутиновым, Ю. М. Лихтенберг, А. П. Блиновым и другими видными советскими учеными, является выдающимся марксистским исследованием жизни и быта туземцев Австралии и островного Тихого океана.

На многие вопросы призваны ответить этнографы-австраловеды, но едва ли не в первую очередь необходимо уяснить, каков был хозяйственный уклад аборигенов, их материальная культура и общественный строй до начала европейской колонизации.

Хозяйство коренного населения Австралии было присваивающее, ибо туземцы, не зная ни скотоводства, ни земледелия, жили исключительно охотой, собирательством и — в некоторых местностях — рыболовством. Основные источники пропитания доставлял охотничий промысел, в котором участвовало все мужское население.

Австралийцы, охотясь, гораздо чаще преследовали животных, чем прибегали к помощи ловушек, сетей и ям для их поимки. Нелегко настигнуть эму, страусоподобную бегающую птицу, или кенгуру, успеть пронзить копьем плывущую рыбу, стоя в воде, или убить в лет птицу. Активные приемы добывания пищи требуют от охотника выносливости, необыкновенной ловкости и выдержки, умения искусно владеть оружием, знания свойств окружающего его животного мира.

Австралийцы, обладавшие остротою чувств, особенно зрения, слуха и обоняния и с детства приучавшиеся применять различные охотничьи уловки, были превосходными охотниками.

На быстрых и проворных кенгуру охотились и коллективно, устраивая облавы, и в одиночку, когда обычно туземец,

3E 3 E 3

маскируюсь, подкрадывался к добыче на расстояние броска
дальше или, что было значительно реже, преследовал живот-
ное суки и более до полного его изнеможения. Мясо кенгу-
ра шло в пищу, его желудок использовался в качестве сум-
ки, шкуры, носимые зимой ворсом внутрь, а летом наружу,
служили одеждой, а сухожилия его костистых лап являлись
удобными бечевками. Австралийцу на охоте иногда по-
могла динго, крупная и сильная, полудикая, нелающая ко-
ротконоголая лохматая собака, внешним видом отчасти напо-
минающая русскую овчарку.

Удивительное проворство проявляют австралийцы, взби-
равшись на высокие гладкие стволы эвкалиптовых деревьев, ли-
шавшись внизу сучьев, в поисках птичьих яиц, меда диких
пчел либо сумчатых лисиц (или крыс)—мелких древесных
животных, называемых нередко опоссумами, хотя последние
в действительности обитают исключительно в Южной Аме-
рике.

Рыбу ловили разными способами: корзинами, сетями,
явочками, руками (когда, например, пересыхали водоемы),
но чаще всего били ее копьем или острогой. Иногда отрав-
ляли воду наркотическими растениями, вылавливая затем без
труда всплывшую одурманенную рыбу. На птиц охотились
главным образом с помощью бумеранга. По словам одного
европейца, бывшего очевидцем удачного броска бумеранга,
последний произвел такое опустошение среди стаи птиц, ка-
кое совершает разорвавшийся в толпе людей артиллерийский
снаряд.

Но охота далеко не всегда была удачной, и поэтому в
жизни австралийцев растительная пища, собираемая женщи-
нами, имевшими при себе для этой цели деревянные короб-
ки или плетеные сумки, играла значительную роль, особен-
но в бедном животным миром полупустынных областях цен-
тра и запада, где она составляла основу питания.

«Плоды, ягоды, орехи, зерна злаков и других трав, кор-
ни, корневница, клубни, стебли, молодые побеги, листья, поч-
ки, семена, цветы, мягкая сердцевина деревьев, одним словом,
кажется, нельзя назвать ни одной части растения, которая у
того или другого вида не шла бы в пищу»,—пишет советский
исследователь А. Н. Максимов о поразительной способности
аборигенов Австралии находить источники питания в каза-
лось бы бесплодной местности. Подсчитано, что только в не-
которых районах северо-востока туземцы употребляли в пи-
щу 239 видов растений и 93 типа моллюсков. В продукты

собиранья входили также змеи, мыши, лягушки, гусеницы, яйца птиц и разные насекомые. Не было ничего мало мальски съедобного, чем бы пренебрегали туземцы. Во время поисков пищи подростки помогали взрослым (мальчики — мужчинам, девочки — женщинам). Грудных младенцев матери носили на спине в сумке либо на голове — в корытце, сделанном из дерева или коры. Таким образом, у австралийцев господствовало половозрастное разделение труда, имевшее физиологическую основу.

Способы приготовления еды не отличались разнообразием. Не зная металлов и гончарства, австралийцы, естественно, не были знакомы и с варкой пищи. Мясо и рыбу жарили, причем крупную дичь обычно и изнутри, вкладывая горячие камни внутрь выпотрошенного животного. Часто мясо тушили в земляных печах. В отличие от животной пищи растительная порой употреблялась в сыром виде, однако гораздо чаще она тоже подвергалась обработке, нередко длительной и сложной. Чтобы, например, удалить горький вкус или ядовитые вещества из орехов папоротниковой пальмы, клубней и корней и сделать их пригодными для потребления, продукты длительно вымачивались, многократно прожаривались на огне костра или растирались в порошок и высушивались на солнце, а в иных случаях эти процедуры объединялись в различных комбинациях. По А. Н. Максиму, «жатва, молотьба, провеивание, помол, замешивание теста, печение хлеба — все это известно австралийцу, несмотря на то, что он не обрабатывает и не засеивает своих полей».

Австралийцы центра и запада нередко испытывали нехватку воды, хотя они обладали поразительным умением находить ее в дуплистых деревьях, в утолщениях ствола бумажного дерева, на дне глубоких расселин, извлекать из водянистых корней некоторых видов эвкалиптов. Нередко туземцы высасывали через тростинку подпочвенную воду, которой богата Австралия, а иногда утоляли жажду листьями некоторых сочных растений. Запас воды они часто хранили в естественных углублениях скал или впадинах больших камней. Многие путешественники отмечали, что австралиец может долго жить в местности, где белый человек погиб бы от голода и жажды.

Материальная культура австралийцев бедна. Важнейшие орудия — топоры, ножи, резцы, клевцы, наконечники копий, зернотерки — изготовлялись из камня. Лучшие топоры, к которым туземцы питали пристрастие, изготавливались на вос-

тоже страны, где они нередко целиком полировались. Австралийцы перерубал топором за две минуты дерево толщиной в сантиметров.

В. Смит, исследовавший жизнь и быт австралийских туземцев, пишет: «Топор—одно из самых полезных орудий, которыми обладают аборигены. Мужчина никогда не покидает топор, не захватив с собой топора. С его помощью он взбирается на деревья так же быстро, как австралийский сумчатый медведь коала. Он вырубает зарубку для большого пальца ноги, и, взяв топор в зубы, чтобы освободить руки, поднимается на один шаг, вырубает другую зарубку и так до тех пор, пока не поднимется на ту высоту, достичь которую он желает. Быстрота и ловкость, с какой он это делает, поразительны. Каменным топором он разрубает стволы деревьев, чтобы достать опоссума, который прячется в дуплах, или чаш с медом, или древесных личинок, или яйца насекомых... рубит деревья и делает из древесины щиты, палицы и копья, разрубает на части крупных животных, убитых на охоте, отбивает от камня отщепы, чтобы сделать наконечник копья, обжаривать дичь или очистить шкуру. Старым топором он делает новый из каменного желвака. Применения топора настолько многочисленны и разнообразны, что невозможно их все перечислить. Достаточно сказать, что без этого орудия абориген едва ли смог бы поддержать свое существование в Австралии».

Каменные орудия часто прикреплялись к древкам смолой, в которую иногда примешивали песок или размолотые раковины, а на северо-востоке материка нередко клинок топора вкладывали в щель, проделанную в стволе молодого деревца и оставляли там до тех пор, пока он наглухо не будет стиснут объятиями растущего дерева, после чего срубленный ствол становился топором. В некоторых областях материал для орудий добывали следующим образом. Разводился костер в местах обнажения горных пород, и затем на раскаленные камни лили воду, в результате чего они раскалывались на куски. Обычно каждый туземец изготавливал для себя орудия труда.

Изделия из раковины или кости, например скребки и ложки, иглы и проколки, встречались довольно редко, в отличие от деревянных, из которых изготовляли утварь, рукоятки топоров, оружие, землекопалку—длинный острый кол, являвшийся женским орудием труда, — лодки, предметы культа и т. д.

Классическим видом оружия у австралийцев является бумеранг, в искусстве владения которым они не имеют себе равных в мире. Но наиболее распространено и любимо копье, с которым туземец, владея им виртуозно, никогда не расставался. Копья были цельные и составные, тяжелые и легкие, короткие и длиной до 3 метров и более. Одни из них, например, употреблялись в охоте на кенгуру, а другие — для лова рыбы. Туземцы только одной области Северной Австралии употребляли до 30 типов копий.

Лука и стрел австралийцы не знали, исключая племена крайнего северо-востока, которые заимствовали их у папуасов. Зато копьеметалки, отчасти заменявшие лук, были широко распространены, хотя и не повсеместно. У многих племен они являлись универсальным, в высшей степени полезным орудием, применявшимся как для метания копья, так и для отбивания копий противника, бумеранга, палицы, а также для добывания огня, в качестве землекопалки, иногда рубящего или даже режущего оружия, если в ее рукоятки укреплялся острый камень.

Единственным оборонительным оружием аборигенов Австралии был щит, имевший две формы: узкий, шириной от 5 до 15 сантиметров, предназначавшийся для отражения ударов и применявшийся только на юго-востоке, и широкий, удлиненной овальной формы, служивший для прикрытия тела, распространенный почти по всему континенту:

Естественное разделение труда у австралийцев приводило к появлению у ряда племен мужских и женских орудий (например, ножей), причем последние часто были более примитивными по сравнению с мужскими орудиями.

Охотникам и собирателям, непрерывно бродившим в поисках пищи по обширным пространствам, требовались быстроедвигаемые жилища, хотя нередко постелью им являлась земля. Наряду с пещерами, гротами, дуплами огромных деревьев и другими естественными укрытиями, австралийцы на кратковременных остановках или при ночлеге сооружали из ветвей, кусков коры, листьев и травы заслоны от ветра или навесы, спасавшие их от жары и одновременно защищавшие разведенный ими огонь от ветра.

Но обычно туземцы предпочитали более удобные жилища — шалаши и хижины. Жившие в благоприятных условиях племена, у которых возникали зачатки земледелия и намечался переход к оседлости, создавали постоянные жилища и селились деревнями. Ведя полубродячую жизнь, они иногда

и габелин их, но затем возвращались обратно. Спасаясь от
Иллиниаторов, эти племена покинули плодородные районы
и перешли к бродячему образу жизни.

Подобно другим отсталым народам, австралийцы имели
свои одежду и обильные украшения. Большинство тузем-
цев вообще ходили в наряде, дарованном природой, или но-
сили только набедренные повязки. Для защиты от холода
они натирали тело жиром, а ночью спали у маленьких, по
словам Маунтфорда, «размерами немногим больше обеден-
ной тарелки», костров, с удивительным искусством поддер-
живая ровное пламя. Лишь на юго-востоке и некоторых райо-
нах севера, где климат холоднее, носили длинные плащи из
шкур динго, кенгуру или сумчатой лисицы.

Характеризуя материальную культуру аборигенов Австра-
лии, воскряшающих в своем быте далекое прошлое цивили-
зованного человечества, необходимо дать общую оценку
уровню ее развития. По этому вопросу исследователи не при-
шли к единому мнению. В буржуазной литературе часто
культуру их сближают с мустьерской, а В. Шмидт даже счи-
тал австралийцев более примитивными, чем неандертальцы.
Эти взгляды не заслуживают внимания, так как коренное на-
селение Австралии в антропологическом отношении относит-
ся к людям современного физического типа. Нет единогласия
по этому вопросу и среди советских ученых. В. К. Никольский
материальную культуру австралийцев относит к мезолиту, а
С. А. Токарев — к раннему неолиту.

Учитывая, однако, неодинаковый уровень развития мате-
риальной культуры у австралийских племен, вряд ли необ-
ходимо отвечать на этот вопрос столь прямолинейно. По ви-
димому, имеется основание для того, чтобы разделить аβο-
ригенов Австралии на три основные группы, в зависимости
от применяемой ими техники обработки камня. Те племена,
где не умели полировать орудия, являлись мезолитическими
племенами (некоторые области запада и юга), другие же, —
применявшие целиком полированные топоры, относились к
раннему неолиту (юго-восток и северо-восток), а третья груп-
па племен, у которых топоры подвергались частичной поли-
ровке, представляла переходную стадию от мезолита к нео-
литу (центр, север и некоторые области запада). В целом со-
гласно исследованиям советского ученого В. Р. Кабо австра-
лийская каменная техника носит мезолитический характер
с некоторыми чертами неолита.

Исключительный интерес для науки, ввиду его архаично-

3
√
сти, представляет социальный строй аборигенов Австралии к моменту соприкосновения с ними европейцев. Родоплеменная организация у австралийцев находилась на более низкой стадии развития, чем, например, у ирокезов, отличаясь рядом существенных моментов от времени ее расцвета. Союзов племен не было и в помине. Каждое племя владело определенной территорией, имело собственное имя, свои обычаи и; как правило, особый диалект. Численность его обычно составляла несколько сотен человек. Племя распадалось на две, строго экзогамные фратрии, основная функция которых заключалась в регулировании половых отношений. Муж и жена принадлежали к разным фратриям.

При наличии пережитков группового брака фратрии полностью не исключали кровосмесительные связи, так как практически отец мог вступить в брачные отношения с родной дочерью, если счет родства велся по женской линии, или мать — с сыном, если он велся по мужской. Чтобы избежать этого, фратрии обычно в свою очередь подразделялись на секции. Чаще всего племя состояло из четырех секций — по две в каждой фратрии. Браки стали возможными лишь между определенными парами секций. Каким же образом подобная система их упорядочивала?

Представим себе, что в племени одна фратрия состоит из секций *A* и *B*, а другая — из секций *C* и *D*. Мужчина из секции *A* имеет право жениться только на женщине из секции *C*, а дети их переходят в секцию *D*. Мужчина, принадлежавший к секции *B*, может жениться только на женщине из секции *D*, дети же их переходят в секцию *C*. Мужчина, являющийся членом секции *C* может взять жену только из секции *A*, в этом случае их дети переходят в секцию *B*. Наконец, мужчина из секции *D* может жениться только на женщине, принадлежащей к секции *B*, дети их переходят в секцию *A*.

Если в племени счет родства ведется по мужской линии, а не по женской, как в приведенном выше примере, дети остаются в фратрии отца, переходя лишь в другую секцию.

Подобный порядок регулирования браков целиком исключал половое общение родителей и детей, но сохранялась возможность брачной связи, например, между дедом и внучкой. Для устранения этой возможности некоторые австралийские племена представляли собой более сложную восьмисекционную систему — по четыре в каждой фратрии.

Первоначально секции представляли собой форму группового брака: мужчины одной секции являлись коллективными

Мужьями женщин другой и наоборот. Еще в XIX в. брак у австралийцев теоретически являлся групповым, хотя фактически господствовала парная семья.

Наряду с фратриями и секциями, в племя входили материнские роды и локальные группы. Роды составляли подразделения фратрий и были строго экзогамны. В общественной жизни род у австралийцев играл меньшую роль, чем, например, у ирокезов. Так, он не принимал непосредственного участия в регулировании браков, не имел территориального единства и не составлял цельного в хозяйственном отношении коллектива людей.

Экономической ячейкой у австралийцев являлась локальная группа. Это был тесно сплоченный хозяйственный коллектив, кочевавший в пределах определенной территории, принадлежавшей племени. Таким образом, локальные группы являлись территориальными подразделениями племени. Каждая из них состояла из нескольких парных семей, общая численность которой редко превышала 40—50 человек.

По-видимому, некогда, при существовании счета родства по женской линии и матриликальности, род совпадал с локальной группой. Но в XIX в., когда у австралийцев, как полагают некоторые советские ученые, под влиянием европейских поселенцев матриликальное поселение супругов сменилось патрилокальным, у южных и восточных племен, сохранивших женский счет родства, локальные группы уже состояли из людей разных родов. На севере, северо-западе и крайнем юго-востоке, где, наряду с патрилокальностью, родство велось по мужской линии, локальная группа обычно совпадала с родом.

До прихода колонизаторов у австралийцев не было имущественного неравенства и социального расслоения. Частная собственность отсутствовала. Основные средства производства — земля, охотничьи и рыболовные угодья — составляли общинную собственность, а орудия труда, оружие, украшения — личную. Охотились и собирали пищу как коллективно, так и индивидуально, однако добыча принадлежала общине, и делилась она согласно обычаям, как правило, поровну между всеми.

Один путешественник засвидетельствовал, что однажды австралиец во время удачной охоты убил семь кенгуру, а другие охотники возвратились с пустыми руками. Тем не менее он получил равную долю с другими, менее удачливыми охотниками. Наградой ему была похвала соплеменников.

Лишь старики получали отборные куски дичи. При раздаче пищи споры никогда не возникали.

Буржуазные авторы утверждают, что положение женщины у австралийцев было принижено. При этом они ссылаются на тот факт, что во время перекочевков она несет на себе весь домашний скарб, тогда как мужчина идет налегке с копьем в руке. Однако ошибочно видеть в этом антагонизм полов. Мужчина—охотник, ему необходимо беречь силы, чтобы быть готовым в любую минуту броситься в погоню за животным или отразить нападения врага.

В действительности, мужчины и женщины имели равное положение в обществе, хотя на долю последних выпадало обычно больше трудностей. Женщины к тому же рано истощали свой организм длительным кормлением детей грудью — до 4—6-летнего возраста. Австралийские общины были основаны на экономическом сотрудничестве мужчин и женщин.

Формы организации власти у австралийцев были несложны. В племени отсутствовали, как правило, верховные вожди и общеплеменные советы. Род, как и локальная группа, имел своего предводителя, избираемого обычно из числа наиболее уважаемых членов коллектива, хотя иногда им становился просто старейший мужчина. Если род совпадал с локальной группой вследствие отцовского счета родства, то избирался, естественно, один предводитель.

Функции предводителя у различных племен были неодинаковы, а власть — обычно невелика. Влияние предводителя в обществе зависело от его личных качеств. Он управлял коллективом в полном согласии с советом стариков, которому фактически принадлежала вся власть. В буржуазной литературе пишут о геронтократии, т. е. о власти стариков. Но этот взгляд ошибочен, так как в австралийских общинах господствовал коллективизм и царил дух равенства.

Влиятельное положение стариков в племени объясняется их авторитетом, покоящемся на знаниях и накопленном опыте, а не возрастом самим по себе. Исследователи не раз отмечали, что во главе многих общин находились не седобородые старики, а мужчины среднего возраста в расцвете физических и умственных сил. У. Бэкли, проживший среди австралийских туземцев 32 года, сообщает, что «они не признают никаких вождей, стоящих выше других; по наибольшему уважению у них пользуется искусный и полезный для всей общины человек».

Во многих племенах северо-востока старики вообще не избирали предводителя. У одних племен старики никого не приглашали на свои заседания, у других — они проходили с участием пожилых мужчин, у третьих — в присутствии и юношей, прошедших инициацию.

«На подобных сходках — пишет Хауитт, — чем моложе человек, тем меньше он говорит». Выступать могли все мужчины, но решения принимали старики. Они не злоупотребляли своим положением и руководили общиной в соответствии с традициями и обычаями племени. Нарушение их влекло за собой ответные санкции. Совет стариков назначал наказание в зависимости от тяжести проступка. В одних случаях ограничивались порицанием провинившемуся, а в других, — например, при нарушении брачных правил или убийстве, — изгнали виновника из племени или даже приговаривали к смертной казни, которая совершалась публично. Ссоры и другие частные конфликты, как между мужчинами, так и женщинами чаще всего разрешались поединками заинтересованных сторон, которые проводились по определенным правилам и продолжались обычно до первой легкой раны. В племени аранда, например, поединок между мужчинами состоял порой в том, что они стоя или сидя, обнявшись, наносили друг другу ожогами порезы на спине и бедрах, пока один из них не признавал себя побежденным или падал, теряя сознание.

Нередки были столкновения между племенами. Причинами их были: убийства, похищения женщин, нарушения границ, но чаще всего — подозрение в колдовстве. Часто конфликты улаживались мирным путем. Хауитт рассказывает, что однажды молодой человек из племени вудтхаурунг тайно набрал камней на территории племени вурунджерри. Оба племени сошлись для переговоров, причем «вудтхаурунги сидели по одну сторону границы, а вурунджерри — по другую, но достаточно близко друг от друга, чтобы слышать то, что говорилось. Старики каждой из сторон сидели вместе, а более молодые стояли позади них...» Один из вождей вурунджерри спросил: «Вы посылали этого юношу ломать камень для топоров?». Предводитель вудтхаурунгов ответил: «Нет, мы никому этого не поручали». Тогда тот, кто спрашивал, заявил: «Скажи старикам, чтобы они запретили юноше делать впредь что-либо подобное. Если вам понадобится наломать камня, старики должны предварительно уведомить нас об этом...» Старики племени вудтхаурунг ответили: «Это правильно, в будущем мы будем поступать так». После стро-

гих внушений, сделанных юн^оше, укравшему камень, обе стороны вновь стали друзьями».

Если же дело доходило до вооруженных столкновений, представлявших собой стычки между отдельными отрядами, то чаще всего они велись с соблюдением определенных правил и заканчивались обыкновенно с появлением первых жертв.

Несмотря на довольно частые столкновения, «нормальным состоянием австралийских племен,— писал известный буржуазный этнограф Д. Уилер, изучавший этот вопрос,— является мир, а не война». Мирные и дружелюбные связи между ними проявлялись во взаимных браках, совместной охоте, сборе плодов и обмене, происходившем даже между отдаленными племенами. Обмен порождался межплеменной специализацией, являвшейся следствием неодинаковости природных условий. Широко распространялись, например, по континенту копыя аранда, щиты варрамунга, изделия из перламутровых раковин, добывавшихся на северо-западном побережье, красная охра, наркотик питчери, заросли кустарников которого находились к северо-востоку от озера Эйр. Туземцы жуют листья питчери, либо предварительно сушат их и затем, смешивая этот порошок с золой, заворачивают эту смесь в листья наркотика.

В каждой области имелись центры обмена. Обмен носил коллективный характер: род или локальная группа, а не отдельные люди обменивались предметами. Сколько-нибудь серьезного значения в хозяйстве австралийцев обмен не играл, но укреплял межплеменные связи и способствовал распространению культурных достижений, которые были значительны и разнообразны, учитывая их низкий уровень общественного развития.

Туземцы знали много сказок, легенд и мифов, любили пение и особенно пляски. Речь у них под влиянием чувств (радости и гнева, любви и ненависти) нередко переходила в пение. Мелодии песен обычно начинались с высоких тонов и заканчивались низкими. Несмотря на любовь к пению, аборигены Австралии были бедны музыкальными инструментами: струнные совсем отсутствовали, из духовых на севере были распространены флейта и резонансная труба, а из ударных — примитивный барабан (в некоторых местностях). Относительно высокого развития у австралийцев достигло танцевальное искусство. Пляски их, получившие в австраловедческой литературе наименование корробори, были коллек-

тивными, к ним тщательно готовились, и они отличались удивительной слаженностью. Пляскам придавалось общественное значение и не участвовать в них было нельзя.

Австралийцы заботились о своей внешности, стараясь быть красивыми и привлекательными. Они носили ожерелья, браслеты на руках и ногах, головные повязки, сделанные из перьев, цветов и раковин. Тела и лица раскрашивались, оклеивались пухом, сквозь носовую перегородку протыкали палочку. Полностью украшались туземцы лишь во время праздников. Орнаментировали они оружие, культовый инвентарь и предметы домашнего обихода. Искусство у них было тесно связано с религиозными верованиями и обрядами.

Для австралийцев характерны ранние формы религии: анимизм, магия, фетишизм и особенно тотемизм. Вера в богов отсутствовала, не было и культа предков.

Несмотря на религиозный туман, обволакивавший сознание туземцев, они обладали значительными положительными знаниями: превосходно ориентировались на местности, великолепно знали полезные свойства растущих на их территории деревьев, повадки животных и птиц, умели готовить пищу из ядовитых растений. Вызывают удивление медицинские познания австралийцев. Например, они умели лечить раны и переломы костей, желудочные заболевания, применяя слабительные либо крепительные лекарства, простуду и ревматизмы, излечивали змеиные укусы. Им были известны болеутоляющие средства.

Австралийцы — бедный, но трудолюбивый и сильный духом народ. Они честны и миролюбивы. Большой знаток их Маунтфорд пишет: «Можно считать аксиомой, что если аборигены напали на белого, то он сам в этом виноват». До прихода белых их было 250—300 тысяч, и они населяли весь материк, но в результате колониального угнетения и политики расовой дискриминации численность чистокровных аборигенов Австралии сократилась до 40 тысяч (имеется также 30 тысяч человек смешанного европейско-австралийского происхождения). На юго-востоке страны туземцы были уничтожены полностью. В остальных областях их загнали в малопригодные для обитания местности, где они влачат жалкое существование и находятся на грани вымирания. «Возьмите обычного человека, продержите его на голодной диете до тех пор, пока он уже не сможет больше худеть, затем поселите его в местности, ближе всего напоминающей поверхность Луны, и вы

получите австралийского аборигена», — пишет современный буржуазный автор.

В настоящее время аборигены ведут неодинаковый образ жизни. Одна группа их, живя в лачугах на окраинах городов, перебиваются случайными заработками, другая — трудится по найму на фермах, лесоразработках или горных выработках, третья — населяет бесплодные, расположенные вдали от городов местности, объявленные правительством резервациями. Особенно много резерваций на западе и севере Австралии. Туземцы не могут покидать их без письменного разрешения властей. Правительство прилагает все усилия, чтобы сведения о жизни аборигенов в резервациях не проникали в печать. Там господствует принудительный труд. Широко распространены туберкулез, желудочные заболевания, проказа — на севере, трахома — в Западной Австралии, где ею болеют 58 процентов всех туземцев. В прогрессивной буржуазной литературе резервации сравниваются с концентрационными лагерями.

Четвертая группа туземцев живет в миссиях, хозяйствах, основанных религиозными проповедниками. Условия труда этих групп аборигенов настолько тяжелы, что имеются основания утверждать о существовании в Австралии одной из форм рабства.

Наконец, пятая группа аборигенов, о которой имеется мало сведений, обитает в основном на севере материка, в мало доступных, нездоровых в климатическом отношении местностях. Родоплеменной строй сохранился у них в большей степени, чем у других туземных групп. Трагическая судьба коренного населения Австралии отражена в художественной литературе, например в трилогии прогрессивной австралийской писательницы К. С. Причард («Девяностые годы», «Золотые мили», «Крылатые семена») и романе Р. Виккерса «Мираж».

Борьба аборигенов за человеческие права после второй мировой войны приняла организованный характер и находит поддержку у передовых слоев общественности Австралии. Демократические силы страны создали ряд общественных организаций, требующих политического и экономического равноправия аборигенов. Наиболее энергично и последовательно борется за полные их права Коммунистическая партия Австралии.

Как ни тяжела участь австралийцев, но еще печальнее судьба аборигенов Тасмании. В начале XIX в. островитян бы-

ло несколько тысяч, а в 1876 г. умерла последняя тасманийка. Англичане зверски уничтожали туземцев. Камень не устоял перед огнестрельным оружием. Исследователь тасманийцев середины прошлого века Г. Халл пишет, что «охота за черными была любимым спортом колонистов». Между тем коренные жители Тасмании, как отмечал английский мореплаватель Д. Кук, были добрыми и доверчивыми. Антропологически они отличались от австралийцев и принадлежали, по-видимому, к меланезийской расе.

Относительно путей проникновения тасманийцев на остров существуют две гипотезы. По одной из них тасманийцы первоначально заселили Австралию, а впоследствии, под давлением австралийцев, переправились на остров. Согласно другой, более аргументированной гипотезе тасманийцы прибыли морем на новую родину непосредственно из Южной Меланезии, по-видимому, из Новой Каледонии, минуя материк. Из-за плохой изученности тасманийских языков—туземцев истребили прежде, чем этнографы обстоятельно с ними познакомились—данные лингвистики не могут оказать существенную помощь при решении этой проблемы.

Хотя флора и фауна Тасмании мало чем отличались от австралийской, климатические условия на острове были более благоприятными, чем на материке. Тем не менее тасманийцы находились на более низкой стадии развития, чем их северные соседи, являясь самым отсталым народом, который только был известен этнографической науке. Копьеметалка, бумеранг и щит им не были известны, как не знали они и прирученной собаки.

Тасманийцы жили исключительно охотой и собирательством; по мнению многих ученых, рыболовством в отличие от австралийцев они не занимались. На кенгуру охотились с помощью копий и метательной палицы обычно коллективно. Туземцы умели проворно взбираться на деревья в поисках сумчатых лисиц, искусно нырять с корзинкой на дно моря в поисках ракушек и улиток и ловко, одним ударом дубины, убивать тюленей на берегу. Женщины собирали растительную пищу, яйца птиц, моллюсков, личинки насекомых, ловили мелких зверьков.

Тасманийцы не могли себе позволить быть слишком разборчивыми в еде и употребляли в пищу также древесные мхи, побеги одного из видов пальмы, семена акации, сердцевину некоторых папоротников. Жарение на костре и печение в золе—единственные известные тасманийцам способы об-

работки състных припасов. Ни земляными печами, ни зернотерками они не располагали.

Для жилья использовали пещеры, дупла деревьев, но сооружали также заслоны от ветра и шалаши. Даже в холодное время года не все туземцы носили одежду — передники или плащи, изготовленные из просушенных шкур кенгуру. Огонь чаще всего добывали способом сверления, но, подобно австралийцам, старались его сохранить при перекочевках. Тасманийцы не умели обрабатывать кость.

С давнего времени не умолкает спор относительно уровня развития материальной культуры островитян. Каменные орудия труда тасманийцев, представленные преимущественно скребками и рубилами, нелегко классифицировать, так как они различны по технике обработки и к тому же изготавливались из песчаника, а не из кремня. Вот почему в этнографической литературе по этому вопросу распространены удивительно противоречивые суждения: одни ученые относят материальную культуру к мустьерскому или даже ашельскому времени, а другие сближают ее с ранним неолитом. Однако ближе к истине те исследователи, которые полагают, что наибольшее сходство она обнаруживает с ориньяко-солютрейской культурой.

Совсем скудные сведения сохранились об общественном строе тасманийцев. Они составляли примерно 20 племен, которые распадались на локальные группы численностью от 10 до 50 человек. Последние были цельными социально-экономическими ячейками общества, представляя собой родовые коллективы на ранней стадии развития. Брак, по-видимому, был групповой с переходом к парной семье. Туземцы любили празднества, которые сопровождались плясками и пением. В буржуазной литературе распространен ошибочный взгляд, к сожалению, некритически воспринятый некоторыми советскими учеными (см. напр.: В. Ф. Зыбковец. «Дорелигиозная эпоха», М., Изд-во АН СССР, 1959 г.), будто тасманийцы были безрелигиозным народом. В действительности, у них были широко распространены анимизм, магия, тотемизм и фетишизм.

Общая численность населения Австралии, включая и аборигенов, составляет на 1 апреля 1965 г. 11,3 миллиона человек, причем оно размещено на континенте крайне неравномерно — в основном на юго-востоке и востоке страны. В подавляющем большинстве это выходцы из Великобритании, составляющие англо-австралийскую нацию (около 10 милли-

онов человек). Хотя Австралия была открыта в начале XVII в., колонизация ее англичанами началась лишь в конце XVIII столетия, после потери ими североамериканских колоний. Первыми белыми поселенцами были ссыльные каторжане. Бурный поток колонистов хлынул на этот континент во второй половине прошлого столетия, когда там было открыто золото.

Если Австралия с примыкающей к ней Тасманией является страной «живых ископаемых», то этого нельзя сказать в целом об Океании, под которой принято понимать многочисленные острова и архипелаги, разбросанные на обширных водных пространствах Тихого океана по обе стороны от экватора. По своему происхождению и строению острова Океании разделяются на вулканические — обычно крупные, гористые с плодородной почвой и пышной растительностью и коралловые — мелкие, незначительно возвышающиеся над водой, имеющие малоплодородную почву и скудную флору. Климат в Океании благоприятный, исключая некоторые западные области, зараженные малярией и лихорадкой. Хотя все острова (кроме Новой Зеландии) размещены в тропиках, изнуряющей жары нет, так как океан и постоянно дующие ветры — пассаты, умеряют температуру.

В зависимости от этнического признака и особенностей культуры Океания распадается на три области: Меланезию («Черные острова»), Микронезию («Мелкие острова») и Полинезию («Многочисленные острова»).

Меланезия — юго-западный район Тихого океана, состоящий из прилегающих к Австралии островов: Новой Каледонии, Фиджи, Новые Гебриды, Соломоновых, Бисмарка и Новой Гвинеи, общая площадь которых составляет свыше 3/4 поверхности всех островов Океании.

Микронезия — северо-западная область Океании, включает в свой состав более полутора тысяч маленьких островов, группирующихся в архипелаги: Гилберта, Маршалловы, Каролинские и Марианские.

Полинезия, расположенная в восточной части океана, представляет гигантский треугольник, вершинами которого являются Гавайские острова, Новая Зеландия и остров Пасхи. Внутри его размещено множество изолированных островов и островных групп: Самоа, Тонга, Таити, Кука, Туамоту, Маркизские и др.

Открытие европейцами островов Океании растянулось на несколько столетий. Впервые пересек Тихий океан Магеллан,

спутник которого Пигаффета привел некоторые сведения о туземцах Гуама, одного из Марианских островов. Хотя большинство архипелагов Океании было открыто в XVI-XVII вв., но начало серьезного этнографического описания аборигенов положили экспедиции второй половины XVIII столетия — Бугенвиля, Лаперуза и особенно Кука, которого сопровождали в трех его больших плаваниях ученые-натуралисты. Значительный вклад в изучение народов Тихого океана внесли путешественники XIX в., среди них достойное место принадлежит русским мореплавателям: И. Ф. Крузенштерну, Ю. Ф. Лисянскому, В. М. Головнину, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузену, М. П. Лазареву, Ф. П. Литке. Одним из самых выдающихся исследователей был Н. Н. Миклухо-Маклай, замечательный ученый, человек редких душевных качеств. Принадлежит к прогрессивным слоям русской интеллигенции, они с гуманных позиций описывали жизнь и быт островитян.

Наука издавна интересовалась расовым составом, языками и происхождением народов Океании. В настоящее время установлено, что в антропологическом отношении они составляют две малые расы: полинезийскую и меланезийскую. Расовая принадлежность микронезийцев не установлена. Ученые склоняются к мнению, что они являются продуктом смешения трех рас: южноазиатской, полинезийской и меланезийской.

Языки аборигенов Океании распадаются на полинезийские, меланезийские, микронезийские и папуасские. Полинезийские, меланезийские и микронезийские языки составляют ветви малайско-полинезийской семьи, а папуасские не обнаруживают родственных связей ни с одной из языковых семей мира. Более того, между самими папуасскими языками имеются большие различия. Только на Новой Гвинее, по некоторым сведениям, их насчитывается несколько сот: не случайно ее называют «островом языковых джунглей». Некоторые исследователи полагают, что микронезийские языки не составляют самостоятельной ветви малайско-полинезийской семьи, а представляют собой одну из групп меланезийских языков.

Одним из интереснейших вопросов, волнующих ученых мир уже несколько столетий, является вопрос о происхождении народов Океании, особенно полинезийцев, так как этногенез меланезийцев и микронезийцев ввиду скудости источников мало привлекает внимание исследователей. Раньше всего, по видимому, 6—5 тысяч лет тому назад, была заселена Мела-

5 5 4
незия. Относительно времени появления первых людей на островах Микронезии нет сколько-нибудь достоверных сведений. Несомненно, что меланезийцы и микронезийцы прибыли из областей Юго-Восточной Азии.

Значительно более поздним этническим слоем в Океании, чем меланезийцы, является население Полинезии. Откуда оно пришло? В современной этнографической литературе имеют хождение теории американского и азиатского происхождения полинезийцев. Широко распространенная в прошлом гипотеза автохтонности полинезийцев оставлена подавляющим большинством исследователей, после того как было доказано, что острова Тихого океана не являются остатками некогда затонувшего большого материка.

Теория американского происхождения народов Полинезии имеет незначительное количество приверженцев, причем ряды их непрерывно тают. В послевоенные годы ее энергично пропагандирует прославленный норвежский путешественник и ученый Тур Хейердал, который, чтобы оживить к ней интерес, в 1947 г. вместе с пятью смельчаками на плоту из девяти бревен, скрепленных пеньковыми веревками, используя течение и пассатные ветры, проплыл за 101 день от берегов Перу до островов Туамоту расстояние примерно в 5000 километров, т. е. вдвое больше, чем Колумб на кораблях. Эта выдающаяся, полная приключений экспедиция описана Хейердалом в увлекательной книге «Путешествие на Кон-Тики».

По Хейердалу, в IV в. н. э., а возможно и несколько раньше, таким путем прибыла из Южной Америки первая миграционная волна поселенцев, заселившая некоторые острова Восточной Полинезии; в XII в. вторая, более мощная волна с северо-западного побережья Северной Америки заселила сперва Гавайские, а к XIV в. и остальные острова Полинезии. При этом, утверждает Хейердал, вторая волна поселенцев, частично истребившая, частично ассимилировавшая более древнее население, по существу прибыла из Азии (но не из области Малайского архипелага) — по течению Кюросиво на северо-восток до берегов Северной Америки, а оттуда уже, двигаясь на юг, расселилась по островам Полинезии. Однако эти взгляды не подкреплены убедительными аргументами.

Заслугой Хейердала является то, что он обратил серьезное внимание на культурно-исторические связи, существовавшие в прошлом между полинезийцами и индейцами Южной Америки. Бесспорно, древние полинезийцы в своих плаваниях эпизодически достигали берегов Южной Америки, откуда они

заимствовали батат (сладкий картофель). Но сомнительно, чтобы индейцы, будучи плохими мореплавателями, могли пересекать Тихий океан, хотя отдельные перуанские плоты, возможно, добирались до Полинезии.

Наиболее обоснованной в научном отношении является теория, по которой предки полинезийцев пришли из Юго-Восточной Азии, что подтверждается близостью их языков к языкам индонезийским, а также сходством многих элементов быта и культуры. Так, домашние животные полинезийцев (свинья, курица, собака) и съедобные растения, исключая батат, происходят из Индонезии и Индокитая. К этим областям восходят и такие элементы материальной культуры, как типы каменных орудий, способ добывания огня и формы лодок. К тому же генеалогические предания туземцев удивительно схожие между собой в деталях на разных архипелагах, прародину полинезийцев помещают на Западе.

Крупнейший в буржуазной литературе знаток народов Океании Те Ранги Хироа (по матери—полинезиец, а по отцу, от которого он принял второе имя,— Питер Бак — новозеландец ирландского происхождения) привел наиболее убедительные аргументы в пользу азиатской теории происхождения полинезийцев. Его выводы, изложенные в книге «Мореплаватели солнечного восхода» (М., 1950.), базируются на глубоком исследовании многих видов источников и сводятся в целом к следующему:

1. Предки полинезийцев обитали в Индии, а позже — в Индонезии, где «морская соль пропитала кровь» их, превратив в народ мореходов, и принадлежали к европеоидной расе, имея некоторую примесь крови монголоидов.

2. Под давлением монголоидных народов, по-видимому малайцев, они «устремили свои взоры к восточному горизонту и пустились в одно из самых дерзновенных плаваний», направив сплетенные паруса в неведомые воды к пустующим островам, «северным путем», через Микронезию, с многочисленными остановками, к архипелагу Таити, который заселили в V в.

3. На Таити, в самом сердце Тихого океана, сложилась полинезийская культура и оттуда, в связи с избытком населения, по всем направлениям в разное время растекались колонизационные потоки: на Маркизские, Туамоту, Гавайские, Кука, Тонга, Самоа, Новую Зеландию и другие острова. В новых условиях полинезийская культура видоизменялась. Возникали ее варианты.

В целом концепция Те Ранги Хироа приемлема, но в ней имеются спорные и даже ошибочные положения.

Во-первых, неубедительно аргументирован «северный путь» переселения полинезийцев. Несравненно больше доказательств приводят сторонники «южного пути» миграции предков полинезийцев, через Меланезию, хотя, по мнению ряда советских ученых, частично колонизационный поток захватил и Микронезию.

Во-вторых, серьезные возражения вызывает тезис Хироа, по которому Самоа и Тонга были заселены с Таити, т. е. как бы обратным движением, в то время как существуют веские доводы в пользу мнения, что на эти острова поселенцы прибыли непосредственно с запада. Другими словами, сперва были заселены Самоа и Тонга, затем Таити, а отсюда уже предки полинезийцев начали расселяться по остальной Полинезии.

В-третьих, предки полинезийцев отправились в сторону солнечного восхода в поисках новой родины, как полагают советские ученые, не в V в., а несколько раньше — в начале нашей эры. Наконец, нет оснований относить полинезийцев к европеоидной расе.

Народы Тихого океана ко времени знакомства с ними европейцев находились на различных ступенях общественного развития: одни из них жили материнским родовым строем а другие — вступали в классовое общество. Более того, уровень культуры был неодинаков на разных архипелагах каждой из трех областей Океании, и нередко он заметно различался в пределах одной островной группы. Тем не менее при всем своеобразии жизни и быта маленьких мирков, затерянных в безбрежных водах океана, у жителей их имелись общие черты: в экономике, социальном строе, духовных богатствах и исторической судьбе, которые позволяют рассматривать этот район земного шара единым и цельным в культурном отношении.

Велухей отраслью хозяйства Океании было земледелие, а основными видами его — огородничество и плодоводство. Выращивались ямс, таро, батат, сахарный тростник, бананы, а из плодовых деревьев — хлебное дерево, кокосовая и саговая пальмы. Эти культуры были распространены неравномерно и не на всех островах.

Ямс и таро — корнеплоды, богатые крахмалом, имеют крупные подземные клубни. Вес их у таро достигает 5—6 килограммов, а у некоторых сортов ямса — 40 килограммов при

длине 2 метра и более. Ямс требует сухих участков, а таро — влажной почвы, хотя некоторые сорта последнего можно сажать и на сухих землях. Банан — многолетнее травянистое растение, внешне напоминающее дерево, три раза в год дает ароматные и вкусные плоды. Он неприхотлив и отличается урожайностью: вес соплодия достигает 60 килограммов.

Трижды в год дает урожай хлебное дерево, плод которого, по словам Кука, «по размеру и по форме соответствует примерно голове новорожденного ребенка... обладает приторно сладким вкусом, отчасти сходным со вкусом мякиша пшеничного хлеба». Одно хлебное дерево, плоды которого иногда достигают 20 килограммов, вполне может прокормить 2—3 человек в течение года.

Подобно банану и хлебному дереву, почти повсеместно распространена кокосовая пальма, особенно характерная для островов кораллового происхождения. Нет ни одной части кокосовой пальмы, которой туземцы не использовали бы для своих нужд. Употребляют в пищу и незрелый плод, содержащий приятный на вкус сок, и мякоть ядра созревших орехов. Вес кокосового ореха достигает 8 килограммов. Кокосовая пальма — удивительное дерево. Оно не требует никакого ухода и, начиная с 5—6-летнего возраста, плодоносит в течение 50—80 лет, причем орехи созревают круглый год.

Саговая пальма, сердцевина ствола которой содержит крахмал, произрастает в Западной Океании. Как свидетельствует современный немецкий исследователь Г. Дамм, «одна созревшая саговая пальма дает до 200 килограммов сырого саго, которым можно прокормить семью из пяти человек в течение целого месяца». Все эти растительные продукты, особенно корнеплоды, не очень питательны. Необходимо съесть этой пищи по крайней мере 5—6 килограммов в день, чтобы утолить голод.

В Меланезии, на крупных островах, покрытых тропической растительностью, господствовало подсечное земледелие, превосходно описанное Н. Н. Миклухо-Маклаем у папуасов Новой Гвинеи. На многих островах Меланезии и Полинезии строились оросительные каналы, применялась террасовая система земледелия.

Сельскохозяйственные орудия туземцев были примитивны и состояли в основном из деревянных кольев. Только на Марианских островах пользовались каменной мотыгой. Удобрения не применялись (если не считать золы сжигаемых растений), а поэтому, несмотря на благодатный климат и

плодородие почвы, земледелие, особенно огородничество, было чрезвычайно трудоемким делом, отнимало много сил и времени, так как часто приходилось забрасывать старые участки из-за быстрого истощения земель. Тем не менее земледелие в Океании находилось на высоком уровне. По свидетельству путешественников и колонистов, почва у меланезийцев обрабатывалась во многих отношениях лучше, чем на европейских плантациях. О культуре земледелия нужно судить по такому факту: туземцы одного из островов знают 220 сортов карто.

V После земледелия наибольший удельный вес в экономике океанийцев занимало морское рыболовство. В Центральной и Восточной Микронезии рыбная ловля даже являлась основным занятием туземцев. Техника рыболовства отличалась разнообразием приемов и достигла высокого развития. Рыбу ловили сетями, длина которых в Полинезии достигала 160, а на Соломоновых островах, в Меланезии — 300 метров, плетеными корзинами, били копьями и острогами, лучили стрелами, на отмелях отравляли воду растертыми ядовитыми лианами или орехами, собирая затем всплывшую рыбу, устраивали специальные запруды из камня, а кое-где ловили ее с помощью собак.

Часто туземцы рыбачили с крючками, изготовленными из блестящего перламутра, которыми пользовались без приманки. Удили обычно с лодки или просто плавая, держа леску в руке. Ловили акул с лодок, искусно захватывая их петлями. Ш. Н. Миклухо-Маклай описал ночную рыбную ловлю с огнем, когда папуас рыбачил следующим образом: стоя в лодке на правой ноге, он в левой руке держал факел, а в правой — острогу. Убитую рыбу он подхватывал пальцами левой ноги.

В Меланезии рыболовством занимались исключительно мужчины, а в Полинезии, где на некоторых островах существовали потомственные профессии рыбаков, не все мужчины могли пользоваться лодками и сетями. Женщинам разрешалось ловить рыбу сачками и руками. В Микронезии оба пола принимали равное участие в рыбной ловле.

В отличие от земледелия и рыболовства животноводство в Океании было развито слабо: в Меланезии и Полинезии разводили свиней, кур и собак, а в Микронезии — только кур и на некоторых островах собак, на Новой Зеландии — только собак. Собаки были малорослые и нелающие. Их кормили овощами и разводили на мясо. Спутники Кука с удоволь-

ствием ели собачье мясо, «причем кое-кто пришел к выводу, что это блюдо уступает лишь английскому ягненку».

Туземцы Океании редко ели мясную пищу. Обычно она являлась привилегией знати. На Таити женщинам и рядовым общинникам, например, запрещалось есть свинину. Поэтому островитяне питались в основном растительными продуктами и рыбой. Охотились на птицу главным образом из-за перьев с помощью лука и стрел; в ряде местностей Меланезии оголенные ветви обмазывали клеевой массой, в которой увязали лапы неосторожных попугаев, привлеченных криками своих сородичей, привязанных для приманки к дереву туземцами.

Пищу обычно приготавливали на огне — пекли или жарили. Часто пользовались земляной печью. Туземцы Самоа знали около 30 рецептов приготовления и растительной пищи. Варили редко. Воду кипятили в деревянных сосудах или пользовались для этой цели горячими источниками. В Полинезии рыбу предпочитали варить в молоке кокосового ореха, но иногда ее ели сырой. Огонь старались поддерживать, причем в Полинезии его чаще добывали способом «выпахивания», называемым так по сходству с действием плуга, тогда как в Меланезии (и в Австралии) преобладали другие способы — «сверление» и «пиление».

Туземцы Океании употребляли сильные наркотики: каву и бетель. Кава — напиток, который пьют только взрослые мужчины и знатные женщины. Он распространен в Полинезии, на юго-востоке Меланезии и островах Восточной Микронезии. Способ приготовления кавы прост: растирают или разжевывают зубами корень дикого перца и перебродивший сок смешивают с водой. На Тонга и Самоа употребление этого напитка иногда сопровождалось религиозными обрядами.

Бетель, употребляемый на северо-западе Меланезии и западе Микронезии, представляет собой смесь, составленную из листьев перца, арекового ореха и толченой коралловой извести. Эта жвачка, имеющая пряный и жгучий вкус, окрашивает зубы в черный цвет.

Значительный интерес для этнографической науки представляет своеобразная материальная культура океанийцев. Металлические изделия отсутствовали. Гонимое искусство не получило широкого распространения. Оно не было известно в Полинезии и Микронезии, исключая острова Палау и Яп. Не знали его и жители многих островов Меланезии. Наиболее развита керамика была на Новой Гвинее и особенно на ост-

ровах Фиджи, где женщины-гончары составляли особую корпорацию. Гончарный круг не применялся.

Орудия труда, оружие и утварь изготавливали из камня, дерева, бамбука, раковин, обсидиана (вулканического стекла) и кости. Главным орудием труда являлся каменный, хорошо полированный топор. Широко распространены были топоры из массивных, хорошо обточенных раковин, достигавших иногда 50 сантиметров в длину, причем в Восточной Микронезии и на некоторых островах Меланезии из-за отсутствия камня туземцы только ими и пользовались. Значительно реже встречались топоры из обсидиана. Из раковин изготавливали долота, буравы, скребки, рыболовные крючки, ложки, а из дерева и бамбука — оружие, лодки, дома, чаши, блюда.

Оружие у туземцев Океании было совершенным и разнообразным, но различные виды его редко были повсеместно распространены. Так, лук и стрелы в качестве боевого оружия употребляли в Меланезии, да и то не на всех островах, а также на Палау и Яп; в остальной Микронезии они вообще не были известны, а в Полинезии использовались обычно при охоте на птиц или для лужения рыбы. Еще меньшая область распространения была у стрельно-метательной трубки (духового ружья), встречавшейся только на севере Меланезии и крайнем западе Микронезии.

~~Зато колья~~; простые и составные, короткие и длиной до 5 метров, известны почти везде в Океании, хотя в качестве главного оружия они применялись лишь в некоторых районах Меланезии и Микронезии. Наконечники изготавливались из твердого дерева, обжигаемого для прочности, а также из камня, раковины, обсидиана, кости, в том числе из человеческой (на Марианских островах). Копьеметалки встречались редко.

Во многих районах Микронезии и Полинезии пользовались деревянными мечами, густо усаженными зубами акулы, ската или раковинами. Широкое распространение в Океании, за исключением Микронезии, получили сделанные из твердых пород деревьев боевые палицы, являвшиеся особенно грозным оружием в Полинезии, где они были представлены двумя видами: метательными и ударными. У маори, например, имелось не менее 13 разновидностей ударных палиц, имевших свои названия.

В отличие от наступательного оборонительное оружие у туземцев было однообразным и они значительно реже им пользовались. Так, щит был известен лишь на некоторых ост-

ровах Меланезии, а в остальной части Океании местами применялись шлемы, нагрудники и латы.

Будучи земледельцами, океанийцы вели оседлый образ жизни. Чаще всего поселения были неукрепленные. Величина и качество жилого дома зависели от общественного положения его владельца. Знать и богачи строили жилища на каменных фундаментах или на столбах каменной кладки (например, в Микронезии). Бедняки часто ютились в полуземлянках. Дома сооружали из дерева, жердей и травы, с высокими двускатными крышами, защищавшими от дождя и порой доходившими почти до земли. В связи с теплым климатом стен обычно не было.

В Микронезии, на севере и западе Меланезии распространены были свайные постройки. Один из таких домов у папуасов, описанный в этнографической литературе, стоял на 200 сваях на высоте 4 метров от земли. Длина его равнялась 17 метрам и проживало в нем более 50 человек.

Жители Океании были искусными лодкостроителями, хотя и не везде в одинаковой степени. В Меланезии, за исключением островов Фиджи, где мореходное искусство было слабо развито, чаще всего изготавливали выдолбленные из одного ствола челноки, длинные и узкие, снабженные для устойчивости балансиrom в виде продолговатого куска легкого дерева, игравшего роль поплавка. В остальной части Океании долбленые однодеревки, легко изготавливаемые каждым туземцем и служившие для добывания пищи в море, имелись в любой семье.

Самые крупные лодки, достигавшие более 40 метров в длину, в том числе двойные, скрепленные поперечными стержнями, иногда с палубой, обладавшие высокими мореходными качествами и вмещавшие до 150 человек, строились в Полинезии и на островах Фиджи. Для этой цели приглашали искусных мастеров, каждый из которых имел собственный набор инструментов. Различные части лодок изготавливались из разных сортов древесины.

Сооружение лодок сопровождалось религиозными церемониями. Не только большие лодки, но и рулевые весла к ним, ковши для вычерпывания воды и каменные якоря имели собственные имена. Спуск на воду отстроенных лодок обставлялся традиционными торжествами. Их раскачивали, заставляя «хлебнуть морской воды», а затем воду вычерпывали ковшами, которые «приучались к своим будущим обязанностям». О качествах полинезийских лодок можно судить по

героическому плаванию француза Э. де Бишопа на одной из них в 1935 г. от Гавайских островов до Франции вокруг мыса Доброй Надежды.

Ткачества народы Океании не знали (исключая жителей Каролинских островов, где существовали примитивные ткацкие станки), но зато они достигали большого искусства в плетении из растительных волокон корзинок, сеток, циновок и других предметов домашнего обихода. Широкую известность приобрели туземцы умением выделывать из луба определенных видов деревьев тапу — особую материю, шедшую на изготовление одежды, покрывал, ковриков и т. д. В отличие от других областей Океании тапа повсеместно распространена в Полинезии, где выделывают лучшие ее сорта по качеству и богатству орнамента. Лишь на Новой Зеландии тапа не была известна, и одежда там шилась из собачьей шкуры или из материи, изготавливаемой из дикого льна.

Одежда у туземцев была скудна. Кое-где в Меланезии она вообще отсутствовала. Обычно жители Океании носили набедренные повязки, передники или короткие юбки. На некоторых архипелагах Полинезии одежда выполняла уже общественную функцию: обилие ее на человека свидетельствовало о его знатности и богатстве. Океанийцы любили себя украшать и с удовольствием носили браслеты, подвески, ожерелья, диадемы, гребни, сделанные из цветов, птичьих перьев, раковин и зубов животных. Интересно, что в Меланезии мужчины превосходили женщин великолепием внешнего вида.

В Микронезии и особенно в Полинезии широко была распространена татуировка, которая также считалась украшением и во многих случаях имела социальное значение. Так, на многих островах Микронезии только знать татуировала лицо и шею. В Полинезии обычно чем выше общественный ранг человека, тем полнее татуировали его тело, в том числе нередко веки, губы и даже голову, предварительно сбрав для этой цели волосы. Татуировали каждый кусочек человеческого тела. Процедура татуировки мучительна, сопровождается порой воспалением кожи; впервые она совершалась над подростками, достигшими брачного возраста.

Меланезийцы, будучи темнокожими, естественно, мало татуировались, но зато у них был распространен другой вид украшений — рубцевание тела. Техника исполнения рубцов состояла в том, что наносили рану острым предметом или небольшой палочкой с тлеющим концом, а затем ее растравля-

ли разъедающими веществами: негашеной известью, золой и др.

Туземцы любили окрашивать себя. На Маркизских островах, например, натирали тела кокосовым маслом в смеси с желтым соком некоторых растений. У меланезийцев принято было чернить зубы, а некоторые племена раскрашивали еще и волосы в различные цвета.

Если оценивать материальную культуру народов Океании до прихода европейцев по формальным признакам, то ее следует отнести к неолиту или даже к более ранним эпохам (слабое распространение лука и стрел, гончарства и т. д.). Но такой вывод будет поспешным.

В действительности, культура туземцев Тихого океана, точнее большинства его районов, хотя и односторонняя, вследствие условий природной среды, но высокоспециализированная, с относительно высокой производительностью труда, дававшей прибавочный продукт, поэтому ее следует приравнять скорее всего к раннеметаллическому времени. В противном случае невозможно объяснить высокую степень социальной организации туземцев Океании.

Правда, кажущееся несоответствие между общественным строем и уровнем развития производительных сил, базирующихся на каменной технике, у полинезийцев отчасти объясняется тем, что они, как это установлено современной наукой, некогда на их восточно-азиатской прародине знали металлы, ткачество и гончарство, широко пользовались луком и стрелами, но, переселившись затем на острова и попав в новую географическую среду, утратили эти элементы культуры, так как на новой родине не было сырья для металла, глины, не было животных, на которых можно было бы охотиться.

Однако это обстоятельство не в состоянии поколебать приведенного выше положения, так как высокий уровень общественного строя — высокий, разумеется, в рамках первобытнообщинной формации — был характерен для всей Океании. Исключение составляют лишь северные и центральные районы Меланезии, где господствовал материнский род, местами с признаками его разложения. Положение женщины в обществе там было почетное. Преобладал парный брак. Для семейных обычаев было характерно взаимное избегание зятя и тещи, снохи и свекра и местами братьев и сестер (родных и двоюродных) и даже свойственников одного поколения и пола.

Межплеменное разделение труда, порожденное историко-

географическими различиями, было весьма развито в отличие от внутриобщинного. Одни племена специализировались на изготовлении глиняной посуды, другие — браслетов из раковин, третьи — деревянных палиц и т. д. Между ними происходила регулярная торговля, принимавшая обычно форму непосредственного обмена одного продукта на другой, хотя на некоторых островах наиболее ходкие товары, например циновки, раковины, птичьи перья, свиньи, собачьи зубы, приобретали уже функции денег. Особенно высоко оценивались клыки собак, а стоимость свиньи зависела не от веса, а от кривизны клыков ее нижней челюсти. Господствовавшее при материнском роде естественное разделение труда накладывало отпечаток на общественную жизнь мужчин и женщин, что проявлялось, например, в существовании особых домов для каждого пола. Это были так называемые женские и мужские дома, из которых последние получили более широкое распространение и лучше изучены.

Обычно в роде имелся один мужской дом. Своей величиной, богатом внешним видом и внутренним убранством он отличался от других домов. Внутри его находились предметы культа, развешивались по сторонам военные трофеи, хранились общественные ценности. В этом доме мужчины совершали празднества, пели песни, обсуждали военные дела, готовились к церемониям посвящения подростков. Иногда на базе мужских домов создавались мужские союзы, деятельность которых носила полутайный характер.

Первоначально мужские союзы стремились ограничить чрезмерное влияние женщин в обществе, имевшее место в ряде общин эпохи расцвета материнского рода, но в дальнейшем, с появлением имущественного и социального неравенства, по мере укрепления патриархальных начал, они стали отражать интересы богатых членов отцовского рода, помогали им накапливать и охранять имущество, захватывать коллективную собственность. Вступление в мужские союзы обставлялось сложными церемониями. Кандидат платил солидный вступительный взнос, а если союз делился на ранги, то он вносил его и при переходе из одного ранга в другой. Руководители союзов использовали методы террора против непокорных и нередко имели большую власть, нежели вожди племен.

По сравнению с северными и центральными районами в Южной Меланезии, особенно на островах Филжи, социальный строй у туземцев был более развит и по своему уровню не намного уступал передовым обществам Микронезии и Поли-

незии. Наиболее развитые общественные порядки сложились на восточном берегу крупнейшего в архипелаге Фиджи острова Вити-Леву, где распад кровнородственных связей привел к возникновению сельских общин, в свою очередь состоявших из патриархальных семей. Складывалось примитивное государство, в котором господствующее положение занимало племя мбау.

Общество в этом государстве делилось на несколько социальных групп, имевших следующие наименования: «нерожденные», «не полностью рожденные», «нехорошо рожденные», «божественно рожденные». Первую из них в основном составляли рабы из военнопленных, вторую, третью и четвертую — различные категории свободного неполноправного населения, в пятую входили рядовые члены племени мбау, а в шестую — его вожди, власть которых была почти неограниченной.

Общественный строй Микронезии изучен слабее, чем других областей Океании. Первобытнообщинные отношения разлагались, интенсивно протекал процесс имущественного расслоения и социальной дифференциации. Исключение составляют лишь острова Палау и Яп, жизнь и быт населения которых, в частности, изучал Н. Н. Миклухо-Маклай. На Палау туземцы переживали расцвет материнского рода. Старейшиной его могла быть женщина, но и в том случае, если этот пост занимал мужчина хозяйством в общине руководила «большая женщина», одна из старух. Поселение супругов было дислокальным. На Япе материнский род обнаруживал признаки распада. Положение женщин ухудшилось. Для этих островов характерно широкое распространение как мужских, так и женских денег, а также существование мужских и женских денег.

Одной из интересных особенностей социального строя и семейно-брачных отношений более развитых обществ Микронезии в сравнении с Палау и Яп является наличие сильных пережитков матриархальных отношений. Они бросались в глаза даже на Марианских островах, населению которых ко времени знакомства с ними европейцев оставалось сделать один шаг, чтобы вступить в классовое общество. Так, женщины сохранили большое влияние в общественных делах и частной жизни. В их руках находился суд. Если супруги расходились, то дети оставались при матери. Порядок наследования — матрилинейный. Неверность мужа наказывалась более строго, чем жены. До замужества у девушек наблюдалась полная свобода в брачных отношениях.

Наиболее высокий уровень общественного строя в Океании был в Полинезии, где процесс классовообразования зашел наиболее далеко. Везде общество делилось на три социальные группы, представлявшие собой формирующиеся классы: рабов, свободных мелких производителей и родоплеменную знать. Рабство было патриархальным. Группа рабов формировалась исключительно из военнопленных и, также как у других народов, переживавших процесс классовообразования, большинство ее составляли женщины и дети. Свободные родовые туземцы подразделялись на полноправных членов сельских общин, владевших земельными участками, и неполноправных — безземельных. Все эти категории населения в различной степени эксплуатировались наследственной родоплеменной знатью, в свою очередь распадавшейся по своим привилегиям на несколько разрядов.

Процесс классовообразования в Полинезии происходил классическим путем, без серьезного влияния внешних факторов, например грабительских походов или завоеваний, можно сказать, что этот процесс совершался исключительно в результате внутреннего развития общества в связи с ростом производительных сил и общественного разделения труда, породивших имущественное и социальное неравенство, частную собственность, эксплуатацию человека и другие институты складывающейся антагонистической формации.

Вместе с тем распад родовых отношений у полинезийцев был своеобразен: материнский род разрушился, а отцовский не образовался. Возникшие патриархальные семьи не составляли часть отцовского рода, а входили непосредственно в сельскую общину.

Одной из характерных особенностей полинезийского общества являлось слабое распространение обмена, несмотря на то, что ремесло отделилось от земледелия. Общественное разделение труда в Полинезии было более развито, чем в других районах Океании. Существовало множество наследственных ремесленных профессий: строителей лодок, резчиков по дереву, татуировщиков, рыбаков, изготовителей орудия труда и оружия, сетей и корзиночек и др. Производство имело свои правила и секреты, хранившиеся в строгой тайне. Ремесленники объединялись в корпорации, имевшие своих вождей. И тем не менее в отличие от обществ Микронезии и Меланезии у полинезийцев отсутствовали зачатки товарного хозяйства, не было продуктов, приобретающих функции денег, исключая Самоа, где ремесленники работали на заказ, переходя на иждивение

С. М. Шубин

к заказчикам, либо непосредственно обменивались с ними своим трудом.

Уровень развития общественного строя в Полинезии был неодинаков на различных архипелагах. Наиболее высоким он был на Гавайских островах, где ко времени европейской колонизации сложилось примитивное государство. В конце XVIII в. на Гавайях правил дальновидный король Камамеа I, прославившийся личной храбростью и знанием военного дела. Власть короля была велика. Юридически ему принадлежала вся земля в стране. Его особа, как и наследника, считалась священной. На последнего, например, нельзя было днем смотреть под страхом смертной казни.

Важнейшие посты в государстве занимали родственники короля, составлявшие, наряду с высшим рангом служителей культа, верхушку господствующего класса. Рядовое свободное население платило налоги и, кроме того, два дня в неделю обязано было бесплатно работать в поместьях знати. Все мужчины считались военнообязанными и должны были являться вооруженными к королю по первому его требованию. Еще тяжелее была участь рабов, выполнявших самые тяжелые, неквалифицированные работы.

✓ Религиозные представления у океанийцев, подобно общественным отношениям, были разнообразны и сложны. В отсталых районах Меланезии распространены были ранние формы религии, за исключением тотемистических верований, игравших незначительную роль, в связи с тем что в экономике туземцев земледелие оттеснило на второй план охоту и собирательство. На Новой Каледонии, Фиджи, в Микронезии и Полинезии, где общественные отношения были более развиты, религия освящала имущественное и социальное неравенство среди людей, стояла на страже интересов формировавшегося рабовладельческого класса. Первобытные верования сменялись религией классового общества. Возникла вера в богов, культ вождей и королей, которых нередко обожествляли. Стало распространяться профессиональное жречество, организованное по иерархическому принципу и представлявшее замкнутую корпорацию. Высшие жрецы обычно находились в тесном родстве с вождями.

✓ Нет народа на земном шаре, материальные и духовные ценности которого не обогатили бы мировую культуру человечества. Не составляют исключения в этом отношении и туземцы Океании. Уже то обстоятельство, что они заселили прежде дикие, порой малопригодные для обитания острова и превра-

тили их своим трудолюбием в цветущие сады, является историческим подвигом и немаловажным вкладом в сокровищницу мировой цивилизации.

✓ Отличительная черта культуры океанийцев состоит в том, что, несмотря на незнание металлов, примитивное животноводство, зачаточное состояние гончарства, отдельные ее элементы, например мореходное искусство, были необычайно высоко развиты. В истории человечества не было народа, находившегося на стадии разложения первобытнообщинного строя, который можно было бы сравнить в этом отношении с полинезийцами, отважными мореплывателями, предпринимавшими путешествия на расстояние до 1500 и более километров.

Каждый полинезиец — превосходный моряк. В этой связи не случаен высокий уровень их географических и астрономических познаний. Полинезийцы хорошо знали относительное расположение островов в океане, направления ветров и течений, умели составлять примитивные карты. Только для западных ветров в языках Полинезии имеются примерно 15 различных названий. Давали они наименования многим созвездиям и звездам, планетам и некоторым кометам. Гавайцы умели при помощи специального прибора определять координаты по Полярной звезде.

Выдающиеся мореплыватели окружались величайшим почетом. Наиболее прославленным открывателем новых земель был легендарный герой Мауи, о котором складывались сказания и статуи которого часто встречались в Полинезии. В XVIII в. Кук и его спутники были изумлены обширными познаниями в географии, астрономии и мореходном деле туземца Туупа, составившего для них карту Океании, где были нанесены 74 острова, большинство из которых европейцам не были известны, его поразительной ориентацией в море, когда он, плавая почти год на «Индерве», в любое время мог безошибочно указать направление к Таити.

✓ В ряде районов Океании существовали школы. Например, у маори (Новая Зеландия) они были двух типов: в одних обучались дети простого народа земледелию, рыболовству и ведению домашнего хозяйства (мальчики и девочки), а в других, где преподавались преимущественно мореходное искусство, астрономия, мифология, заучивались исторические и генеалогические предания (причем каждый жрец вел свой предмет), — сыновья знати. Обучение начиналось с 12 лет и длилось в течение четырех-пяти лет, занятия ежегодно продолжались 4—6 месяцев. Оканчивающие школу сдавали экзамены.

✓ Полинезийцы занимают первое место среди народов Океании и по обилию и разнообразию фольклора, который богат сказками, пословицами, легендами, историческими преданиями и песнями. Особенно он красочен у гавайцев и маорийцев. Так, однажды один старик на Новой Зеландии пропел ученому 380 песен различного содержания.

✓ Значительны были медицинские познания туземцев. Они знали целебные свойства многих трав, умели лечить вывихи и переломы костей и при необходимости успешно ампутировали конечности без применения обезболивающих средств. Удивительного искусства хирургия достигла в Меланезии на архипелаге Бисмарка, где часто производили трепанацию черепа с благоприятным исходом.

✓ У океанийцев довольно развито эстетическое чувство. Они богато орнаментировали резьбой, краской и выжиганием утварь, орудия труда, оружие, дома и лодки, причем в Западной Полинезии и Меланезии высокого совершенства достигла резьба по дереву, а в Восточной Полинезии — по камню.

Туземцы любили коллективные пляски, к которым подолгу готовились, так как они требовали от танцующих слаженности и единообразия движений. Обычно мужчины и женщины танцевали отдельно, причем в Меланезии женские пляски были более однообразны, чем мужские. В Полинезии танцевали, стоя на месте, извиваясь телом в ритмических движениях в такт музыке. Музыкальные инструменты в Океании отличались большим разнообразием, чем в Австралии. Были распространены погремушки, свистки, гонг, барабан, труба из раковин, губная и носовая флейты, последнюю полинезийцы предпочитали изготавливать из кости ноги убитого врага. Из струнных инструментов в Восточной Полинезии был широко распространен музыкальный лук, на котором играли зубами.

В двух местностях Океании имелась письменность. На Палау она существовала в зачаточном состоянии, в виде так называемого рисунчатого, или пиктографического, письма. На острове Пасхи зафиксировано более развитое письмо, называемое местными жителями кохау ронго-ронго (сами дощечки назывались кохау, а исполнители старинных песен и заклинаний — ронго-ронго). Во второй половине XIX в. невежественные миссионеры уничтожили множество дощечек с драгоценными надписями. Сохранилось их не более 20, поэтому загадочная письменность с трудом поддается расшифровке.

Хотя о культуре жителей острова Пасхи написано много книг, однако система их письма окончательно не выяснена. Видный французский ученый А. Метро, к мнению которого присоединяются Те Ранги Хироа и выдающийся немецкий исследователь забытых письменностей и языков И. Фридрих, полагали, что кохау ронго-ронго вообще не письмо, а лишь особые знаки, изображавшие слова, фразы, предложения или даже куплеты, облегчавшие запоминание текстов при пении во время празднеств. Однако, этот взгляд не разделяется большинством специалистов.

Советские ученые Ю. В. Киозоров и И. А. Бутинов, продолжая исследования Б. Г. Кудрявцева, погибшего в годы Великой Отечественной войны, привели веские доказательства в пользу высказанного членом-корреспондентом АН СССР Д. А. Ольдерогге мнения, что кохау ронго-ронго представляет собой иероглифическую письменность ранних этапов ее развития. Они установили смысл ряда отрывков.

Остров Пасхи приобрел широкую известность не только своими загадочными письменами, но и необычными для остальной Полинезии колоссальными каменными статуями, достигающими 5 метров высоты при среднем весе 4—5 тонн. Фантастические гипотезы, связывавшие культуру этого острова с древнеиндийской или древнеегипетской культурами, оставлены почти всеми крупными исследованиями; теряет своих сторонников и теория меланезийского происхождения его культуры. Большинство исследователей солидаризуется с выводами А. Метро, согласно которым культура острова Пасхи чисто полинезийская.

Прибывшие с Маркизских островов, по-видимому, в XII в. на остров Пасхи люди обладали высоким искусством резьбы по камню и особенно по дереву. Не найдя на новой родине дерева в нужном количестве, туземцы стали изготавливать из легко поддающегося обработке мягкого вулканического туфа все более и более крупные статуи, которые, возможно, первоначально изображали богов и обожествленных предков.

Заслуживает внимания мнение Т. Хейердала, базирующееся на археологических раскопках 1955—1956 гг.: «...какая-то ветвь высокой культуры аборигенов Южной Америки достигла острова Пасхи в начале нашей эры, возможно, даже раньше. Южно-американские элементы преобладали в пасхальской культуре примерно до 1400 года», когда «на остров, вероятно с Маркизского архипелага, были доставлены полинезийцы. Они постепенно стали настолько сильны, что вос-

стали и, победив в войне, приблизительно с 1680 года до исторических времен были почти единственными обитателями острова Пасхи».

Судьба туземцев Океании в колониальный период сложилась печально. Самобытная культура их почти полностью уничтожена. Раньше всего была захвачена Микронезия и Полинезия, тогда как большинство островов Меланезии вследствие их нездорового климата вплоть до второй половины XIX в. не привлекали внимания европейских хищников, к тому же многочисленное население оказывало сильное сопротивление колонизаторам.

Острова Микронезии захватили сперва испанцы, затем — немцы, позже — японцы, а после второй мировой войны они стали «подопечной» территорией США, причем с каждой сменой колонизаторов бедствия туземцев увеличивались, Полинезию захватывали по кускам. Она досталась главным образом Франции, США и Англии. Последняя овладела и большей частью Меланезии. Юридический статут островов Океании неодинаков, различны методы эксплуатации туземцев, но жизнь их везде тяжела.

В прошлом процветала открытая работоторговля, ныне она приобрела завуалированные формы. С разрушением родоплеменного строя и превращением почти натурального хозяйства в товарное произошло массовое обезземеление коренного населения, которое превратилось в батраков и рабочих, вынужденных идти работать на кабалыных условиях на плантации или горные разработки. Туземцы попали в цепкие лапы колониальных хищников, родоплеменная знать приняла участие в эксплуатации своего народа.

Коренное население на одних островах, например на Марианских, было еще в XVIII и XIX вв. почти полностью уничтожено, а на других находится на грани вымирания. Туземцы не имеют достаточной медицинской помощи, культурный уровень их низок, а хозяйства нищенские. О тяжелом положении коренного населения Меланезии, которое грабит и притесняет колониальная администрация, рассказывает, например, американская художница К. Майтингер в книге «Охота за головами на Соломоновых островах» (М., 1957 г.). В наиболее бедственном положении находится население Микронезии, где американские власти ввели суровый режим, построили военные базы и производили взрывы атомных и водородных бомб.

Более или менее сносно положение туземцев лишь в самых укромных и труднодоступных уголках Океании, где еще удерживаются первобытнообщинные порядки. Об одном таком атолле Равао в архипелаге Туамоту, куда из-за стечения благоприятных обстоятельств почти не проник дух капиталистической лаживы, рассказывает Б. Даниельссон, участник знаменитого рейса через Тихий океан на плоту «Кон-Тики», в книге «Счастливые острова» (М., 1962 г.). Там и сейчас еще удивляются, что есть страны, где «люди платят хозяину, чтобы он пустил их жить в дом» и где «даже рыбу продают за деньги!».

Туземцы никогда не мирились с колониальным гнетом. Они неоднократно восставали. Так, широко известны «маорийские войны» в 1843-1872 гг., в ходе которых половина аборигенов Новой Зеландии была истреблена английскими колонизаторами, понесшими тоже тяжелые потери от плохо вооруженного, но мужественного противника. Борьба туземцев за свою свободу не прекращается ни на одну минуту. Различия в уровне общественного строя, географическая разобщенность, языковая дробность препятствуют созданию единого в масштабе Океании фронта народно-освободительной борьбы, но в пределах острова или даже архипелага все чаще и чаще происходит объединение борющихся сил против колонизаторов.

В зависимости от исторических условий освободительная борьба в разных местностях Тихого океана приобретает различные формы, причем наиболее развиты они на тех островах, где интенсивно протекает процесс консолидации народов. Если в отсталых районах Северной и Центральной Меланезии движение против колониализма является еще незрелым, приобретая порой миссионерский характер, не имеет четких целей и проявляется обычно в виде непосредственного протеста против алчности торговцев, злоупотреблений чиновников и деятельности миссионеров, то в остальной части Океании аборигены настойчиво добиваются политической самостоятельности. Впрочем, и в Меланезии, как показывает английский этнограф марксист П. Уорсли в книге «Когда остробит труба» (М., 1963 г.), народно-освободительное движение вступило в лютую фазу, утрачивая свою религиозную оболочку. 1 января 1962 г. возникло первое независимое государство в Океании — Западное Самоа, где антиимпериалистическое движение издавна отличалось своей организованностью.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

В Америке не только не проходил процесс очеловечения обезьяны, но по ее земле никогда не бродили стада питекантропов и неандертальцев. Данные археологии и антропологии свидетельствуют, что первоначально на американский континент люди проникли из Азии, через Берингов пролив, 30—20 тысяч лет тому назад. Это были люди современного физического типа, смелые позднепалеолитические охотники и собиратели, не знавшие ни земледелия, ни скотоводства. Прошел не один десяток веков, прежде чем, расселяясь и осваивая необжитые территории, они достигли крайнего юга.

Если в антропологическом отношении коренное население Нового Света довольно однородно и состоит из двух близких друг другу малых рас: эскимосской (арктической) и индейской (американской), входящих в состав большой монголоидной расы, то в лингвистическом оно представляет необычайно пеструю картину.

Некоторые лингвисты насчитывают в Америке до 2 тысяч языков и диалектов. В целом они изучены слабо, особенно туземные языки Южной Америки, и поэтому их нелегко классифицировать. Не установлено точно даже количество язы-

2
ковых семей. Не задаваясь целью перечислить все языковые семьи вместе с входящими в них ветвями, группами и языками, остановимся лишь на самых распространенных и известных.

1. Эскимосско-алеутские языки Они не относятся к индейским, и большинство лингвистов включает их в состав палеоазиатских языков.

2. На-дене. Племена этой языковой семьи некогда жили исключительно в северо-западных областях Северной Америки. Наиболее крупная ветвь ее, атапаскская, распадается на северную группу племен, обитающую в центральных районах Аляски и на Западе Канады, тихоокеанскую, живущую на западном побережье США, и южную, наиболее многочисленную группу, переселившуюся в давние времена на юго-запад США и в Северную Мексику (навахи, апачи). Самая изученная ветвь семьи на-дене локализована на северо-западном побережье Северной Америки (тлинкиты, хайда).

3. Алгонкинско-вакашская семья. Сосредоточена на юге Канады и севере США. Более других известны ветви: алгонкинская (могикане, оттава, оджибве, шауни, делавары, алгонкинцы, кри (черноногие), вакашская (нутка, квакиютль) и селиш (бела-кула).

4. Семья сиу-хока. Крупными ветвями ее являются: ирокезская, сиу, племена которой (дакота, манданы, вороны и ассинибойны) были расселены в бассейне Миссури и в прериях Северной Америки, кэддо (правобережье Миссисипи), хока (Калифорния, Мексика), керес (юго-запад США) и мускогская (юго-восток США).

5. Семья пенути. Распространена на тихоокеанском побережье от Северной Калифорнии до Южной Канады включительно.

6. Таньо-юто-ацтекская. Ветви ее: кайова (охотники прерий), таньо и зуньи (юго-запад США), юто-ацтекская (Мексика), в состав которой входит, в частности, группа нахуатль (ацтеки).

7. Макро-отоми (Мексика). Главные ветви этой семьи: отоми, миштекская и сапотекская.

8. Соке-майя. Основная ветвь ее — майя-кичэ размещена на юге Мексики и в Гватемале.

9. Чибча (Панамский перешеек и северо-западные районы Южной Америки).

10. Кечуа. Первоначально область распространения языков этой семьи ограничивалась долиной Куско, но после то-

го как сильнейшее племя кечуа инки захватили обширные территории, многие индейские народы Перу, Боливии и Эквадора восприняли их язык.

Спорен вопрос о принадлежности языков аймара к семье кечуа. Некоторые лингвисты выделяют их в самостоятельную языковую семью.

11. Аравакские языки. (Распространены в бассейне Ориноко и левобережье Амазонки. некогда араваки жили на Больших и Малых Антильских островах.)

12. Карибские языки. Племена расселены главным образом в низовьях Ориноко и левобережье Амазонки, наиболее известные из них: бакаири, карибы и карака (по имени этого племени названа столица Венесуэлы г. Каракас).

13. Тупи-гуарани. Одна из самых многочисленных языковых семей Южной Америки (Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Боливия, Перу и др.). В Парагвае язык гуарани, наряду с испанским, является государственным.

14. Же (жес). Малоизученная языковая семья; отсталые племена, говорящие на этих языках, живут на востоке Бразилии.

15. Арауканские языки (Чили).

16. Семья чон. Племена техуэльче (Южная Америка), она (архипелаг Огненной Земли).

В Америке имеются и другие семьи и группы языков коренного населения, часть которых весьма трудно классифицировать. Попытки многих лингвистов установить генетические связи индейских языков с языками Старого Света оказались безуспешными.

Аборигены Америки ко времени порабощения их европейскими колонизаторами находились на неодинаковом уровне общественного развития. Если эскимосы, алеуты и подавляющее большинство индейцев переживали различные стадии первобытнообщинного строя, то некоторые народы Мексики, Центральной и Южной Америки создали раннеклассовые общества. Столь же разнообразна была экономика туземцев. В одних случаях основу ее составляло собирательство, в других — охота, в третьих — рыболовство, а в четвертых — земледелие.

В зависимости от природных условий, ведущей отрасли хозяйства и исторических судеб, прогрессивные американские и советские ученые выделяют среди коренного населения материка II историко-этнографических областей:

1) арктические морские охотники;

- 2) оседлые рыболовы северо-западного побережья Северной Америки;
- 3) северные лесные охотники;
- 4) племена собирателей в Калифорнии;
- 5) охотничьи племена прерий;
- 6) земледельцы восточных и юго-восточных областей Северной Америки;
- 7) племена юго-запада США с различными типами хозяйства;
- 8) народы высоких культур Средней Америки;
- 9) земледельческие и охотничьи племена бассейнов Ориноко и Амазонки;
- 10) охотничьи племена южноамериканской пампы и Патагонии;
- 11) охотничье-рыболовецкие племена Огненной Земли.

Познакомимся с жизнью и бытом коренного населения Америки некоторых историко-этнографических областей.

9 Арктические морские охотники

К арктическим морским охотникам относятся эскимосы и алеуты. О первом из них, самом северном, и, как утверждают многие этнографы, самом миролюбивом народе мира, написано очень много исследований, преимущественно на русском, датском, норвежском и английском языках. Тем не менее вопрос об этногенезе эскимосов долгое время оставался открытым. Различные варианты американской теории их происхождения, относившие формирование основных черт эскимосской культуры к районам Гудзонова залива, оставлены почти всеми исследователями. Теряет своих приверженцев выдвинутая С. И. Руденко гипотеза о сравнительно позднем проникновении эскимосов в Северную Америку из островной части Юго-Восточной Азии, и совсем уже выглядит анахронизмом в свете современной науки старый взгляд, разделяемый доныне некоторыми буржуазными учеными, в частности К. Расмуссеном, согласно которому эскимосы являются прямыми потомками позднепалеолитического населения Западной Европы, точнее младенцев, смелых охотников за северным оленем.

Добытые в послевоенные годы археологические и антропологические материалы позволяют смело утверждать, что предки эскимосов в давние времена обитали в Арктической Азии, но что эскимосская культура стала складываться за

две тысячи лет до н. э. в областях, примыкающих к Беринговому морю, по-видимому, в Юго-Западной Аляске.

Постепенно, как полагают американский исследователь Ч. Чард и видный советский ученый Л. Файнберг, на протяжении первого тысячелетия до н. э. эскимосы расселились вдоль северного побережья Канады вплоть до Гренландии, и проникли на Чукотский полуостров и даже на острова Сахалин и Хоккайдо, вырабатывая в процессе передвижения специфические особенности высокоспециализированного арктического хозяйства.

Численность эскимосов на американском континенте составляет свыше 60 тысяч человек. Язык их распадается на диалекты, образующие две группы, значительно отличающиеся друг от друга. Одна из них объединяет диалекты Юго-Западной Аляски, а другая—диалекты Гренландии, Канады и Северной Аляски. На языке одного из алгонкинских племен слово «эскимос» означает: «употребляющий сырое мясо», но сами эскимосы называют себя «иннуитами», т. е. «людьми».

Несмотря на свою малочисленность, эскимосы, рассеянные в основном по побережью небольшими группами вблизи мест, изобилующих морскими животными, подразделяются на этнографические группы в зависимости от местожительства, хозяйственных и культурных особенностей. Канадские, например, распадаются на пять групп: эскимосов дельты реки Макензи, так называемых «медных» эскимосов, центральных, оленных и лабрадорских.

В свою очередь некоторые группы эскимосов, будучи неоднородными, включают в свой состав более мелкие этнические единицы. Например, у гренландцев выделяют восточно-гренландских, западногренландских и полярных эскимосов.

Оленные эскимосы, обитающие в тундре, к западу от Гулзонова залива, в отличие от других групп не выходят к побережью моря и живут почти исключительно охотой на быстрых карибу, реликтовых животных, близких родственников северного оленя, стада которых еще перед второй мировой войной были столь огромны, что, по словам очевидца, «человеческий глаз едва мог их объять». Засвидетельствовано, что одно стадо шло 11 суток. Горе тому, что стояло на его пути: лавина карибу все растопчет и сметет. С окончанием зимы отошавшие карибу выходят из лесной зоны в тундру питаться лишайником, но летом, когда появляются тучи комаров, мошек и других крылатых насекомых, они мчатся на север к

морскому берегу, а глубокой осенью, с первым снегом, жирные и ленивые, возвращаются в леса.

Пути сезонных миграций оленьих стад были традиционными, и эскимосы устраивали либо загонные охоты на суше, либо засады, находясь в этом случае обычно в лодках возле мест переправы карибу через водные преграды. Медленно плавающие карибу становились легкой добычей охотников. Меха карибу необыкновенно плотны, а волосы пустотелы, так что шкура их не тонет в воде.

Добывали яйца птиц, ловили форель и другую рыбу, промышляли полярных волков, а также с помощью собак, являвшихся единственными домашними животными у эскимосов, охотились на мускусных быков или овцебыков, современников мамонтов, невозмутимо спокойных животных с густой волоочащейся шерстью, питающихся травой и карликовой полярной ивой толщиной в палец и стелящейся по земле.

На морских животных накладывалось табу. Лакомством считались почки, печень, сердце и кишки карибу, но особенно — головы оленят, как, впрочем, и головы рыб. В холодное время года возникали трудности с просушкой обуви. Если у эскимоса был запас шкур, то он предпочитал выбросить вымокшую обувь и сшить себе новую, в противном случае, просушивал ее во время сна у себя за пазухой. Обувь, как и одежду, в Арктике всегда содержат сухой.

Оленные эскимосы составляют незначительную часть от общей массы эскимосов, живущих на морском побережье преимущественно охотой на тюленей, моржей, белых медведей и реже — китов и дельфинов. Среди них значительный интерес представляет горстка полярных эскимосов, затерявшихся в Северо-Западной Гренландии, о существовании которых цивилизованный мир узнал лишь в 1818 г., когда их посетил исследователь Арктики Джон Росс. Эскимосы, увидев впервые белого человека, удивились, ибо они полагали, что, кроме них, на земном шаре не живут другие люди. В отличие от остальных племен эскимосов полярные, численность которых равна примерно 250 человек, из-за отсутствия дерева утратили искусство строительства лодок, и в связи с исчезновением промысла оленя перестали употреблять копыта, лук и стрелы.

Впервые глубокое и всестороннее этнографическое описание этой группы эскимосов, которые каждый год на протяжении четырех месяцев не видят солнца, сделали датские ученые К. Расмуссен и П. Фрейхен. Последний, долгие годы

Джон Росс
Расмуссен, Фрейхен

живший среди них, женившись на эскимосской девушке, получил от аборигенов почетное имя «человека, который думает за весь народ». Его труд — «Зверобои залива Мелвилла» (1961 г.) является гимном трудолюбию и мужеству народу, живущему на стыке Атлантического и Ледовитого океанов. Читатель не может не восхищаться вместе с автором скромностью туземцев, честностью, их удивительному такту и чувству товарищества и взаимопомощи. В книге приводится любопытный эпизод. Один из эскимосов, услышав рассказ об имевшем место судебном процессе в Норвегии над неким Улавом, подозревавшимся в убийства своего приятеля, с недоумением спросил: «Неужели не проще спросить человека, убил он своего товарища или нет? Ведь только Улав мог это знать и поэтому было бы достаточно задать прямой вопрос: ведь всем хорошо известно, что если человек говорит неправду, то он краснеет».

Из других приморских групп лучше всего, пожалуй, исследованы восточноренландские и западноренландские эскимосы. В глубь острова этой, по выражению А. Норденшельда, «арктической Сахары» они никогда не заходили.

Способы охоты у них были разнообразны. Зимой, когда море затягивало льдом, к тюленям, взбиравшимся порой на лед через дыхательную лунку, чтобы погреться в лучах солнца, подползали ловкие охотники и пронзали их гарпуном или даже убивали ударом ножа. Бывало и так, что эскимос, незаметно приблизившись, закрывал своим телом лунку и вступал в опасный поединок с тюленем, стремившимся уйти под лед. Изловчившись, охотник сильным ударом кулака по лбу приводил в шоковое состояние животное, которому затем, мгновенно повернув его на спину, ломал шейные позвонки, пригибая голову зверя к груди. На подползание, во время которого охотнику часто приходится останавливаться, имитируя движения на льду тюленя, уходило около двух часов.

Однако ввиду бдительности тюленей, ежеминутно озирающихся по сторонам из-за опасения попасть в лапы своему заклятому врагу — белому медведю, эскимосы предпочитали охотиться на них через лунки. Тюлени, нуждающиеся в глотке воздуха, всплывают каждые 15 минут и, когда лед еще тонок, легко продирают в нем своими зубами или острыми когтями отдушины. В это время года их сравнительно легко добывать. Основная трудность состоит в том, что неизвестно, в какой лунке появится морда зверя, который пользуется многими отдушинами на обширном пространстве. С утолще-

нием льда до 2—3 метров неизмеримо возрастают трудности улова, так как теперь нелегко загарпунить тюленя, тем более, что лунка покрывается слоем снега и найти ее без помощи собаки почти невозможно.

В непогоду, даже при температуре -50° , с удивительным терпением и выносливостью — качествами, которых эскимосам не занимать ни у кого, — охотники часами могли дежурить неподвижно с гарпуном в руке, не отрывая глаз от лунки. В метель, когда резкий ветер сечет лицо, возле отдушины возводилась стенка из снега. Охотник должен стоять как вкопанный, иначе тюлень услышит издаваемые им малейшие шорохи. Для выманивания тюленей в лунку иногда пускались на хитрость. Например, на значительном расстоянии вокруг нее кружили на санях дети или жена эскимоса, напуганные шумом тюлени покидали свои места, собираясь возле отдушины, где их ожидал ловец. В иные дни опытный охотник приносил домой до 30 туш.

Однако далеко не всегда лов тюленей через отдушины бывал удачным. К. Расмуссен сообщает об одной такой охоте, свидетелем которой он был: «... в результате трудового дня пятнадцати человек, проводших на охоте 11 часов, был добыт один-единственный тюлень, но мои товарищи были рады и тому, что их труды не пропали совсем даром, как это часто случается». Нужда и голод не обходили стороной эскимосов. Этим объясняется существование у некоторых эскимосских групп обычая умерщвлять часть новорожденных девочек, с тем чтобы создать численный перевес в стойбищах мужчин-охотников над женщинами, труд которых был менее производительным.

Несравненно более удачны уловы были летом, когда эскимосские охотники выходили в освободившееся от льда открытое море на своих прославленных каяках — хрупких одиночных лодках, легких и стремительных, длиной 5—6 метров при высоте всего лишь в 12—15 сантиметров. Тонкий деревянный каркас их обтягивался прочной водонепроницаемой шкурой тюленя, предпочтительно бородатого тюленя, иначе называемого морским зайцем, весящего до 300 и более килограммов, причем сырой шкурой, которая после высыхания туго натягивалась. Хотя лето в Арктике короткое, хороший охотник выходил в море ежегодно на вновь обшитых каяках.

Каяк, наибольшая ширина которого равна примерно 45 сантиметрам, неустойчив и требуется немалый навык, чтобы им пользоваться, Ф. Нансен пишет, что один из его дру-

зей в Норвегии, желая испробовать каяк, «перевернулся в течение двух минут четыре раза». Случалось и эскимосу перевернуться, особенно когда волны велики, но он мгновенно выправлялся. Укрепив вокруг каячного кольца специальную одежду из кишок морского зверя, завязанную около кистей рук и под подбородком, охотник образовывал с лодкой одно непромокаемое целое. В штормовую погоду часто он умышленно переворачивал лодку вверх дном, чтобы волна не переломила ему позвоночник. В подобных случаях возникала опасность обморожения роговицы, после чего, потеряв зрение, охотник часто погибал из-за невозможности ориентироваться в море.

Не только с надеждой, но и с тревогой ожидали на берегу женщины и дети возвращения своих мужей и отцов, ибо промысел на хитрых и опасных тюленей был сопряжен с риском для жизни, и над головой не одного из ловцов навеки сомкнулись холодные волны. (Интересно, что эскимосы не умеют плавать.) Еще более опасны для охотника моржи, хотя ловить их в некотором отношении легче, чем тюленей, так как они с точностью часового механизма через каждые 7—10 минут выныривают, делают пять вздохов и опять погружаются в воду.

Помимо каяков, у эскимосов были и большие открытые кожаные лодки с плоским дном и небольшим парусом — умиаки, длина которых достигала 10—12 метров. В таких лодках при переездах помещались старики, дети и женщины; последние являлись гребцами. Мужчины пользовались умиаками при охоте на китов.

Оружием эскимосам служили лук и стрелы, копья и ножи, но для лова морского зверя использовали в основном гарпун с отделяющимся наконечником из кости с кремневым вкладышем и поплавком-пузырем, который не давал возможности утонуть убитому животному. С помощью ремня, привязанного к наконечнику гарпуна, охотник вытягивал тушу на берег.

Охотились эскимосы также на зайцев, птиц и песцов, а отдельные группы их время от времени отправлялись в глубь континента на добычу карибу и мускусных быков. Карибу близоруки, и эскимосы, подняв руки вверх, имитируя рога, легко к ним приближались. Смелый охотник, имевший твердую руку и верный глаз, порой ходил на медведя с одним ножом или коротким копьём. Спровоцировав зверя на преследование, эскимос в момент, когда тот его настигал, нежиз-

чьино для него поворачивался и всаживал в сердце медведя клинок.

От волчьих стай избавлялись следующим образом: брали куски китового уса (реже — крыло чайки), заостряли их концы и свертывали в тугую спираль, скрепляя сухожилием. Далее их обволакивали мясом, замораживая, либо смачивали кровью и разбрасывали вокруг стойбища. Голодные волки проглатывали эти куски, сухожилия растворялись под действием желудочного сока, а освобожденные концы китового уса пронзали стенки желудка, и хищники подыхали.

Питались эскимосы главным образом мясом и жиром, поэтому они поглощали большое количество воды. Мясо и рыбу употребляли в сыром, что предохраняло их от цинги, а также в вареном и сушеном виде, причем тюлень и китовое сало, как правило ели сырым. Мясо и рыбу сушили на ветру. Деликатесом считались мозг, глаза и губы тюленя, а свежая сырая печень его являлась превосходным противоцинготным средством. Летом в незначительных количествах собирали ягоды, из которых предпочитали морошку и особенно воронику, которые поедали часто со свежим тюленьим жиром. В еде, как и жизни, эскимосы неприхотливы и могут долго оставаться без пищи. Существовал обычай — отправляться на ловлю морского зверя натошак.

Так как в питании туземцев различные водоросли и коренья занимали ничтожное место, то их организм испытывал постоянную потребность в растительных веществах и минеральных солях, чем объясняется пристрастие их к содержимому желудка карibu, богатому витаминами. Этот «овощной салат» они ели как в сыром виде, так и приготавливая из него суп, добавляя мясо. Гренландские эскимосы зимой охотились на куропаток главным образом из-за содержимого зоба птицы — слегка переваренной растительной пищи, состоящей из побегов и почек ивы, богатых аскорбиновой кислотой. Летом и осенью в тайники на зиму закладывали яйца птиц, топливо (сало), помещенное в мешки из тюленьей кожи, мясо, которое клали на выложенное мелкими камнями дно ямы, чтобы оно не примерзало к земле. Тайники тщательно маскировали и заваливали большими камнями, опасаясь непрошенных гостей — медведей и особенно кровожадных и сильных росомов.

Живя в суровой Арктике, этой ледниковой шапке земного шара, где бури и метели являются такими же частыми гостями, как дожди в тропических лесах Африки, проводя не-

малое время в бурном море, эскимосы более, чем какой-либо другой народ, нуждались в теплых хижинах и одежде, защищающей от холода, сырости и порывов ветра. Подобные жилища и теплая непромокаемая одежда вырабатывались у них веками, на протяжении многих поколений. Одежда мужчин и женщин, мало различавшаяся по форме, шилась из шкур тюленей и карибу (мехом обращенная к телу — летом и вывернутая мехом наружу — при сильных морозах) и состояла из коротких без разреза спереди курток с капюшонами, натасников и штанов. Женщины носили также рубахи, а если у них имелись грудные дети, то к курткам пристегивался заплечный меховой мешок, куда помещались младенцы, где им было тепло и удобно. В то же время руки у женщин оставались свободными для выполнения работы.

Сапоги шились обычно из шкуры оленя либо из тюленьих шкур, предварительно обработанных горячей водой, чтобы сошел волосьяной покров. Они надевались порой на босу ногу, но, как правило, эскимосы пользовались чулками из заячьих шкурок, причем в сапоги, как и в рукавицы, помещали прокладку из сухой травы, впитывавшей пот. При очень низких температурах обматывали сапоги песцовыми хвостами. Вес эскимосского костюма не превышает четырех килограммов.

Женская одежда часто была изящной. Р. Амундсен так писал о двух комплектах женской одежды, которую он выменял за пустую жестянку во время поисков северо-западного прохода из Атлантики в Ледовитый океан: «Меня поразили художественный вкус и искусство, с каким была выполнена эта одежда. Эскимосские женщины в совершенстве умеют вырезать белые и черные места из оленьих шкур и сшивать их красивыми полосками, составляя из них оригинальные узоры».

Некоторые группы эскимосов окрашивают выделанную кожу в красный цвет соком пурпурной улитки. Одежды сшивались высушенными сухожилиями животных. Этим занимались женщины. Они также приготавливали пищу, воспитывали малых детей, обтягивали шкурами лодки и выделывали кожу.

Чтобы обезжирить шкуры, нередко пользовались зубами. «Для эскимоски рот — третья рука, поэтому у старух, — пишет Ф. Нансен, — зубы совсем стертые и обломанные». Из птичьих шкурок, шедших на изготовление рубах, выжевывали жир только пожилые женщины, у которых зубы были стертые

до лосен, и поэтому они не могли прокусить их тонкую кожу-
шу. Одновременно старухи насыщались жиром, оставшимся
на шкурках.

Летом большинство эскимосов жило в больших палатках,
крытых шкурами, в которых размещалось несколько семей.
В помещении снимали свою плотную и теплую одежду, оста-
вив в одних натазниках. Оконными стеклами служили на-
тынутые на раму высушенные кишки морского зайца, пред-
варительно разрезанные вдоль на полоски и сшитые между
собой. В зимних условиях сооружали постройки из камня и
костей либо полуземлянки, но широко пользовались (обычно
в качестве временного жилища) и снежными хижинами сфе-
рической формы, называвшимися иглу.

Из очень плотного снега, обязательно наметанного одной
пургой, вырезывались ножом шестигранные плиты длиной от
50 до 100 сантиметров и весом 20—40 килограммов, которые
плотным спиралеобразно укладывались по кругу, пока не зам-
кнется свод. Для окончательной отделки в хижине зажига-
ли лампу-плоску, и, когда снег увлажнится, открывали вход
в помещение, давая ему промерзнуть, в результате чего на
стенках изнутри образовывалась ледяная корка. Чтобы про-
шпикнуть в иглу, необходимо пройти, согнувшись, по длинному
снежному туннелю, а затем на четвереньках вползти в поме-
щение, так как непосредственный вход в него низок.

Снежная хижина предназначалась обычно для двух се-
мей, одна из которых располагалась справа от входа, а дру-
гая слева, причем каждая из них укрывалась ночью одним
большим одеялом, изготовленным из нескольких оленьих
шкур. Реже употреблялись спальные мешки. Светильники,
как и посуду, изготавливали из мыльного камня. Лучшим го-
рючим для них считался жир из печени акулы, хорошим —
белужий, горящий белым пламенем; наименее качественным
был тюлений и моржовый жир, дававший красноватое, не
очень жаркое пламя. Фитилем служил мох. Огонь добывали
высеканием.

Средствами передвижения эскимосам служили лодки, а
на суше — сани (нарты), в которые впрягали собак; если
лед был неровным и имел острые края, на лапы животных
надевали сандалии из тонкой либо толстой кожи, в зависи-
мости от времени года. Некоторые сани почти не имели де-
ревянных деталей. Зимой в качестве полозьев использовались
шкура карibu, предварительно вымоченные в воде, затем
скрученные и хорошо промерзшие на льду, а распорками слу-

жили замороженные тонкие куски мяса или рыбы. Летом на полозья нарт шли распиленные челюсти кита. В зимнее время полозья смазывались толстым ровным слоем грязи, которая в морозы покрывалась тонкой коркой льда. В Гренландии и Канаде применялась веерная упряжка, а на Аляске, как и в Сибири, — упряжка цугом. Ходили эскимосы, как и индейцы, на лыжах-ракетках, называемых иногда снегоступами, которые предназначались исключительно для хождения по глубокому снегу, а не для скольжения. В некоторых районах Арктики эскимосы пользовались коньками, вырезанными из моржового клыка.

К моменту появления европейцев арктические морские охотники не знали металлов, исключая «медных» эскимосов, обитающих на острове Виктории и прилегающих к нему материковых землях, которым была известна холодная обработка самородной меди. Кроме того, изредка встречались орудия из метеоритного железа, а полярным эскимосам было известно золото, называемое «водяным пламенем», так как оно не теряло цвета под водой и сверкало на дне ручьев, как огонь. Из него делали детям игрушки.

Несмотря на отсутствие металлов и нехватку дерева, эскимосы сумели использовать скудные ресурсы Севера и создать специализированное хозяйство с относительно высокой производительностью труда, дававшее, хотя и не систематически, прибавочный продукт. Этим объясняется, что при наличии каменной и костяной техники эскимосы (особенно гренландские), исключая полярных, испытывавших еще со времен норманнов известное влияние европейской культуры, имели сравнительно развитый общественный строй, отличавшийся своеобразными чертами.

Не все вопросы социальной жизни туземцев хорошо выяснены. По мнению советских исследователей, разложение материнских порядков у одних эскимосских групп привело к образованию отцовского рода, а у других — соседских общин. За редким исключением, институт вождей в эскимосском обществе не играл сколько-нибудь значительной роли.

Вождь общины не имел права приказывать. «Власть его, — пишет прогрессивный американский ученый Ф. Боас об эскимосах центральных районов Аляски, — ограничивается лишь тем, что он устанавливает время для переноса хижин с одного места на другое, однако семьи вовсе не обязаны подчиняться его распоряжениям. Он может предложить нескольким мужчинам отправиться на промысел оленя или

«...однако никто не обязан этому подчиняться». Хотя в конце XIX в. кровнородственные связи были в основном территориальными, они продолжали еще отягощать общественные и экономические отношения эскимосов, причем, чем дальше на запад от Гренландии, тем сильнее.

Пережитки родовых отношений сказывались в существовании мужских домов, наследовании имущества (после смерти мужчины вдова сохраняла право лишь на свое приданное), а также в семейно-брачных отношениях. Например, у полярных эскимосов был распространен гостеприимный гетеризм. Брак у эскимосов был парный, но уже намечался переход к моногамии. Женщины и мужчины в семье и обществе считались равноправными, хотя фактически влияние первых неуклонно падало. У западных групп туземцев преобладало матрилокальное поселение супругов, у восточных — патрилокальное.

Остатки порядков материнского рода проглядывают в распределении пищи во время голода, в дележе добычи, которая у различных групп эскимосов распределялась по-разному. Мясо медведя, например, получали все участники охоты, а шкура доставалась в одних областях тому, кто первым увидел зверя, в других — тому, кто первый всадил в него свое оружие. Несмотря на зарождение в эскимосском обществе имущественного и социального неравенства, рабство у них отсутствовало.

Эскимосы очень приветливы, хотя скупы на слова. Они любят музыку и особенно хоровое пение. Распространены у них песенные поединки как средство разрешать споры, встречавшиеся и у других народов. Любят эскимосы игру с мячом, отдаленно напоминающую европейский футбол. Мяч — голова тюленя, наполненная сухой травой или кусками кожи, кладется на землю посередине между двумя стойбищами; по сигналу жители их — всех возрастов обоюдо пола — стремятся ударами ног по мячу пробиться с ним к противоположному поселку. Ни время игры, ни количество игроков команды не ограничиваются.

В ряде районов Арктики эскимосы татуируются, но в отличие от большинства народов мира они, как и чукчи, не пользуются техникой нанесения уколов, а проводят под кожей иголку с накрашенной ниткой. В качестве краски употребляют смешанную с жиром золу от пережженных водорослей. Татуируют лицо, причем по рисунку можно опреде-

лить охотничьи подвиги мужчин и замужем ли женщина или нет.

Во всем мире эскимосы славятся своим искусством резьбы и гравировки по кости и рогу. Все, кто соприкасался с этими энергичными людьми, поражались их умению ориентироваться на бескрайних снежных равнинах, где из-за близости Северного магнитного полюса невозможно пользоваться компасом, их удивительной способности точно чертить на бумаге или снегу извилистую береговую линию с многими заливами и островами, чем нередко пользовались путешественники.

Вклад эскимосов в освоение Арктики исключительно велик. Полярники всех стран мира владеют навыками постройки снеговых хижин по их методу. Известный американский полярный путешественник Р. Пири признавался, что без помощи полярных эскимосов он вряд ли смог достигнуть Северного полюса. В начале 20-х годов нынешнего века К. Расмуссен, пользуясь исключительно эскимосской санной техникой, прошел 18 тысяч километров от Гренландии вдоль северного берега Америки к Беринговому морю. Это замечательное путешествие с научной целью описано в книге «Великий санный путь» (М., 1958 г.). Хотя в распоряжение эскимосов природа предоставила главным образом снег, лед и море, «сыны холода» — привегливые, жизнерадостные люди, оптимисты по натуре. Это — «один из народов, которые высланы на аванпосты; они образуют фланги великого войска человечества в его постоянной борьбе с природой» (Ф. Нансен).

Помимо эскимосов, к арктическим морским охотникам относятся туземцы Алеутских островов, расположенных по дуге длиной почти в 1800 километров от берегов Аляски по направлению к Камчатке. Эта гирлянда островов, отделяющая бурное Берингово море от Тихого океана, является областью, где холодные массы воздуха, идущие с севера, сталкиваются с потоками теплого воздуха, восходящими над Куро-Сиво, течением, берущим начало в южных водах. Отсюда — пользующая дурной славой алеутская погода, с ее свирепыми штормовыми ветрами, низвергающимися с гор, вершины которых находятся порой выше снеговой линии, частыми туманами и пасмурными днями, число которых в году доходит до 250.

«Колыбелью ветров» называют свою страну алеуты. Вместе с тем эти с первого впечатления угрюмые острова с гористой, лишенной деревьев поверхностью, покрытой тундро-

Пири
Расмуссен

ной растительностью, при близком знакомстве с ними выигрывают, так как, кроме черных, как смоль, скал, они имеют и скрытые в ущельях зеленые долины с буйными зарослями гигантского папоротника, дикого пастернака и других трав.

Алеуты — немногочисленный народ, называющий себя упанган. В настоящий момент алеутов не более 5,5 тысячи, включая и 400 человек, живущих в пределах СССР; в середине XVIII в., ко времени первого знакомства с ними европейцев, их было примерно 13—15, а по другим данным — 20 тысяч.

В основе алеутского языка лежит один из древнейших эскимосских диалектов. Проблема происхождения алеутов и их расселения не решена окончательно, однако большинство исследователей солидаризуется с гипотезой русского ученого В. И. Иохельсона, народовольца, сосланного в свое время царским правительством в Сибирь за революционную деятельность. Тщательно изучив язык, культуру и антропологические признаки алеутов, В. И. Иохельсон пришел к выводу, что заселение ими островов шло из Америки, а не из Азии. Доказано, что алеутская культура сложилась уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

Начало этнографическому изучению алеутов положили труды русских исследователей XVIII в. Г. Стеллера, А. И. Чирикова, Г. А. Сарычева и особенно работа ученого-миссионера И. Е. Вениаминова, прожившего в первой половине XIX в. на островах 10 лет и создавшего алеутскую письменность.

Алеутское общество имело немало общих черт с эскимосским. Значительную часть времени мужчины находились в море, плавая в кожаных лодках, напоминавших эскимосские каяки, в поисках морских выдр, моржей, сивучей, нерп и китов.

Морских выдр поражали специальным гарпуном с отделившимся зазубренным наконечником, соединенным длинным ремнем с древком, который, всплывая, давал знать ловцу, где находится раненое животное. На кита нападали лишь самые смелые и ловкие охотники, сзади вонзая в него отравленные копыя, после чего ожидали, когда волны выбросят на сушу мертвое тело морского исполина. На моржей и сивучей предпочитали охотиться на берегу, где животные были беспомощны и их без особого труда убивали копиями либо ударом дубины по носу.

Областью мужского труда являлась также рыбная ловля, охота на птиц, изготовление из камня, дерева и кости про-

мысловых орудий, оружия и посуды. Рыбу били острогой, удили на костяные крючки, ловили сачками, устраивали запруды в реках. На морских пернатых — чаек, буревестников, глупышей, красноклювых бакланов, гаг, уток и гусей, которые и поныне кружатся над островами несметными стаями, так что, по выражению одного писателя, «небеса постоянно оживали от взмахов крыльев», охотились с помощью лука и стрел, метательного снаряда «бола» или ловили их силками.

Женскому полу вменялось в обязанность, кроме собиранья съедобных растений, моллюсков, ягод, морской капусты, птичьих яиц, вылавливания морских ежей и крабов, приготовления пищи и ухода за детьми, также шитье одежды и плетение циновок, мешочков и корзин. О мастерстве плетения их Г. А. Сарычев пишет: «Работу сию делают они с отменным искусством и чрезвычайно хитро».

Одежда изготавливалась глухая, нераспашная, причем мужская шилась из птичьих шкурок, а женская — из шкур котиков и морских выдр. В сырую погоду и перед выходом в море надевали еще и непромокаемые с капюшоном плащи, сшитые из кишок морского зверя. Горла сивучей употреблялись на голенища сапог, а из ластов их делались подошвы. Нити для плетения и шитья изготавливались следующим образом: «... На тонкие изделия траву разрезают вдоль вдвое ногтем, и для сего у каждой такой мастерицы на указательном персте ноготь отращен и заострен, как ножик. Оным не только траву, но и жилы морских зверей разделяет она на тонкие волокна, из коих сучат одними пальцами без всяких орудий самые тонкие, ровные и чистые нитки, употребляемые для шитья платья и обуви» (Г. А. Сарычев).

Поверх капюшона плаща алеуты, отправляясь в море, надевали деревянные, с большим козырьком шапки — конической формы у родоплеменной знати и с открытым верхом — у рядовых охотников. Головные уборы богато орнаментировались и стоили очень дорого. По мнению некоторых ученых, их форма и украшения связывались с религиозно-магическими верованиями.

Алеуты жили в полуземлянках, вмещавших до 150 человек, где каждая семья имела отгороженный участок с несколькими настланными нарами. Вход в жилище был сверху, через отверстие в потолке, откуда спускались вниз по столбу, имевшему зарубки. Как и у эскимосов, техника у алеутов была неолитической. Орудия труда и оружие изготавливались из камня, дерева и кости. Лишь на некоторых островах из-

Редко встречались до прихода русских медные вещи и железные ножи, обработанные холодной ковкой. За неимением глиняных изделий жир (тюлений и китовый) хранили в пузырях, а воду держали в деревянных сосудах. Запасы пищи на зиму хранили в выпотрошенном желудке морского льва. Хотя острова безлесные, туземцы не испытывали недостатка в дровах, так как море часто выбрасывало бревна на берег.

По сравнению с материальной культурой и хозяйством общественные отношения алеутов XVIII — начала XIX в. слабо отражены в источниках и с трудом поддаются реконструкции. По-видимому, они соответствовали переходному периоду от материнского рода к отцовскому, при сохранении сильных пережитков матриархальных порядков, к числу которых, например, относились бытовавшие у алеутов обычаи: гостеприимный гетеризм, временный обмен женами, право матерей на детей при разводе, обязанность женщины после выхода замуж жить в доме своих родителей до рождения первого ребенка, хотя у алеутов преобладало патрилокальное поселение супругов.

В отличие от эскимосского общества в алеутском существовало рабство, носившее патриархальный характер. Ряды рабов состояли почти исключительно из военнопленных, и труд их использовался главным образом на малоквалифицированных работах. Невольниками становились также дети рабыни от мужчины-раба, но если их отец был свободным, то и они становились свободными. Соплеменников крайне редко обращали в рабство.

Существовала имущественная и социальная дифференциация и среди свободного населения алеутов, состоявшего из трех разрядов: родоплеменной верхушки, владевшей рабами, хорошей одеждой, лодками и другими богатствами, рядовых общинников и неполноправных, к которым относились вольноотпущенники и выходцы с других островов, оторвавшиеся от своих родовых коллективов.

Развивающемуся неравенству, разъедавшему родовой строй, в значительной степени способствовали межплеменной обмен — алеуты торговали как с чукчами, так и с индейцами северо-западного побережья Америки, — а также вооруженные столкновения между туземцами отдельных островов и военные набеги на соседние народы, в особенности на эскимосов острова Кадьяк и Аляски. В отличие от бедных богатых после их смерти бальзамировали, и погребение их часто сопровождалось убийством рабов. Мумии, завернутые в птичьи

шкурки и шкуру морской выдры, помещали в пещеры.

Алеуты отличались солидными познаниями в медицине. Им были известны целебные свойства многих трав, они умели лечить больные легкие хирургическими средствами.

10 Оседлые рыболовы северо-западного побережья Северной Америки

Племена этой историко-этнографической области обитали в узкой прибрежной полосе, ограниченной с востока цепью Скалистых гор и протянувшейся с севера на юг от юго-восточного побережья Аляски до устья реки Колумбии. Несмотря на частые дожди и холодный зимний ветер, особенно в северных районах, в целом климатические и природные условия были благоприятны. Не замерзающие круглый год прибрежные воды и реки, стекающие с горных кражей, переполнены были рыбой разных пород, на склонах гор, покрытых густыми лесами, водились олени, медведи, дикие бараны и козы, росли плодовые деревья, брусника, ежевика, смородина, малина и другие ягоды. Хозяйство, общественные отношения, материальные и духовные ценности индейцев побережья имели много общих черт, хотя они, естественно, не были абсолютно одинаковы у всех племен.

Разнообразие географических условий и культурно-исторических традиций наложили отпечаток на жизнь и быт оседлых рыболовов, которых в исторической литературе принято делить на три группы племен: северную — тлинкитов, хайда и цимшиан; центральную — квакиютлей, нутка и бела-кула и южную — береговых селишей и чинук.

В лингвистическом отношении тлинкиты и хайда входят в языковую семью на-дене, квакиютли, нутка, бела-кула и селиши — в алгонкинско-вакашскую, чинук — в пенути. Вопрос языковой принадлежности цимшиан остается открытым. До недавнего времени их относили к пенути, однако последние исследования не подтверждают этого.

Первые сообщения о туземцах северо-западного побережья стали привозить в Европу русские путешественники и ученые уже с 40-х годов XVIII столетия, но самые ранние этнографические сведения о них появились с начала следующего века, когда Ю. Ф. Лисянский, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке и другие исследователи, в том числе служащие Русско-Американской кампании, описали тлинкитов, населявших юго-восточную окраину Аляски.

Значительный научный вклад в изучение тлинкитов, известных в русской литературе под именем калошей, внесли П. Вешнаминов и архимандрит Анатолий. Несколько позднее, с конца XVIII в., стали известными остальному миру и другие племена побережья, которые ввиду своеобразия жизни и быта в нарастающем темпе притягивали к себе исследовательский ум ученого.

Среди многих солидных монографий, накопившихся в прогрессивной буржуазной американистике, видное место занимают произведения Ф. Боаса, известного знатока индейских племен морского побережья, особенно кваквютлей, которых он изучал почти полвека. Вместе с тем приходится констатировать, что буржуазные ученые в целом не справились со своей задачей, например не смогли решить вопрос об уровне общественного строя индейцев—оседлых рыболовов ко времени европейской колонизации, что является следствием их методологической беспомощности.

Крупнейшим марксистским исследователем этих племен является Ю. П. Аверкиева, выдающиеся труды которой, такие, как «Рабство у индейцев Северной Америки» (М., 1941 г.) и «Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки» (М., 1961 г.), обогатили советскую историческую науку.

Хотя оседлые рыболовы принадлежат, пожалуй, к наиболее исследованным в этнографическом отношении племенам американского континента, происхождение их окончательно не выяснено, так как археологически данная область изучена недостаточно. В буржуазной американистике выдвинуты две группы гипотез, основанные на предположении, будто индейские племена оседлых рыболовов сравнительно недавно заселили побережье.

Сторонники одной из них, в том числе Ф. Боас, ссылаясь на своеобразие культуры оседлых рыболовов, имеющей мало точек соприкосновения с другими туземными культурами Северной Америки, считают, что прародина этих племен (либо только их северной группы) находилась где-то в Северо-Восточной Азии. Другие же исследователи рассматривают оседлых рыболовов как пришельцев из внутренних районов материка, причем сторонники этой точки зрения не во всем согласны между собой. Так, А. Кребер, например, настаивает на том, что прибывшие с востока племена охотников и собирателей, приспособившись к новым условиям жизни на мор-

ском побережье, постепенно и самостоятельно, без какого-либо внешнего влияния, превратились в оседлых рыболовов. Иначе подходит к этому вопросу Ф. Дрюккер, полагающий, впрочем, без должных оснований, будто поселившиеся на северо-западном побережье индейские племена уже застали там, точнее в северной его части, эскимосо-алеутов и заимствовали у них технику рыбной ловли и морской охоты, которую впоследствии подняли на более высокую ступень.

Несмотря на многие спорные и неясные моменты в проблеме этногенеза индейцев — оседлых рыболовов, несомненно одно: их следует рассматривать в качестве древних обитателей побережья, где они поселились по крайней мере за несколько столетий до прихода европейских колонистов.

Каким образом индейцы северо-западного побережья Северной Америки добывали средства пропитания к жизни и каков у них был общественный строй в конце XVIII — первой половине XIX в.?

Основой экономики этих племен было рыболовство. Благодаря высокоспециализированной рыболовной технике, разнообразию приемов лова и множеству промысловых рыб различных пород в реках и заливах побережья индейцы, будучи превосходными рыбаками, вылавливали обильную добычу, особенно в летний сезон, длившийся с марта по октябрь. Ловили навагу, треску, форель, палтуса, рыбу-свечу, сельдь, но особенно много — семгу, кету, горбушу и других лососевых во время метания икры, когда рыба поднималась в реки.

Треску ловили крючками, рыбу-свечу и сельдь — сетями и при помощи граблей, лососей били острогой, но главным образом промышляли их при помощи разнообразных запруд, представляющих обычно сплетенные из прутьев заборы, перегораживавшие узкие реки. К ним, по течению, прикреплялась верша, узкая длинная корзина с воронкообразным входом, куда шла рыба. Большие затраты времени и сил при устройстве запруд с лихвой окупались высокими уловами.

Рыболовство дополнялось охотой на оленей, медведей, горных козлов и баранов, птиц, бобров и выдр, промышляли тюленей и белуг, моржей и китов. В хозяйстве хайда, самых опытных мореходов побережья, охота на морского зверя занимала видное место.

Если рыболовство и охота являлись областью мужского труда, то собирательством, приготовлением пищи и консервированием продуктов занимались женщины. На побережье собирали морскую капусту и моллюсков, в лесах — дикие пло-

ли и ягоды, выкапывали съедобные корни и луковицы. На зиму запасали в больших количествах рыбий жир, фрукты, ягоды, вяленую и сушеную рыбу и мясо, сельдевую икру. Последнюю глинкиты, которых в русской литературе именовали калошами, собирали следующим образом: «В то время, когда сельдь мечет икру, калоши опускают с камнем на дно, близ берега, связки древесной хвои, которые в короткое время облепляются икрой. Высушив ее на солнце, околачивают со связок и сберегают» (Ф. П. Литке). Некоторые племена береговых селишей в значительных размерах заготавливали желуди и фундук, которые они хранили в ямах.

Разделение труда по полу четко прослеживается и в ремесле, которому отводился преимущественно зимний сезон, охватывающий период с ноября по февраль. С большим искусством женщины плели из луба корзины, сумки, циновки, шляпы, ткали без ткацкого станка материю из шерсти диких коз и баранов, а некоторые племена изготавливали пряжу из белой шерсти особой породы собак, специально разводимой для этой цели.

Индейцы изготавливали оружие и орудия труда из кремня, кости и раковин, обрабатывали шкуры, но большинство ремесленных профессий их было связано с обработкой дерева, техника которой достигла наибольшего совершенства среди народов доколумбовой Америки. Из дерева выделывали сундуки, где помещались сокровища, ящики, в которых варили пищу, хранили продукты и держали воду, предметы культуры и разнообразную утварь, строили дома и лодки, покрываемые искусной резьбой и росписью. По словам одного исследователя, оседлые рыболовы «просто одержимы искусством резьбы».

Различные типы лодок, одни из которых, к примеру, предназначались лишь для торговых экспедиций, другие — для грабительских походов, третьи — для ловли рыбы в реках, четвертые — в открытом море, выдалбливались каменными топорами из одного ствола кедра. Изящные и стремительные, достигавшие в длину 20 метров, лодки, вмещавшие от 2—3 человек до несколько десятков, были гордостью индейцев побережья. Глинкиты из дерева изготавливали латы, переплетенные китовыми жилами и защищавшие грудь и спину. Наибольшего совершенства художественная обработка дерева достигла у северной группы племен.

Особым почетом окружались в обществе специалисты по обработке самородной меди, передававшие производственные

секреты по наследству. Медь, единственный из известных индейцам металлов, ценилась высоко и шла на изготовление украшений и дорогостоящих кинжалов, рукоятки которых нередко украшались раковинками. Еще выше оценивались встречавшиеся у большинства племен побережья медные пластины. Ю. П. Лисянский описал у тлинкитов одну из пластин длиной 91 сантиметр, шириной внизу — 56, а сверху — 28 сантиметров. Стоимость пластин равнялась от 20 до 30 бобров.

Наряду с естественным разделением труда между полями и начавшимся обособлением ремесла, развивалась межплеменная специализация труда, порожденная разнообразием природных условий и культурными традициями, что привело к систематическому возникновению прибавочного продукта и росту обмена. Цимшиане, например, славились по всему побережью резными изделиями из рога, в частности изящными ложками. Кроме того, они поставляли в больших количествах вываренный из рыбы-свечи жир своим соседям хайда, а также континентальным индейцам, речной путь к которым назывался жировым. В свою очередь хайда продавали цимшианам орлиные перья.

Однако наибольшим спросом на побережье пользовались поставляемые племенем хайда легкие морские лодки и рыба палтус, водившаяся в изобилии к северу от островов Королевы Шарлотты. Впрочем, вяленый палтус в значительных размерах продавали и некоторые племена нутка; они же торговали и китовым жиром считавшимся лакомством, ибо они являлись едва ли не единственными на побережье охотниками на морских исполинов. Желанным товаром являлись деревянная посуда квакиютлей, шерстяные накидки тлинкитов на лубовой основе с красивыми узорами из цветных ниток. Рабов поставляли преимущественно цимшиане на севере и чинуки на юге.

Широкую известность посреднической торговли между племенами рыболовов и индейцами-охотниками глубинных районов материка приобрели на юге бела-кула, а на севере — тлинкиты, которые, по словам Ф. П. Литке, были «пристрастные к торговле и расчетливы». Обмен носил натуральный характер, причем наиболее ходкие предметы торговли, например связки раковин, меха, выделенная из оленьих кож одежда, прессованные плитки морской травы, приобретали функции денег.

На некоторые товары стихийно складывались твердые цены. Так, у северной группы племен ящик прессованных плиток морской травы приравнивался к десяти шкурам сурка, игравших роль разменной монеты, а большой ящик рыбьего жира или шкура оленя стоили сорок шкурок. У береговых селищей сухой рыбный порошок упаковывался в корзинки из рыбьей кожи определенной емкости.

Нередко цены на продукты зависели от общественного положения покупателя и продавца. Достоинство вождя обязывало его платить за товары дороже; у него также покупали по повышенным ценам. В центрах обмена вырабатывались межплеменные жаргоны. Таким торговым языком у оседлых рыбаков стал язык чинук, обогащенный многими словами индейских языков северо-западного побережья.

Каков был социальный строй у индейцев северо-западного побережья Северной Америки к моменту появления белых путешественников и колонистов? В буржуазной, в первую очередь американской, исторической литературе господствует мнение, будто в конце XVIII в. северная группа племен жила материнским родом, южная—патриархально-безродовым строем, изначально существовавшим, а центральная переживала переходное состояние от патриархата к матриархату. По непонятным причинам многие ученые в США и Канаде считают материнский род более поздней ступенью социального развития, чем отцовский, и поэтому они в своих трудах пришли к необоснованному выводу, будто уровень общественного строя тлинкитов, хайда и цимшиан был самым высоким среди индейцев морского побережья. Кроме того, нередко утверждения, что материнские родовые институты были заимствованы племенами северной группы у атапасков Аляски либо у народов Азии.

В действительности, как показала на большом фактическом материале Ю. П. Аверкиева, все эти группы племен находились в целом на одной стадии общественного развития, переживая процесс разложения материнского рода и формирования патриархальных порядков, причем, чем дальше к югу, тем явственнее выступали соседские связи, шедшие на смену кровнородственным. У берегов селищей, например, пережитки материнского рода сказывались главным образом в области семейно-брачных отношений. Даже у тлинкитов, менее других племен продвинувшихся по пути становления патриархальных институтов, род экономически распался задолго до прибытия европейцев, имело место значительное иму-

щественное и социальное неравенство среди свободного населения, появилось и развивалось патриархальное рабство.

Хотя индейское общество сохранило родоплеменную структуру, основной ее социально-экономической ячейкой являлась домашняя община, имевшая некоторые черты сходства с овачирой у ирокезов, но по существу уже представлявшая собой патриархальную семью на ранней ступени ее развития. По традиции места в реках и фиордах, где ловили рыбу, горы и долины, где охотились и собирали ягоды, номинально считались родовой собственностью, однако фактически они были уже поделены на отдельные участки между домохозяйствами, главы которых обладали наследственными правами и составляли верхушку родоплеменной знати.

В связи с тем что у индейцев побережья термины «вождь» и «богатый» в сущности совпадали, то старейшиной рода обычно избирался глава экономически наиболее сильной домашней общины, члены которой жили в добротном деревянном доме, выстроенном в центре селения. Число членов патриархальной семьи доходило иногда до 200 человек, и поселок обычно состоял из нескольких домохозяйств одного рода. На развалинах материнского рода у индейцев северо-западного побережья складывался не отцовский род, а формировались соседские общины.

Аристократы, прибиравшие к рукам родовую собственность, носили ценные накидки из куниц или собачьей шерсти, имели богатые украшения и, в частности, у многих племен только они имели привилегию прокалывать уши в одном или нескольких местах, продевая сквозь отверстия, как это было у цимшиан, шерстяные нити с подвесками из ценных раковин. О знатности женщин у тлинкитов можно было судить по величине втулки в ее нижней губе, сделанной из дерева, кости или камня, достигавшей порой размеров блюдца. О бедных женщинах, не имевших втулки, говорили, что они не имеют «рта».

Вожди чурались простой работы и занимались рыбной ловлей, охотой на китов, причем у нутка только они имели право добывать морских выдр, а если простолюдину случилось убить этих животных, то он обязан был отдавать им шкуры за мелкое вознаграждение. Будучи военачальниками, знать обогащалась во время удачных грабительских экспедиций, присваивая себе львиную долю добычи. Богатые имели несколько жен, хотя чаще всего довольствовались двумя, из которых первая считалась старшей. Помимо этого, они при-

обретали рабынь-наложниц, как, впрочем, и состоятельные женщины нередко держали при себе рабов-любовников.

Родовая верхушка, чванясь богатством и положением в обществе, обычно называла себя «настоящими людьми» и в свою очередь распадалась на ранги, а свободных рядовых общинников высокомерно именовала «маленькими людьми», или «слабыми людьми». Положение последних было незавидное. Простолюдины приносили вождям, выступающим в качестве представителей общины и владельцев родовых земель, определенную часть продуктов своего промысла. Так, у южных квакиютлей лодочник обеспечивал вождя лодкой, охотник отдавал ему каждого третьего убитого им бобра и медведя, а также каждую вторую горную козу и всех тюленей, исключая одного. Своеобразную дань вождю вносили и женщины. Например, выкопанные длинные корни шли ему, а короткие — себе.

Еще безотраднее была участь бедняков, которых знать презрительно называла «людьми без происхождения» (цимшиане), «рабами вяленой рыбы» (тлинкиты), «людьми, варящими простую пищу» (хайда). Бедняки ютились в ветхих жилищах на окраинах поселков, а порой проживали в домохозяйствах богатых родственников на положении слуг. Росту имущественного и социального неравенства среди свободных способствовал возникший институт ростовщичества, не успевший, однако, еще пустить глубокие корни, как об этом можно заключить по отсутствию твердо установленного процента, размеры которого определялись положением должника в обществе. Именитый должник, чтобы поднять свой престиж, дороже оплачивал займ.

На низшей ступени общественной лестницы находились рабы — бесправная, презираемая и наиболее угнетаемая категория населения. Они ходили полунагими, жили в самой холодной части дома, не раскрашивали лица и носили короткие волосы (у свободных людей были длинные волосы), им давали клички, а не имена. Рабы являлись собственностью не общины, а вождей и богатых глав домохозяйств, что свидетельствует, учитывая еще наследственный характер рабства, о древности этого института, хотя наука не располагает точными данными о времени его возникновения у индейцев побережья.

При постройке дома, со смертью вождя и некоторых других обстоятельствах рабов, преимущественно больных и старых, приносили в жертву, закалывая специальными ножами,

причем трупы их, как и дохлых собак, не хоронили, а выбрасывали в море. Изредка при этом давалась свобода отдельным рабам. Впрочем, у центральных и южных племен, у которых рабский труд имел несколько большее значение в хозяйстве, чем у тлинкитов, хайда и цимшиан, рабов, за редким исключением, в подобных случаях уже не убивали и не отпускали на волю.

Если невольника никто не выкупал из рабства, то его род вычеркивал из списка своих членов. Дети рабыни, независимо от того, кто является их отцом — свободный или невольник, — являлись рабами и принадлежали ее хозяину. У многих племен слово «раб» было бранным.

Среди племен побережья наиболее глубоко рабство изучено у цимшиан. Американский ученый В. Гарфильд, исследовавший этот вопрос, писал, что рабы «выполняли тяжелую, монотонную, неприятную работу. Мужчины ловили рыбу, грузили, разгружали, гребли, присматривали за лодками. Они помогали строить дома и делать лодки. Они изготавливали орудия и помогали во всех работах, не требующих специальной квалификации. Рабыни приготавливали рыбу и другие продукты для сушения, вываривали рыбий жир, собирали ягоды, заготавливали материал для плетения корзин и циновок, помогали в домашнем хозяйстве». В круг обязанностей рабов входило также разведение огня, заготовка дров, нянчение детей господ и другие малопочетные в индейском обществе работы. В целом труд их занимал второстепенное место в экономике туземцев, что являлось характерным для патриархального рабства.

Численность рабов, составлявших у различных племен от двадцатой до седьмой части всего населения, была сравнительно невелика, однако у отдельных вождей, как свидетельствует Ф. П. Литке, имея в виду тлинкитов, их было 30—40, хотя владельцы и 10 невольников слыли большими богачами. Обращение в рабство несостоятельных должников было редким явлением, значительно чаще рабов покупали, но основную массу их добывали в грабительских экспедициях, совершаемых в области расселения враждебных племен, и порой и против соплеменников, живших в далеких поселках. В первую очередь старались захватить в плен женщин и детей, членов знатных и богатых семейств, в надежде получить за последних солидный выкуп.

Становление патриархальных институтов протекало в борьбе с пережитками материнского рода, отягощавшими

индейское общество тем сильнее, чем дальше к северу жили племена. Эти пережитки были многочисленны и к ним относились, например, устойчивое сохранение родства и наследования по женской линии, обычаи сорората, левирата и весьма распространенный, особенно среди родоплеменной знати, кросс-кузенный брак, при котором дочери брата матери выходили замуж за сыновей сестры отца (в том случае, если имущественное положение жениха и невесты было неодинаковым, этого обычая, как правило, не придерживались). Пережитки матриархата сказывались и в существовании матрилокального, наряду с патрилокальным, поселения супругов, причем в первом случае брачная пара порой переходила жить в дом мужа лишь после рождения первого ребенка; этот дом по традиции сооружался сородичами жены, получавшими за свой труд подарки от мужа.

Вместе с неуклонно развивавшимися патриархальными порядками женщина постепенно отстранялась от участия в общественном производстве и превращалась в бесправную служанку в хозяйстве мужа, собственника богатств. Она не допускалась на советы, редко приглашалась на пиры, обязана была хранить супружескую верность, в противном случае муж мог выгнать ее из дому или даже обратить в рабство. Замуж девушек выдавал отец.

О падении влияния женщины в обществе и семье свидетельствует сложившийся обычай авункулата, повсеместно встречавшийся на побережье. Дядя с материнской стороны и племянники были связаны между собой взаимными правами и обязанностями. Обычно по достижении совершеннолетия (у хайда, например, после десятилетнего возраста) сыновья переселялись к брату матери, который становился их наставником и опекуном, а племянники — его наследниками. Старший или, что встречалось редко, младший из племянников являлся законным наследником и после смерти дяди получал львиную долю богатств, а также брал к себе его старшую жену. Как подметил Ф. П. Литке, говоря о тлинкитах, «никакое неравенство лет не избавляет» племянника «от исполнения этого неизбежного долга».

Появившееся имущественное и социальное неравенство оказывало определяющее воздействие на общественную и частную жизнь, а также на духовную культуру индейцев. Влияние это проникло в обычай авункулата. Племянники, имевшие богатых и знатных отцов, занимали почетное место в домохозяйстве дяди. Вместе с тем у многих индейских пле-

мен побережья наблюдалась тенденция перехода к патрилинейному счету происхождения и передачи наследства не племянникам, а детям, выразившаяся, в частности, в признании, наряду с матрилинейностью, отцовской линии родства.

О живучести первобытнодемократических порядков свидетельствует распределение у нутка китовины, считавшейся собственностью всех жителей поселка. «Когда кит убит и подведен к берегу, — сообщает Г. Спрот, живший долгое время среди этих племен, — его делят следующим образом — около центнера лучшей части получает вождь. Затем получают свои части гарпунщик, первый ранивший кита, и шаман, предсказавший успех в охоте. После них получают свои доли меньшие люди соответственно рангу и наконец простой народ. Таким образом, распределяется весь кит...»

В условиях разлагавшегося материнского рода и становления патриархальных начал, когда вызревавшие элементы частной собственности еще носят на себе печать родовой собственности, закономерно возникают многочисленные институты, отражавшие противоречивый характер переходного периода. Эти исторические явления, наряду с нарождавшимися порядками классового общества, сохраняли черты отживающего материнского рода.

К их числу относится потлач, своеобразный институт дарения, засвидетельствованный у многих первобытных народов, хотя большинство буржуазных ученых утверждает, будто он является особенностью исключительно культуры индейцев оседлых рыболовов северо-западного побережья.

С ростом производительных сил у некоторой части индейского общества систематически стали появляться излишки продуктов, которые, однако, в силу относительной неразвитости торговли и сохранения первобытнодемократических традиций обращались в сокровища.

Так как отсутствовали или почти отсутствовали условия для использования накопленных богатств в целях эксплуатации сородичей, то общественное мнение заставляло их собственников раздавать эти излишки соплеменникам. Богатства признавались личной собственностью лишь в процессе их накопления, тянувшемся порой несколько лет, но с завершением его они приобретали как бы форму коллективной собственности, родовой или фратриальной. Следовательно, устройство потлача было не добровольным, а обязательным учреждением.

Устроитель его приглашал на празднество сородичей своей жены, т. е. членов другого рода и, стало быть, другой фратрии, и публично раздавал им подарки, хвастаясь своей щедростью. Приглашение на празднество и принятие его представлялось сложной церемонией, знатных индейцев приходилось увещевать не один день. Раздаче имущества, заранее выставленного для обозрения, чтобы удовлетворить тщеславие его собственника, предшествовало обильное пиршество, которое, перемеживаясь с танцами и пением, продолжалось и после одаривания гостей подарками. На празднестве у нутка, сообщает Д. Джуитт, английский матрос, попавший к ним в рабство, «гость согласно этикету должен был с суровым и угрюмым выражением лица грубо хватать предлагаемый ему подарок», что, по-видимому, должно было демонстрировать его отношение к частным богатствам как к коллективной собственности.

Поводом для устройства потлача могло быть строительство нового дома, рождение, смерть, поминки, установление надгробного памятника. Потлач устраивался и по поводу других событий в жизни знатных и богатых индейцев побережья: в связи с первой удачной охотой сына или его совершеннолетием, изменением имени ребенка, а также чтобы затмить соперника своим богатством или восстановить свое положение в обществе по возвращении из плена либо из рабства, чтобы смыть с себя позорное клеймо, тяготевшее над бывшим невольником. У нутка, например, самые пышные раздачи подарков производились по достижении возмужалости дочери, а у тлинкитов—при сооружении дома для нового вождя, причем под столбы здания закапывали трупы рабов, принесенных в жертву на этом празднестве.

Институт потлача не оставался неизменным в своем развитии и прошел несколько этапов. На первом из них, в период зарождения имущественного и социального неравенства, как это можно было наблюдать, например, у атапасков Аляски и некоторых эскимосских групп, излишки равномерно делились среди приглашенных гостей.

Первоначально распределялись только съестные припасы. Не случайно на одном из индейских языков имущество, подлежащее раздаче на потлаче, обозначалось термином, в переводе означающим: «раздача долго накапливавшегося (того), что может сгнить». У нутка, например, о подарках, розданных на празднествах, говорилось, что они были «съедены» приглашенными гостями.

Это проливает свет на происхождение потлача, возникшего, по-видимому, из обычая взаимного одаривания материнскими родами, вытекавшими из наличия у них тесных взаимобрачных связей, мясом своих тотемов; об этом можно судить по сопровождавшей празднество обрядности, имевшей сильные черты тотемистической идеологии.

Потлач у северной и центральной групп племен северо-западного побережья соответствует второму этапу его эволюции, когда все накопленные излишки подлежали раздаче на празднестве, причем наиболее ценные продукты передавались родовой знати, тогда как бедноте и женщинам, размещавшимся к тому же в малочетных местах помещения, доставались лишь крохи с пиршественного стола. Впрочем (например, у квакиютлей), были распространены и «специализированные» потлачи, когда раздавались только лодки либо рыбий жир.

Первоначально потлач устраивался вождем, впоследствии вождь стал лишь номинальным его устройтелем: разбогатевшие индейцы, не имевшие наследственных привилегий, чтобы поднять свой престиж в обществе, проводили празднества с одариванием подарками.

У некоторых племен устройтель потлача незадолго до празднества, в так называемый «день займа», раздавал имущество состоятельным членам своего рода, которое они согласно традиции вскоре обязаны были возвратить ему в двойном размере. Этот обычай при своем возникновении символизировал помощь сородичей вождю, выступавшему на празднестве от имени рода, но затем он свелся фактически к принудительному займу обогащавшегося устройтеля потлача.

Последующие этапы в развитии потлача наблюдались у береговых селищ, у которых только часть накопленных сокровищ подлежала раздаче, ряда племен, живших к югу от них, и чинуков, где от него сохранился лишь обычай открытой для всеобщего обозрения демонстрации богатств без последующего их перераспределения.

Какова социальная сущность потлача как исторического явления?

Одни буржуазные ученые, ссылаясь на тотемистические представления в обрядности потлача, обычно считают, что в основе его лежат первобытно-религиозные воззрения, другие усматривают в нем своеобразный институт ростовщичества. В последнем случае потлач понимается следующим образом: устройтель его, раздавая богатство среди гостей, будто бы

рассчитывал на их потлаче получить подарки, с лихвой компенсирующие перераспределенное им имущество.

Подобное толкование социальной сущности потлача, встречающееся и в советской этнографической литературе, должно быть оставлено после блестящего анализа этого исторического явления, данного Ю. П. Аверкиевой, показавшей, что, во-первых, в основе его лежат не идеологические, а сугубо материальные факторы, и, во-вторых, одаривание подарками на празднестве не может рассматриваться как отдача накопленного богатства в рост.

В самом деле, хотя устроитель потлача и знает, что обычно он, в свою очередь, будет отдарен на празднестве своих гостей, однако, строго говоря, не существует принципа обязательности отдаривания; к тому же никто не гарантирует ему получения от них таких богатств, которые компенсировали бы перераспределенные им сокровища, не говоря уже о получении процентов.

В действительности, уровень социально-экономического развития индейцев северо-западного побережья ко времени европейской колонизации был таков, что хотя богатство и определяло уже положение человека в обществе, однако в связи с устойчивостью некоторых норм материнского рода оно ценилось только в том случае, если будет выставлено для публичного обозрения с последующим обязательным его перераспределением среди соплеменников. В тех исторических условиях не было еще условий для иного применения накопленных богатств.

Живучесть идеологии первобытнообщинного строя препятствовала частному владению накопленных сокровищ, хозяин которых получал общественное признание не в силу самого факта обладания ими, а лишь в результате показа и отказа от них. Чтобы поднять свой авторитет в обществе, необходимо было отказаться от богатства. Вместе с тем, чем больше туземец роздал на празднестве имущества, тем значительнее его влияние в обществе и тем быстрее он может приобрести новые богатства. Гости, принимая подарки от устроителя потлача, которые, впрочем, воспринимались ими как должное, а не как милость, тем самым как бы признавали закономерность притязаний его на определенное положение в обществе.

«Диалектическая сущность потлача как института переходного этапа заключалась в том, что, будучи своеобразной формой перераспределения частных сокровищ, он в то же время

утверждал социальное неравенство» (Ю. П. Аверкиева). Чем больше индейское общество выросло из узких рамок материнского рода, тем реальнее вырисовывалась сущность этого института, отменявшего первобытнодемократические нормы при одновременном закреплении растущего влияния в нем богачей и знати.

Племена собирателей в Калифорнии

Калифорнийская долина, славящаяся мягким климатом и богатыми природными ресурсами, до прихода колонизаторов была густо населена индейскими племенами, принадлежавшими главным образом к языковым семьям пенути, таньюто-ацтской, сиу-хока, на-дене и алгонкинско-вакашской. Не зная земледелия и скотоводства, эти племена жили присвоением готовых даров природы и вели полукочевой образ жизни, передвигаясь по определенному маршруту в пределах своей территории. С луком и стрелами они охотились на оленей, лосей, антилоп (как индивидуально, так и коллективно, устраивая загоны), ловили рыбу разнообразными способами, в том числе создавая запруды с вершами, промыслили гусей и уток, но основным их занятием было собирательство.

Помимо всевозможных плодов, ягод, орехов, корней, семян подсолнечника и трав, лебеды, клубней дикого лука и лилий, в пищу шли стрекозы, черви и даже мука из перемолотых костей оленя и лося. Значительное место в экономике многих племен занимало собирание желудей, из муки которой, предварительно очищенной от танина (органического вещества, имеющего вяжущий вкус и сильное дубящее свойство), пекли лепешки, варили кашу и приготавливали сходный с кофе напиток.

Кое-где в Калифорнии пили настойку из вымоченных в воде листьев табака и ели красную глину в порошкообразном состоянии, смешанную с желудевой мукой. Геофагия, или употребление в пищу различных видов жирной глины, — распространенное явление в доклассовом обществе. Заботясь о своем будущем, туземцы хранили излишки желудей в прочно построенных амбарах, помещавшихся на деревьях либо на специальных подставках, но ни в коем случае не на земле.

Материальная культура была бедна. Орудия труда изготовлялись из кремня, обсидиана и дерева. Гончарство почти отсутствовало; оно в известной степени компенсировалось вы-

сокоразвитым плетением, в искусстве которого калифорнийцам не было равных на американском континенте. Разнообразные по форме и величине корзины для собирания и хранения кедровых орехов, желудей и диких семян, тарелки, водонепроницаемые сосуды для воды, детские люльки, шляпы, циновки, спальные одеяла и многие другие плетеные изделия аборигенов отличались изяществом, прочностью и чистотой исполнения.

Одежда, почти отсутствовавшая летом у туземцев, была проста и шилась из шкур животных, порой вымоченных предварительно в растворе пальмовой лилии, чтобы легче было удалить с них волосы. Несложны были и жилища калифорнийцев. Зимой они согревались в полуземлянках, а в жаркое время года укрывались от палящего солнца, насекомых или непогоды в шалашах. В качестве денег обращались низки раковин и отполированные конусы из доломита и магнетита.

Общественные отношения индейцев до захвата Калифорнии США с трудом поддаются реконструкции, и то в общих чертах. Объясняется это тем, что буржуазные этнографы заинтересовались их социальным строем лишь после того, как большинство аборигенов было безжалостно истреблено колонистами, а организация сохранившихся остатков племен находилась уже под сильным воздействием капиталистического способа производства.

Между тем даже видные немарксистские исследователи игнорируют последнее обстоятельство, не принимают во внимание происшедшие изменения к концу XIX в. в социальной организации калифорнийцев, и поэтому их выводы легко уязвимы для критики. С одной стороны, они подчеркивают примитивный характер экономики аборигенов, простоту их материальной культуры, с другой — утверждают о существовании у них частной собственности, моногамной семьи и других институтов антагонистических обществ.

В действительности, калифорнийские туземцы сто лет тому назад жили материнским родовым строем, о чем свидетельствуют сохранившиеся еще к началу XX в. у ряда племен матрилокальное поселение супругов, обычаи сорората и левирата, наследование по женской линии. Хотя аборигены Калифорнии, возможно, принадлежат к одним из наиболее отсталых народов Северной Америки, но по своему культурному уровню они, однако, значительно ушли вперед по сравнению, например, с австралийцами и огнеземельцами.

Охотничьи племена прерий

Инд. прерий

Уп.

В центральной части Северной Америки — между Миссисипи и Скалистыми горами — простираются необозримые травянистые степи, так называемые прерии. В западных областях травы невысоки, а в восточных достигают 1,5-метровой высоты. Леса отсутствуют, за исключением узкой полосы на востоке, а на остальном пространстве прерий изредка встречаются деревья, тенистые рощи да кустарниковая растительность в лощинах. На этой обширной территории кочевали свободолюбивые дакоты, вороны, ассинибойны, айовы, миссури, черноногие, чейенны, часть оджибве, манданы, кайовы, апачи, команчи и другие группы племен, жившие охотой на оленей, лосей, но главным образом на могучих бизонов, сородичей европейских зубров, совершавших сезонные миграции с севера на юг и обратно. Стада этих широкогрудых косматых животных с громадной головой и тяжелым горбом были еще сто лет назад столь многочисленны, что с появлением их порой вся степь, насколько хватало глаз, становилась черной.

До появления колонизаторов большинство охотничьих племен жило к востоку и северо-востоку от прерий, будучи оседлыми и полuosедлыми земледельцами, и лишь под натиском белых они были вынуждены переселяться в разное время в глубинные районы степей, где в связи с изменившимися условиями жизни у них сложилась новая, весьма своеобразная культура. Начиная примерно с середины XVI в. у немногочисленных тогда племен прерий, обитавших преимущественно на юго-западных ее границах, пешая охота на бизонов начала постепенно сменяться конной, обусловившей расцвет охотничьего хозяйства. Основная масса племен заселила степи, уже имея лошадей.

Индейцы прерий — гордые, воинственные охотники, герои многих романов Майна Рида и Фенимора Купера. Среди знагоков этих племен одним из лучших является Д. В. Шульц, женатый на индеанке и проживший у черноногих, «прерийных тигров», с 1878 по 1903 г. Он — автор многих книг («Моя жизнь среди индейцев», «Ошибка одинокого Бизона» и др.), в которых правдиво описаны на основании как личного 25-летнего опыта, так и по рассказам стариков туземцев все стороны жизни и быта индейцев.

Охота на бизонов летом велась коллективно и до строго соблюдавшимся правилам, нарушение которых сурово кара-

лось, вплоть до изгнания из племени или даже предания смерти. После того как разведчики — храбрые, отлично знакомые с местностью индейцы выследят стадо животных, специально отобранные охотники во главе с предводителями, обладавшими на время охоты огромной властью, окружали его и, по данному сигналу, начинали отстрел необходимого количества бизонов, предпочитая поражать жирных самок и молодых бычков. Телят порой ловили с помощью лассо.

Индейцы прерий, проводившие значительную часть своей жизни верхом на коне, были бесстрашными и ловкими наездниками. Они нередко на своих хорошо обученных, исключительно быстрых и выносливых лошадях врезывались в гущу стада бизонов, отделяли от него часть животных и гнали их по направлению к лагерю, вблизи которого и убивали, чтобы легче было убрать груды мяса. В этом случае охота была сопряжена с известным риском, ибо малейшая оплошность всадника могла для него стать роковой. Немало охотников было растоптано бешено мчавшимися буйволами. Очень часто туземцы кочевали, следуя за передвижением стад, имея всегда под рукой запас живого мяса.

С появлением ружей пики, лук и стрелы не вышли из употребления при охоте на животных, так как их бесшумность давала им в ряде случаев преимущество перед огнестрельным оружием. Кроме того, ружья тех времен по скорострельности значительно уступали луку и стрелам. Некоторые индейцы за несколько часов погони убивали до двадцати и более бизонов. О бизонах, обеспечивавших туземцев едой, одеждой и кровом, они говорили с благоговением.

Наряду с охотой, немалое место в хозяйстве индейцев прерии занимало коневодство. Лошадей, значительно облегчавших жизнь охотников-кочевников, долгое время выменивали и покупали почти исключительно у испанских колонистов, живших к юго-западу от прерий. Широкую известность во всем мире приобрели индейцы умением ловить и укрощать мустангов — одичавших лошадей, табуны которых паслись в степях.

Посетивший прерии в первой половине XIX в. американский художник Д. Кэтлин писал: «Какое поразительное зрелище, когда чейенны, лучшие укротители диких лошадей, ловят их без помощи коней и пешком перегоняют луговых мустангов. Вот как они это делают: индейский всадник прежде всего появляется посреди стада диких лошадей и отгоняет несколько испуганных животных, заставляя их броситься

вправо или влево, сходит с лошади или оставляет ее. стреножив, или отдает в руки какого-нибудь приятеля, а сам пешком бросается за беглецом. Он почти совершенно голый; на левой руке имеет лассо (ременный аркан), а в правой держит бич; в кармане у него немного сушеного зерна, которое он ест на ходу; быстрым и ровным шагом, идти которым он может целый день, он следует за испуганным животным, бегущим со всех ног». Зная особенность животных описывать при беге дугу в левую сторону, неутомимый охотник шел по прямой, пока, после многочисленных таких перебежек, загнанный конь не становится его добычей.

У различных племен количество лошадей, приходящихся в среднем на одну семью, было неодинаковым. Больше всего их было у индейцев, кочевавших в западных и центральных зонах степей, т. е. у типичных охотников прерий. тогда как у восточных племен, не порывавших с земледелием, лошадей было значительно меньше. У воронов, например, превосходивших в этом отношении другие племена, в начале прошлого века приходилось в среднем на одну семью 25 голов. Лошади подразделялись на охотничьих, используемых также для военных набегов и являвшихся предметом гордости индейцев прерий, верховых, находившихся в распоряжении членов семей, и предназначенных для перевозки грузов (самая многочисленная группа).

До появления лошади тяжести перевозились собаками, которых впрягали в волокушу — примитивную повозку, состоявшую из двух шестов с перекладиной, задние концы которых волочатся по земле, а передние служат оглоблями. У многих племен прерий собака почиталась в качестве священного животного. После того как лошадь стала основной тягловой силой, она в ряде индейских языков получила название «большой волшебной собаки».

Основой питания индейцев являлось мясо, которое варили, жарили, а также умели заготавливать впрок путем вяления на открытом воздухе или в виде так называемого пеммикана — истолченного в порошок сушеного мяса, сохранявшегося в течение ряда лет. Некоторые племена приготавливали и ягодный пеммикан, представляющий вкусную и питательную смесь мясного порошка с растертыми дикими ягодами и растопленным жиром, извлеченным из костей животных. Пеммикан нередко хранился в плоских мешках из сырой кожи, которая, высыхая, плотно сжимала содержащуюся в них массу, вследствие чего габариты тары сокращались.

В опасной близости от врага, когда запрещалось разжигать костры, мясо нередко ели сырым. Лакомым блюдом у индейцев считались бизоньи языки.

Помимо мяса, в пищу шли растительные продукты, особенно у племен восточной полосы прерий, не порывавших полностью с земледелием, которое имело неодинаковый удельный вес в их экономике. Так, племена, обитавшие в бассейне реки Миссури, примерно поровну делили свое время между обработкой почвы и охотой, тогда как их западные соседи большую часть года кочевали, оседая на одном месте лишь на короткие периоды весной и осенью для посева и соора урожая. Возделывали в основном кукурузу и табак.

Своеобразны были ремесла у охотников прерий. За исключением полуоседлых племен, занимавшихся в ограниченных размерах гончарством, у основной массы кочевников почти вся утварь, обувь, одежда и жилище изготавливались из обработанных шкур животных. Всем этим занимались женщины. Они были трудолюбивы и честны и их очень ценили мужья. У черноногих есть пословица: «Нет счастья без женщины» !!!

Дубление шкур бизонов—тяжелая и утомительная работа, требующая много сил и времени. Их обычно натягивали на деревянную раму, а затем очищали от мездры и волос коротким скребком, сделанным из камня или рога. В морозное время этот процесс облегчается. Мягкую замшу выделяли из шкур оленей, антилоп, горных баранов и скунсов—животных, напоминающих хорьков. Выделанную кожу окрашивали в разные цвета. Например, черноногие, получившие имя по цвету своих мокасин и кожаных гамашей, прокапчивают сырую кожу тлеющей дубовой корой.

Непременной принадлежностью костюма индейцев обоого пола являлись плащи-накидки, сшитые из цельной шкуры бизона, и гамаша-ноговицы, прикрепляемые к поясу. Кроме того, мужчины носили еще из мягкой кожи передники, а женщины — длинные рубахи без рукавов. Ноги обували в мокасины, причем летние шились из двух кусков: выделанной тонкой лосиной или оленьей шкуры с твердой подметкой из сыромятной кожи. Зимние мокасины, которыми охотники прерий пользовались значительно реже, чем летними, изготавливались с мягкой подошвой из одного куска толстой шкуры бизона, обращенной шерстью внутрь.

Красивы и живописны были военные наряды, особенно у вождей и выдающихся воинов, головной убор которых состо-

ял из шкурок горностаия и орлиных перьев, причем часть убора, свисая по спине до пят, волочилась по земле. Как писал Д. В. Шульц, передники и гамаша-ноговицы изящно обшивались «по краю бахромой из хорька, прядей волос со скальпов и замши и украшены так же, как их пояса и мокасины, вышитые рисунками из превосходно уложенных игл» дикобраза ярких цветов.

Жили туземцы обычно в легко сооружаемых разборных палатках, так называемых «типи», остов которых, образованный из наклонно расставленных по кругу жердей, скрепленных вверху ремнем, покрывался сшитыми бизоньими шкурами, прикрепляемыми к земле колышками. В верхней части жилища имелось отверстие для дыма, защищаемое от ветра двумя клапанами. Как правило, палатка предназначалась для одной семьи, но у некоторых племен встречались типи, где хватало места для двух и даже трех очагов. В жилище имелись низкие мягкие лежа, на которых ночью располагались ногами к центру, где помещался огонь. Топливом служил помет бизонов.

Социальный строй индейцев прерий может быть освещен с известной полнотой. В середине XIX в. для них был характерен процесс разложения материнского рода, протекавший, однако, не одинаковыми темпами и в разных направлениях у различных групп племен. Если у полуохотников-полуземледельцев востока прерий патриархальные элементы только начали вызревать и едва обозначились контуры складывавшегося отцовского рода, то у типично кочевых племен центральных и западных районов степи распад материнского рода происходил более интенсивно, причем на его развалинах возникала непосредственно соседская кочевая община, состоявшая из нескольких оформлявшихся больших семей.

Семейные общины были обычно самостоятельными кочевыми группами, однако в летний сезон, когда устраивалась общеплеменная охота и совершались, как правило, военные набеги, они съезжались и поселялись вместе, образуя общий лагерь в виде круга, в центре которого разбивалась большая палатка, где заседал совет племени. Подобное устройство племенного лагеря, в котором каждый род и каждая кочевая группа имели определенное место, позволяло индейцам быстро и эффективно организовывать оборону против внезапных нападений врагов.

Оригинальным институтом кочевых племен прерий является акацита, назначаемый племенным советом из уважае-

ных индейцев, в обязанности которого входило разрешение конфликтов, устройство племенной стоянки и наблюдение за порядком и исполнением обычаев. Некоторые племена образовывали военные союзы. Так, семь дакотских племен объединились в конфедерацию, называемую «Семь костров племенных советов», которая в этнографической литературе известна под именем «Великой конфедерации прерий».

К концу XVIII в. высокопродуктивная охота привела к появлению заметного имущественного неравенства среди индейцев. Основное богатство у них — лошади. Встречались безлошадные туземцы и владельцы сотен и даже тысяч голов, однако почти везде богатыми уже считались собственники табунов в 30—40 лошадей. Важным источником обогащения являлись набеги на враждебные племена, причем более высоким подвигом считалось не убийство врага, а захват его в плен или прикосновение к нему, либо снятие у него скальпа с головы, похищение оружия и охотничьих или верховых лошадей, которые обычно привязывались возле палаток владельцев.

Обычай скальпирования врага — живого или мертвого — первоначально существовал лишь у немногих племен восточных областей американского материка. С приходом колонизаторов, поощрявших этот обычай премиями, он широко распространился среди индейцев, в том числе охотников прерий. Некоторые племена, например ассинибойны, после успешной военной экспедиции направляли в лагерь противника в качестве победного знака стрелу с привязанным к ней скальпом. Это послание означало примерно следующее: «Мы дарим вам скальп, который мы сорвали с головы члена вашего племени. Мы захватили у вас лошадей. Мы — ассинибойны». Нередко набеги совершались не верхом, а пешком, так как в этом случае отряду было легче скрываться днем.

Частые столкновения между племенами не отличались жестокостью и заканчивались нередко мирными договорами с традиционным выкуриванием «трубки мира». Широким спросом у индейцев прерий пользовались каменные красные трубки, которые изготавливали дакоты.

У типичных охотников отцовский счет родства постепенно стал господствующим, матриликальный брак вытеснился патрилокальным и был распространен обычай, сходный с потлачем у племен северо-западного побережья. Вместе с тем матриархальные порядки, особенно на востоке прерий, еще цепко удерживались в обществе. Например, у многих племен

сохранился обычай избегания тещи и зятя. Д. В. Шульц пишет, что, когда он спрашивал о чем-нибудь мать своей жены, та поворачивалась к дочери и говорила: «Скажи ему, что случилось это так...» и т. д.

Индейцы прерий придавали важное значение воспитанию подрастающего поколения. Посвятительные обряды у некоторых племен сопровождалась жестокими пытками, особенно у мандан. О церемонии посвящения у них американский этнограф Маклеод пишет: «Священный дом индейцев мандан покоится на четырех столбах. Продетые сквозь кожу жертвы крюки связывают канатами, на которых испытываемого подтягивают в висячем положении к вершине одного из четырех столбов. Тело юноши обнажено, но в руке он держит сумку с лекарственными снадобьями. Щит его качается на одном из продетых сквозь его кожу крюков. Как только юношу подтянут к вершине столба, помощник начинает его вращать вокруг столба в парящем положении, в результате чего испытываемый теряет сознание. Когда он лишается чувств, присутствующие восклицают: «Умер!» — и его спускают вниз и укладывают на землю. Потерявшему сознание после раскачивания на крюках запрещается оказывать какую-либо помощь. Его оставляют лежать вне священного дома на том месте, где он упал, до тех пор, пока он либо умрет (что, однако, случается крайне редко), либо очнется сам».

Принадлежа в лингвистическом отношении к различным группам и языковым семьям, индейцы прерий выработали развитый «язык жестов», помогавший им общаться как с дружескими, так и с враждебно настроенными племенами. Например, слово «палатка» они передавали скрещиванием пальцев в форме конуса, а слово «женщина» выражали «движением руки, расчесывающей волосы». Как сообщает исследователь XVIII в. Адейр, «два живущих далеко друг от друга индейских племени, ни одно из которых ни слова не понимает на языке другого, могут прекрасно разговаривать друг с другом и даже заключать между собой договоры без помощи переводчика».

Туземцы также создали сложную систему сигнализации, передавая на дальние расстояния разнообразную информацию, ночью — огнем, в дневное время — дымом или облаком пыли. Кроме того, сигнализировали одеялом, зеркалами, условным передвижением (ходили по кругу, зигзагами и т. д.).

Пользовались племена прерий пиктографическим письмом, являющимся в сущности зачаточной стадией фиксации

речи. Представляя собой обычно серию рисунков, пиктограмма передает какое-либо целое сообщение не фонетическим способом, а графически, т. е. изображаемые предметы передают не звуки речи, а лишь ее содержание. Живописные рисунки наносились острой костью или наконечником стрелы на плащи, покрышки палаток и просто на бизонью или оленью шкуру. Пиктографические рисунки были особенно красивы у дакотов и кайова. Эти племена вели своеобразные хроники, ежегодно обозначая характерным рисунком важнейшие события в истории своего народа: войны, болезни, изобилие пищи, голод и т. д.

Для индейцев прерий характерны были ранние формы религий. Как и у многих других племен Северной Америки, у них было сильно развито почитание четырех стихий природы, соединенное с поклонением странам света, которые ассоциировались с тем или иным цветом. Так, дакоты связывали землю с севером и синим цветом, а ветер — с югом и черным цветом, огонь — с востоком и красным цветом, а воду — с западом и желтым цветом. По-видимому, из подобных верований возникло обрядовое значение креста, символизировавшего «священные» свойства числа «четыре».

В общественной жизни индейцев видное место занимали военные, культовые и увеселительные пляски, сопровождавшиеся музыкой и пением. Например, «пляска бизонов» преследовала цель обеспечить добычу этих животных, «пляска скальпов» весело исполнялась женщинами в честь возвратившихся с поля боя с победой мужей и отцов либо, если исход сражения был для них неудачным, представляла собой грустное зрелище — танцующие чернили себе углем лицо и руки, надевали простое платье, пели жалобные песни, скорбя о жертвах.

Одной из самых древних и распространенных была трехдневная «пляска солнца», совершаемая в огороженном круге, во время которой танцующий истязал себя и время от времени смотрел на солнце, не мигая. Она сопровождалась импровизированными шутовскими инсценировками. Об архаическом характере этой пляски свидетельствует снятие на время ее некоторых брачных запретов с мужчин и женщин.

15. Народы высоких культур Средней Америки

В этой обширной историко-этнографической области, простирающейся в меридиальном направлении от долины Мехи-

ко до Боливии и Южного Перу, на основе развитого земледельческого хозяйства, возникшего еще до нашей эры, в четырех крупных районах сложились единственные в доколумбовой Америке раннеклассовые общества: в Гватемале, в Южной и Средней Мексике, Северо-Западной Колумбии и на юге Перу.

На территории Гватемалы и частично Гондураса и Южной Мексики расцвела культура майя, достигшая наиболее высокого развития у племен полуострова Юкатана, где к северо-востоку от озера Петен-Ица, в центре полуострова, по-видимому, на рубеже нашей эры возникли древнейшие города, из которых самым крупным был Тикаль. В V—VIII вв. сложились также городские центры на севере, юге и юго-западе полуострова: Чичен-Ица, Копан, Паленке, Эцна и другие, насчитывавшие до 40 тысяч жителей.

Древнейший, или классический, период истории майя, продолжавшийся с III по IX в. н. э., известен преимущественно по памятникам материальной культуры, которые еще далеко не все найдены и исследованы. В развалинах городов археологи обнаружили пирамиды, храмы, дворцы, спортивные сооружения, жилища, стелы и другие постройки главным образом из известняка, являвшегося у майя основным строительным материалом. Были найдены иероглифические надписи и произведения искусства.

Несмотря на заманчивые гипотезы, время от времени всплывающие на поверхности науки, пирамиды майя не обнаруживают генетической связи с древнеегипетскими пирамидами ни по своему назначению, ни по конструктивным особенностям. Они более приземисты, ступенчаты в случае необходимости ими пользовались в качестве оборонительных сооружений. На усеченных вершинах располагались небольшие храмы, к которым вели, иногда с четырех сторон, крутые, без перил лестницы, покрывавшиеся порой иероглифическими надписями. Одна из подобных надписей (кстати, самая крупная из сохранившихся у майя, но, к сожалению, сильно попорченная) содержит две с половиной тысячи знаков, высеченных на вертикальных плоскостях высоких ступенчатой лестницы храма в Копане, сооруженного в середине VIII в. Длина этой богато украшенной лестницы составляет почти 30 метров, а ширина—8.

Строительное искусство индейских народов не знало таких конструктивных элементов, как истинная арка и свод, поэтому помещения зданий майя были относительно узкие, а внут-

решений объем их вследствие массивности стен, необходимых при применении ложного свода, был невелик в сравнении с виспнским. Стелы, или каменные плиты, поставленные вертикально, обычно имели на лицевой стороне рельефные изображения, а на оборотной и боковых сторонах — иероглифические тексты, однако наиболее древние воздвигались без каких-либо украшений. Высота стел в среднем равнялась 3—3,5 метра, хотя кое-где достигала почти 11 метров, ширина — метр, а толщина, как правило, не превышала 0,5 метра.

Раскопанные стадионы для игры в мяч из каучука были нескольких типов. В одних случаях игральные площадки имели овальную форму и окружались наклонными стенами, на которых располагались зрители, в других — представляли собой зажатую между небольшими пирамидами узкую полосу земли, вымощенную квадратными и круглыми плитами.

Долгое время монументальная живопись майя классического периода невысоко оценивалась специалистами, однако случайное открытие в 1946 г. фресок в древнем городище, получившем наименование «Бонампак» (на языке майя это слово означает: «стены с живописью»), заставило искусствоведов по-иному взглянуть на нее. Бонампакские полихромные росписи, созданные во второй половине VIII в. н. э. и представляющие огромную многофигурную композицию, находятся в трех темных, очень тесных комнатах самого большого здания. В большей своей части в момент знакомства с ними они были покрыты известковым налетом, который образовался вследствие проникавшей на протяжении многих веков влаги на стены помещения через отверстия в потолке. Тем не менее они сохранились в целом удовлетворительно.

В первой комнате изображена торжественная церемония с танцами, оркестром из 12 человек, зрителями, среди которых находятся как рядовые граждане, так и знатные вельможи, в том числе сидящий на троне верховный правитель вместе с женами и слугами.

Росписи второй комнаты мастерски передают различные эпизоды сражения, развернувшегося между военным отрядом и жителями поселка, которых застали врасплох. В этом же помещении, но на другой стене, изображен обряд жертвоприношения, устроенного победителем. Страх и ужас, запечатленные художником в позах и выражениях лиц военнопленных, ожидающих своей участи, невольно передаются зрителям.

Основной темой композиции третьей комнаты является

изображение ритуального кровопускания, совершаемого облаченным в женские одежды верховным правителем, при помощи белого острого предмета, которым он прокалывает себе язык или губы. Обряд этот совершается царьком в присутствии жен, слуг и многочисленной знати.

Интерпретация росписей Бонампака затруднительна, так как не прочтены иероглифические тексты, находящиеся в неудовлетворительном состоянии, которые сопровождают рисунки. Одни ученые видят в изображениях прежде всего религиозное празднество, связанное с культом божеств земли, а для других исследователей, обычно полагающих, что осмотр всей композиции необходимо начинать со второй комнаты, а не с первой, центральным мотивом росписей является победоносное сражение, в честь которого были устроены торжества.

Хотя художникам майя классического периода не были известны перспектива, игра светотени, несмотря на то, что, отдавая дань традиции, лица, как и ноги, изображались только в профиль, тем не менее бонампакские росписи поражают нас живостью и чистотой линии рисунка, выразительностью, стройностью замысла, богатой гаммой красок, динамикой движений и индивидуальными характеристиками выписанных персонажей.

В конце IX — начале X в. разразилась катастрофа: древнейшие города майя, исключая расположенных на севере Юкатана, были оставлены жителями по неизвестным нам причинам и с тех пор никогда не заселялись. Выдвигаемые в объяснение этого факта гипотезы — эпидемия, внезапное изменение климата, нашествие врагов, истощение полей вследствие особенностей подсечно-огневого земледелия, восстание народных масс, землетрясение — пока так и остаются предположениями.

Лишь на севере полуострова продолжала бить ключом городская жизнь. В конце X в. пришедшие из Мексики тольтеки покорили Северный Юкатан, сделав столицей своей державы Чичен-Ицу.

С уходом врагов, после длительного периода междоусобиц политическое главенство постепенно переходит от города Чичен-Ица к Майяпану, правители которого с середины XII в. подчинили себе остальные города полуострова. Последние в 1441 г. восстали и разрушили Майяпан. Юкатан политически вновь распался на враждовавшие друг с другом города-государства, чем и воспользовались испанские коло-

низаторы при покорении полуострова в 1541—1546 гг. Впрочем, последний из городов майя был захвачен лишь в 1697 г. Как записано в одной из хроник майя, отныне «индейцы перестали называться людьми майя, имя им всем — христиане, подданные святого Петра в Риме и его величества Короля». Культура майя Нового периода впитала в себя многие элементы тольтекской цивилизации, особенно это сказалось в живописи и архитектуре.

Основой экономики юкатанских майя к моменту соприкосновения с европейцами по-прежнему являлось земледелие подсеčno-огневого типа без применения искусственного удобрения. Через каждые два-три года они покидали старые участки из-за истощения почвы. Главным земледельческим орудием являлся обожженный деревянный кол, которым индейцы выкапывали в мае месяце, перед сезоном дождей, ямку, куда закладывали 5—6 зерен кукурузы и семена бобов и тыкв, после чего ее засыпали той же палкой либо пяткой ноги.

Ни плуга, ни сохи майя не применяли, как полагают, из-за отсутствия тягловой силы либо из опасения, что вспаханная почва будет уноситься тропическими дождями. Выращивались также батат, зеленый перец, томаты, табак, какао, хлопок, агавы и другие культурные растения, но более всего — кукуруза, урожай которой собирали несколько раз в год, так как различные ее сорта созревали в разное время после посева. Так, скороспелый сорт «песнь петуха» созревал примерно через 2 месяца, сорт «кукуруза-девочка» — через 3 месяца, а сорт «кукуруза-старуха» (с оо́льшим початком) — через 6—7 месяцев.

Испанский автор XVI в. пишет: «Поля были очень хорошо обработаны, очищены от сорных трав и засажены очень хорошими деревьями». Из кукурузы, являвшейся основной пищей туземцев, приготавливали разнообразные блюда и напитки, иногда с примесью какао и перца. Заботливые родственники набивали размолотыми зернами кукурузы даже рот умершего в качестве еды ему в дальнюю дорогу.

Подобно другим индейским народам, майя не знали животноводства, если не считать разведения индюков и собак, мясо которых употребляли в пищу. Вспомогательную роль в экономике играли охота с помощью лука и стрел и копий на оленей, тапиров, птиц и других животных, рыболовство, распространенное на побережье, и бортничество. Юкатан славился в прошлом изобилием меда.

Хотя орудия труда, как и оружие, изготавливались у майя из камня, обсидиана и дерева, так как на Юкатане отсутствует руда, тем не менее ремесла, связанные с обработкой этих материалов, а также гончарство и ткачество были относительно высоко развиты. Вызывает удивление, например, каким образом женщины майя, пользуясь примитивными ткацкими станками, выработывали красивые художественные ткани, в которые нередко искусно вплетали перья птиц. О состоянии ремесел можно судить и по обширной торговле майя, проводившейся на рынках по определенным дням.

Благоприятствовали торговле наличие гостиниц в городах, где останавливались купцы с товарами, развитая сеть искусственных дорог, часть из которых была вымощена щебнем, приобретение некоторыми продуктами функции денег. Существовали карты дорог. Торговцы, пользовавшиеся большим влиянием в обществе, имели внешние отличительные черты — пальмовые веера и за поясом плетеные сумки для бобов какао, игравших роль разменной монеты (так, заяц оценивался примерно в 10 бобов, а раб — в 100).

Общественный строй юкатанских майя в первой половине XVI в. н. э. был раннерабовладельческим. Города-государства управлялись наследственными царьками, обладавшими титулом «великий человек»; вторым лицом в стране был чиновник, ведавший сбором налогов. Внутри господствующего класса влиятельным сословием являлось жречество, имевшее наследственные привилегии, во главе с верховным жрецом, который был советником царька. Жрецы монополизировали почти полностью научные знания и искусство. Они же устанавливали сроки работ в сельском хозяйстве. Некоторые жрецы и верховные правители у майя почитались наравне с богами.

Свободные мелкие производители состояли в основном из крестьян-общинников, причем каждое селение обычно составляло одну сельскую общину. Они платили налоги, возделывали поля знати и собирали урожай, строили им и жрецам дома и храмы, обслуживали воинские части во время их передвижений.

Еще в большей степени эксплуатировались рабы, главным образом военнопленные, ряды рабов формировались также из неоплатных должников, воров, некоторых категорий преступников, сирот и разведенных жен, наконец, из рядовых свободных, вступивших в брак с рабыней или рабом. Для об-

ращения свободного в рабство достаточно было, если он украдет три початка кукурузы.

Семья у майя была моногамной, и положение женщин — больших тружениц и прилежных хозяек — было униженным. Они были лишены прав наследования, не могли занимать общественных должностей, ели отдельно от мужчин и при встрече с последними уступали им дорогу.

Одежда у майя была скудная: у мужчин — набедренная повязка, обувь и порой плащ, а у женщин — юбка и нагрудная лента. Помимо браслетов, ожерелий и других снимаемых украшений, которые носили майя, они татуировали и раскрашивали свои тела и лица в красный цвет.

Для религиозных верований майя характерен культ богов плодородия и стихий, в честь которых устраивались празднества и церемонии, сопровождаемые нередко человеческими жертвоприношениями, причем наиболее угодными богу жертвами были знатные пленники. Самыми почитаемыми были боги кукурузы, дождя, плодородия, войны, ветра, но верховым богом считался Ицамна — бог неба, создавший письменность и все науки. Религия у майя воспитывала в народных массах покорность перед господствующим классом, чему способствовало разработанное жрецами учение об аде и рае.

Достижения майя были значительны не только в области архитектуры, скульптуры и живописи. У них были театры с профессиональными актерами, где ставились драматические произведения, известные нам, к сожалению, лишь своими названиями. Вот названия некоторых из них: «Прихлебатель», «Белый попугай», «Садовник, выращивающий какао». Из литературных памятников, написанных, правда, испанскими буквами на языке майя, сохранились «Пополь-Вух» (эпос киче), в котором излагаются мифы о создании Вселенной, животных и людей (последние в конечном итоге были сделаны из размолотых зерен кукурузы, так как попытки сотворить их из глины и дерева оказались безуспешными), и «Чилам-Балам» (так назывался знаменитый пророк майя в эпоху, предшествующую испанскому завоеванию), где повествуется, в частности, о всемирных потопах в прошлом и грядущих событиях и бедствиях, ожидающих род людской.

Поразительны успехи майя в астрономии и математике. Им были известны периоды обращения некоторых планет, например Венеры, они рассчитывали наступление солнечных затмений и вычисляли продолжительность года с точностью

до одной минуты. Имелись астрономические обсерватории. Система счисления была двадцатиричная, и год у них состоял из 18 месяцев по 20 дней в каждом из них и 5 дополнительных дней, считавшихся несчастливymi и которых майя называли «днями без имени». Дни же месяца имели свои названия, и, кроме того, они обозначались числами от 0 до 19. Неделя состояла из 13 дней.

Майя обозначали знаками только три цифры: 5 — черточкой, 1 — точкой и 0 — изображением раковины. По-видимому, юкатанцы были первым народом в истории человечества, сделавшим «нечто из ничего», т. е. стали употреблять нуль — самую важную цифру.

Немало тайн отдаст Юкатан, когда будет окончательно прочтена иероглифическая письменность майя, возникшая, по-видимому, еще до нашей эры, над разгадкой которой бьется не одно поколение ученых разных стран. Наибольший вклад в решение этой проблемы внес молодой советский исследователь Ю. В. Кнорозов. С 1960 г. в работу над дешифровкой письменности майя включился Институт математики сибирского отделения АН СССР, который, судя по сообщениям прессы, при помощи электронной вычислительной машины уже достиг ощутимых успехов на этом поприще.

В распоряжении ученого мира имеется около тысячи надписей на камне, правда, большей частью кратких и изъеденных временем, а также три чудом сохранившиеся рукописи, именуемые — по месту их хранения — «мадридской», «парижской» и «дрезденской».

Остальные манускрипты были сожжены как «дьявольские свитки» испанскими фанатиками-инквизиторами, среди которых особое рвение проявил Диего де Ланда, второй епископ Юкатана. Труд этого палача индейского народа «Сообщение о делах в Юкатане», переведенный в 1955 г. на русский язык Ю. В. Кнорозовым, по иронии судьбы является лучшим из дошедших до нас источников по истории и этнографии майя эпохи порабощения их колонизаторами.

Цивилизация юкатанских майя, пожалуй, самая высокая в доколумбовой Америке, оказала сильное влияние на соседские народы, а некоторые ее достижения, например, выведенные ими культурные растения — томаты, зеленый перец, ваниль, ананасы, какао и табак — распространились по всему миру.

Второй крупный центр высоких культур Средней Америки, носителями которых являлись многие индейские народно-

сти, помещался в Южной и Средней Мексике. О некоторых из этих цивилизаций (например, о получивших широкую известность ольмекской и тольтекской, оказавшихся погребенными под землей задолго до того, как Колумб пересек на своих каравеллах Атлантический океан) можно судить лишь по памятникам материальной культуры да скудным и противоречивым преданиям, сохранившимся в индейских хрониках и записках ранних испанских авторов.

Термины «ольмекская» и в известной степени «тольтекская» культуры являются условными, так как неизвестны языки народов, создавших эти цивилизации. Хотя ольмекские памятники случайно были открыты крестьянами и лесорубами еще во второй половине XIX в., первые систематические археологические раскопки на территории атлантического побережья Южной Мексики стали производиться с 1938 г.

Были обнаружены статуэтки из нефрита, серпентина и других пород камня, остатки сооружений, в том числе акведука и пирамид, а также изваяния человеческих голов, высота которых достигает почти 3 метров, при весе свыше 25 тонн каждой. Головы были высечены из базальта, месторождения которого находились в нескольких десятках километров от тех мест, где они были обнаружены. Ольмекская скульптура, превосходившая в некоторых отношениях скульптуру майя, оказала заметное влияние на искусство ряда народов Мексики и Центральной Америки.

Подобно своим соседям майя, ольмеки искусственно деформировали черепа у грудных детей, сжимая их головы между двумя дощечками, и пользовались иероглифической письменностью, которая, однако, совершенно не изучена. Хронологические рамки ольмекской культуры с трудом поддаются определению и окончательно не установлены. Некоторые ученые считают ее самой древней в Мексике и Центральной Америке, но мнение это не подкреплено вескими аргументами.

Значительно больше памятников материальной культуры сохранилось от северных соседей ольмеков — древних жителей долины Мехико, известных под собирательным именем тольтеков, под которым, может быть, скрываются многие народы различной языковой принадлежности, в том числе и народ, носивший это имя. Ранняя тольтекская культура, датируемая IV (возможно II) — IX вв. нашей эры и созданная жителями Теотихуакана (столицы государства), имела некоторые общие черты с цивилизациями ольмеков и майя. Тео-

тихуаканцы восприняли также достижения народов, обитавших в долине Мехико до их прихода.

Будучи земледельцами, они, как и их южные соседи, выращивали кукурузу, зеленый перец, бобы, хлопок, агаву, умели выделывать красивые ткани. Однако более всего тольтеки прославились среди соседних народов строительным искусством, в частности сооружением ступенчатых пирамид, увенчанных храмами. Самые грандиозные из них — Пирамида Луны и Пирамида Солнца, сооруженные из миллионов адобов (сырцовых кирпичей) и облицованные каменными плитами, возвышаются соответственно на 42 и почти 65 метров. Об этих памятниках в одной из древнемексиканских рукописей сказано: «Они подобны горам, и невозможно поверить, если кто-нибудь сказал бы, что они сделаны человеческими руками».

Тольтеки пользовались пиктографической письменностью, дополняемой зачатками иероглифического письма. Высшим божеством у них считался Кетцалькоатль («Пернатый змей») — бог мудрости, изображаемый в виде змеи, покрытой красивыми зелеными перьями священной птицы кетцаль, обитавшей в горах Гватемалы. Это имя присваивалось верховным жрецам как титул.

В IX—X вв. в Центральную Мексику вторглись многочисленные отсталые кочевые племена нахуа, принадлежавшие к таньо-юто-ацтекской языковой семье и родственные в лингвистическом отношении тольтекам. Центральная Мексика издавна служила перевалочным пунктом для многих народов, проходивших с севера на юг, часть из которых здесь оседала, привлекаемая высокой культурой древних ее насельников, превосходным климатом и плодородием почвы высокогорных долин, насыщенных озерами. Под натиском врагов теотихуаканцы в середине IX в. оставили свои жилища и устремились на северо-восток, где основали город Толлан, ставший новым центром тольтекской культуры. Хотя индейские хронисты называли тольтеками исключительно жителей Толлана, в настоящее время все большее число ученых склоняется к мысли, что между ними и теотихуаканцами существовали генетические связи.

На новом месте в короткий срок было построено множество зданий, из которых самым колоссальным памятником, не имевшим равных по своим размерам в доколумбовой Америке, является сооруженная в городе Чолула пирамида высотой 77 метров при длине ее основания в 440 метров. Одна-

ко вскоре тольтеки вследствие угроз со стороны пришельцев вновь покинули обжитые места и отправились на юго-восток, причем часть их проникла в Юкатан и покорила на севере полуострова города майя.

Между тем племена нахуа, получившие от цивилизованных обитателей долины Мехико презрительное имя чичимеков, т. е. варваров, восприняв многие достижения тольтекской культуры, в частности земледелие и высокое строительное искусство, стали развиваться ускоренными темпами по пути исторического прогресса. Нередко они создавали военные союзы, из которых постепенно приобрел доминирующее влияние союз трех племен: теночков, тескоканцев и тлакопанцев.

Теночки, получившие в дальнейшем имя ацтеков (астеков), прибыли в долину Мехико во второй половине XIII в. и в 1325 г. на небольших островках мелководного соленого озера Тескоко основали поселение Теночтитлан. В XV в. большинство народов Центральной Мексики было поработено союзом этих племен, в котором господствующее положение заняли ацтеки, освоившие местную культуру и развивавшие ее во многих отношениях дальше; однако, как справедливо пишет Б. И. Шаревская, «они были скорее наследниками, чем создателями цивилизации, известной под именем ацтекской». Не случайно в преданиях ацтеков создателями важнейших достижений культуры обитателей долины Мехико считались тольтеки, а на их языке слово «тольтек» значит «строитель» либо, как полагают некоторые ученые, «художник».

Источники сохранили сведения, позволяющие восстановить с известной полнотой историю ацтеков в предшествующий испанскому завоеванию столетний период.

Основу экономики ацтеков составляло земледелие с применением искусственного орошения. Выращивались те же съедобные растения, что и у майя и тольтеков; ведущей сельскохозяйственной культурой также являлась у них кукуруза, или, по-ацтекски, маис, который, по мнению Л. Моргана, благодаря «его пригодности к употреблению как в зеленом, так и зрелом состоянии, его высокой урожайности и питательности оказался более богатым даром природы, содействовавшим начальному прогрессу человечества, чем другие хлебные злаки, вместе взятые». Палка-копалка, так называемая «коа», являлась главным земледельческим орудием.

Немалое значение в хозяйстве ацтеков играла агава, цве-

тушая один раз в жизни и погибающая по созревании плодов. Волокна ее шли на изготовление канатов, бечевки и грубых тканей, шипы использовались в качестве игл, листьями покрывались дома и навесы, а из перебродившего сахаристого сока, собранного перед началом цветения, получали опьяняющий напиток пульке, который и ныне популярен в нагорной Мексике.

Испытываемый земельный голод ацтеки остроумно утолили путем создания искусственных островков и плавучих огородов. В первом случае на мелководье, обычно на отмелях возле берегов озера, насыпались кучи земли, постепенно расширяемые, которые закреплялись на первых порах плетнями из камыша, а затем корнями посаженных деревьев. Во втором случае на сооружаемые плоты, привязанные к битым в дно озера сваям, накладывали ил с жидкой землей, и в эту плодородную почву сажали семена растений. Мясную пищу ацтекам доставляла охота на оленей, пернатую дичь и кроликов, помимо разводимых для этой цели индюков, уток, гусей и в некоторых местностях — собак.

Хотя ремесло у ацтеков неполностью отделилось от земледелия и важнейшие орудия труда изготавливались из камня, дерева и обсидиана, которым особенно богата долина Мехико, тем не менее отдельные виды ремесел достигли у них высокого совершенства, в первую очередь ткачество и строительное искусство. Женщины-ткачихи умели выработать из хлопковых нитей либо из волокон одного из видов агавы удивительно красивые ткани, напоминающие расцветкой парчу, бархат и меха животных. Нередко в ткани, шедшие на изготовление плащей, головных уборов и для украшения щитов, заделывались в процессе ее выработки стержни разноцветных перьев, подбор красок которых изображал животных или составлял красивые узоры, соперничавшие с живописью.

На мировом рынке некогда высоко ценилась темно-малиновая краска кармин, добываемая ацтеками из кошенилей — маленьких насекомых, обитающих на так называемомнопальном кактусе, листья которого служат им пищей. Из карликовой гваюлы добывали каучук, который употреблялся для прикрепления к одежде перьев, а также шел на изготовление мячей для ритуальных и спортивных игр.

Одежда ацтеков, помимо своей непосредственной функции, служила указанием профессии и социального положения ее владельца. Если у бедняков она изготавливалась из низкосортного хлопка и грубых волокон агавы, то богачи и

шать облачались в пышные дорогостоящие одежды, к которым прикреплялось множество знаков отличий. Рядовые мужчины носили обычно повязку вокруг бедер, а в холодную погоду также сандалии и короткий плащ, застегнутый на одном плече, женщины — набедренную повязку, стянутую узким поясом, и длинные рубахи без рукавов.

Завидного терпения требовала обработка такого твердого материала, как обсидиан, из которого выделявали скребки, наконечники для стрел и копий, лезвия для бритв и культового самоисгязания, а также вазы и зеркала, хотя последние чаще всего изготавливались путем тщательной полировки глыб железного колчедана.

Ацтеки были великолепными строителями. Когда после изнурительных переходов перед взорами уставших до предела солдат Кортеса в 1519 г. внезапно предстал Теночтитлан, расположенный посреди голубого озера, с его белоснежными зданиями и зелеными садами, покрытый густой сетью каналов, заменявших, как в Венеции, улицы, то у них, по свидетельству участника похода Берналя Диаса, вырвались от восхищения слова: «Не сон ли все, что мы видим?»

Разросшийся за счет искусственных островков Теночтитлан (ныне Мехико), насчитывавший, по мнению многих ученых, до 200 тысяч жителей, соединялся с берегом тремя широкими, тянувшимися на многие километры дамбами, прерывавшимися подъемными мостами в местах пересечения их каналами. К востоку от города через все озеро тянулась насыпь, защищавшая столицу от наводнений, которые происходили в сезоны дождей.

Ацтеки имели сильную военную организацию. Все мужчины, способные носить оружие, являлись солдатами. Систематическое обучение военному делу начиналось с 15-летнего возраста и в битвах новобранец следовал за ветераном. Самые мелкие тактические подразделения состояли из 20 бойцов. Они входили в отряды численностью от 200 до 400 человек, которые при необходимости сводились в более крупные соединения.

Наступательным оружием являлись лук и стрелы, дротики, пики, пращи. Однако ацтеки, стремившиеся всегда исход сражения решить рукопашной схваткой, предпочитали пользоваться деревянными палицами, обсаженными по их краям острыми пластинами обсидиана, которыми они, по свидетельству испанских авторов, могли надвое перерубить своих противников. Защитой воинам служили плетеные, покрывав-

шиеся кожей щиты, вымоченные в рассоле толстые хлопчатобумажные кафтаны, игравшие роль панцирей, которые нередко использовались конкистадорами, так как эти кафтаны, особенно в летнюю пору, имели ряд преимуществ, по сравнению с их тяжелыми латами. Некоторые ацтекские солдаты носили деревянные каски.

Разнообразие естественных богатств и развитие ремесел стимулировали обмен, принявший у ацтеков значительные размеры. В каждом селении регулярно устраивались базары, а в Теночтитлане, на огромной площади, вымощенной плитами, существовал ежедневный рынок, обилие и разнообразие товаров на котором вызывали у испанцев смешанное чувство удивления и зависти.

Ни гирь, ни весов ацтеки не знали. Торговля носила в основном меновой характер, хотя стержни перьев, наполненные золотым песком, выкованные серповидные ножи и некоторые другие товары приобретали функции денег. Когда было необходимо уравновесить разницу при обмене, пользовались бобами какао, из которых приготавливали шоколадный напиток (кстати, слово «шоколад» — ацтекского происхождения), обычно приправленный в богатых семьях ванилью и подслащенный медом или соком агавы.

Золото у ацтеков, по-видимому, ценилось ниже, чем серебро, потому что последнее встречалось значительно реже, но самыми дорогими предметами у них считались полудрагоценные камни нефрит и бирюза. Именно эти минералы предлагали туземцы конкистадорам в ответ на их требования отдать свои сокровища.

Реконструкция социальных отношений у ацтеков ко времени покорения их колонизаторами весьма затруднительна, так как источники, которыми располагают ученые, содержат противоречивые сведения. Последнее объясняется в значительной степени невежеством испанских авторов, в частности тем обстоятельством, что в их трудах ацтеками именовались различные туземные народы Мехико, подпавшие под власть Теночтитлана и находившиеся на неодинаковом уровне общественного развития. В связи с этим ацтекское общество называли рабовладельческой империей, феодальной монархией; по мнению же Л. Моргана, оно находилось на средней ступени варварства, что соответствует патриархально-родовому строю.

В действительности, как установлено советскими исследователями, в первую очередь Р. В. Кинжаловым, видным

шаток культуры Древней Мексики, Кортес застал у ацтеков формирующееся либо, скорее всего, сложившееся примитивное классовое общество, в котором сохранялись сильные пережитки родоплеменной организации.

Некогда ацтеки избирали двух предводителей с примерно равными полномочиями. Один из них, носивший титул тлакатекухтли, т. е. «вождя людей», был главнокомандующим и жрецом, а другой, объем власти которого непрерывно сокращался (за несколько десятилетий до прихода испанцев он уже играл второстепенную роль в управлении страной по сравнению с военным вождем), следил главным образом за соблюдением обычаев и сбором дани с зависимых народов.

Один из последних тлакатекухтли, Монтесума II, судя по описаниям испанских авторов, был настоящим самодержцем, священную особу которого, исключая нескольких вельмож, никто не мог лицезреть и никто из подданных не смел поворачиваться к нему спиной. Пищу он принимал в одиночестве при благоговейной тишине, соблюдаемой дворцовыми слугами и стражниками, которых насчитывалось в общей сложности свыше тысячи человек. По меньшей мере он четырежды в сутки менял одежду, причем никогда ему вторично не подавали платья, в которое он уже одевался, как и посуду, из которой он ел и пил. Монтесума II всегда ступал по драгоценным тканям, расстилаемым перед ним сановниками, так как сандалии повелителя ацтеков не должны были касаться земли.

Параллельно с ростом могущества верховного правителя, сан которого фактически стал наследственным, падало влияние совета родовых старейшин, превратившегося из полномочного органа власти в совещательный орган при тлакатекухтли и состоявшего уже из узкого круга его ближайших родственников.

Кровнородственные связи в ацтекском обществе вытеснялись соседскими, или территориальными. Земля находилась в коллективной собственности. Существовали сельские общины, земельные наделы которых выделялись в пожизненное владение главам семей и передавались по наследству от отца к старшему сыну, тогда как остальные его сыновья, женившись, получали самостоятельные наделы. В общине имелись земли, обрабатываемые сообща всеми членами, урожай с которых шел на содержание правителей, чиновников и жрецов.

Наряду с резким имущественным и социальным расслоением среди свободного населения, в ацтекском обществе име-

лось огромное количество бесправных рабов, состоявших преимущественно из военнопленных и в качестве таковых нередко приносимых в жертву богам, а также из неоплатных должников и некоторых категорий преступников, например из воров старше 10-летнего возраста (кража на рынке каралась смертью), людей, не донесших об измене, и даже из членов семьи изменника. Рабство носило патриархальный характер. Рабы могли иметь свою семью, и дети их с момента рождения становились свободными.

Положение женщины в обществе и семье было принижено. Для богатых существовала полигамия. Распространен был обычай левирата. Муж мог выгнать жену даже за дурной характер. Сурово наказывалось прелюбодеяние. Хроническое пьянство считалось серьезным общественным преступлением, и виновные подвергались различным наказаниям, вплоть до избиения насмерть палками или камнями; исключение делалось лишь для лиц преклонного возраста, для которых употребление спиртных напитков не ограничивалось.

У ацтеков был многочисленный пантеон богов, из которых особенно почитались боги дождя, кукурузы, агавы, богиня плодородия и деторождения. Однако главными божествами считались Уицилопочтли, Кетцалькоатль и Тецкатлипока. Уицилопочтли — жестокий бог войны, покровитель ацтеков, храм которого помещался на вершине самой грандиозной пирамиды Теночтитлана, где ему приносились человеческие жертвоприношения, из которых наиболее угодными божеству были самые знатные и храбрые пленники. Бог Кетцалькоатль культ которого был заимствован у тольтеков, изображался у ацтеков по-разному, но чаще всего в виде бородатого старика с кожей белого цвета. Он был изгнан из Мексики грозным богом Тецкатлипокой, ушел на Восток, но обещал вернуться и утвердить свою власть над страной.

Тецкатлипока («дымящееся зеркало»), олицетворявший чаще всего солнце, был не менее кровожадным богом, чем Уицилопочтли, и изображался с зеркалом из обсидиана, в котором согласно верованиям ацтеков отражаются все происходящие на земле события. Каждой весной у красивейшего из пленников верховный жрец каменным ножом вырывал сердце, считавшееся самым драгоценным в жертве, и подносил его в дар Тецкатлипоку, тогда как в течение года, предшествовавшего этому роковому дню, избраннику воздавались божеские почести.

Сложный культ у ацтеков обслуживали многочисленные

жрецы, организованные по иерархическому принципу, легко опьявлявшиеся при встрече по черным одеждам и изодранным ушам — следствием самоистязаний.

Искусство, как и научные познания ацтеков, развивались поровну. В отличие от живописи скульптура и особенно монументальная архитектура производят сильное впечатление, хотя нет оснований утверждать, подобно американскому ученому Д. Вайяну, автору книги «История ацтеков» (М., 1949 г.), что храмы у них были совершеннее и великолепнее, чем у древних египтян.

Из прикладных искусств высокого совершенства у ацтеков достигли ювелирные изделия из золота, серебра, бронзы, олова и других металлов, о которых, познакомившись с ними, великий немецкий художник А. Дюрер в 1520 г. писал: «За всю свою жизнь я не видел вещей, которые бы мне так понравились!.. Меня поразили изысканный талант людей, живущих в этих далеких странах».

Замечательны были научные достижения ацтеков, особенно в медицине и астрономии. При лечении болезней широко применялись лекарственные растения, многие из которых стали использоваться в практике европейских врачей, например наперстянка (дигиталис) для возбуждения сердечной мышцы. В необходимых случаях древние мексиканцы прибегали к общему наркозу, применяя в качестве дурмана порошок яутли (индейской конопли).

Система счисления ацтеков, как и их календарь, восходят в своей основе к юкатанским майя. Последний состоял из двух частей: солнечного календаря и культового.

По солнечному календарю год, как и у майя, состоял из 18 20-дневных месяцев, названия которых связывались с различными земледельческими культурами, и 5-дневного периода, считавшегося несчастливым. 52 года составляли цикл, смена которых, представляемая ацтеками как смерть одной жизни и начало новой, отмечалась торжественными церемониями, получившими наименование обряда «Нового огня».

В последние пять дней года люди постились и горевали, ожидая гибели, гасили очаги в своих домах. Жрецы, задув в храмах священное пламя, до этого момента заботливо поддерживаемое в течение 52 лет, совершали восхождение накануне роковой ночи на вершину потухшего вулкана («Холм звезды»), где, убедившись по истечении определенного срока, что боги продолжили существование мира, приносили в жертву человека и зажигали при всеобщем ликовании наро-

да в его вскрытой груди новый огонь, который затем факельщики разносили по всей стране, возвещая о наступлении нового цикла. Устраивались пиршества и приносили жертвы богам, даровавшим людям жизнь.

Культовый календарь обнимал 260-дневный период, подразделявшийся одновременно на 13 двадцатидневных месяцев и 20 тринадцатидневных недель (число 13 у ацтеков было священным, даже день был разбит на 13 часов). Дни месяца имели свои названия, а дни недель обозначались цифрами от 1 до 13. Следовательно, каждый день имел двойное наименование, представлявшее сочетание двух элементов: название дня месяца и одного из чисел недели, сочетание, которое дважды не могло повториться в пределах 260-дневного периода.

Своеобразна духовная культура ацтеков, в частности большой интерес представляет их мировоззрение. В этой связи заслуживает серьезного внимания ценная, хотя и не лишенная недостатков книга мексиканского ученого М. Леон-Портильи «Философия нагуа» (М., 1961 г.), в которой сделана смелая попытка проанализировать на материале источников философские концепции народов нагуа долины Мехико.

Помимо ацтеков и их союзников тескоканцев и тлакопанцев, в Центральной Мексике жили многие народы, часть из которых сохраняла свою политическую самостоятельность до прихода испанцев. К ним относились, в частности, тараски — наиболее могущественный народ после теночков, живший к западу от них, и тласкаланцы, обитавшие к востоку от державы Монтесумы.

Вместе с тем значительная часть племен и народностей была подвластна ацтекам и платила им дань. Самые крупные из них — миштеки, сапотеки, хуастеки и тотонаки. Первые два народа населяли земли, расположенные к юго-востоку от Теночтитлана, а вторые, — к северо-востоку. Сапотеки, по-видимому, еще до нашей эры создали высокую культуру, сходную в некоторых отношениях с ольмекской. Они пользовались иероглифическим письмом. Однако с XI и особенно с XIII в., когда в стране сапотеков поселились миштеки, прибывшие с севера, культура их пришла в упадок. Тем не менее общественные отношения, материальные и духовные ценности сапотеков, как и их соседей миштеков, едва ли уступали в целом ацтекской цивилизации первой четверти XVI в.

На более низкой ступени культурного развития находи-

лись хуастеки и тотонаки, письменные сведения о которых крайне скудны, а археологические памятники недостаточны, чтобы прочертить контуры истории их в доколониальный период.

13 Третий крупный центр высоких культур Средней Америки сложился в Северо-Западной Колумбии, в долине Богота, где народы языковой семьи чибча, переселившиеся, по-видимому, из районов Панамского перешейка, создали несколько мелких государств, история которых почти неизвестна, что объясняется в значительной степени отсутствием письменности у туземного населения. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, письменность у них была, но она еще не обнаружена.

В отличие от чибча, живших родоплеменным строем, народы этой области называли себя также «муиска», т. е. «люди». Из царства чибча-муиска больше всего сведений сохранилось о Бакатэ (Боготе) и Тунхе.

Муиска занимались в основном земледелием, не требовавшим из-за мягкого климата долины, плодородия почвы и регулярных дождей строительства дорогостоящих оросительных каналов. Выращивали кукурузу, картофель, багат, томат, хлопчатник и другие культуры. Из меди, серебра и особенно часто из золота, которое они получали в качестве дани от покоренных племен либо выменивали у соседних народов на изумруды, красивые ткани и соль, составлявшие предметы экспорта муиска, изготавливали красивые фигурки, широко прибегая к филигранным, художественным приемам, передававшим детали тончайшей крученой проволокой, напоминающей кружева.

Общественный строй чибча-муиска был раннерабладельческий. Полагают, что рабство-должничество отсутствовало. Сохранялись сильные пережитки родового строя, особенно в семейно-брачных отношениях. Так, распространены были обычаи левирата и авункулата, бытовала полигамия.

Четвертым крупным очагом цивилизации историко-этнографической области высоких культур являлся район средней части Андского хребта, на западных склонах которого, в прибрежной полосе и на Боливийском нагорье, жили многочисленные народы, принадлежавшие к мочика, кечуа и другим языковым семьям.

Наиболее ранние классовые отношения сложились у мочика на севере Перуанского побережья, где к III в. до н. э. возникло примитивное государство Чиму, основой экономики

которого являлось земледелие, возникшее на этой территории в середине III тысячелетия до н. э.

Мочика покрыли страну сетью оросительных каналов, один из которых тянулся более чем на 100 километров. Помимо собаки, они одомашнили ламу — верблюдообразное, не имеющее, однако, горбов животное, очень выносливое и обладающее, несмотря на свою кротость, упрямым нравом. Знали мочика медь, серебро, золото и сплавы из них. Сооружали земляные пирамиды до 40 метров высоты с храмами наверху. После длительного упадка Чиму в XI—XV вв. переживало пору подъема производительных сил, вызванного появлением бронзы, развитием кузнечного дела и строительного искусства.

К юго-востоку от государства Чиму в первые века нашей эры расцвела культура Тиауанаку, созданная, как предполагают, народом аймара, зародившаяся в районе высокогорного реликтового озера Титикака, где обнаружены грандиозные мегалитические сооружения циклопической кладки. Самым величественным памятником поздней культуры Тиауанаку, широко распространившейся в соседние области, является портал, известный под именем «Ворота Солнца», сооруженный из отесанных, плотно пригнанных друг к другу каменных плит, достигающих до 200 тонн веса. Многие ученые склонны считать, что бронзу впервые стали применять в доколумбовой Америке носители этой культуры в VI—X вв.

Племена языковой семьи кечуа первоначально обитали в долине Куско и прилегающих районах. В культурном отношении они долгое время отставали от мочика и аймара. Распространенное прежде мнение, что кечуа поселились в Куско лишь за несколько столетий до прихода испанцев, ныне вызывает сомнение у многих ученых.

Постепенно среди кечуа господствующее положение заняли инки — племя или группа племен, образовавшие к середине XV в. примитивное классовое общество. Обладая сильной военной организацией, они, названные некоторыми историками «римлянами Нового Света», в последующие десятилетия, совершая победные марши, стремительно раздвинули пределы своей державы, преимущественно в меридиальном направлении. В начале XVI в. расстояние между северными и южными границами ее равнялось 4 тысячам километров. По меньшей мере сто племен и народностей общей численностью примерно в 6 миллионов человек входили в состав государства инков, территория которого охватывала, помимо

нынешних Перу и Эквадора, также частично Колумбию, Боливию, Чили и Аргентину.

Инкская цивилизация, воспринявшая культурные достижения многих народов средней части Анд, судя по сохранившимся археологическим памятникам и описаниям испанских авторов, ко времени вторжения конкистадоров находилась на восходящей ветви своего развития. Экономика инкского общества процветала. Подавляющая часть населения занималась земледелием, выращивая свыше 30 видов полезных растений, в том числе батат, табак, маниок, кокаиновый куст, хлопчатник, киноа (похожа на лебеду), но преимущественно кукурузу и горный морозостойкий картофель, составлявших основу питания туземцев.

В последние годы ученые склоняются к мысли, что не Центральная Америка, а Перу и Боливия являются наиболее вероятной родиной кукурузы. Интересно, что прославленный сорт «куско» по-прежнему является своего рода чемпионом по величине зерен, превышающих зерна обыкновенной кукурузы в 3—4 раза. Если кукуруза, зерна которой, кстати, перуанцы предпочитали употреблять в пищу не вареными, а поджаренными или вымоченными, культивировалась на побережье и в нижних зонах гор, то киноа, дававшую большой урожай мелких семян, и картофель возделывали на высокогорном плато.

Исследования советских ботаников позволяют утверждать, что впервые культурные виды картофеля были выведены в местностях, прилегающих к озеру Титикака, откуда после великих географических открытий распространились по всему земному шару. Горцы употребляли в пищу, особенно в трудное время, и клубни дикого картофеля, предварительно удалив у него горький неприятный привкус. Последний исчезал после того, как замороженные в холодные ночи клубни оттаивали на солнце. Многократно замороженный и высушенный картофель, из которого выдавливали воду, осторожно топтали ногами, называли чуньо. Он мог сохраняться несколько лет. До сих пор не истерлась из памяти индейцев Анд поговорка: «Сушеное мясо без чуньо подобно жизни без любви».

Земледелие было орошаемым. В низменной прибрежной полосе, протянувшейся вдоль Тихого океана, где реки были невелики и осадки выпадали неравномерно в различные сезоны года, сооружались колоссальные резервуары для хранения воды, прорывались каналы, проходившие в ряде мест че-

рез акведуки, русла этих каналов во избежание утечки влаги местами были выложены каменными плитами. На плоскогорье, окаймленном с востока и запада горными цепями Анд, полезные растения культивировались в узких долинах с крутыми склонами, на которых поля располагались террасами. Оросительная система в этом районе была создана таким образом, что она предохраняла почву от размывания в период сильных дождей.

Инки широко применяли удобрения. На побережье удобрением служили иногда рыбы головы, но обычно гуано, т. е. продукт разложения помета морских птиц. Гуано, высококачественное удобрение, содержащее 14—17 процентов азота, добывалось на прибрежных островах, где были птичьи базары. Оно легко усваивается растениями и эффективнее коровьего навоза в 35 раз. На горном плато применяли экскременты лам и ее разновидности альпак. Не считая собак и морской свинки, разводимой ради ее мяса, лама и альпака—единственные животные, прирученные туземцами Нового Света, использовались в ограниченных пределах, поэтому говорить о существовании животноводства в области Анд можно лишь условно.

Ни лама, ни альпака не использовались в земледелии в качестве тягловой силы. Молоко их не употребляли в пищу. Альпаку разводили исключительно из-за мяса и тонкой, мягкой шерсти. Лама же, помимо того, что она была выючным животным, могущим нести 20—30 килограммов груза, использовалась почти универсальным образом: шерсть, мясо, жир, шкура, сухожилия, кости, навоз — ничто не пропадало.

Высокого уровня в инкском обществе достигло развитие ремесел, особенно ткачество, обработка металлов и строительное искусство. Шерстяные и хлопчатобумажные ткани, отличавшиеся прочностью, красивым орнаментом и яркостью красок, принадлежат к шедеврам текстильного производства. По мнению Кроу, «коренное население Перу открыло и применяло почти все известные способы ткачества, они подняли это искусство на такую высоту, какое не знало человечество за всю свою историю». Многими отмечалось, что французские гобелены, изготовленные намного позже, уступали перуанским тканям по тонкости исполнения.

Инки широко использовали пять металлов: медь, олово, свинец, серебро, золото и сплавы из них, например меди и серебра, меди и олова, серебра и золота, шедшие на изготовление украшений, оружия и орудий труда. Знали они метео-

ритное железо. По разнообразию способов обработки металлов обитатели средней части Андского хребта не имели себе равных в доколумбовой Америке.

Едва ли не величайшим достижением материальной культуры инков, принесшим им мировую славу, являлись великолепные дороги, о которых выдающийся немецкий исследователь А. Гумбольдт, объездивший весь свет, в порыве восхищения писал, что они являются одним «из самых полезных и величественных произведений человеческих рук». Проложенные в нелегких природных условиях — то высоко в горах, где порой приходилось пробивать туннели, то в песчаной и болотистой местности, — они были вымощены каменными плитами или смесью щебня с глиной и в необходимых местах защищены от заноса песком и размыва водой.

Так как колесо не было известно туземцам Нового Света и в связи с этим у них отсутствовала телега, то дороги были узкие: ширина даже главных магистралей, пересекавших в меридиональном направлении почти всю страну, не превышала обычно 4,5 метра. Не применяя повоз и досок, инки тем не менее искусны были в строительстве мостов, особенно подвесных (канатных), длина которых достигала 60 метров. Разноязычное, экономически рыхлое государство инков скреплялось, словно обручами, тянувшимися во все направления дорогами, по которым день и ночь передвигались военные отряды, купцы с товарами, мчались правительственные гонцы с важными донесениями.

Служба связи была превосходно налажена. Вдоль дорог примерно через каждые 20 километров были построены постоянные дворы, через 2—3 километра — станции, где помещались пикеты из двух курьеров — тренированных бегунов-стайеров. Один из таких курьеров передавал сообщения по принципу эстафетного бега голосом либо при помощи так называемого «узелкового письма». Второй курьер оставался в помещении, готовый выполнить новое поручение.

Кипу — условное мнемоническое средство для передачи сведений, представлявшее собой резную деревянную палку или веревку со свисающими с ней многочисленными, неодинаковой длины, толщины и цвета шнурами, на которых завязывались разными способами узлы. Так, окраска шнуров обозначала предметы, о которых сообщалось (например: белый цвет — серебро, бурый — картофель, черный — время), количество узлов, их форма и удаленность от веревки указывали на численность предметов или единиц веса. Курьеры пе-

редавали известие на расстояние 5 тысяч километров за 20 дней. Срочные же сообщения передавались при помощи дымовых сигналов на расстояние 3200 километров за 4 часа.

Несмотря на значительное развитие ремесел, обмен и торговля в инкском обществе были слабо развиты в сравнении с майя и ацтеками; об этом можно судить по отсутствию профессиональных купцов и единой, в масштабе всей страны, системы мер и веса.

Социальные отношения и государственное устройство инков отягощались сильными пережитками первобытнообщинных порядков и в общих чертах были сходны с раннеклассовыми обществами Юкатана, Колумбии и Мексики. Сохранялась родоплеменная организация. Кровородственные связи полностью еще не были вытеснены территориальными. Айлью, или сельская община, находилась на ранней стадии своего развития. Члены ее были родственниками и жили обычно в одной деревне. Земельные наделы общины подлежали ежегодному переделу. Вместе с тем приусадебные участки, переходившие по наследству от отца к сыну, фактически превращались в частную собственность.

Общинники составляли основную массу свободного населения. Это они строили и ремонтировали дороги, мосты, храмы и крепости, сооружали и поддерживали в порядке ирригационную систему и, кроме того, платили налоги, взимаемые натурой. Государственные амбары, представлявшие каждый в отдельности комплекс изолированных друг от друга (из-за опасения пожара) складских помещений, располагались недалеко от дорог и селений.

О положении рабов, которые состояли почти исключительно из военнопленных, так как долговая кабала, по-видимому, не была известна, источники сохранили скудные сведения.

Инки являлись господствующей народностью в стране и в зависимости от знатности делились на несколько категорий. Они не занимались производительным трудом, жили за счет дани с поработанных племен и даже своей одеждой, прической отличались от остальных жителей государства. Смертная казнь полагалась тому, кто обругал, оклеветал или умышленно толкнул инку.

Легко было определить по внешнему виду и знатных инков, прозванных испанцами ушастыми за их сильно оттянутые массивными украшения мочки ушей, размер которых свидетельствовал об общественном положении данных лиц. Только они могли носить драгоценности и одежды

из тонкой шерсти вигони — дикого животного рода лам.

Незадолго до вторжения конкистадоров этнический термин «инка» приобрел социальный смысл, так как многие народы языковой семьи кечуа и верхушка покоренного населения получали право именоваться «инками» по привилегиям. Столицей государства был город Куско («пуп земли»), где находилась резиденция царя, носившего титул Верховного Инки. Для подданных он был богом, сыном Солнца, и никто из простых смертных не смел смотреть на него в упор.

Восседая на золотом троне, милостиво принимая пищу из золотых чаш, царь никогда не дотрагивался к ним второй раз, как ни разу дважды не надевал одежды, осыпанные драгоценностями и украшенные перьями редкостных птиц. Имеются сведения, что он плевал не на пол, а в руку одной из знатных дам. Главной супругой царя была его старшая сестра, сын их являлся наследником. Умерших владык мумифицировали, облачали в парадные одежды, украшали драгоценностями и надевали на лица золотую маску.

Цари Древнего Перу были сказочно богаты. Когда Верховный Инка Атауальпа был вероломно захвачен испанцами, то он предложил им в качестве выкупа своей священной особы наполнить золотом и драгоценными камнями комнату, в которой томился, на высоту поднятой руки. Получив баснословные сокровища, измеряемые 70 м³, конкистадоры впоследствии все же задушили Атауальпу во имя «бога, святой библии и короля». Деспот юридически являлся собственником всей земли в государстве.

Обрабатываемая земля общинниками подразделялась на три доли: «поля Инки», «поля Солнца» и «поля общины», доходы с которых, исключая последнего, шли на содержание царя, чиновничьего аппарата и постоянной армии, куда входил каждый десятый взрослый мужчина страны, а также многочисленного жречества, составлявшего влиятельную прослойку господствующего класса. Сан главного жреца принадлежал брату или дяде Верховного Инки.

Одной из особенностей инкского общества является мелочная опека со стороны правительства всех сторон жизни и быта людей. В частности, власти вменяли в обязанность юношам и девушкам вступать в брак; если по достижении известного возраста они оставались холостыми, то специальный чиновник образовывал по своему разумению супружеские пары.

В отличие от подавляющего большинства индейских пле-

мен и народностей инки не курили и не жевали табак. Зато они жевали листья кокаинового куста в качестве возбуждающего средства. Далекое прошлое коренного населения средней части Андского хребта, в первую очередь его духовная культура, в целом изучено несколько слабее, чем истории майя и ацтеков до прихода европейцев, в связи с тем что инки не создали письменности. Впрочем, имеются сведения, позволяющие с большой долей вероятности утверждать, что у инков существовала иероглифическая письменность, которая, возможно, будет обнаружена исследователями.

Религиозные воззрения жителей Древнего Перу были разнообразны и относительно неплохо исследованы у инкской народности, у которой они, при сохранении сильных пережитков ранних форм религии, приобрели уже классовый характер. Наиболее почитаемыми богами инкского пантеона были: бог Солнца, богиня Матери-Земли, боги кукурузы и картофеля, которых умилостивляли обильными приношениями, в том числе и человеческими.

Велики были достижения народов Анд в области положительных знаний, в частности в медицине и астрономии. В связи с обычаем мумификации знатных инков хорошо была известна анатомия человеческого тела. Хирурги инков производили трепанацию черепа. Были известны лечебные свойства многих растений. Хотя инки строили обсерватории и вели наблюдения за небесными светилами, довольно точно вычисляли солнечный и лунный год, имели и другие астрономические познания, успехи их в этой науке значительно уступали достижениям майя.

Цивилизации майя, ацтеков, чибча-мунска, инков и других народов Средней Америки, выделявшиеся среди индейских культур высоким строительным искусством, техникой обработки металлов и особенно развитым земледельческим хозяйством, были самобытны, выросли на местной почве и не имели вопреки мнению некоторых ученых исторических связей с древневосточными царствами или античным миром.

Охотничье-рыболовецкие племена Огненной Земли

Архипелаг Огненная Земля, расположенный в негостеприимных широтах и открытый со всех сторон ветрам, обязан своим названием Магеллану, который был удивлен многочисленными кострами, разводившимися туземцами. Климат су-

ров. На островах, омываемых водами двух океанов, непрерывно моросит холодный дождь или идет мокрый снег. Благодаря изобилию влаги растительность, представленная кустарниками и невысокими деревьями преимущественно из породы буков, густая, но однообразная. Бедна и фауна. Ни шуршания змей, ни пения птиц, ни жужжания насекомых не раздаются в безмолвных лесах. Лишь изредка прошепчет антарктическая лиса да пронесется стадо стройных гуанако, пугливых животных из рода лам. Жизнь была богаче на побережье, где возле скал гнездились чайки, дикие утки и важно расхаживали пингвины. Море изобиловало рыбой.

Туземное население было немногочисленным и состояло из трех неоднородных в языковом и в значительной степени культурном отношении групп племен: она, алакалуфов и яганов (яманов). Наряду с некоторыми общими чертами культуры, характерными для всех огнеземельцев (например, пользование луком и стрелами, добывание огня путем высекания, что, в частности, отличало их от подавляющего большинства коренного населения Южной Америки, получавшего огонь с помощью трения), имелись существенные отличия в образе жизни этих туземных групп.

1 Она, обитавшие на северо-востоке архипелага, принадлежали к языковой семье чон и по своим антропологическим признакам и особенностям культуры были значительно ближе к патагонским племенам техуэльче, чем к своим соседям. Совершая перекочевки, они жили в основном охотой на гуанако, дававшим им мясо, сухожилия и шкуры, из которых изготавливалась одежда. При удаче добывали тюленей, гревшихся на берегу. Другие дары моря она, не имевшим лодок, были недоступны. Важным подспорьем в питании являлись плоды и корни, собираемые женщинами.

2 Запад и Юг архипелага населяли соответственно алакалуфы и яганы, основным средством существования которых являлись охота на морских животных и рыбная ловля, дополнявшаяся сбором моллюсков, крабов, ягод, а также грибов, по величине порой не уступавших кочану капусты. В отличие от высокорослых она эти племена были приземистыми крепыщами с хорошо развитой грудной клеткой и сильными руками, что характерно для рыболовов, сроднившихся с лодкой. Языки яган и алакалуф не обнаруживают родства ни между собой, ни с другими языками мира.

3 Самыми отсталыми и наиболее изученными в этнографическом отношении племенами Огненной Земли являются яганы,

✓
непрестанно бродившие в поисках пищи по побережью, делая обычно непродолжительные остановки около источников пресной воды. Естественное разделение труда у них было четко выражено. Мужчины, помимо строительства лодок, жилища и изготовления из кремня и режущих костей орудий труда, промышляли с помощью собак выдр ради их шкуры, гарпунили дельфинов, тюленей и порой китов. Женщины, кроме ведения домашнего хозяйства, собирали все съедобное, оставшееся на берегу после отлива моря независимо от времени суток, а летом в открытом море проводили дни и часто лунные ночи, ловя леской рыбу. Они же были гребцами в лодках.

Лодки, в которых туземцы проводили значительную часть своей жизни, делались с удивительным мастерством из длинных, тщательно обработанных кусков древесной коры, связанных и сшитых скрученными в тонкие веревочки лыком либо китовым усом. «Это просто ювелирная точность и изящество работы», — с восхищением писал о вместительных, длиной до 6 метров, не пропускавших воду лодках А. С. Ионин, русский путешественник, посетивший огнеземельцев в конце прошлого века. К этому времени, однако, этот тип лодок вследствие их хрупкости и сложности изготовления стал вытесняться долбленками.

Холод в сочетании с сырой погодой был для огнеземельцев врагом номер один. Одежда яганов, состоящая из шкур выдр или тюленей, покрывавших спины, далеко недостаточно согревала туземцев, не расстававшихся вследствие этого с костром, разводимым даже в лодке во время ловли рыбы. Продукты охоты и собирательства яганы жарили или пекли, так как искусство варки им практически не было известно. Утварь, в частности сосуды для хранения воды, изготавливали из кожи либо коры, а корзины, с которыми не расставались женщины, знавшие четыре способа их плетения, — из волокон растительного происхождения.

✓
Общественные отношения огнеземельцев изучены недостаточно. Распространенное за рубежом мнение, разделяемое некоторыми советскими исследователями, о существовании у яганов отцовского рода во второй половине XIX в. является малообоснованным. Данные путешественников и миссионеров скорее свидетельствуют о господстве у них материнского рода, правда, с некоторыми признаками его разложения, выразившимися, в частности, в появлении двустороннего счета родства, преобладания патрилокального поселения супругов и зарождения обычая кувады.

Патриархальная семья еще не возникла, и основной социально-экономической клеточкой общества являлась локальная группа, состоявшая из двух-трех парных семей. Хотя для семейно-брачных отношений яганов характерна была парная семья, но ей сопутствовали сорорат, половая свобода девушек до выхода замуж и другие пережитки группового брака.

Для религиозных представлений туземцев были типичны ранние формы религии, преимущественно анимистические верования. Между тем в буржуазной литературе по этому вопросу нередко можно встретить ошибочные суждения. Некоторые ученые, и в том числе Ч. Дарвин, понимающие под религией лишь веру в богов, считают огнеземельцев дорелигиозным народом. Взгляд этот, подкрепленный авторитетом великого естествоиспытателя, некритически воспринят у нас некоторыми авторами популярных атеистических брошюр.

Иной, спекулятивный характер носит утверждение католических ученых Гузинде и Копперса, посетивших огнеземельцев в 20-х годах текущего столетия, будто бы у них имеется вера в единого бога. Копперс называл его «величайшим открытием XX века». Однако попытки подкрепить фальсифицированными фактами антинаучную прамоотеистическую теорию, выдвинутую патером В. Шмидтом, могут вызвать лишь улыбку у добросовестных исследователей.

* * *

Америка дважды открывалась европейцами. В конце X в. смелые скандинавские мореходы, известные в древнерусских летописях под именем варягов, а в средневековых западноевропейских хрониках — норманнов (в данном случае предки главным образом норвежцев), из колонизованной ими Исландии отправились в поисках новых земель на запад и основали на южном, а затем и западном побережье Гренландии поселения. На рубеже X—XI вв. викинги впервые высадились на материковой земле по-видимому, на полуострове Лабрадор. Поселения норманнов, причины гибели которых окончательно еще не выяснены наукой, просуществовали в сороковых широтах Северо-Восточной Америки до XIV, а в южной Гренландии — до конца XV столетия.

Эти факты, сравнительно недавно ставшие достоянием ученого мира, не должны умалить славу энергичного и отважного Колумба, подлинного открывателя Америки, пересекшего в октябре 1492 г. непреодолимый доселе океан. Экспедиции Колумба, Васко де Гамы, Магеллана и других вели-

ких мореплавателей XV—XVI вв., отдававших якоря у берегов неведомых земель, были обусловлены в конечном счете потребностями развивающейся экономики западноевропейских стран — ростом промышленности и торговли, зарождением капиталистических отношений.

Лихорадочная жажда обогащения заставляла европейцев снаряжать суда в поисках новых источников прибыли. Их воображение манили Индия и южные страны, где вдоволь золота и произрастают перец, корица, гвоздика и иные пряности, ценившиеся в те времена в Европе не менее, чем благородные металлы.

Пионерами великих географических открытий явились мореходы могущественных держав Пиренейского полуострова, где раньше, чем в других странах Европы, сложились централизованные государства. Поскольку южные пути, в обход Африки, были захвачены португальцами, выступившими первыми, Испания, спешившая наверстать потерянное, направила свои каравеллы на запад, в одно из самых дерзновенных плаваний — вокруг еще не измеренного земного шара. Стремление прощупать морскую трассу в обетованные земли — сухопутная артерия была перерезана турками — было столь велико, что по иронии судьбы Колумб, не искавши, открыв новый материк, не верил в его реальность и умер под впечатлением, будто он достиг Индии.

Привлекаемые слухами о золоте, в новооткрытые страны ринулись толпы испанских, португальских, английских, французских и голландских колонизаторов, представлявших отбросы феодального общества, растаптывая самобытные туземные культуры и истребляя миллионы туземцев. Смерть собирала обильную жатву. «Эта была кровавая оргия — одна из самых чудовищных в истории возникновения и укрепления капиталистической системы» (У. Фостер). В этом грабеже сперва преуспевали испанские конкистадоры, захватившие Мексику, Центральную и Южную Америку, за исключением Бразилии, доставшейся португальцам.

С изгнанием мавров с Пиренейского полуострова огромную массу оставшихся не у дел мелкопоместных дворян — идалго, храбрых и опытных в военном деле, нищих и алчных, гнушавшихся труда, — испанская корона, для которой феодальная вольница представляла известную угрозу, направила за океан. После ограбления Кубы, Гаити и других Антильских островов, Кортес, по словам которого, «испанцы имеют сердечный недуг, который может быть вылечен одним

только золотом», в 1519—1522 гг. завоевал центральные области Мексики, Ф. Писарро в 1532—1533 гг. — Перу; в 1536—1541 гг. пали мелкие царства чибча-муиска, а еще через несколько лет потеряли независимость большинство городов-государств юкатанских майя.

Поражения индейцев, например ацтекской державы, явились следствием не только превосходства огнестрельного оружия конкистадоров и их военной организации, сколько разобщенностью, суевериями и противоречиями, раздиравшими рабовладельческие общества Средней Америки.

Так, воля Монтесумы, полагавшего, что испанцы являются посланниками белолицего, с развевающейся бородой бога Кетцалькоатля, некогда удалившегося согласно ацтекской легенде на восток и объявившего, что он возвратится в грядущие времена и будет владеть Мексикой, была парализована древним пророчеством, и он объективно во многом способствовал победе захватчиков. Не последнюю роль в падении Теночтитлана сыграли тотонаки, тласкаланцы, миштеки и другие враждовавшие с ацтекским союзом народы, ставшие союзниками хитрого и вероломного Кортеса, следовавшего принципу колонизаторов всех времен: «разделяй и властвуй». Как заметил Прескотт, автор изданного в прошлом веке труда «Завоевание Мексики», индейцы потерпели поражение от себя самих.

Обуреваемые жаждой наживы, разбудившей в душах разорившихся идалго самые низменные инстинкты, конкистадоры везде оставляли за собой кровавый след. Своей свирепостью они, пожалуй, не уступали специально вымуштрованным собакам-людоедам, сопровождавшим еще Колумба в его третьем плавании, которые — по словам очевидца — «завидя индейца, в мгновение ока разрывали его на куски. А бросались они на людей и пожирали их охотнее, чем свиней».

Гнусные мерзости христолюбивых рыцарей на острове Гаити честный испанский священник Лас Касас, единственный из среды колониального духовенства осудивший зверства конкистадоров, описывает следующим образом: «Вступая в селение, они не оставляли в живых никого — участи этой подвергался и стар, и млад. Христиане бились об заклад о том, кто из них одним ударом меча разрубит человека надвое, или отсечет ему голову, или вскрыет внутренности. Схвативши младенцев за ноги, отрывали их от материнской груди и ударом о камни разбивали им головы; или же кидали матерей с младенцами в реку, а когда они погружались в воду, хри-

стиане смеялись и шутили, говоря: «Смотрите, как нехристи пускают пузыри!..» Воздвигали длинные виселицы так, чтобы ноги [повешенных] почти касались земли и, вешая по тринадцати [индейцев] на каждой, во славу и честь нашего искупителя и двенадцати апостолов разжигали костры и сжигали [индейцев] живьем...»

Испанцы, захватившие самые густонаселенные земли Нового Света, истребили в своих колониях за 50 лет, по ориентировочным данным, не менее 15 миллионов аборигенов. В Мексике, например, за период с 1570 по 1646 г. численность туземного населения сократилась с 3,3 до 1,3 миллиона человек, а в Бразилии из 2 миллионов индейцев, живших в стране до прихода европейцев, осталось к середине XIX в. менее 100 тысяч. Множество племен и народностей было уничтожено до единого человека. Союзниками железных мечей конкистадоров были завезенные ими туберкулез, оспа, холера, малярия, корь и другие неизвестные индейцам болезни, от которых они были беззащитны вследствие отсутствия иммунитета.

Незавидна была участь оставшихся в живых. Сперва с легкой руки Колумба туземцев переправляли в Европу в качестве невольников, однако исключительно высокая смертность их в пути и на новом месте делала транспортировку рабов из Америки экономически невыгодной. Но в самих колониях институт рабства процветал. В Бразилии, например, рабовладение официально было отменено в 1888 г. Со временем господствующей формой эксплуатации в Латинской Америке установилась феодальная форма, причем в наиболее ее бесчеловечных проявлениях. Конкистадоры, в совершенстве обладавшие искусством превращать пот и кровь индейцев в золото, взымали многочисленные налоги с туземцев обычно дважды и даже трижды за один и тот же срок, а на барщине заставляли работать до 300 дней в году.

Зловещую роль в закабалении туземцев и уничтожении их самобытной культуры сыграла католическая церковь. Она не только осеняла крестом все мерзости конкистадоров, разрушала храмы, предавала огню драгоценные индейские манускрипты, считая их делом рук дьявола, а заодно и аборигенов, не пожелавших стать христианами, но и сама являлась немолчимым, лицемерным и потому еще более отвратительным колониальным хищником. Не довольствуясь десятиной, ревностно собираемой с миллионов туземцев, обращенных насильственным образом в «истинную веру», церковь, особенно

в лице францисканцев, доминиканцев и других монашеских орденов, помимо духовного закабаления индейских масс, принимала непосредственное участие в эксплуатации аборигенов, занимаясь торговлей, продажей индульгенций, ростовщичеством, обирая до последней нитки свою паству.

Особенно преуспели в этом отношении иезуиты, владевшие во многих странах рудниками, колоссальными поместьями и другими богатствами. Только в Чили на них гнула спину пятая часть всех рабов. В Парагвае на землях гуарани они создали суверенное теократическое государство, располагавшее собственными вооруженными силами. В начале XIX в. в Мексике, где индейцами было бесплатно построено 10 тысяч церковных зданий, духовенству принадлежало более половины обрабатываемой земли.

Северная Америка, которая не имела притягательной силы в глазах конкистадоров, не обнаруживших в ней сокровищ, стала значительно позже объектом колониальной экспансии. Покорение ее, растянувшееся вплоть до конца XIX в., стоило меньших усилий, чем покорение Латинской Америки, что объясняется, с одной стороны, редкостью населения, с другой — его сравнительно низким уровнем социального развития. До появления белых к северу от Мексики туземцами не было создано классовых обществ.

Если французских колонистов, обосновавшихся в Канале и число которых первоначально было невелико, привлекала в первую очередь ценная пушнина, то английских, вытеснивших со временем голландских, испанских и иных своих конкурентов, интересовала земля. Переселенческий поток из Англии непрерывно усиливался, аппетит колонизаторов рос, и вскоре почти все территории, прилегающие к Атлантическому океану, были захвачены непрошеными гостями. Коренное население методически изгонялось. Широко практиковались мошеннические договоры с туземцами. Так, по одному из них в начале XVII в. был «куплен» остров Манхэттен, сердцевиной нынешнего Нью-Йорка, за побрякушки, стоимостью в 24 доллара.

Индейцы истреблялись и притом нередко самым бесчеловечным способом. В 1637 г. губернатор одной из колоний сообщил о нападении на пекотов и сожжении их домов: «Страшно было глядеть на это зрелище, видеть, как они жарятся в огне, а потоки крови гасят пламя; смрад и вонь поднялись неопишутые. Но победа показалась сладостным плодом этих жертвоприношений, и наши люди воздали за нес

благодарение богу». Европейцы устанавливали премии за скальпы, сеяли рознь между туземцами и вовлекали их в войны, ведшиеся колонизаторами между собой. Например, гордые и мужественные ирокезские и алгонкинские племена истребляли друг друга во имя интересов английских и французских колонистов.

С появлением на исторической арене последней трети XVIII в. США индейцы обрели в молодом, набравшемся сил колониальном хищнике вероломного и грозного врага. Бурно развивавшиеся капиталистические отношения толкали власти на захват все новых территорий, пока границы нового государства не достигли Тихого океана. Продвижение на запад несло смерть и разрушение и проходило под циничным лозунгом: «Хорош только мертвый индеец». Прогрессивный историк американского народа Г. Аптекер пишет: «Не было такого метода, который оказался бы слишком зверским для превращения в жизнь правительственной политики покорения и истребления индейцев». Колонизаторы купались в крови. Жесточайшим террором они стремились сломить боевой дух туземцев и парализовать их волю к сопротивлению.

Между тем индейцы, как свидетельствуют все путешественники, в том числе и Колумб, первое время везде приветливо и гостеприимно встречали белых, и только грабежи и насилия чужеземцев вынудили их взяться за оружие. Они не стали покорными. История Америки в колониальный период наполнена не только беспримерными страданиями аборигенов, но и непрерывными восстаниями их за человеческие достоинства и права.

Например, геройски вел борьбу против Кортеса юный Куаутемок, племянник Монтесумы, который стал в своем народе, по словам Пабло Неруды, «корнем надежным, копьем стал его и звездой». В середине XVI в. на юге Бразилии для отпора португальским захватчикам образовался могучий союз племен, расколоть который удалось лишь обманым путем хитрым иезуитским миссионерам.

Глубокий след в памяти перуанцев оставило восстание 1571 г. под руководством Тупак Амару, пытавшегося восстановить некогда существовавшее государство инков. Вплоть до XX столетия включительно имя Тупак Амару принимали многие вожди индейских народов андского хребта, пытавшихся сбросить с себя колониальное иго. В 1600 г. неукротимые арауканы изгнали испанских захватчиков на 200 лет из центральных и южных глубинных районов Чили, а кое-

где они сохраняли свою независимость до конца XIX в. Мощное восстание индейцев потрясло Центральную Мексику в 1767 г.

Не прекращалась ни на одну минуту борьба коренного населения и в других областях американского континента. Так, войска США лишь в XIX в. более 200 раз посылались гасить очаги индейских восстаний. Например, одно из них, вспыхнувшее в начале прошлого столетия среди алгонкинских племен, с трудом было подавлено правительством, а солдата, убившего вождя восставших Текумсе и надругавшегося над павшим героем, избрали на радостях вице-президентом США. Горькую повесть о страданиях и борьбе с колонизаторами отважных племен прерий поведал индейский вождь Мато Нажин в своих бесхитростно написанных мемуарах «Мой народ Сиу» (М., 1964 г.).

Бок о бок с индейцами сражались за свою свободу негры, первая партия которых была высажена в Западном полушарии уже в 1502 г. Знакомые с земледелием, физически крепкие и выносливые, они высоко ценились на невольничьем рынке (например, раб-индеец в Бразилии стоил 5 долларов, а негр — 75). По приблизительным подсчетам за четырехвековой период африканской работорговли их было завезено в Новый Свет 15 миллионов. Поток негров из-за океана направлялся преимущественно на Антильские острова, обезлюдевшие по вине конкистадоров в рекордно короткий срок, а также в Бразилию и Северную Америку, где плантаторы-рабовладельцы ощущали острую нехватку рабочих рук. Безудержная эксплуатация приводила к высокой смертности негров — в Вест-Индии, например, средняя продолжительность жизни невольников равнялась 6 годам — и вызывала с их стороны яростное сопротивление.

В Бразилии негры-рабы при первой возможности бежали в лесные чащи, где создавали укрепленные лагеря. На северо-востоке страны, среди пальмовых рощ, беглые негры образовали в 1630 г. небольшое независимое государство — Республику Пальмарес («Пальмовую республику»), о которой сохранилось мало достоверных сведений. Это было раннее феодальное государство с некоторыми элементами патриархально-родовой организации. Во главе его стоял верховный вождь, избираемый пожизненно, с резиденцией в поселении Макако.

Население Пальмареса, состоявшее из негров и отчасти из индейцев и мулатов, занималось преимущественно земле-

делием и находилось в дружественных отношениях со многими туземными племенами, с которыми вело торговлю. Хотя его численность не превышала 20 тысяч человек, но благодаря строгой дисциплине жителей республики, их мужеству, постоянной боевой готовности непрерывные нападения голландских и португальских колонизаторов долгое время с успехом отражались. Лишь в 1697 г. «негритянская Троя» пала. Почти все защитники ее погибли геройской смертью, а их бесстрашный вождь и превосходный организатор Зумби и горстка оставшихся в живых храбрецов покончили с собой.

Восстания индейцев и негров подрывали колониальную систему и тем самым закладывали фундамент для создания независимых латиноамериканских республик. Индейцы и негры принимали непосредственное участие в народно-освободительных движениях в первой четверти XIX в. против гнета Испании и Португалии и в немалой степени способствовали победе северян над южанами в гражданской войне США 1861—1865 гг.

Современное положение чистокровных аборигенов, местных групп и негров капиталистической Америки на редкость тяжелое, хотя и не в одинаковой степени в различных странах. Основная масса индейцев, общая численность которых неизвестна и колеблется по различным оценкам между 14 и 32 миллионами человек, размещена в Латинской Америке, живет преимущественно в сельской местности, имеет низкий жизненный уровень, недостаточное медицинское обслуживание и убогое образование. Горькая участь их описана в художественных произведениях прогрессивных латиноамериканских писателей, например, в романе «Янакуна» (М., 1958 г.), в котором Хесус Лара показал бесправное положение индейцев кечуа в Боливии, и в книге «Бесплодное облако», где А. Родригес нарисовал жуткую картину страданий от произвола скупщиков народа отоми, живущего в безводной долине недалеко от столицы Мексики.

Многие племена находятся на грани исчезновения. Немало их, измученных нуждой и болезнями (в частности, широко известные в этнографической литературе ботокуды в Бразилии, огнеземельцы — яганы и алакалуфы), вымирают.

В настоящее время в Латинской Америке, наряду с огромным количеством мелких племен, насчитывающих тысячу и меньше человек, имеются крупные индейские народы, такие, как кечуа (8,8 миллиона человек), гуарани (1,8 миллиона), аймара (1,3 миллиона), ацтеки (700 тысяч), киче (500 тысяч),

майя (360 тысяч), арауканы (350 тысяч), отоми (300 тысяч) и др.

К северу от Мексики, где проживают всего 700 тысяч индейцев, из которых примерно 500 тысяч — в США, самыми многочисленными являются атапаскская группа племен (235 тысяч), алгонкинская (175 тысяч), сиу (70 тысяч) и ирокезская (50 тысяч).

Индейцы США находятся под «опекой» правительства, подвергаются дискриминации во всех областях экономической и общественной жизни, ведут нищенский образ жизни и в ряде штатов не обладают гражданской правоспособностью. Еще в худшем положении находятся туземцы — а таких более 70 процентов, — обитающие в резервациях, куда аборигенов насильно загнали власти. При этом родственные племена умышленно разобщены, чтобы расплыть их и затруднить единение сил в борьбе за свои права.

Свои поступки и действия туземцы, живущие в резервациях, обязаны согласовывать с правительственными чиновниками. В связи с недостаточным питанием, отсутствием необходимой медицинской помощи и тяжелыми бытовыми условиями среди них распространены желудочные заболевания и свирепствуют туберкулез, трахома и другие инфекционные болезни.

Под напором капиталистических отношений родоплеменная организация разрушается, и у многих индейцев она фактически исчезла.

Монополии отхватывают лучшие куски земель у резерваций, а жалобы аборигенов, в том числе в ООН, на правительство США, систематически нарушающего заключенные некогда договоры, не достигают цели.

Бедствия и муки терпят также индейцы, живущие к северу от США, о чем свидетельствует, например, восстание в 1959 г. ирокезов резервации Гранд-Ривер (провинция Онтарио) — самой крупной из семи резерваций, в которых расселены эти племена в Канаде.

К аборигенному населению Америки принадлежат, кроме индейцев, алеуты и эскимосы, жизнь которых — сплошное горе.

Коренное население Алеутских островов, по сообщению Т. Бенка, фактически вымирает, а жизненный уровень эскимосов Аляски, как заявил в 1959 г. один из чиновников США Г. Робертсон, «ниже того, что считается нищетой в любом месте». Представление о современной жизни канадских эски-

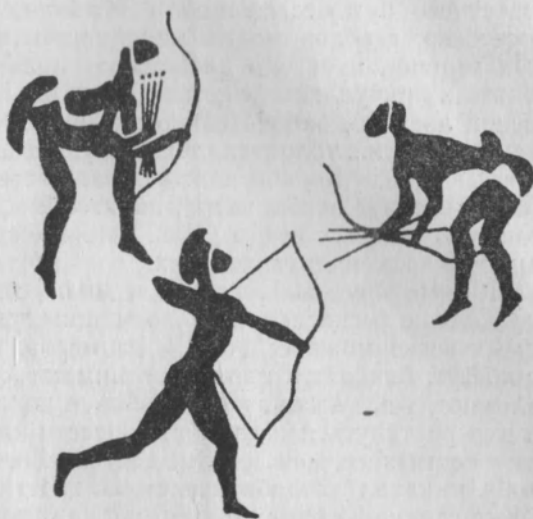
мосов, среди которых смертность от туберкулеза в 16 раз выше, чем у белого населения страны, дает прогрессивный буржуазный писатель Фарли Моуэт в книгах «Люди оленьего края» (М., 1963 г.) и «Отчаявшийся народ» (М., 1963 г.), где описываются страдания живущего к западу от Гудзонова залива, еще многочисленного в начале XX в. племени ихалмютов, от которого осталось в 1946 г. 60 человек. Р. Амундсен слишком хорошо знал, что ожидает в будущем аборигенов, когда писал: «Мое лучшее пожелание нашим друзьям-эскимосам, чтобы «цивилизация» никогда не коснулась их».

Таким образом, научившиеся у туземцев Нового Света выращивать кукурузу, картофель, табак, томаты, какао, маниок, горох, фасоль, кабачки, тыкву, перец, сизаль, арахис, подсолнечник, дыню и огурцы, строить в Арктике жилища из снега и спать в тропиках в гамаках, воспринявшие искусство приготовления кленового сахара и шоколада, познавшие благодаря им полезные свойства хинина и каучука, белые колонизаторы в ответ разрушили цивилизации, растоптали самобытные культуры, захватили земли, похитили их богатства, истребили десятки миллионов индейцев, принесли с собой болезни, «позабыв» прихватить докторов, и превратили коренное население в полурабов.

17

15

**НАРОДЫ
АФРИКИ**

Африка — слабо расчлененный континент, с берегами редко разорванными устьями рек. Это — материк контрастов. Равнины, высокогорные плато чередуются со впадинами, лежащими ниже уровня моря, и высочайшими горными вершинами, достигающими 6 тысяч метров (Килиманджаро, Танганьика). Наряду с такими полноводными реками, как Конго, Нил, Нигер и Замбези, мчащими свои воды в океаны и моря, имеется множество временных потоков, теряющихся в пустынях Сахары и Калахари.

Расположенные в экваториальных широтах области обильно поливаются дождями, тогда как в северных и южных частях материка, исключая прибрежные полосы, выпадет мизерное количество осадков.

Столь же разнообразны флора и фауна Африки. В бассейне Конго и на берегу Гвинейского залива растет влажный тропический лес — непролазная чаша, по которой можно пробираться только с топором в руках. Пышные кроны деревьев на высоте 30—40 и более метров, тесно переплетаясь, образу-

ют гигантский свод, сквозь который едва проникают солнечные лучи. Обилие мелких деревьев, кустарников, папоротников и напоминающих громадных удавов цепких лиан порой толщиной с телеграфный столб. Последние, говоря словами известного путешественника Г. Стэнли, «обвиваются вокруг древесных стволов плотными сплошными спиралями до самых вершин, и оттуда ниспадают гирляндами великолепных цветов и причудливых листьев, которые, перепутываясь с древесной листвой, окончательно заслоняют собой солнце.. древесные побеги... толпятся, лезут друг на друга, теснятся, стремятся вверх...» Борьба идет за свет и воздух, ибо в лесу, куда не долетает порыв ветра, царят сырость, духота и сумрак. Живущие в лесах негры удивляются, когда им говорят о лесных пожарах в других краях.

Помимо крупных животных, множества птиц и змей, лес переполнен бесчисленными полчищами разнообразных насекомых всевозможных форм и размеров, которые вечно куда-то «бегут, нападают, дерутся, отнимают, тащат, строят, всюду залезают, всюду кишат. Попробуйте положить руку на дерево или растянуться на земле, присесть на обломившийся сук, и вы постигнете, какая сила деятельности, какая энергичная злоба и какая истребительная жадность вас окружает. Откройте записную книжку — тотчас на страницу садится дюжина бабочек, пчела вертится над вашей рукой, другие пчелы норовят ужалить вас в самый глаз, гудит перед ухом оса, перед носом снует громадный слепень, и целая стая муравьев ползет к вашим ногам: берегитесь! Передовые уже залезли на ноги, быстро взбираются наверх, того и гляди запустят свои острые челюсти в ваш затылок» (Г. Стэнли).

В экваториальных лесах произрастает более трех тысяч видов древесных растений, среди которых едва ли не самым ценным является масличная (гвинейская) пальма, играющая исключительную роль в хозяйстве народов Западной Тропической Африки. Начиная с 4—10 лет пальма плодоносит почти до столетнего возраста. Из мякоти плодов ее добывают пальмовое масло, которое используется неграми для приготовления еды, освещения жилищ и в качестве сырья для мыла. Употребляют в пищу и молодые листья — «пальмовую капусту». Кроме того, она дает до четырех литров в сугки сладкого сока из надрезов соцветия, из которого делают вино, похожее, по мнению многих путешественников, на шампанское.

Широко распространена кола — вечнозеленое дерево, све-

жие семена которого содержат кофеин и другие вещества, снимающие усталость и возбуждающие сердечную деятельность. Негры часто жуют эти горькие семена во время утомительных переходов или тяжелой физической работы. В США выпускают широко разрекламированный напиток кока-кола, будто бы содержащий экстракт кола. Цвет плодов кола различный, причем белый является символом мира и дружбы.

Для большей части Африки типичны саванны, богатые животным миром и составляющие почти 40 процентов территории континента, а также пустыни и полупустыни. Саванны — тропические травянистые степи, весьма уязвимые для огня, среди которых разбросаны группами или в одиночку обычно невысокие деревья, с часто искривленными из-за периодических засух стволами, и заросли колючих кустарников. В некоторых местностях травы достигают такой высоты, что в них могут укрыться жирафы.

Характерным деревом саванн является баобаб, обладающий густой развесистой кроной; ствол его при высоте не более 25 метров обычно имеет в окружности 10—12 метров, но иногда достигает 45 метров. Приятные на вкус плоды его, по форме напоминающие огурцы, содержат сочную мякоть, особенно любимую обезьянами, поэтому мощный коренастый баобаб часто называют «обезьяньим хлебным деревом». Плоды дерева, как и прожаренные семена, туземцы употребляют в пищу. Из древесины баобаба изготавливается посуда, а из волокнистой коры — веревки и ткани.

Не лишены кустарниковой растительности и пустыни. Калахари — это полупустыня, или опустыненная саванна. Не абсолютно безжизненна и Сахара — «страна жажды», составляющая около четвертой части площади Африки, хотя флора и фауна ее крайне бедны. Местами совсем нет растительности. Дожди выпадают нерегулярно и не каждый год. Население распылено и концентрируется преимущественно в оазисах, где наиболее ценной из культивируемых растений является финиковая пальма, плоды которой идут в пищу, сок, получаемый из ствола, используется для изготовления опьяняющего напитка, косточки в перемолотом виде — на корм скоту, а древесина, волокна и листья — в качестве материала для строительства и плетения различных изделий.

Некогда климат в Сахаре был влажным. Археологи повсеместно обнаружили каменные орудия нижнего палеолита. Пустыня была заселена человеком типа питекантропа и синантропа. Наступивший затем засушливый период сделал Са-

хару непригодной для жизни. В неолите вновь начали идти дожди, бывшую пустыню пересекли могучие реки. В это время страна была густо населена людьми негроидной расы. В IV тысячелетии до н. э. вновь началось высыхание Сахары, но труднопреодолимым барьером для караванов она стала лишь с I тысячелетия до н. э.

Для африканской фауны характерны: слоны, львы, носороги, бегемоты, крокодилы, обезьяны, антилопы, зебры и другие крупные животные. К редким из них, обитающим только в некоторых районах континента, относятся, например, гигантский белый носорог длиной около пяти метров и высотой в два метра; карликовый бегемот, похожий на большую, откормленную свинью; окапи — робкое животное, разновидность жирафы, но с более короткой шеей и длинным, как у муравьеда, языком. Задние ноги у окапи гораздо короче передних, покрыты поперечными черно-белыми полосами. В непроходимых джунглях, тянущихся вдоль восточных берегов озера Таньганьика, как сообщают местные жители, водится зверь, сильнее льва и кровожаднее тигра, — нунда, дикая кошка, ростом с осла.

За небольшим исключением, основой экономики народов Африки являются земледелие и скотоводство, однако последнее из-за мухи це-це распространено не повсеместно. Муха це-це, расцветкой напоминающая пчелу, имеет несколько большие размеры, чем обыкновенная муха, отличается беззвучным полетом и обитает в местности, где воздух насыщен влагой. Она является переносчиком возбудителя сонной болезни, и укус ее губелен для человека и крупного рогатого скота, но безвреден для коз, ослов, мулов и диких животных.

Хотя недра Африки слабо изучены, тем не менее ее разведанные минеральные ресурсы колоссальны. Имеются богатейшие залежи полезных ископаемых. В 1959 г. доля Африки в капиталистическом мире составила: по добыче меди — 30 процентов, хромитов — 45, золота — 69, кобальта — 73, алмазов — 98,5 процента. Ведущее место она занимает и в добыче платины, марганцевой руды, сурьмы, ниобия, лития и видное место — в добыче урана, олова, свинца и других металлов. Открытие нефти и газа в Алжирской Сахаре и Ливии позволяет рассматривать эти области как один из крупнейших нефтегазоносных районов мира. Тем не менее доля африканских стран в мировом капиталистическом промышленном производстве составляет лишь около 2 процентов.

Африку принято делить на девять историко-этнографиче-

ских областей: 1) Египет; 2) Восточный Судан; 3) Эфиопию и страны Красноморского побережья, 4) Магриб (Марокко, Алжир, Тунис; в эту область иногда включают и Ливию); 5) Западный Судан, простирающийся с запада на восток от Атлантического океана, до Республики Судан, а с севера на юг от Сахары до тропических лесов Конго; 6) Восточную Тропическую Африку, северные границы которой соприкасаются с Республикой Судан и Эфиопией, западные — с Конго, Руандой и Бурунди, южные проходят по реке Замбези до водопада Виктория, а восточные омываются водами Индийского океана и частично граничат с Сомали; 7) Западную Тропическую Африку, расположенную примерно между теми же широтами, что и предыдущая область, но к западу от нее, вплоть до Атлантического океана; 8) Южную Африку и 9) Мадагаскар.

Африка многолика и разноязычна. Население ее состоит главным образом из представителей трех больших рас. Жители северной полосы относятся к индосредиземноморской расе, мадагаскарцы — к южноазиатской. В некоторых районах бассейна Конго обитает дигмейская раса, в пустыне Калахари — бушменская, а основное население африканского континента к югу от Сахары принадлежит к негроидной расе. Северо-восточную часть материка населяет эфиопская самостоятельная малая раса.

Немалые трудности испытывают исследователи при попытках систематизировать языки коренного населения Африки. В связи с плохой изученностью нелегко установить генеалогические связи многих языков. На севере и северо-востоке континента распространены языки семито-хамитской семьи, представленной семитской, ливийско-берберской, кушитской и чадской ветвями. На этих языках говорят 98 миллионов человек.

Народы Тропической и Южной Африки принадлежат в основном к семье банту языки которой удивительно близки друг к другу. На них говорит более 70 миллионов человек. Банту подразделяются по географическому признаку на северо-западную, северную, Конго, центральную, восточную, юго-восточную и западную группы.

К койсанской группе языков, на которых говорят не более 170 тысяч человек, относятся бушменские, готтентотские и некоторые другие языки. В последнее время все больше лингвистов приходит к выводу, что между бушменскими и готтентотскими языками отсутствует родственная связь. Мальгаш-

3.
манде
нилотскую
5

ский язык (Мадагаскар) входит в индонезийскую ветвь малайско-полинезийской языковой семьи. Мальгашей 5,5 миллионов человек.

Очень трудно классифицировать языки Судана, на которых говорит свыше 78 миллионов человек. В настоящее время на этой территории выделяют две языковые семьи — манде (мандинго) и нилотскую — и семь самостоятельных, генетически не связанных между собой языковых групп; гвинейскую, западнобантоидную (атлантическую), центральнобантоидную (гур), восточнобантоидную, канури, кордофанскую и центральносуданскую.

Языки манде (мандинго) распространены в верховьях рек Нигера и Сенегала, а нилотские — в бассейне Верхнего Нила. На гвинейских языках говорит аборигенное население побережья Гвинейского залива, от Либерии до Нижней Нигерии включительно, на западнобантоидных (атлантических) — от устья реки Сенегала до Либерии, на центральнобантоидных (гур) — в излучине реки Нигера, на восточнобантоидных — в некоторых районах Нигерии. Языки канури распространены в районе озера Чад, кордофанские — в области Кордофан (Восточный Судан), а центральносуданские — в междуречье Конго и Нила и к востоку от озера Чад. Языки последней группы не составляют лингвистического единства.

Древнейшая история Африки только начинает раскрывать свои тайны. Многие ученые разделяют мнение Дарвина об этом материке как о прародине человечества. В пользу его свидетельствуют находки орудий труда нижнего палеолита и останков древнейших и древних людей, а также обитание на этом континенте шимпанзе и горилл — ближайших родственников человека из ныне живущих антропоидов.

В Африке, представленной всеми стадиями эволюции гоминоид, прослеживается преемственное развитие археологических культур каменного и металлического периодов, поэтому неправомерно ставить вопрос о времени заселения ее людьми других континентов.

Между тем в буржуазной литературе широко распространены ошибочные взгляды, по которым Африка сперва была заселена исключительно пигмеями, будто являвшимися единственным автохтонным населением, затем из Азии прибыли земледельческие негроидные племена, широко расселившиеся по матерiku, и, наконец, еще позже, оттуда же, пришли скотоводы — хамиты, под которыми подразумеваются, хотя не всегда об этом прямо говорится, народы европеоидной расы.

Согласно этому взгляду светлокожие хамиты будто бы при-
несли с собой более высокую цивилизацию, которая была пе-
редана в той или иной степени отсталым неграм. образова-
ние государств, создание высоких культур на африканском
континенте объясняется влиянием хамитов.

Так называемая «хамитская теория» в научном отноше-
нии целиком несостоятельна и является одним из вариантов
расизма. Не говоря уже о том, что имеет место недопустимое
смещение понятий «раса» и «язык» (в действительности в
природе не существует ни хамитской расы, ни хамитского
антропологического типа, в отличие от хамитских языков),
цивилизации негритянских народов самобытны и выросли на
африканской почве.

Стремясь оправдать злодеяния колонизаторов, принесших
неисчислимы бедствия народам Черного континента, аполо-
геты империализма создали миф о благодеянии европейских
«культуртрегеров», которые вывели из «тупика» африкан-
ское общество, будто бы не знавшее до их прихода ни поли-
тических организаций, ни законов и «жившее в атмосфере, от-
равленной миазмами племенных междоусобиц».

Прошлое Африки представлялось угрюмым и загадочным,
«как сфинкс в египетской пустыне». Реакционерам в профес-
сорских мантиях весь континент казался скованным много-
вековым летаргическим сном. В буржуазной литературе, пи-
шет прогрессивный африканский историк Сабури Биобаку,
«до последнего времени историю Африки рассматривали как
историю европейской деятельности в Африке. История якобы
началась с момента пришествия исследователей, миссионе-
ров и европейских купцов... Постепенно утверждался миф о
том, что Африка не имела, никакой собственной истории...».

Восстановление истинной картины исторического прошло-
го материка, имеющего «форму сердца», приобретает перво-
степенное значение для африканистики.

Ко времени империалистического раздела народы Африки,
подобно народам Европы, Азии и Америки, находились на
различных ступенях общественно-экономического развития.
Наряду с очагами высоких цивилизаций, во многих районах
материка, особенно к югу от Судана, люди жили еще доклас-
совым строем, в подавляющем большинстве случаев — патри-
архальным родом. Для африканского континента, пожалуй,
в большей степени, чем для других частей света, характерно
было чередование развитых культур с отсталыми формами
ведения хозяйства.

Египет

Египет... В нашем воображении предстают величественные пирамиды, причудливые иероглифы, вызывавшие почти-тельное удивление у древнегреческих мудрецов, высеченный из скалы сфинкс — колоссальное чудовище с туловищем льва и лицом фараона. Перед нашими глазами проплывают обелиски, гигантские статуи «Мемнона», одна из которых, искаленная временем, каждое утро, при восходе солнца, издавала мелодичные печальные звуки, пещерный храм в Абу-Симбеле, колонные залы Карнака и Луксора, чудесный портрет Нефертити и орлиный профиль Рамзеса II.

Припоминаем мы мощное восстание угнетенных масс в конце Среднего Царства, описанное с большой художественной силой его современником Ипусером; прорытый за 1500 лет до н. э. по приказу царицы Хатшепсут канал, соединявший один из рукавов Нила с Красным морем, по которому плыли корабли в загадочную страну Пунт; походы Тутмоса III, историю раскопок гробницы Тутанхамона, миф об Осирисе и Осиде и многое другое, известное нам со школьных лет о древнейшем на земном шаре государстве, возникшем в нижнем течении величайшей реки мира.

Египтом в древности называли стиснутую хребтами и пустыней узкую ленту долины Нила к северу от первых порогов. Сильно расширяется она лишь в дельте, где река веерообразно разветвляется на рукава. Некогда было семь рукавов, теперь их два. Еще в более далекие времена не было и самой дельты — на ее месте находился морской залив. Но могучая река своими наносами отодвинула море почти на 300 километров. Не только дельта, но и вся земля долины Нила, ширина которой колеблется от 1 до 20—25 километров, состоит из наносов ила, достигающих 30 метров толщины.

Едва ли найдется на свете река, которая могла бы поспорить с Нилом по той роли, какую она играет в жизни населения. Много тысячелетий Нил поит и кормит многочисленный народ. Периодические разливы его, обусловленные выпадающими в тропических областях ливнями и таянием снегов в горах, обильно орошают и щедро удобряют почву жирным илом, приносимым рекой с ее верховьев. Почти 60 миллионов кубометров осадочных пород несет ежегодно Нил. Древние египтяне называли Нил «отцом страны», «кор-

милем людей», он был обожествлен и ему посвящали гимны.

Свою страну египтяне называли «черной землей», по цвету почвы, а окружающие пустыни — «красной землей»; себя они изображали высокими людьми со смуглой кожей, ливийцев — светлыми, с синими глазами, нубийцев — черными, с курчавыми волосами и толстыми губами.

Точными данными о времени появления первых государств в долине Нила наука не располагает. По-видимому, уже в начале IV тысячелетия до н. э. стали возникать мелкие примитивные государства. Процесс объединения их, растянувшийся на несколько столетий и вызванный экономическими и политическими потребностями населения страны, привел к появлению в середине либо во второй половине IV тысячелетия до н. э. двух крупных государств — Нижнего Египта, располагавшегося в дельте, и Верхнего Египта, границы которого простирались к югу до первых нильских порогов. В дальнейшем царь Верхнего Египта, как полагают, Менес, впервые объединил всю страну. В последующие эпохи Египет не всегда выступал на исторической арене единой державой, и были годы и столетия, когда страна, раздираемая внутренними противоречиями или вследствие нашествия врагов, не представляла цельного государственного организма.

Время существования мощных централизованных государств в Египте в исторической литературе принято называть царствами, включавшими несколько династий.

Древний Египет развивался крайне медленными темпами, что было обусловлено его относительной географической изолированностью, бедностью лесом и металлом, но главным образом — длительным сохранением в обществе пережитков первобытнообщинного строя, из которых сильнее всего тормозом исторического прогресса являлись сельская община и рабство-должничество. Более того, в древнеегипетском обществе, что является одной из интереснейших его особенностей, явственно сохранились следы человеческих отношений, восходящих к еще более ранним этапам первобытной истории — к материнскому роду. Этим объясняется необычное для рабовладельческих государств высокое положение женщины в семье и обществе Древнего Египта.

Античные авторы удивлялись, что в этой стране женщины обладали равными с мужчиной юридическими правами. Она владела собственностью, которой распоряжалась по своему усмотрению, и вольна была уйти от супруга без его согла-

сия. Наследство делилось между детьми обоего пола поровну. Жена называлась «владычицей дома». По свидетельству Диодора Сицилийского, у египтян «в частных брачных контрактах всегда подчеркивается, что главенство над мужем будет принадлежать женщине, в то время как муж обещает слушаться ту, на которой женится».

К числу пережитков материнского рода относится и передача престола в Египте по женской линии. Не сын, а дочь фараона считалась наследницей царского трона. Фараоном становился муж царицы-наследницы. Поэтому сын царя занимал трон в том случае, если вступал в брак со вдовой отца, которая могла быть его матерью, или со своей сестрой, а в случае смерти последней он, чтобы сохранить за собой законность прав на престол, должен был жениться на другой сестре-наследнице либо даже на собственной дочери. Фараон XIX династии Рамзес II, восседавший на троне 66 лет, по меньшей мере вступал в брак с четырьмя из своих дочерей, а до этого он был женат на своей матери.

Подобно другим странам Древнего Востока, политическая надстройка египетского общества являлась деспотия — разновидность монархии, отсталая форма управления государством даже в рабовладельческой формации. В Древнем Египте деспотия была классического типа. Фараон обладал законодательной и высшей исполнительной, и судебной властью. Воля его была законом. Деспот при жизни обожествлялся. Имя владыки обладало магической силой, и никто не смел произносить его вслух. Никто из подданных, исключая узкий круг высших сановников, не мог видеть царя, да и те, являясь к нему, падали ниц, целуя след его ног. Как о великой милости писал верховный жрец Мемфиса, супруг дочери царя, что «его величество позволил ему целовать свои ноги и не позволил ему целовать пол». Нелегко найти в мировой истории правителей, обладавших внутри страны полнотой власти, подобной царям Древнего Египта.

Нильская цивилизация, древнейшая в мире, оказала благотворное влияние на соседние народы. Астрономия, медицина и другие науки находились в Древнем Египте на высоком уровне.

Однако культура древнего народа не могла быть изучена в полном объеме, пока не была расшифрована его письменность, не оставшаяся неизменной на протяжении ряда тысячелетий. Иероглифическое письмо постепенно утрачивало свой рисунчатый характер и уступило свое место скорописи:

иератическому, а затем, когда начертания иероглифов еще более упростились, — демотическому письму.

Наибольший интерес у исследователей вызывало иероглифическое письмо. К середине II в. н. э. уже не было на свете ни одного человека, который мог бы его читать. Проходили века, но все попытки ученых разгадать иероглифы оказывались безуспешными, и, казалось, человеческий гений не в силах вырвать у прошлого ревниво оберегаемую им тайну. Долгое время во взглядах на природу иероглифов господствовали неверные представления. Полагали, что они содержат тайную премудрость египетских жрецов и выражают необычайно глубокие мысли, смысл которых скрыт от непосвященных. С древних времен утверждалось, что иероглифы передают не звуки, а исключительно понятия или слова.

«Заклятие» таинственности, тяготевшее над иероглифами, было снято лишь в 20-х годах XIX в., когда выдающийся французский лингвист Шампольон открыл ключ к чтению древнеегипетской письменности. Сперва он установил, что в Древнем Египте на протяжении четырех тысячелетий существовала одна система письма, имевшая три разновидности — иероглифическое письмо, иератическое и демотическое, которые, последовательно сменяя одна другую, генетически были связаны между собой. Далее Шампольон доказал — и этим себя обессмертил, — что письмо древних египтян содержало три вида знаков. Одни из них передавали слова, обозначающие конкретные предметы или абстрактные понятия; например, изображение круга с точкой в центре означало «солнце», а изображение идущего согбенного человека с посохом в руке — «старость». Другие знаки передавали звуки (причем только согласные), а третьи — являлись детерминативами, т. е. произносимыми пояснительными знаками, ставившимися в конце почти всех слов. Так как египетские слова обозначались одними согласными, то без пояснительных знаков их не всегда можно было правильно прочитать.

Египетская цивилизация своими корнями уходит в африканскую почву. Вместе с тем Египет, расположенный на стыке трех материков, постепенно втягивался в орбиту переднеазиатского, а затем и античного культурного мира. Начиная с эпохи Древнего Царства, египетские купцы вели интенсивную торговлю с городами Финикии и Сирии. Фараоны XVIII династии вели переписку с царями Ассирии и Вавилона клинописью, на аккадском языке — языке дипломатов того времени.

Египет был могущественным государством. На протяжении многих веков господствующий класс организовывал грабительские экспедиции в Нубию, Ливию, Сирию и Палестину.

Однако непрерывные войны, обогащавшие господствующий класс, разоряли крестьянство и обостряли социальные противоречия в египетском обществе. В I тысячелетии до н. э. силы Египта оказались надломленными, и для него наступили тяжелые времена. Соседние народы стали усиливать нажим, и на царском троне все чаще и все продолжительнее стали восседать чужеземные правители. Правда, при фараонах XXVI династии Египет как бы обрел второе дыхание и вновь выступил на историческую арену в качестве великой державы, но это был уже закатный отблеск былого могущества.

В 525 г. до н. э. Египет пал под ударами войск персидского царя Камбиза, не оказав серьезного сопротивления врагам. Долголетнее господство персов сменилось трехвековым владычеством греко-македонских захватчиков. В 30 г. до н. э., со смертью Клеопатры VII, Египет превратился в провинцию Рима, а с конца IV в. н. э., вплоть до арабского нашествия, находился под пятой византийцев.

В 640 г. Египет был включен в состав Арабского халифата. В жизни египетского народа арабское завоевание оставило глубокий след — население страны восприняло новую, мусульманскую религию и со временем — язык победителей. Впрочем, часть египтян продолжала исповедовать христианство, распространившееся в стране со II в. н. э.

В середине V в. в Египте официальным направлением христианской религии стала «монофизитская ересь». В противоположность господствующей церкви, признающей две природы в Христе — божественную и человеческую, — монофизиты выдвинули учение о единой его природе — божественной. Таким образом, они считали Иисуса Христа не богочеловеком, а богом, имевшим лишь внешне человеческий облик. Догматические разногласия по существу отражали стремление египетского народа добиться независимости от Византии.

В качестве ортодоксального направления монофизитство утвердилось также в эфиопской и армянской христианских церквях. В начале XVI в. Египет стал жертвой турок-османов, господство которых растянулось на четыреста лет. За этот период долина Нила пришла в запустение: ирригационная система разрушалась, из года в год сокращались посевы. Египет, бывший в течение четырех с половиной тысячелетий од-

ним из мощных центров мировой культуры, был разорен и доведен до полной нищеты.

Положение в стране еще более ухудшилось в XIX в., когда египетский народ, находившийся в зависимости у турецкого султана, фактически стал закабаляться английскими капиталистами, с трудом опередившими своих старых соперников по колониальному разбою — французских «коллег». Когда вспыхнула первая мировая война, Англия официально установила протекторат над Египтом, однако в 1922 г. она вынуждена была предоставить стране независимость, которая была чисто формальной, так как британские войска по-прежнему наводняли Нильскую долину. В 1952 г. восставшая армия, поддержанная народом, принудила короля Фарука отречься от престола, а в 1956 г. в Египте не осталось ни одного английского солдата.

Население Объединенной Арабской Республики, как официально именуется египетское государство, составляет 26,6 миллиона человек, из которых почти 98 процентов говорит на арабском языке. Часть коренных жителей (копты), примерно 6 процентов, — по религии христиане-монофизиты. Начиная с III в. н. э. и до вторжения арабов разговорным языком египтян был коптский, развившийся из древнеегипетского. К середине XVII в. коптский язык, вытесненный арабским, стал мертвым языком, но не исчез полностью, так как им пользуются и сейчас во время церковной службы египтяне-христиане. Изучение его очень помогло при дешифровке иероглифов.

Копты объединялись в религиозные общины и жили главным образом в городах на юге страны. Среди них была велика прослойка ремесленников и торговцев, имелось много образованных людей, услугами которых охотно пользовались правители Египта. Специалисты высоко оценивают некоторые виды коптского искусства IV—VII вв., особенно прикладное искусство, в частности бронзовые и терракотовые изделия, художественную резьбу по кости и дереву, а также живописные ткани. Ковроткачество и в настоящее время занимает видное место в коптском ремесле. На протяжении многих веков копты угнетались арабами. Их обязывали носить одежду определенных темных цветов, отказывали им в праве служить в армии, запрещали ездить на лошадях. Сейчас почти не ощущается разница в быту между коптами и остальным населением долины Нила.

Египтяне — в основном земледельцы. Развитое животно-

водство имеется лишь в дельте Нила. Хотя страна встала на путь некапиталистического развития, в египетском обществе еще сохраняются пережитки родоплеменного строя. Так, в сельских районах бытуют патриархальные семьи, предпочтительным браком признается кузенный брак, встречается обычай левират.

14 Восточный Судан

Простирающаяся к югу от первого порога Нила область древними египтянами называлась Нубией, или «страной Куш». На протяжении многих веков фараоны систематически снаряжали туда грабительские экспедиции, доставлявшие рабов, золото, слоновую кость и ценные породы деревьев. Постепенно отодвигались южные границы Египта, достигшие в эпоху Нового царства четвертых порогов Нила.

Возле них и сложилось древнейшее в Нубии государство с центром в городе Напате, находившееся под сильным влиянием культуры своего северного соседа. Ни время образования, ни этнический состав его источники не дают возможности установить. Во второй половине VIII в. до н. э. Напатское царство настолько усилилось, что его правители, владевшие долиной Нила между первым и шестым порогами, завоевали на непродолжительное время Египет.

Последующая история Напата почти неизвестна. Государство ослабло; в VI в. до н. э. столицу перенесли на юг к шестому порогу, в город Мероэ, давший новое имя царству. Культура Мероэ была высокой и оригинальной. На базе упрощенного египетского иероглифического письма его жители самостоятельно создали алфавитную, по-видимому, буквенную письменность, которая дешифрована лишь частично.

Со слов египтян, Геродот описал величественный храм Сопнца в Мероэ, поражающий древних как своими размерами, так и богатым внутренним убранством. Как свидетельствуют сохранившиеся развалины, тянущиеся на 120 метров, площадь только одного из его залов составляет почти 1300 м². Хотя язык мероитов, принадлежавший, по-видимому, к кушитской ветви, отличался от языка жителей Напата, есть основание полагать, что в антропологическом отношении население этих государств было близким друг другу и принадлежало к эфиопской расе. Просуществовавшее более тысячи лет, Мероэ в середине IV в. н. э. было завоевано правителем соседнего царства Аксума.

Уже в древности этнический состав Нубии был неоднороден. Народы, населявшие ее, говорили на кушитских, суданских, позже — арабском языках. Арабские племена впервые проникли в Нубию примерно на рубеже нашей эры, спускаясь по Голубому Нилу с юга, но особенно наплыв их усилился с середины VII в., когда они стали переселяться в страну с севера, завоевав ее окончательно в XIII—XVI вв. В Нубии арабы создали несколько феодальных государств-султанатов, из которых крупнейшими были Дарфур и Сеннар.

В XIX в. Египет, находившийся тогда под владычеством турок захватил страну. Была организована в грандиозных масштабах торговля черными рабами, в которую вовлекли знать суданских арабов. В 70-х годах прошлого века, в связи с закабалением Египта Англией, войска последней стали хозяйничать в Судане.

Установленные англичанами порядки вызвали мощное народное освободительное движение, носившее ярко выраженный антиимпериалистический характер, имевший, однако, религиозный оттенок. Возглавил его Мухаммед Ахмед, нубиец, выходец из бедноты, ставший проповедником. Это был талантливый руководитель. В 1881 г. он провозгласил себя Махди, т. е. пророком, посланным аллахом на землю для борьбы с «неверными». К восставшим народным массам примкнула феодальная верхушка суданского общества, надевавшаяся использовать народное движение в своих интересах.

Слова Махди — «лучше тысяча могил, чем уплата одного дирхема налога» — дошли до сердца каждого суданского крестьянина. Махдисты одержали ряд серьезных побед над интервентами и в январе 1885 г. штурмом овладели Хартумом, столицей страны, где нашел бесславный конец английский генерал Гордон. Через несколько месяцев восточный Судан полностью был очищен от англо-египетских войск.

В 1885 г. Махди умер. При его преемнике началось перерождение махдистского государства. Феодалы, ставшие у кормила правления, усилили эксплуатацию крестьянства, что привело к расколу лагеря восставших. Воспользовавшись противоречиями среди махдистов, англичане возобновили военные операции и в конце XIX в. благодаря превосходству в военной технике и организации разгромили суданские армии. Восстание махдистов нанесло колоссальной силы удар по остаткам первобытнообщинных отношений у значительной части населения страны и способствовало консолидации суданской народности.

В 1889 г. Англия навязала Египту «соглашение о совместном управлении Суданом», но фактически она самостоятельно хозяйничала в стране вплоть до 1956 г., когда возникло независимое государство — Республика Судан. Население ее составляет 12,1 миллиона человек. Из них на арабском, являющемся государственным языком, говорит 5,9 миллиона, на нилотских языках — 3900 тысяч, центральносуданских и кордофанских — 1,5 миллиона, кушитских — 780 тысяч человек.

Многие народности Восточного Судана сохраняют и ныне значительные пережитки первобытнообщинного строя. К ним относятся кушиты беджа, обитающие на северо-востоке страны, часть арабоязычного населения, например хорошо описанная в этнографической литературе народность баккара, но наиболее сильные черты родоплеменной организации сохранились у народов, говорящих на кордофанских, центральносуданских и нилотских языках.

Широкую известность приобрели нилоты нуэр, динка и шиллук — высокорослые, типичные представители негроидной расы, населяющие южные районы страны. Посещавшие их в прошлом веке путешественники сохранили нам значительные сведения об этих племенах, точнее группах племен, находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений и имевших много общих черт в экономике и общественном строе.

Нилоты были типичные скотоводческие племена, которые разводили коз, дающих много молока, овец, но больше всего зебу. В сезон дождей, с июня по декабрь, туземцы жили в поселках. Хижаны их, круглые в плане, имели коническую или цилиндрическую форму и представляли собой жилища легкого типа. Строились они из плетенья и глины, нередко на сваях в низменных местностях. Выгоны находились вблизи поселений.

Корма для скота было вдоволь, хотя под раскаленным африканским солнцем быстро увядали травы и листья кустарников. Единственное спасение — частые ливни. Как только на юге показывались грозные облака, предвещавшие дождь, нилоты торопились зажечь степь, и пламя быстро распространялось по высохшей равнине, оставляя повсюду пепел, удобрявший почву. Через несколько дней после дождя пастбища покрывались сочной травой. В засушливое время года скот перегоняли к невысыхающим источникам воды. В случае необходимости рыли колодцы глубиной до 10 метров.

Скотоводство являлось ведущей, но не единственной от-

раслью хозяйства нилотов, занимавшихся еще земледелием (выращивали главным образом просо и кукурузу), а также охотой и рыболовством. Охотились на грациозных и быстрых тазелей, жирафов, достигавших 6 метров высоты и созданных, «чтобы объедать древесные листья», бегемотов, производивших по ночам опустошения в засянных полях, слонов, пугливых страусов — детей пустынь и сухих степей, пернатую дичь. Иногда охотились с собаками — превосходными борзыми, которые догоняли даже газелей. Когда в засушливый период пересыхали водоемы и уловы рыбы были значительны, рыболовство становилось важным источником питания нилотов.

Из ремесел были распространены гончарство, выделка кож, обработка дерева и камня. Нилоты умели добывать железо, за исключением нуэр, живших в местности, где не было железнорудных месторождений. Копья и железные орудия они выменивали у своих соседей. Лучшими специалистами по выплавке и обработке железа были западные племена — динка и шиллук. Щиты иногда изготавливали из кожи слона.

Основной социально-экономической ячейкой у нилотов были патриархальные семьи, из которых состоял отцовский род. Они являлись собственниками скота, однако земельные угодья и воды принадлежали племени и роду. В сравнении с племенами нуэр и динка общественный строй у шиллук был более развит, в частности они стали применять в хозяйстве труд рабов, вербовавшихся в основном из военнопленных, хотя ими становились и провинившиеся соплеменники, совершившие определенные проступки. Интересно, что кража скота приравнивалась у них по тяжести преступления к убийству человека и каралась смертью. К середине XIX в. у шиллук появились элементы государственности, возникла сильная исполнительная власть в лице наследственного верховного вождя, правившего совместно с советом, состоящим из вождей племен.

18 Эфиопия и Красноморское побережье 20

Эфиопия, расположенная на высоком плоскогорье, средняя высота которого над уровнем моря равна 2,5—3 тысячам метров, по праву привлекает к себе особый интерес ученых. Родина кофе и нескольких видов культурной пшеницы, один из центров возникновения на нашей планете земледелия (как показали исследования академика Н. И. Вавилова), область

древней самобытной культуры, страна, не раз ускользавшая из поля зрения цивилизованного человечества, о которой в средние века складывались легенды в Западной Европе, Эфиопия и сейчас является одним из наименее изученных районов африканского континента. Разнообразием природных и климатических условий, богатством фауны и флоры, пестротой этнического состава населения своими резкими контрастами и историческими судьбами Эфиопия чем-то напоминает весь материк в целом. Она — как бы Африка в миниатюре.

Древнейшим рабовладельческим государством, образовавшимся на ее территории в начале нашей эры, был Аксум, история и культура которого связаны с южноаравийскими царствами. С конца III в. в Аксуме стала чеканиться из золота собственная монета по римскому образцу. Вместе с тем в стране имели хождение римские, южноаравийские, индийские и деньги ряда других государств.

В IV в. цари Аксума, присвоившие себе гордый титул «царя царей», совершив завоевательные походы, покорили Мероз и области Южной Аравии. В стране были сооружены величественные дворцы и храмы. Христианство стало государственной религией. В V в. на язык аксумцев геэз была переведена Библия. В это время успешно развивалась торговля, был создан крупный морской флот. Особенно процветал морской порт Адудис. Купцы Аксума посещали Египет, Аравию и Цейлон. Полагают, что в аксумском обществе постепенно стали складываться раннефеодальные отношения.

Арабские завоевания, отрезавшие Аксум от Красного моря и Египта, ослабили страну, подорвали ее экономику. С VIII в. прекратилась чеканка монеты, и, по-видимому, в X в., если не раньше, государство перестало существовать, став жертвой соседних племен и народностей. Однако культура Аксума не исчезла бесследно. От нее сохранились не только письменные памятники, развалины храмов, стелы, но и самые высокие в мире, изящные, устремленные вверх юбелиски, высеченные из одной глыбы камня, один из которых, далеко не самый крупный, высотой в 21 метр, и поныне возвышается в гордом одиночестве на площади современного Аксума.

Сложившееся в XII в. феодальное государство Эфиопия явилось преемником аксумской культуры. До настоящего времени город Аксум сохраняет значение религиозного центра страны, где происходит коронация эфиопских императоров. Новое государство, располагавшееся к югу от древнего Аксу-

ма, обладало чрезвычайно сложным этническим составом, но господствующей народностью в нем явились амхарцы. Непрерывные войны с арабами, а затем с турками и португальцами, феодальные междоусобицы разорили Эфиопию, которая в XVII в. распалась на фактически независимые княжества. Угроза со стороны Англии ускорила объединительное движение в стране.

В середине XIX в. царек провинции Амхара объединил страну и провозгласил себя негусом всей Эфиопии. Ему удалось подавить сепаратистские тенденции крупных феодалов. Все же африканское побережье Красного моря было захвачено Францией, Италией и Англией. В 1895 г. Италия развязала войну против Эфиопии в надежде ее аннексировать. Армии захватчиков терпели одно поражение за другим. Италия вынуждена была признать независимость Эфиопии и уплатить ей контрибуцию.

Вскоре над государством нависла новая угроза. К его западным и южным границам подбирались англичане. В этих условиях негус Менелик II предпринял энергичные меры для восстановления древних границ страны. В 1897 г. он направил армии на завоевание Каффы, расположенного на юге Абиссинского нагорья государства, отколовшегося от Эфиопии в XVI в. в результате нашествия племен галла.

Каффа и по настоящее время является одной из наименее этнографически-исследованных областей Эфиопии. Населяющий ее народ, каффичо, относится к эфиопской расе, а язык его — к кушитским языкам. Об этой стране до конца XVIII в. в Европе почти не было никаких сведений. Основанное, по-видимому, в конце XIII столетия, государство Каффа к началу XIX в. выросло в сильную державу, царь которой в 1854 г. объявил себя богом. Однако власть его не была абсолютной, и все важнейшие решения он не принимал без одобрения совета, состоявшего из семи знатных вельмож, которым, в частности, принадлежало право выбора ему преемника из числа сыновей скончавшегося владыки. Во время коронации совершалось ритуальное убийство мальчика, душа которого согласно анимистическим поверьям переселялась в тело нового царя, что обеспечивало ему доброе здоровье и долгую жизнь. Царь не смел дотрагиваться своими руками до какого-нибудь предмета (этот запрет снимался во время сражений), и голова его всегда была скрыта под покрывалом, ибо никто из смертных не мог взглянуть ему в лицо. Голос царя могли слышать только члены его совета.

Ссылаясь на обычай обожествления царей, австрийский ученый Ф. Бибер, посетивший Каффу в начале нашего века, находит возможным утверждать, что жители ее являются выходцами из стран Напата и Мероэ, по крайней мере той части населения, которая являлась будто бы потомками солдат египетского фараона Псамметиха I, царствовавшего в VII в до н. э. Однако эти выводы малообоснованны.

Каффа была рабовладельческим государством, в котором уже зарождались феодальные порядки. Каффичо не знали письменности и по культуре значительно уступали амхартам. В одежде их обращают на себя внимание оригинальные, конической формы шляпы, сделанные из шкуры козленка либо из листьев. Каффа, по-видимому, долина кофе. Там и сейчас имеются необозримые заросли дикого кофейного дерева, зерна которого менее крупные, чем у культурного, но зато отличаются большим содержанием кофеина. Поджаренные в масле и слегка подсоленные кофейные бобы употребляются в пищу.

Каффичо — воинственный народ. В прошлом они не раз отбивали нападения амхарцев, но против появившегося у противника огнестрельного оружия их мечи оказались бессильными. Гордый царь Каффы сдался. В торжественной обстановке он отрекся от престола. Священные корона, золотой меч и вышитая золотом зеленая мантия были переданы победителю, а их бывший владетель с тяжелой серебряной цепью на шее стал пленником.

Менелик II был дальновидным правителем. Проводимые им реформы преследовали цель вывести Эфиопию на путь прогресса. В стране прокладывались новые дороги, начала чеканиться монета, укреплялась армия. Железной рукой подавлялось стремление феодалов к независимости. Менелик II основал новую столицу государства — Аддис-Абебу («Новый цветок»).

После первой мировой войны над Эфиопией стали сгущаться тучи. В 1935—1936 гг. фашистская Италия, используя превосходство в технике, применяя отравляющие газы, оккупировала страну, несмотря на героическое сопротивление народов Эфиопии. Папа римский благословил развязанную итальянскими империалистами войну, заявив, что она «оправдана сама по себе». За годы фашистской оккупации погибло от голода, отравляющих веществ и пуль карателей почти миллион человек. В Лиге Наций только голос Советского Союза осудил агрессора.

После окончания второй мировой войны негус Хайле Селассие в послании нашему правительству писал, «что никогда ни мы, ни народы Эфиопии не забывали о поддержке, оказанной нам Советским Союзом в те мрачные дни 1935 года...». Народы нашей страны издавна с горячей симпатией относятся к далекой африканской стране, откуда прибыл в Россию пращур Пушкина — ее стороны матери, Ганнибал, тиграец по происхождению.

Начиная с 40-х годов прошлого века Эфиопию посещали с продолжительными визитами многие русские инженеры, ученые, путешественники, врачи и дипломаты. После нападения Италии в 1895 г. на Эфиопию туда был послан отряд Российского общества Красного Креста, один из участников которого блестящий офицер А. К. Булатович в 1896—1899 гг. совершил ряд путешествий по стране и собрал большой этнографический материал об амхара, галла, каффичо и других народностях Эфиопии. Результаты своих исследований он изложил в книге «С войском Менелика II» (1900 г.).

Население Эфиопии говорит в основном на семитских и кушитских языках. Общая численность его по приблизительным подсчетам на 1961 г. равна 22,5 миллионам человек, из них на семитских языках говорит более 14 миллионов, а на кушитских — примерно 8 миллионов. Крупнейшие семитские языки: амхарский — государственный язык страны (на нем говорит 11 миллионов человек), тиграи (2,2 миллиона), гураге (500 тысяч), тигре (460 тысяч), кушитские — галла (5,2 миллиона), сомали (1600 тысяч), язык народа данакиль афар (360 тысяч). Амхара населяют центральные и северные области Абиссинского плоскогорья, а гураге и галла живут к югу от них. Тиграи и тигре занимают северные районы страны, сомали — восточные, данакиль же кочуют на северо-востоке.

В Эфиопии, где рабство юридически было отменено лишь в 1942 г., и сегодня господствуют феодальные отношения. Почти 95 процентов населения страны занято в сельском хозяйстве. Как правило, основная масса крестьян работает на барщине третью часть года, помимо этого, феодалы забирают четвертую либо пятую долю урожая с их полей. В связи с тем что вся земля в стране является юридически собственностью негуса, крестьяне обязаны также вносить денежный налог в императорскую казну. Правительство Хайле Селассие вопреки сопротивлению помещиков постепенно проводит в жизнь реформы, подрывающие основы феодального землевладения.

Уровень сельского хозяйства крайне низок. За исключением северных областей, где пользуются плугом с железным лемехом, основными земледельческими орудиями являются деревянная соха либо мотыга, а у многих племен и отсталых народностей — палка-копалка. Господствует подсеčno-огневая система земледелия. Везде сеют вручную, а жнут серпами или самоделными ножами.

Из зерновых культур, помимо злаков, произрастающих только в Эфиопии, выращивают несколько видов пшеницы, кукурузы, сорго и особенно его разновидность — дурру, названную за свою засухоустойчивость «верблюдом растительного мира». Из зерен дурры пекут не только ынджеру, т. е. пресные лепешки, являющиеся хлебом в Эфиопии, но и готовят хмельные напитки; стебли дурры, достигающие трех метров в высоту, идут на топливо, а листья служат кормом для скота. Лепешки, кстати, пекут и из зерен льна, выращиваемого в стране исключительно для этой цели. Кроме хлебных злаков, овощей и бобовых широко культивируют хлопок, табак, сахарный тростник, виноград, цитрусовые, но более всего кофейное дерево. Экспорт кофе приносит наибольший доход императорской казне.

Наряду с земледелием, значительное место в хозяйстве страны занимает животноводство, особенно на востоке и юге страны, где оно является ведущей отраслью. Разводят преимущественно зебу, коров, лошадей, овец, коз, верблюдов, мулов, ослов. Обычно животные круглый год находятся на подножном корму.

В экономике амхара, тиграи, тигре и северных галла, являющихся передовыми народами Эфиопии, видную роль играют ремесла по обработке дерева, рога и металла, выделка кож, гончарство, плетение и ткачество. Восхищают европейцев мастерство и художественный вкус ювелирных изделий эфиопских умельцев. В XIX в. (а в некоторых районах страны и в настоящее время), деньгами являлись железные бруски, красный перец, патроны, но особенно желанной была соль, которая вытеснила своих конкурентов. Соль в Эфиопии — дефицитный товар. Академик Н. И. Вавилов, посетивший эту страну в 1927 г., пишет, что в ряде местностей монета центрального правительства не принимается населением, требующим деньги — соль. В Эфиопии распространена поговорка: «Он есть соль», т. е. он — богатый человек.

Многие ученые отмечали наличие у эфиопского народа удивительно метких пословиц. По словам академика

Ю. И. Крачковского, Эфиопия своими пословицами «смело может соперничать с любой страной как по изящной сжатости их выражения, так и по тонкости мысли». Вот некоторые из них: «Лучше два быка, чем один бык, лучше один осел, чем два осла»; «Потерявший лошадь ищет ее под седлом»; «Удар друга лучше, чем поцелуй врага»; «Юдоша видит сначала небо, а потом землю».

В ряде районов страны, особенно в городах, где зарождается капиталистический уклад, имеются предприятия обрабатывающей промышленности. Вместе с тем в экономике, социальном строе и быту эфиопского общества сохранились сильные пережитки первобытности, особенно у южных галла. Ныне в Эфиопии быстрыми темпами протекает процесс консолидации народов, чему способствует интенсивное распространение амхарского языка, ибо только на нем ведется судопроизводство и преподавание в учебных заведениях, печатание газет и журналов, создается современная художественная литература.

Так называемый «африканский рог» населен в основном сомалийцами, общая численность которых составляет 3,8 миллиона человек, из которых в государстве Сомали живет немногим более половины. Сомалийцы — преимущественно скотоводы-верблюдоводы, в северных районах разводят также овец и коз, а на юге — крупный рогатый скот. Кормов на зиму они не заготавливают и поэтому совершают сезонные перекочевки. Обычай требует, чтобы верблюдицу доили мужчины, овец и коз — женщины и девушки, а коров — юноши. Сомалийцы питаются главным образом молоком и продуктами его переработки, мясо же едят редко, особенно беднота. Часть населения, в основном на юге, живет оседло, занимаясь земледелием. Выращивают кукурузу, просо, хлопок, батат, маниоку. Из ремесленных профессий распространены ткачество, гончарство, кожевенное дело, резьба по кости и т. д. Сомалийцы издавна экспортируют ладан, мирру и другие ароматические смолы камеденосных деревьев, в изобилии произрастающих на Красноморском побережье.

Магриб и Ливия

Ранняя история народов Северной Африки, исключая долину Нила, изучена слабо. Древние египтяне и греки, обладавшие некоторыми сведениями о племенах, населявших Ливию, долгое время имели смутное представление о их запад-

ных соседях. С конца II тысячелетия до н. э. близ нынешнего Туниса стали возникать финикийские поселения, одно из которых выросло со временем в мощный город Карфаген — крупнейший политический и экономический центр Западного Средиземноморья, поработивший окрест жившие народы. В борьбе с ним возникло туземное государство Нумидия, а несколько позже к западу от него сложилось Мавретанское царство. После того как в 146 г. до н. э. Карфаген был разрушен, этими странами, как и всем Средиземноморским побережьем Африки, в течение нескольких столетий владел Рим, превративший Магриб в свою «житницу». В V в. Северная Африка пережила нашествия вандалов и в VI — византийцев.

Однако эти завоевания не привели к заметному изменению этнического состава туземного населения, говорившего на ливийско-берберских языках. Мало что изменилось в этом отношении и после захвата Магриба во второй половине VIII в. арабским войском, численность которого была относительно невелика. Лишь после массового переселения арабов в XI в. на Запад началась арабизация берберского населения, растянувшаяся на несколько столетий.

Начиная с XVI в. в Ливии и Магрибе, исключая Марокко, хозяйничали турки, а в XIX—XX вв. Северную Африку поделили между собой европейские державы. Франция превратила в колонию Алжир и установила протекторат над Тунисом и Марокко (часть Марокко захватила Испания), а Италия оккупировала Ливию.

Народы Магриба и Ливии никогда не мирились с колониальным гнетом. Начиная с древних времен, история их наполнена восстаниями против иноземных захватчиков. Широко известна, например, героическая борьба за свою свободу алжирцев под руководством Абд-аль-Кадир в 30—40-х годах XIX в. и рифских племен в Марокко в 20—30-х годах нынешнего столетия.

В 1832 г. племена и народности Западного Алжира, возглавляемые эмиром Абд-аль-Кадиром, талантливым полководцем и дальновидным политическим деятелем, объединились в боевой союз для борьбы с французскими колонизаторами. Военные действия ускорили процесс этнической консолидации, способствовали политическому и экономическому сплочению этого союза, переросшего в государственное объединение. Абд-аль-Кадир укрепил центральную власть, провел прогрессивные реформы, направленные на ослабление родовых связей и создание алжирской народности. Государство

стало делиться по территориальному признаку, откупная система заменялась упорядоченными налогами, создавалась регулярная армия, феодальные суды уступали место государственным. Государство Абд-аль-Кадира просуществовало 15 лет.

По франко-испанскому договору 1912 г. часть Марокко с областью Риф досталась Испании. Однако попытки покорить племена рифов натолкнулись на ожесточенное их сопротивление. В 1922 г. была создана независимая республика Риф, а в 1924 г. 150-тысячная испанская армия была разгромлена рифами. Лишь объединенные силы франко-испанских армий, использовавших превосходство в численности и вооружении, в 1926 г. уничтожили республику, хотя племена рифов еще в течение многих лет продолжали вести борьбу за свою независимость.

Современные народы Марокко, Алжира, Туниса и Ливии. Численность которых соответственно равна 12, 11, 4,3 и 1,2 миллиона человек, говорят в основном на арабском и берберских языках. Арабоязычное население в Марокко составляет примерно 65 процентов, в Алжире — 75, Тунисе — 95, Ливии — 89 процентов. Лиц европейского происхождения сравнительно немного, лишь в Алжире они составляют десятую часть жителей страны. Численность народов Магриба, данная на 1961 г., требует известных коррективов, особенно в отношении Алжира, который после Эвианских соглашений 1962 г. покинуло 800 тысяч французов. Основная масса арабоязычных народов по своему происхождению является берберами, сменившими свой язык.

В настоящее время берберами называют автохтонное население Магриба и Ливии, сохранившее свой язык и самобытную культуру. Общая численность их приблизительно равна 5,7 миллиона человек, из которых наиболее крупными народностями являются: тамазигт (1,2 миллиона), шлех (1,3 миллиона), трифы (0,7 миллиона) — в Марокко; кабилы (1,1 миллиона) — в Алжире; туареги (550 тысяч), основная масса которых обитает в Западном Судане. Берберские языки настолько близки между собой, что многие лингвисты считают их диалектами одного берберского языка.

Берберы питаются в основном вегетарианской пищей и живут обычно в горных массивах и удаленных оазисах. В быту они почти ничем уже не отличаются от арабов. Берберы исповедуют ислам, и значительный процент среди них, наряду с родным, владеет арабским языком. В связи с этим совре-

менных алжирцев в этнографической литературе иногда называют арабо-берберами. Живущие в прибрежных районах и горных долинах берберы занимаются скотоводством и земледелием, выращивая ячмень, кукурузу и пшеницу, а там, где позволяют климатические условия, — фруктовые деревья и виноград. Чем дальше от побережья, тем большее значение в экономике берберов приобретает животноводство. Вместе с тем в граничащих с пустыней местностях, как и в оазисах Сахары, большим подспорьем для населения служит финиковая пальма.

В Магрибе и Ливии господствуют феодальные отношения при сохранении у ряда народов патриархальной семьи, соседской общины и других пережитков первобытнообщинного строя.

24. Западный Судан

По пестроты этнического состава эта историко-этнографическая область не имеет себе равных на африканском континенте. Другая особенность Западного Судана, резко бросающаяся в глаза, — несовпадение политических и этнических границ: нет сколько-нибудь крупной народности, проживающей в пределах одного государства. Например, фульбе расселены более чем в 15 странах. Вместе с тем в каждом государстве имеются одна или две-три народности, составляющие большинство населения, которые в процессе этнической консолидации впитывают в себя мелкие, в первую очередь родственные этнографические группы.

Крупнейшими народами Западного Судана являются: хауса (9,2 миллиона человек), основная масса которого проживает в Нигерии; фульбе (7,8 миллионов), язык которого относится к западнобантоидной группе; доруба (6,6 миллиона), ибо (6,4 миллиона), акан (4,1 миллиона), эве (3 миллиона), чьи языки входят в гвинейскую группу; мандинго (3,5 миллиона), говорящие на языках семьи манде; моси (3,8 миллиона), язык которого относится к центральнобантоидной группе. Общая численность населения Западного Судана составляет 77 миллионов человек. Но империалистического раздела Африки многие народы Западного Судана создали высокую культуру и жили в классовом обществе.

Наиболее ранние государства сложились в степной полосе, почти граничащей с пустыней. Древнейшим из них была Гана, возникшая в верхних рек Сенегала и Нигера, согласно пре-

даниям, в III—IV вв. н. э., но первые письменные источники о ней восходят лишь к VIII столетию. Страна называлась Аукер. Слово «Гана» первоначально означало титул императора и лишь позднее им стали называть государство.

По сообщению арабских географов, Гана являлась «страной золота». Прикрепленный к трону царя большой самородок золота являлся как бы символом основного богатства страны. Власть государя была велика. Встречаясь с ним, жители страны «опускаются на колени и посыпают голову пылью; таким образом они приветствуют царя». (Аль-Бекри, XI в.). В загробный мир владыку сопровождали заживо похороненные его повара и винокуры. Наследником престола становился сын сестры царя. Существовали царские тюрьмы, о которых Аль-Бекри писал: «Как только туда попадет кто-либо, о нем уже не говорят». Этнический состав страны был сложным. Господствующей народностью была сонинке.

Своего расцвета Гана достигла в середине XI в., но в 1076 г. она была завоевана пришедшими с севера исламизированными берберами. И хотя вскоре страна вновь обрела независимость, в последующее время она переживала экономический и культурный упадок. Правители подвластных областей оказались независимыми. Крупнейшими из государственных объединений, возникших на развалинах империи Гана, были Сосо и Мали, борьба между которыми, протекавшая долгое время с переменным успехом, окончилась в 1235 г. решительной победой последней. Этот год принято считать годом возникновения независимого государства Мали (Мелле), в котором преобладающей народностью была народность малинке. Языки народов сонинке и малинке близки друг к другу и принадлежат к языковой семье манде (мандинго).

Наивысшее могущество (Мали) падает на первую половину XIV в. на царствование Мусы I (1312—1337 гг.), ревностного мусульманина, поразившего воображение Арабского Востока тем, что во время паломничества в Мекку он на своем пути с щедростью раздавал золото народу. Его сопровождала огромная свита, одних рабов-слуг было 8—12 тысяч человек. Муса I, которого Ибн Халдун называет «могущественнейшим из царей черных», вез с собой 100 вьюков золота. Кроме того, впереди него шествовало 500 рабов, каждый из которых нес в руке золотой жезл. Египетскому султану царь Мали подарил написанную им книгу о правилах хорошего поведения. Хаджж Мусы I продемонстрировал не только богатство и могущество державы Мали, но и помог ему завязать

торговые и культурные связи с мусульманскими странами.

Общество Мали не было свободно от пережитков родоплеменного строя. Так, Ибн Батутта сообщает: «Никто из них не говорит о своем происхождении по отцу, но каждый говорит о происхождении от брата своей матери. Наследниками отца считаются не его собственные дети, а дети его сестры».

Государство Мали просуществовало до XVII в., но уже со второй половины XIV в. мощь его слабеет. Дженне и Томбукту — крупнейшие города страны — были захвачены Сонгаи — государством, сложившимся в среднем течении Нигера. О времени возникновения Сонгаи нет точных данных; возможно, оно некоторое время находилось в политической зависимости от Мали. Если о древнейших царствах Ганы и Мали источники сохранили скудные сведения, то этого нельзя сказать о Сонгаи, история которого, особенно политическая, относительно хорошо освещена в трудах арабских путешественников и туземных исторических хрониках.

Сонгаи в известной степени явилось наследницей цивилизаций Ганы и Мали, и это обстоятельство отчасти объясняет, почему у этих стран имелись некоторые общие социально-экономические черты. Основу их хозяйства составляло земледелие, которое в степной полосе Западного Судана возникло, по-видимому, в VI—V тысячелетии до н. э. Оно находилось на сравнительно высоком уровне, хотя главным сельскохозяйственным орудием труда оставалась мотыга. Как сообщает крупный советский ботаник П. А. Баранов, почвенная микрофлора в Африке к югу от Сахары образует тонкий слой, и поэтому плугом здесь нельзя пользоваться в противоположность мотыге, разрыхляющей почву на меньшую глубину. Вспашка наносит вред бедной от природы земле, лишая ее плодородия.

Видное место в экономике Ганы и Мали занимала торговля с жителями Сахары и Магриба. Земледельцы и кочевники нуждались в обмене продуктами своего труда. Но особенно привлекало арабских купцов болото Западного Судана, который до открытия Америки являлся основным поставщиком его через страны Магриба для Европы и Ближнего Востока. Добыча благородного металла была монополизирована царями. В обмен на него с севера привозили медь, предметы роскоши и особенно соль — весьма дефицитный товар в Судане. Привозимые бруски соли весили от 25 до 45 килограммов.

По сообщению арабского путешественника и географа Аль-Бекри столица Ганы состояла из двух населенных пунктов, в одном из которых находилась резиденция царя, а в

21
другом жили мусульмане и останавливались чужеземные купцы. Из столицы туземные торговцы развозили соль во все уголки страны. Единичей обмена в Гане и Мали служили беге, величиной с орешек раковины каури, а с XIV в. функций денег приобрели и медные бруски. Еще более обширную торговлю вело Сонгаи, которое в территориальном отношении, густотой населения и богатством значительно превосходило державы Ганы и Мали. После захвата богатейших соляных залежей Текказа северные границы Сонгаи простирались до Марокко. Городское население быстро увеличилось. Гао — столица страны, по подсчетам Д. А. Ольдерогге насчитывала 75 тысяч жителей. К традиционным предметам вывоза — золоту, слоновой кости и рабам прибавилась соль.

Однако своей славой в мусульманском мире Сонгаи было обязано не золотым россыпям, а университету в Томбукту — выдающемуся научному центру средневековья, в стенах которого нашли приют многие арабские ученые. В этот город, писал путешественник Лев Африканский (XVI в.), привозят из Магриба «книги, для которых здесь обеспечен настолько хороший сбыт, что их продажей получают гораздо большую прибыль, чем от многих других товаров». В одной дошедшей до нас рукописи того времени приводятся имена более ста поэтов и ученых — уроженцев или местных жителей Томбукту. Ученые пользовались в стране большим почетом и только из их среды назначались судьи.

Каков был общественный строй Ганы, Мали и Сонгаи? Относительно первых двух государств источники молчат об этом, но, по-видимому, там господствовали феодальные отношения, как и в Сонгаи, при существовании рабства в виде уклада. Впрочем, этот вопрос является проблемным. Труд рабов, добываемых в южных странах во время прабительских экспедиций, использовался преимущественно в земледелии, рабы по своему фактическому и юридическому положению приближались к крепостным. О положении свободных мелких производителей сведений не сохранилось. Известно только, что им запрещалось вступать в браки с рабами.

Во второй половине XVI в., когда общество Сонгаи находилось на восходящей ветви своего развития, усилились конфликты с Марокко из-за соляных копей, расположенных в Северной Сахаре. В 1584 г. 20-тысячное войско, отправленное султаном Марокко на завоевание Сонгаи, почти целиком погибло в пути от жажды, не достигнув Нигера, но через 6 лет новой армией, в которой находились испанские наемники, уда-

лось пересечь Сахару и, используя превосходство огнестрельного оружия, разгромить противника. Богатейшие города были разграблены, по всей стране прокатилась волна восстаний рабов, крепостных и зависимых народов. Ученых Томбукту враги заковали в цепи и отправили в Марокко через пустыню. Лишь немногие из них выдержали тяготы пути. И хотя марокканские паши в конечном итоге принуждены были покинуть Сонгаи, оно уже не могло оправиться от страшного разорения и сошло с исторической арены. «С этого момента, — сказано в летописи, — все изменилось. Опасность пришла на смену спокойствию, нищета сменила богатство. Мир уступил место отчаянию, упадку и насилию». Политическое единство степной полосы Западного Судана не было восстановлено. 1

21 Гегемония в этом районе переходит к народу фульбе. Происхождение и язык которого долгое время оставались загадкой для науки. В буржуазной литературе имеет хождение не один десяток гипотез, призванных их авторами для решения этой проблемы. Например, фульбе считали потомками римских легионеров, древних египтян, Гиксосов и коптов, усматривали в них затерявшиеся в песках Африки племена Израиля, признавали родственниками басков, масаев и цыган, выводили из Эфиопии и малайско-полинезийской области. Повышенный интерес к происхождению фульбе объясняется, во-первых, тем, что среди них встречаются антропологические типы, обладающие европеоидными признаками, чем они отличаются от окружающего негрского населения, и, во-вторых, этот народ выделяется среди своих соседей образом жизни. Фульбе — не земледельцы, а скотоводы.

Согласно новейшим исследованиям прародина фульбе находится на территории республики Гвинея, где они и теперь составляют почти 40 процентов населения страны. Продвигаясь в восточном направлении, негроиды-фульбе, по-видимому, ассимилировали некоторые берберские и арабские племена, чем и объясняется существование среди них светлокожих кочевых групп, имеющих черты индо-средиземноморской расы, тогда как для оседлых фульбе характерны негроидные признаки.

До настоящего времени основная масса фульбе занимается разведением преимущественно крупного скота: различных пород зебу, верблюдов и лошадей, что возможно из-за угрозы мухи це-це лишь в гористых и полузасушливых местностях. Кормов не заготавливают на зиму, и скот пасется круглый год, поэтому в зависимости от времени года фульбе соверша-

ют перекочевки по традиционным маршрутам. Подобно другим скотоводческим народам, они питаются в основном молочными продуктами, мясо едят редко и с животными растаются неохотно. Продают или закалывают здоровый скот крайне редко. У фульбе есть пословицы: «Скот превосходит все, он даже важнее отца и матери», и «Если погибнет скот, умрет и фульбе».

Обратимся теперь к восточному району Западного Судана, простирающемуся от излучины Нигера до озера Чад, где проживали народы, говорившие главным образом на языках хауса и канури. История их плохо изучена, особенно скудные сведения сохранились о прошлом народности канури, создавшей на северо-восточных берегах озера Чад в VIII—IX вв. н. э. раннефеодальное государство Канем, достигшее расцвета в XIII в. В конце XIV в., по-видимому из-за постоянных нашествий врагов на восточные границы, его цари перенесли свою резиденцию к юго-западу от Чад, в страну Борну; так же стало именоваться с этого времени и прежнее государство Канем. По сообщению Ибн Батутты, царь страны Борну «никогда не показывается перед народом, а поворит только из-за занавеса». В управлении государством видную роль играли мать царя и его супруга. В конце XVI—начале XVII в. Борну превратилось в мощную державу, одну из самых могущественных в ~~африканском~~ ~~мире~~, имевшую оживленные торговые и культурные связи с народами Средиземноморья. Многие государства платили ему дань. Даже в XIX в. одна из соседних стран каждый год поставляла Борну тысячу рабов.

Экономика и культура Борну оказывали влияние на соседние народы, в том числе на хауса, история которого до XVI в. малоизвестна по письменным источникам. К этому времени у хауса уже существовало несколько экономически развитых феодальных городов-государств, отношения между которыми не всегда были мирными; города были обнесены высокими и толстыми стенами. Основу хозяйства хауса составляло земледелие. Выращивали пшеницу, рис, хлопок, сорго, но особенно просо, называвшееся «царем зерна». Урожаи были высоки, ибо хауса сооружали оросительные каналы, применяли удобрения (древесную золу, навоз), имели разнообразные земледельческие орудия, в том числе разных форм и величины мотыги с железными наконечниками. Одни из которых, например, применялись при возделывании целины, другие—при расчистке участка перед посевом, третьи— для

прополки поля. Женщины и дети пользовались облегченными орудиями. Особый тип мотыги применялся на рисовых плантациях. Основная пища бедноты — каша из муки проса или сорго. Рис ели богачи.

Однако хауса прославились не столько как трудолюбивые земледельцы, сколько как искусные ремесленники. Одежды и разноцветные ткани, особенно синего цвета, окрашенные индиго, изготовленные в Кано, крупнейшем из городов страны, по настоящее время пользуются широким спросом у соседних народов. Столь же желанны были изделия из кожи, которые изготовляли хаусанские ремесленники. Красиво расшитые цветными нитками сосуды для хранения жидкостей, седла и сбруя всегда находили покупателей. Не одно столетие население Западного Судана ходило в обуви хаусанского производства.

С гибелью Сонгаи и перемещением торговых путей в восточные районы города хауса переживают расцвет. С побережья Гвинейского залива возрастает приток орехов кола, а с севера непрерывным потоком прибывают шкуры и соль. По сей день, проделывая 1000-километровый путь по Сахаре, груженные брусками соли, караваны туарегов регулярно направляются в страну хауса. Караваны обычно невелики, но в середине прошлого века некоторые из них состояли из 10 и более тысяч верблюдов. О значении соли в торговле страны свидетельствует тот факт, что в языке хауса для разных ее сортов насчитывается до 50 слов.

На протяжении столетий народ хауса не был политически объединен. Более того, некоторые города-государства временами платили дань царям Мали, Сонгаи и Борну.

Начиная с XV в., а возможно и раньше, на землях хауса стали расселяться скотоводы булльбе, составившие к концу XVIII столетия значительную долю населения страны. Постепенно кочевники попали под влияние более высокой культуры местных жителей, и многие племена их стали перенимать земледелие и переходить к оседлому образу жизни. В начале XIX в. среди них прокатилась волна недовольства, переросшая в восстание, города хауса были покорены и включены на правах вассальной зависимости в образовавшуюся новую державу — Сокото, названную так по имени ее столицы.

Как показал Д. А. Ольдерогге, выводы буржуазных авторов, что восстание явилось результатом этнических и религиозных противоречий двух народов, несостоятельны. В действительности, восстание было вызвано классовыми причинами.

хотя оно и проходило под религиозным лозунгом. В восстании принимали участие беднейшие слои народа фульбе, к которым присоединилась часть трудящихся Хауса. На конечном этапе восстания знать фульбе сумела возглавить и направить его в нужное ей русло. Вождь восставших Осман дан Фодио провозгласил себя султаном.

В Сокото господствовали феодальные отношения, уживавшиеся с остатками первобытнообщинного строя и рабовладельческим укладом. По сведениям европейских путешественников, в XIX в. в Кано, например, ежедневно продавалось на рынке в среднем 500 рабов. С объединением мелких государств язык хауса стал еще шире распространяться среди других народностей. Он стал государственным языком Сокото. Господствующая верхушка фульбе, все более и более воспринимая культуру хауса, слилась со знатью покоренного народа.

Третьим крупным районом древней культуры Западного Судана является берег Гвинейского залива, населенный народами, языки которых относятся к гвинейской группе. Самые многочисленные и наиболее развитые в экономическом отношении народности, создавшие высокие цивилизации до империалистического раздела Африки (йоруба, ибо, акан, эве и эдо), принадлежат к подгруппе ква и расселены в пределах Кигерии, Дагомеи, Того, Ганы, Берега Слоновой Кости. Современное состояние источников не позволяет нарисовать цельную картину их исторического развития. Краткие записи европейских путешественников, местные исторические предания и сохранившиеся разрозненные вещественные памятники, частично извлеченные из почвы заступом археолога, освещают лишь отдельные, порой случайно выхваченные «куски» истории стран Верхней Гвинеи. Но и они дают известное представление о богатом прошлом их народов.

Широкую известность приобрел город-государство Бенин, расположенный к западу от устья Нигера. Португальские авторы в конце XV и первой половине XVI в. описывают Бенин благоустроенным, цветущим городом, окруженным «широким и глубоким рвом, заполненным водой и представляющим достаточно надежную защиту». По своим размерам и численности населения он мог соперничать с крупными городами Западной Европы того времени. Голландские путешественники XVI—XVIII вв. восторгались широкими и прямыми улицами Бенина, царским дворцом, который «так велик, что конца его не видно», бронзовыми статуями в нем, чистоплотно-

живущий главным образом в государствах Нигер и Мали и небольшими группами — в Сахаре. Это худощавые, пропорционально сложенные, отличающиеся выносливостью к голоду и жажде мужественные люди, называющие себя *имошаг*.

Туареги — в основном кочевники-верблюдоводы, хотя разводят также овец и коз. В оазисах они выращивают просо, пшеницу, бахчевые культуры, но земледелие у них играет второстепенную роль. Питаются туареги преимущественно молочной пищей, а кашу из толченой пшеницы или проса и особенно мясо едят редко. Из ремесел видное место занимает выделка из кожи бурдюков, седел, обуви и других изделий.

Много веков тому назад туареги откочевали из Магриба, но сохранили свой язык и многие древние обычаи. Они в меньшей степени, чем другие берберы, подверглись исламизации. Так, у туарегов распространена моногамия, женщины пользуются большой свободой. Они сохраняют право на собственность, имеют голос не только в семье, но и в совете старейшин, не знают тяжелого изнурительного труда, подобно женщинам других мусульманских стран, и нередко бывают образованнее мужчин. Хотя у туарегов господствуют феодальные порядки, у них сохраняется родоплеменная организация общества, и счет родства ведется по женской линии. Одежда состоит из штанов и длинной рубахи с короткими, широкими рукавами. Носят красивые браслеты из черного мрамора. Мужчины редко расстаются с оружием. Интересно, что кинжал у них подвешивается на левой руке, выше локтя или у запястья.

С незапамятных времен у туарегов распространен обычай, не засвидетельствованный у других народов мира, по которому мужчины по достижении 25 лет закрывают верхнюю и нижнюю часть лица повязкой из одного куска материи таким образом, что остается узкая смотровая щель для глаз. Арабы называли туарегов «людьми под покрывалом». «Никогда, — пишет Аль-Бекри, — ни при каких обстоятельствах они не снимают этого покрывала; это вещь, с которой они так же не могут расстаться, как со своей кожей». Происхождение этого обычая не выяснено. По-видимому, он связан с анимистическими верованиями: повязка не дает возможности проникнуть злым духам через рот или ноздри в человека, с одной стороны, и препятствует его душе выйти через эти отверстия. — с другой.

Известный французский ученый А. Лот, прославившийся исследованием фресок Сахары, является знатоком жизни и

уарегов пустынь. Жизнь их нелегка, но особенно в
енном положении находятся 3,5 тысячи туарегов, оби-
х на бесплодном каменистом плато Тассили. Они хро-
и голодают, и многие семьи едят один раз в день.
инство туарегов болеют рахитом и суставным ревма-
. Смертность в детском возрасте достигает 50 процен-
уви не носят, некоторые семьи ютятся в пещерах.
реги имеют свою письменность — тифинаг, которой
отся только женщины, тогда как мужчины употребляют
зское письмо. Тифинаг является разновидностью или
представляет собой дальнейшую эволюцию древнели-
о (нумидийского) алфавита и содержит одни соглас-

Восточная Тропическая Африка

очная Тропическая Африка включает независимые
ства Уганду, Объединенную Республику Танзанию,
Замбию, Малави и португальскую колонию Мозам-
северу от Замбези). Из общей численности населения
о в 30 милл. человек на языках банту говорит
5 миллионов, на нилотских — 3600 тысяч человек, а
е — на семитских, кушитских и индоевропейских язы-
упнейшими народностями (банту) являются: макуа
(Занзибар), баганда (Уганда), агикуйю (Кения), ваньямве-
зания), малави (Малави), бемба (Замбия).

обережье живут суахили — народ смешанного в ант-
ическом отношении происхождения. Это в основном
ы, имеющие некоторую примесь европеоидной расы,
еся следствием смешения коренного населения пре-
венно с персами, арабами, отчасти индийцами и
переселившимися в далеком прошлом колонистами.
я на свою относительную малочисленность (1 мил-
ион человек), язык их — суахили (кисуахили), принадлежа-
восточной группе (банту), широко распространен в
ой Тропической Африке и быстро проникает к наро-
дам Конго. На нем говорит 25—30, а по некоторым
— до 40 миллионов человек. Он является официадь-
ком в Кении и Танзании. В языке суахили имеется
слов, заимствованных из арабского и некоторых дру-
гов.

го до нашей эры берега Восточной Тропической Аф-
ресещали египетские и греческие купцы, позже — рим-

ские, арабские, аксумские, персидские и индийские. В VII—X вв. арабские поселения основали на побережье феодальные города, где широко использовался рабский труд. Вербовавшихся из местного населения рабов арабы отправляли также на невольничьи рынки Ближнего Востока и Южной Азии. В XVI—XVIII вв. побережьем овладели португальцы. Однако глубинные районы страны не были затронуты колонизацией вплоть до начала XIX в., когда арабские купцы стали проникать туда, стремясь компенсировать потери в торговле в Индийском океане, где бесчинствовали английские корсары. Но покорить эту область материка удалось только в конце прошлого века Англии и Германии.

1 Ко времени появления европейских колонизаторов некоторые народы Восточной Тропической Африки создали государства, из которых наиболее сильным была Буганда, располагавшаяся к северо-западу от озера Виктория, на территории/нынешней Уганды. Время ее возникновения точно не установлено. В XVII—XVIII вв. Буганда, поглотив некоторые соседние царства и значительно расширив свои границы, превратилась в мощную военную державу. Стэнли, посетивший эту страну в 1875 г., определяет численность ее войск в 150 тысяч человек.

Примерно с середины XIX в. рабовладельческие отношения в Буганде стали сменяться феодальными. Вся земля в государстве формально принадлежала царю, который наделял ею и прикрепленными к ней крестьянами чиновников и командный состав армии. Крепостные несли всю тяжесть земледельческого труда, платили подати, строили дороги и дворцы. Внутри господствующего класса могущественную прослойку составляло жречество. Существование специализированных ремесел по обработке дерева, кожи, высокий уровень гончарного искусства обусловили развитые формы торговли, приведшие к появлению денег. Единицей обмена служила раковина каури.

В бугандском обществе сохранялись пережитки первобытнообщинного строя, часть из которых восходила к материнскому роду. К последним, в частности, относился существовавший в ряде других африканских стран обычай, по которому царский трон передавался по женской линии. Сын царя занимал престол лишь в силу брака со своей сестрой — законной наследницей царства. В Буганде высшая власть юридически принадлежала одновременно царю, его супруге-сестре и матери царя. Царица имела собственный двор и

владела обширными поместьями, разбросанными в разных концах страны.

Исключительный интерес представляют данные о существовании в прошлом в междуречье Замбези—Лимпопо на территории Родезии, и частично Замбии, Конго и Мозамбика государства Мономотапы. Редкие упоминания о нем португальских авторов XVI—XVIII вв., выдержанные в восторженных тонах, долгое время считались не заслуживающими доверия. Некоторые ученые в XX в. отрицали его существование. Между тем сохранилось огромное количество величественных сооружений сухой каменной кладки. Среди них выделяются крепости, высота стен которых доходит до 9 и более метров, а толщина—до 6. Верхняя часть стен орнаментирована галькой. Внутри них находятся конической формы башни высотой до 15 метров. Особенно поражают своей грандиозностью руины Зимбабве (Родезия), бывший, видимо, столицей.

Обнаружены тысячи древних железных рудников. В больших масштабах добывали золото, которое вместе с другими металлами и слоновой костью охотно выменивали арабы и португальцы на текстильные изделия и стеклянные безделушки. Впрочем, и жители Мономотапы умели выработать хлопчатобумажные ткани.

Основным занятием населения страны было земледелие. Археологи извлекли из почвы множество железных мотыг и зернотерок, обнаружили колодцы, ирригационные каналы и места для хранения зерна. Широкое распространение получило террасное земледелие. Удельный вес животноводства в сельском хозяйстве был не велик. Из произведений искусства значительный интерес представляют скульптурные изображения птиц из мыльного камня, помещенные на высоких постаментах.

Каков был общественный строй Мономотапы в XV—XVII вв.? Буржуазные ученые обычно рисуют его феодальным. По мнению видного советского исследователя культуры Зимбабве Л. А. Фадеева, социальные отношения в этой стране были типичны для последних этапов разлагающейся первобытнообщинной формации, когда далеко зашедший процесс классового образования неминуемо вел к становлению государства. Мономотапа в XV—XVII вв. переживала период «перехода от первобытнообщинных к раннеклассовым отношениям». В качестве одного из доказательств этого Л. А. Фадеев ссылается на бытовавший в Мономотапе обычай, в силу ко-

торого ежегодно присылаемые из центра чиновники гасили во всех селениях огни, после чего жители приходили получать из их рук новый огонь, по словам португальского писателя XVI в. Д. Барбоша, «в знак величайшей дружбы и покорности. Если же какое-либо место или город не желали этого делать, их тотчас же начинали считать мятежными». По Л. А. Фадееву, эта церемония «свидетельствует о сохранении воендемократических отношений в Мономотапе», однако подобное толкование этого обычая спорно.

Уровень развития производительных сил, сохранившиеся памятники культуры Зимбабве свидетельствуют, по-видимому, о существовании в Мономотапе раннеклассовых отношений с сохранением в качестве пережитков порядков—первобытнообщинного строя. К последним, например, относилось влиятельное положение в стране девяти главных жен царя, которые обладали правом жизни и смерти над подданными и к тому же фактически контролировали порядок престолонаследия в стране. Если они признавали владыку одряхлевшим, то младшая из главных жен ставила об этом в известность совет родоплеменной знати, после чего царя отстраняли от власти. Главные жены являлись родетвенниками царя, причем старшая из них, выбираемая по воле аристократии, обязательно была его сестрой. Без ее разрешения новый царь, который мог быть сыном и другой жены, не мог занять трон. Со смертью царя второстепенных его жен, число которых по некоторым сведениям доходило до 3 тысяч, умерщвляли. Любопытно, что в составе вооруженных сил страны имелся 5-6-тысячный отряд из женщин, составлявший как бы гвардию царя.

Когда возникла культура Зимбабве и какой народ был ее создателем — это вопросы, на которые пока нельзя ответить достаточно уверенно. Некогда распространенные гипотезы о создании этой цивилизации народами Южной Аравии, дравидами, эфиопскими племенами галла или финикийцами во II либо в I тысячелетии до н. э. оставлены серьезными учеными, как беспочвенные. Установлено, что культура междуречья Замбези—Лимпопо имеет чисто африканское происхождение, и ее создателями являются народы банту и, возможно, в становлении ее на ранних этапах принимали участие бушмены. Судя по находкам в ранних слоях культуры Зимбабве китайского фарфора, индийских бус и других предметов, дата изготовления которых более или менее точно определена, государство Мономотапа образовалось в проме-

жутке между концом IX и началом XIII в. н. э. Нашествия отсталых племен в XVII—XVIII вв. привели его к гибели.

31. Большинство народов Восточной Тропической Африки в XIX в. находилось на различных ступенях разлагавшегося первобытнообщинного строя. К ним, например, относились масаи — многократно описанные в этнографической литературе нилотские племена, живущие и поныне в Кении (115 тысяч человек) и Танзании (125 тысяч человек). Это был чисто скотоводческий народ, разволивший овец, коз, коров, быков и ослов, уход за которыми составлял почетную обязанность мужчины. В поисках пастбищ для скота масаи время от времени перекочевывали на новые места. Питались они преимущественно мясной и молочной пищей, мясные блюда не солили. Основной социально-экономической ячейкой общества являлась патриархальная семья. Вождь племени обладал большой властью.

Масаи любили украшать себя. Женщины, например, питали страсть к большим серьгам, ожерельям и браслетам на руках и ногах, сделанным в виде спиралей из толстой медной проволоки. Оригинальна была прическа у мужчин: спереди у них над лбом и над висками спадали три скрученные с помощью лыка пряжи, а сзади к заплетенным в косу волосам прикрепляли дадку длиной примерно в 30 сантиметров. В проколотую и сильно растянутую мочку уха вставляли кусочек слоновой кости или дерева размером до 15 сантиметров.

Масаи, имевшие сильную военную организацию, приобрели широкую известность своей безудержной храбростью, совершая в XIX в. дерзкие налеты на соседние земледельческие народы банту и караваны арабских купцов. Военные отряды их формировались из холостяков, живших в отдельных краях. Оружие масаев состояло из копий, ножей и огромных щитов из шкур буйволов. Наконечники копий изготавливались из мягкого железа, так как масаи не умели закаливать металл. Излюбленными напитками воинов являлись свежая кровь зверей и молоко. Знаменитый профессиональный охотник Д. Хантер, восхищавшийся их мужеством, редкой способностью переносить боль тяжелых ран, назвал масаев храбрейшими из храбрых. В середине 20-х годов нашего века ему довелось быть свидетелем охоты масаев с одними копьями на львов. Смелым воином считается у них тот, кому во время охоты удавалось схватить льва за хвост под самый корень и не упускать зверя, пока не подбегут на помощь остальные

охотники. Совершивший ~~четырежды~~ такой подвиг удостоивается высоких почестей.

В Танзании живут хадзапи и сандаве — две группы племен, относящиеся в антропологическом отношении к бушменской расе. Они являются потомками древнейшего коренного населения южных областей Восточной Тропической Африки в отличие от северных, где до прихода племен банту обитали народы эфиопской расы. Язык хадзапи относится к бушменским, а сандаве — к готтентотским языкам.

23 Западная Тропическая Африка

Историко-этнографическая область Западной Тропической Африки включает ~~независимые страны Конго~~ (со столицей Леопольдвиль), Конго (со столицей Браззавиль), Габон, Руанда, Бурунди и несколько колоний, из которых крупнейшей является Португальская Ангола с общей численностью населения около 23 миллионов человек.

Основные ее территории расположены в гигантской котловине, окольцованной почти со всех сторон возвышенностями и нагорьями, откуда начинают свой бег к океану многочисленные притоки Конго — второй по полноводности реки мира после Амазонки. Благодаря многочисленным заводям и болотистым местностям, создаваемым разливами могучей реки и частыми, чуть ли не ежедневно идущими дождями, бассейн Конго, исключая его южные районы, где тропические леса уступают место саванне, — с его влажной и душной атмосферой представляет собой огромное «корыто» по образному выражению Ливингстона. «Примерно через каждый километр, — пишет Стэнли, — встречаете вы мутный ручей или наполненную стоячей водой яму либо неглубокий пруд, подернутый зеленой плесенью».

В языковом отношении население этой части материка довольно однородно: 90 процентов его говорит на близких друг другу языках банту, остальное — преимущественно на суданских. Число жителей европейского происхождения немногим превышает четверть миллиона человек. Крупнейшими народами банту бассейна Конго являются: баньяруанда (4,9 миллиона человек), барунди (3,5 миллиона), баконго (2,8 миллиона), балуба (2,6 миллиона), монго (2,4 миллиона).

До соприкосновения с европейцами большая часть народов Западной Тропической Африки жила первобытнообщин-

ным строем, но в отдельных ее районах сложились рабовладельческие или, как полагают некоторые советские ученые, раннефеодальные государства: Конго, Лунда, Балуба, Бакуба (Бушонго) и др.

Наибольшие сведения сохранились о Конго и Лунда, особенно о первом из них, самом развитом, находившемся в низовьях реки Конго государстве, основные земли которого были расположены к югу от великой реки. Этнический состав государства Конго, возникшего, по-видимому, около XIV в., был пестрым, но костяк его составила народность баконго. По сообщениям португальских авторов основой экономики жителей страны являлось мотыжное земледелие полсеčno-огневого типа, а важнейшими сельскохозяйственными культурами — батат, сорго и просо. Наиболее трудоемкие операции земледельческого труда — выкорчевывание пней, распашка целины — выполнялись мужчинами, а посев, обработка поля и уборка урожая ложились на плечи женщин.

Животноводство не получило развития из-за мухи це-це — подлинного бича крупного рогатого скота, зато охота и рыбная ловля существенно дополняли средства питания туземцев. Из всех ремесленных профессий самым почетным слыло кузнечное дело. У баконго, подобно многим другим народам, кузнецы занимали видное положение в обществе; они были не только специалистами по обработке металлов, но и выполняли обязанности жрецов. Сам царь должен был овладеть ремеслом кузнеца. Конголезские ткачи умели выработать из волокон короткостебельного пальмового дерева рафии мягкие ткани, напоминавшие бархат. Молодые листья рафии шли на изготовление мочала, из которых выделывали циновки, сумки, корзины, в последних хранилась жидкость. Тонкие ткани из рафии, наряду с раковинами каури и рабами, являлись единицами обмена.

Основная масса населения страны состояла из крестьян-общинников, несших многочисленные повинности и плативших подати царю и чиновникам. Еще незавиднее была участь рабов, состоявших из двух категорий: захваченных во время грабительских походов иноплеменников и местных жителей, неоплатных должников.

Отмечая любознательность туземцев, португальский купец Дуарти Лопиш, живший долгое время в Конго, рассказывал итальянскому историку и путешественнику Ф. Пигафетте, что «они продают все, что имеют, лишь бы купить рукопись или книгу».

Осевшие в стране португальские купцы и работорговцы быстро вызвали заслуженную ненависть к себе со стороны туземного населения, которая в 70—80 годах XVI в. вылилась в крупное восстание против колонизаторов. Возглавил его Мбула-Матади—легендарный герой баконго, имя которого в переводе означает «тот, кто разбивает камни». Хотя восставшие не полностью добились поставленной перед собой цели, власть португальцев в Конго была подорвана, что облегчило их изгнание из страны во второй половине XVII в. В следующем столетии страна распалась на отдельные области.

В XV—XVII вв. на землях, населенных народами вачокзе, валуэна и главным образом балунда, образовалось ~~сильное~~ государство Лунда, расположившееся в основном в пределах нынешней Португальской Анголы и частично в Южном Конго и Замбии. Хозяйство и общественные отношения в Лунда, как и в других государствах Западной Тропической Африки, не отличались существенным образом от социально-экономического строя Конго. Не все стороны жизни народов этих стран хорошо изучены. За редким исключением, европейские путешественники прошлых веков почти не касались в своих записках условий жизни трудящихся, но зато сохранили детальное описание достоинств и недостатков царских особ, их полномочий, прав престолонаследия и этикета при дворах.

Серьезного внимания заслуживают их сообщения о сохранившихся пережитках материнского рода в общественных отношениях. В Конго титул высших сановников в переводе означал—«главные матери», а царский престол долгое время передавался не по отцовской линии. В стране Бакуба (Бушонго) мать короля пользовалась большим влиянием в стране, чем сам король, а правитель Лунда во всем делил власть с одной из своих сестер. Царица имела свой собственный двор и участвовала в обсуждении государственных дел. Она избиралась из числа дочерей двух главных жен прежнего царя, а в случае смерти последнего трон занимал один из его сыновей от этих жен. В выборах царицы решающее слово принадлежало царю, а в выборах царя—царице.

Для Западной Тропической Африки характерно высокое искусство резьбы по дереву. Художественной резьбой покрывались барабаны, трубки, а также ложки, тарелки, чаши, кубки, подставки под голову, стулья и другая утварь. Особенно прославились резчики балуба и бакуба изготовлением деревянных статуэток, характерной особенностью которых яв-

лилась реалистическая передача черт лица при непропорционально маленьком изображении туловища. Подобное нарушение пропорций объясняется стремлением художника акцентировать внимание не на второстепенных, а на главных чертах скульптуры. Резчики бакуба любили изображать человека в движении или в процессе труда.

Из народов Западной Тропической Африки, живших еще в прошлом столетии в доклассовом обществе, сравнительно неплохо изучены, например, азанде. Некогда они жили в Западном Судане, к северо-западу от междуречья Конго и Нила, нынешних мест их обитания. На протяжении двух столетий жизни на новой родине азанде ассимилировали более сорока соседних племен. Язык их относится к центральносуданской группе.

В 80-х годах XIX в. земли азанде неоднократно посещал русский путешественник В. Юнкер, оставивший подробные описания этих племен, давших отпор грабительским экспедициям арабов. Незадолго до его посещений некоторые их группы племен вынуждены были признать верховную власть египетского правительства и платили ему дань слоновой костью, медом и другими товарами. Некоторые из попавших в зависимость вождей племен носили одежду арабов и восприняли их обычаи.

~~Азанде — земледельческий народ.~~ Перед посевом почва неглубоко разрыхлялась мотыгами. Выращивали кукурузу, батат, тыкву, ямс, бананы, земляные орехи, маниоку, но главной сельскохозяйственной культурой являлся тебеун, зерна которого похожи на конопляное семя. Из горьковатых мелких зерен тебеуна варили густую кашу, составляющую основу питания азанде, и приготавливали питательное, приятное на вкус пиво, до которого они были большими охотниками.

Скот не разводили, и поэтому мясо ели редко, так как охота не всегда была удачной. В местности, где жили азанде, животный мир был относительно беден, в связи с этим юноши довольствовались охотой обычно на крыс и мышей. Часто в качестве приправы к каше в больших количествах ели вяленых термитов. «Разваренные в каше термиты, — пишет В. Юнкер, — напоминают мясной фарш». Мед, который ели с воском, являлся лакомством и редким блюдом.

Жили азанде в небольших, легкой конструкции хижинах круглой формы с конической крышей. По истечении нескольких лет, в связи с истощением почвы, туземцы переселялись на новое местожительство.

Одежда у мужчин состояла из небольших кусков маго-
рии, изготовленных путем длительного выколачивания из ко-
ры дерева. «Такой кусок продевается между ногами, верх-
ние концы его спереди и сзади подхватываются поясом», т. е.
«скрученной лыковой веревкой». Родоплеменная знать носила
накидки из шкуры антилопы, а вожди высшего ранга — из
шкуры леопарда. У женщин передником служили свежие ли-
стья.

Азанде любили раскрашивать свои тела красками, пред-
почитая черный и красный цвета, но нередко разрисовывали
себя и белой краской. Волосы на голове заплетались обычно
в косички, но щеголи из богатых слоев населения носили
сложнейшие прически разнообразных форм, изготовление ко-
торых стоило им много хлопот. Из снимаемых украшений ту-
земцы носили браслеты на руках и ногах, бусы, ожерелья,
подвески на лбу из собачьих зубов.

Азанде жили позднеродовым строем. У них интенсивно
протекал процесс классообразования. Появилось рабство,
носившее патриархальный характер. В рабов обращались во-
еннопленные, причем предпочитали захватывать в грабитель-
ских набегах девушек и женщин с детьми. Положение жен-
щин у них было униженное. Помимо изнурительных поле-
вых работ, на их обязанности лежал размол зерна — утоми-
тельный, трудоемкий процесс, отнимавший массу времени.
Они изготавливали из глины, без помощи лопочного круга,
разнообразную утварь, в частности сосуды для воды, горшки
для варки пищи, миски, посуду для питья пива.

Власть отца была велика. Без его согласия дочь не могла
выйти замуж. В качестве выкупной платы жених обычно при-
носил будущему тестю несколько десятков наконечников для
копий. Некоторые проступки у азанде строго наказывались.
Так, за воровство, прелюбодеяние или соращение женщины
отрезались уши, губы либо нос, но чаще отсекали пальцы.

Оружие воина состояло из копий, метательных ножей и
щита овальной формы. На могилах вождей приносились в
жертву рабы, причем трупы их клали в могилу и поверх ее.
В настоящее время численность азанде достигает почти
1,3 миллиона человек, из которых $\frac{2}{3}$ проживает в республике
Конго (со столицей Леопольдвиль), а остальные — вне пре-
делов Западной Тропической Африки.

44. В девственных тропических лесах, в самых глухих их
уголках, живут пигмеи, этнографически плохо изученный ма-
лочисленный народ. В отличие от малорослых племен Юж-

Тим-мен

пой Азии, объединяемых общим именем негритосов, африканских пигмеев часто называют негриллами. Хотя о пигмеях в сказочно-мифологической форме сообщали еще древнегреческие авторы—Геродот писал, например, что в глубинах Африки живут карлики, на которых совершают нападение журавли,—впервые европейский ученый увидел и описал их в 70-х годах XIX в. Этим ученым был немец Г. Швейнфурт, познакомившийся с племенем ака. В начале 80-х годов встречу с пигмеями описал В. Юнкер.

Из племен пигмеев лучше всего исследованы бамбути, обитающие, как и ака, в бассейне Итури—правом притоке Конго. В прошлом веке некоторые сведения о них привел Стэнли, а в середине нынешнего — американская художница Энн Патнем, автор переведенной на русский язык книги «Восемь лет среди пигмеев». Если сравнить между собой сообщаемые ими сведения, то приходишь к выводу: за истекшее время изменения едва коснулись пигмеев Итури. По-прежнему они, не зная земледелия и скотоводства, живут охотой, рыболовством и собирательством. Пигмеи охотятся на антилоп, диких свиней, буйволов и порой на слонов. Бамбути искусно плетут сети из лиан и вырывают ямы-западни, прикрывая их для маскировки гибкими жердочками, сверху засыпанными травой, листьями и слегка землей. В поединок со слонами вступают самые отважные охотники. Для того чтобы убить слона, необходимо бесстрашно броситься под него и всадить ему глубоко в брюхо, где кожа тоньше, отравленное копьё.

Собирательством занимаются женщины: грибы, орехи кола, некоторые травы, гусеницы, предварительно завернутые в листья, чтобы они не расползались,—все это отправляется в сплетенные из тростника корзины, прикрепленные к ремешку, обтягивающему их головы. В поисках добычи бамбути время от времени перекочевывают с одного места на другое. Пищу приготавливают на огне. Мясо жарят и едят его посыпанным золой, которую используют вместо соли.

Поселения пигмеев состоят из расположенных подковообразно шалашей овальной формы, высотой не более 170 сантиметров. Крыша хижин состоит из нескольких слоев больших гладких листьев, не пропускающих воду даже при тропических ливнях. Одежду бамбути составляет набедренная повязка или передник «размером не более женского носового платка». Она изготавливается из обработанной коры одной породы дерева. Живут пигмеи материнским родом. Брак

у них парный, для религии характерны ранние ее формы. Бамбути, подобно другим пигмеям Африки, находятся в своеобразной зависимости от высокорослых соседей. Они поставляют неграм мясо, получая от них в обмен овощи и железные наконечники для стрел и копий.

10. Интересные данные привел французский ученый Валлуа о жизни и быте бака — пигмеев Южного Камеруна, о которых до недавнего времени почти не было никаких сведений. В антропологическом отношении они несколько отличаются от пигмеев Итури — рост их выше примерно на 10 сантиметров. Хозяйство, материальная культура и общественный строй бака и бамбути имеют много общих черт, но вместе с тем образ жизни негриллей Камеруна отличается некоторыми особенностями. У них нет лука и стрел. Не расстаются бака с железным топором, с помощью которого они в поисках меда диких пчел или гнезд птиц быстро и ловко взбираются на деревья, делая на них зарубки для ног. Мужчина всегда имеет при себе мешочек, где хранится все необходимое для добывания огня (кремени и сухое пальмовое волокно). Привязанный шнурком, он помещается сзади на шее.

Специфической женской отраслью труда, наряду с обычными для этого пола обязанностями, является дествя корзинами рыб в перегородженном для этой цели ручье. Растительные продукты часто пекут, заворачивая их в листья и зарывая затем под костер на два-три часа. Во время еды все сидят спиной друг к другу. Из других обычаев распространены татуировка и вырывание передних зубов (у мужчин).

Бака выменивают у соседей топоры и железные наконечники для копий. Каждое стойбище их ведет торговлю через одного посредника-негра. Как сообщает Валлуа, бака имеют свой собственный язык, не схожий ни с языками Судана, ни с банту. Эти сведения требуют проверки, так как все известные науке племена негриллей утратили свой язык и говорят на языках соседей — негров.

Не решена окончательно в антропологии проблема происхождения пигмеев. В конце прошлого столетия швейцарский ученый Колльман выдвинул теорию, согласно которой для современного физического типа непосредственно произошли от низкорослых форм, т. е. от древних пигмеев. В несколько измененной редакции эта концепция была воспринята эвской школой этнографов, придавшей ей более реакционный характер. По В. Шмидту, негрилли Африки и негритосы являются потомками как бы остановившихся в своем р-ы-

тии древних пигмеев, живших еще до появления неандертальцев. Научная ценность подобных взглядов равна нулю. Для католических ученых, близких к Ватикану, они служили доказательством извечности частной собственности, монотеизма и единобрачия — институтов, будто бы существующих у современных пигмеев.

Как было установлено советскими исследователями, пигмейские формы возникли одновременно с другими высокорослыми группами *Homo sapiens* в качестве одного из его вариантов, развившегося в условиях относительной изоляции, и поэтому нет никаких оснований видеть в них остатки древнейшего человечества.

22 Южная Африка

Португальские мореплаватели, огибавшие Африку по пути в Индию, не испытывали желания прочно обосновываться на южной ее оконечности. Песчаное юго-западное побережье, омываемое холодным Бенгельским течением, было негостеприимно, а юго-восточное — с благодатным климатом и пышной растительностью — населяли многочисленные воинственные племена коса и зулусов.

Первое европейское поселение в Южной Африке, из которого вырос город Капштадт (ныне Кейптаун), основали в середине XVII в. голландцы, сокрушившие колониальное могущество Португалии и захватившие ее владения в Юго-Восточной Азии. В Капскую колонию стали переселяться французы, немцы и преимущественно голландцы. Все они на новой родине получили общее имя «буров», что по-голландски означает «крестьяне».

На побережье колонисты столкнулись с готтентомами, затем, продвигаясь в глубь страны, — с бушменами и значительно позднее — с племенами банту. Некогда бушмены и готтентоты населяли все земли Южной и значительные территории Западной и Восточной Тропической Африки, но, потесненные пришедшими много столетий назад с севера банту, они ко времени прибытия европейцев жили на крайнем юго-западе материка, численность их значительно сократилась.

Языки бушменов и готтентотов входят в койсанскую группу и среди всех языков мира выделяются наличием шелкающих звуков, которые произносятся путем всасывания воздуха. Особенно много таких звуков в готтентотских языках. Есть предположение, что слово «готтентот» происходит от

голландского—«заика». Сами себя готтентоты называют «койкоин», т. е. «люди людей».

Это были многочисленные пастушеские племена, жившие патриархально-родовым строем. Разводили они коров, быков, коз и в меньших размерах овец, но мясо ели только по большим праздникам, закалывая обычно старых и больных животных. В будни питались в основном молочными продуктами, причем овечьим молоком—только женщины. В сравнении со скотоводством земледелие и охота занимали второстепенное место в хозяйстве готтентотов. Сеяли просо и сажали клубневые растения, а охотились на жирафов, зебр и других животных. Умели они выплавлять железо, из которого выделывали наконечники для копий и стрел.

Поселения туземцев колонисты называли краалями, которые путешественник начала XVIII в. Кольб описал так: «Все их села построены наподобие круга: посередине находится большая пустая площадь. На эту площадь они выгоняют своих овец, чтобы к ним нельзя было легко подступиться. Снаружи они размещают коров, быков и прочий рогатый скот, который должен в равной мере служить защитой людям и овцам. Для того чтобы рогатый скот не был предоставлен самому себе и не мог самовольно убежать, они делают веревки из некоторых видов тростника, при их помощи они связывают животных попарно таким образом, что у каждого его задняя или передняя правая нога связана веревкой, и они либо должны вместе бегать, либо оставаться на месте». В одном краале жили несколько патриархальных семей, среди которых наблюдалось имущественное расслоение и социальное неравенство. Имелись рабы, в которых обращались пленные.

Бок о бок с готтентотами обитали племена, получившие от голландцев наименование «бушменов», т. е. «людей из кустарников». В буржуазной литературе имеет хождение теория о североафриканском их происхождении. В послевоенные годы ее пытаются подкрепить свежими данными глава французской археологической школы А. Брейль и прогрессивный швейцарский ученый В. Элленбергер, автор переведенной на русский язык книги «Трагический конец бушменов» (М., 1956 г.). Они утверждают, что этот народ несколько тысячелетий тому назад прибыл на юг из долины Нила либо, возможно, с Крита, как полагает А. Брейль. В качестве доказательства А. Брейль ссылается на наскальные росписи Южной Африки, будто бы схожие по стилю и сюжетам с наскальными

ми рисунками северо-восточных областей континента, а В. Эленбергер, помимо этого мотива, усматривает родство его с египтянами эпохи первых династий в наличии у последних ряда физических признаков, свойственных бушменской расе.

Однако приведенные аргументы неубедительны и не в состоянии поколебать установившееся мнение советских и большинства зарубежных исследователей, что бушменская раса сложилась на юге материка. Предполагаемые генетические связи между бушменами и народами нильской долины не подтверждаются данными лингвистики.

В культурном отношении бушмены значительно отставали от своих соседей. Они не знали металлов, скотоводства и земледелия. Главным средством добывания пищи являлась охота. Бушмены были великолепными охотниками. Они превосходно знали повадки и привычки животных, отличались поразительной выносливостью, быстротой бега и феноменальным зрением, будучи способны, по словам одного путешественника, «не только разглядеть, но и совершенно точно описать предмет на таком расстоянии, на котором европеец без помощи бинокля вообще ничего бы не заметил».

Способы охоты были разнообразны. На тропинках, по которым животные шли на водопой, расставляли силки, куда попадали антилопы, для поймки слонов и гиппопотамов вырывали ямы-ловушки, дно которых было усеяно заостренными кольями, смазанными ядом, а при охоте на пугливых и осторожных зебр и газелей маскировались, облачаясь в их шкуры. Порою отравляли водоемы соком древесного молочая, который смертелен для зебр, но не опасен для людей и быков. В знойные летние дни, когда животные менее выносливы, нередко два-три охотника, сменяя друг друга, могли загонять до изнеможения антилопу. Но чаще всего бушмены охотились с помощью лука и стрел, которыми они владели виртуозно, попадая, например, в воробьев на лету. ●

Ловили они также черепах, змей, лягушек и ящериц, добывали мед диких пчел, а женщины выкапывали палками-копалками луковицы растений, собирали зерна злаков, ягоды, плоды различных деревьев, кузнечников, личинки и яйца термитов. Деликатесом у них считались белые муравьи, которых за их внешнее сходство с рисом в этнографической литературе называют «бушменским рисом». Если случится пожар, то едва стихнут огненные языки пламени, как туземки

уже торопятся собирать змей, ящериц и другую, успевшую поджариться живность.

Воду, столь драгоценную в их местности, обычно хранили в скорлупе страусовых яиц, высушенных и надутых пузырях сернобыков или в бурдюках, сделанных из желудка антилопы. Бушмены поражали европейских путешественников умением находить подземные источники. В засушливый сезон они утоляют жажду и плодами растущей в песке дикой водянистой тыквы либо, «когда очень хочется пить», отфильтрованной жидкостью из желудков убитой дичи.

Орудия труда бушменов—скребки, острия, сверла, рубила—выделывались из камня, а оружие и утварь—из дерева, кожи животных, кости и рога. Любимым их оружием были лук и стрелы, с которыми они никогда не расставались. Длина лука не превышала одного метра, а стрел, изготовленных из тростника,—45 сантиметров. Колчан обычно прикреплялся к затылку, но стрелы перед употреблением втыкали в волосы так, что их концы, перекрещиваясь, как бы образовывали каску над головой. Наконечники стрел смазывались ядом. В Африке не было народа, который мог бы соперничать с бушменами в искусстве добывать его из змей, скорпионов, ядовитых пауков и некоторых гусениц и растений, как не было им равных в знании секретов противоядия. Соседние высокорослые племена банту их побанвались. Материальная культура бушменов ко времени колонизации соответствовала европейскому мезолиту.

Общественный строй их плохо изучен. Жили они материнским родом, далеким от эпохи его расцвета. Подобно австралийцам, основной социально-экономической ячейкой у бушменов была локальная группа, состоявшая из нескольких парных семей общей численностью 50—70 человек, во главе которой стоял опытный охотник. Мясо животных делили по традиционным правилам: лучшие куски отдавали старикам, затем охотникам, убившим дичь, и членам их семей, а затем—остальным членам стойбища. «Доброта и забота о других—это одна из характерных черт бушмена» (Генс Бьерре).

Для семейных обычаев бушменов были характерны избегания. Так, зять не должен был разговаривать вблизи с тещей и тестем, называть их имена и даже глядеть на них. Так же поступали по отношению друг к другу сноха и свекор. Распространенный в первобытном обществе обычай убивать одного из родившихся близнецов встречался и у бушменов,

которые хоронили заживо одного из них, в частности мальчика, если новорожденные разного пола.

Бушмены любили сказки, главным образом о приключениях зверей, игры, носившие характер спортивных соревнований, песни, но особенно танцы, в которых они, по словам одного автора, были так же неутомимы, как и на охоте. Чаще всего танцоры подражали повадкам различных птиц, животных и насекомых, например страусу, лани или кузнечнику. Все, кто сталкивался с бушменами, восхищались их музыкальной одаренностью. Этнографической науке неизвестен народ мезолитического времени, который мог бы сравниться с ними разнообразием музыкальных инструментов.

У них были всевозможной длины свирели из тростника, на которых играли только женщины, барабаны нескольких разновидностей, музыкальные луки с резонатором, имевшие иногда две, три и даже четыре тетивы, духовые инструменты и т. д. Замечательны бушменские наскальные росписи, которым искусствоведы посвятили многие тома. Считают бушмены до трех, реже до четырех. Расстояния измеряют временем. «Если спросить бушмена, сколько придется идти до какого-нибудь колодца, то он укажет на то место на небе, где будет находиться солнце, когда вы придете» (Генс Бьерре).

Захватившие земли юго-западной оконечности Африки буры безжалостно истребляли коренное население. Один из колонистов похвалялся в конце XVIII в. английскому путешественнику Д. Барроу, что он убил не менее 300 бушменов. Уцелевших туземцев обращали в рабов. Некоторые племена готтентотов и бушменов бежали на север. В настоящее время численность готтентотов составляет 44 тысячи, а бушменов — 61 тысячу человек. Большинство из них работает сельскохозяйственными рабочими на фермах колонистов, и лишь небольшие группы бушменов в пустыне Калахари сохраняют в значительной степени прежний образ жизни.

Захватив близлежащие земли аборигенов, буры вошли в соприкосновение с племенами банту, крупнейшими группами которых в Южной Африке являлись коса и зулусы, обитавшие на юго-востоке побережья, басуто и бечуаны — к западу от них, по ту сторону Драконовых гор, свази и машона — к северу. На запад и северо-запад от пустыни Калахари жили гереро и овамбо. Народы банту были более многочисленными и развитыми, в сравнении с готтентотами, не говоря уже о бушменах, и покорить их даже не мечтало 15-тысячное европейское население Капской колонии. Но ситуация измени-

лась в начале XIX в., когда Капской областью овладел крупный колониальный хищник—Англия, в лице которой негры обрели коварного и неумолимого врага.

Сея рознь между племенами, используя подкуп, шантаж, убийства и другие методы колониального разбоя, англичане сначала обрушились на коса. Но понадобилось несколько десятилетий, чтобы их поработить и добраться до земель населенных зулусами, мужественными племенами, героическая борьба которых за свою свободу прославила их на весь мир.

Зулусам посвящена огромная этнографическая литература. Среди буржуазных авторов выделяется своей компетентностью А. Т. Брайант, труд которого «Зулусский народ до прихода европейцев», переведенный на русский язык (М., 1953 г.), проникнут горячей симпатией к коренному населению страны. Этому честному английскому миссионеру, прожившему в Южной Африке свыше 50 лет, принадлежат слова: «... не мы цивилизовали их, наоборот, многие могли бы подтвердить, что мы сделали как раз обратное».

Основу экономики зулусских племен составляло скотоводство, являвшееся обязанностью мужчин и мальчиков. Разводили быков и коров, причем первых обычно ценили выше. Кормов не заготавливали. Удойность коров была невелика, но качество молока было превосходное. Крупный рогатый скот, о котором туземцы заботились, чтобы он и внешне выглядел привлекательным, являлся мериллом богатства туземцев у всех восточных и юго-восточных банту. Бечуаны, например, не раз спрашивали у Д. Ливингстона: «Много ли коров у королевы Виктории?». Не случайно в языках скотоводческих народов банту имеется не один десяток терминов для обозначения оттенков масти коров. Помимо крупного рогатого скота, разводили овец курдючной длиннохвостой породы и коз в небольшом количестве, так как козьего молока не пили. Были у них и домашние куры, которых, однако, не употребляли в пищу.

Большой удельный вес в хозяйстве зулусов занимало развитое мотыжное земледелие, бывшее уделом женщин. Выращивали различные сорта сорго и, по-видимому, с середины XVIII в.—кукурузу, которая вскоре стала основной зерновой культурой. С этого времени сорго перестало быть пищевым продуктом и из него стали варить только пиво. Возделывали также тыкву, батат, ямс и таро. Охота и особенно собирательство играли незначительную роль. Питались в основном кислым молоком (сырое молоко не употребляли), кукурузой

и опонцами, а мясную пищу рядовые туземцы ели лишь в торжественных случаях, или во время болезни.

Немалых успехов достигли зулусы в ремесленном производстве. Глиняные изделия были разнообразны, но орнамент наносился редко. Несмотря на отсутствие гончарного круга, сосуды были удивительно симметричны. «Весь расчет строился на верности глаза и твердости руки» (А. Брайант).

Плетением циновок, как и гончарством, занимались женщины, а корзины—мужчины. Естественно, что зулусы превосходно обрабатывали шкуры, из которых шили передники, фартуки, пояса, плащи и другую одежду, выделывали мешки и щиты. Щиты были огромные и имели форму удлиненного овала, несколько заостренного на концах. Существовали профессионалы-кожевники, выполнявшие основную работу по выделке кож. Из дерева изготовляли ведра для молока, блюда, ложки, изголовья и боевые дубинки, предназначавшиеся как для метания, так и для нанесения удара в ближнем бою.

Однако среди всех ремесленников первое место у зулусов по социальной значимости принадлежало кузнецам, имевшим производственные секреты; их занятия в большинстве случаев передавались по наследству. Подобно многим народам Африки, зулусы не знали бронзового века и перешли от камня непосредственно к железу. Выплавляли его примитивным способом в открытых очагах. Тем не менее зулусы, по свидетельству специалистов-металлургов, применяли превосходный метод закалки металла. Из железа изготовляли мотыги, молот на деревянной рукоятке, ножи, топоры, клинки для ассегаев—метательных и ударных копий.

Родовой строй у зулусов в начале XIX в. разлагался. Основной экономической ячейкой общества являлась патриархальная семья. Обычно она занимала отдельный крааль, огороженный высоким тростниковым плетнем, за которым сразу же по кругу располагались удельные, крытые травой хижины. Центральная площадка, где помещался скот, отделялась вторым забором, имевшим форму круга. Крааль представлял собой как бы небольшую деревушку. Между большими семьями существовало резкое имущественное неравенство. Большими богатствами владела родовая знать и особенно вождь племени, власть которого была наследственной.

Как показали исследования И. И. Потехина, у зулусов протекал процесс слияния племен в народность, ускоренный нависшей угрозой колониального порабощения. Наибольшим

успехов в политическом объединении зулусов добился Чака (1818—1828 гг.)—дальновидный политик, талантливый полководец, железной рукой подавлявший сепаратистские тенденции мелких племенных вождей.

При Чаке была создана стройная, слаженная во всех звеньях военная организация зулусов. Все мужское население от 18—20 до 40—45 лет являлось солдатами и объединялось в полки (1000 человек), имевшие в своем составе подразделения, из которых самым мелким был отряд численностью в 50 бойцов. Солдатам не разрешали вступать в брак, исключая особо отличившихся воинов, пока не окончится срок их службы.

Во время сражения в центре зулусской армии, общая численность которой достигала 15 тысяч бойцов, помещались «белые полки», сформированные из ветеранов, имевших белые щиты. Эта группа войск называлась «грудь» и являлась основной атакующей силой, принимавшей на себя главный удар неприятеля. Фланги (буквально «рога»), где находились «черные полки», составленные из молодых воинов, имевших на вооружении черные щиты, выдвигались вперед с целью охвата противника.

Чака запретил употреблять метательное оружие. Отныне асsegаями стали действовать в бою как штыком. Сражались врукопашную, сомкнутым строем, с удивительной отвагой и презрением к смерти. Ф. Энгельс восхищался мужеством зулусов в войне 1879 г. против англичан: «Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль... английской пехоты... продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее»¹. По окончании боя верховный вождь принимал парад отличившихся солдат, головы которых украшало столько стеблей дикой спаржи, сколько они сразили врагов.

В 1828 г. Чака был убит при невыясненных обстоятельствах. Англичане в высшей степени были заинтересованы в его смерти. К убийству причастен был его брат Дингаан, ставший верховным вождем зулусов. Это был тоже выдающийся человек. Как и его предшественник, он крепил единство зулусских племен, совершенствовал армию и стремился установить дружественные отношения с англичанами.

Между тем в Капской области произошло важное собы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 98.

ше. В 1836 г. буры, притесняемые англичанами, стали покидать колонию и переселяться на север, где на землях банту основали независимое государство—Оранжевую республику. Буры стали захватывать земли зулусов, и между ними вспыхнула война. Англичане помогли бурам, и объединенные их силы в конце 1838 г. нанесли поражение армии Дингаана.

Неокрепшее государственное объединение зулусов стало распадаться. Некоторые вожди племен, тяготившиеся сильной центральной властью, легко поддавались подкупу и лживым посулам буров, которым удалось привлечь на свою сторону брата Дингаана Мпанда. В 1840 г. Дингаан был захвачен в плен и убит. Буры захватили большую часть земель зулусов, а Мпанда был провозглашен верховным вождем небольшой группы племен. В 1853 г. на землях бечуанов буры образовали новую республику—Трансвааль.

Но самым опасным врагом племен банту оставались англичане, которые, проводя политику «разделяй и властвуй», покорили во второй половине XIX в. басуто, зулусов, бечуанов, свази, машона и матабеле. Матабеле—это одна из групп зулусских племен, не пожелавших подчиниться Чаке и поселившихся после долгих скитаний окончательно на землях машона.

В начале XX в. были поглощены независимые бурские республики и, таким образом, вся Южная Африка, за исключением северо-западных и северо-восточных районов, захваченных соответственно Германией и Португалией, стала принадлежать Англии. В 1910 г. был образован доминион Британской империи—Южно-Африканский Союз, который с 1961 г. стал самостоятельной Южно-Африканской Республикой. Юридический статус остальных территорий Южной Африки таков: Родезия—республика, получившая фальшивую независимость в ноябре 1965 г., Басутоленд, Свазиленд и Бечуаналенд—протектораты, Португальский Мозамбик—коллония, а бывшая германская Юго-Западная Африка после первой мировой войны была прибрана Южно-Африканским Союзом, получившим на ее управление мандат от Лиги наций. Срок мандата давно истек, но Южно-Африканская Республика незаконно продолжает удерживать эту область.

Общая численность населения Южной Африки равна 18 миллионам человек; из них европейцы, которые живут в основном в Южно-Африканской Республике, составляют 4,5 миллиона. К наиболее крупным народностям туземного происхождения принадлежат коса—3500 тысяч человек, зу-

лусы—3 миллиона, машона—2400 тысяч, басуто—1300 тысяч, бечуаны—800 тысяч человек.

Мадагаскар

Мадагаскар — удивительный остров. В лесах его обитают ведущие ночной образ жизни лемуры, или полуобезьяны, — самые низкоорганизованные приматы с большими глазами и ушами, то величиной не больше белки, то достигающие размеров десятилетнего ребенка; растут каучуконосные лианы, красивая и оригинальная равенала, так называемое «дерево путешественников», листья которой на верхушке стройного ствола имеют длину до двух-трех метров и расположены в одной плоскости, напоминая гигантский веер или распушенный хвост павлина. В нише, у основания ее листьев, скапливается до литра воды. Плоды равеналы съедобны, а листья ее используются местным населением для плетения и покрытия крыш своих домов. На острове, возможно еще в прошлом веке, водилась исполинская бескрылая птица — эпинорнис, достигавшая в высоту более трех метров и яйца которой, находясь в болотах и на песчаных дюнах, вмещали до восьми литров жидкости. Скорлупа их употребляется туземцами в качестве сосудов для хранения питьевой воды.

В водах, омывающих северо-западную оконечность Мадагаскара, в районе Коморских островов, плавает целакант, ископаемая кистеперая рыба — предок наземных позвоночных, вымершая в других местах земного шара 50—70 миллионов лет тому назад. Это толстая, длиной от одного до двух метров рыба, с шершавой чешуей, используемой островитянами для зачистки велосипедных камер.

В географическом отношении Мадагаскар примыкает к Африке, но расовые признаки, язык и культура мальгашей — коренных жителей страны — свидетельствуют о родстве их с населением Индонезии. Мальгашский язык близок малайско-муну, а такие элементы материальной культуры мадагаскарцев, как, например, лодка с баланспром, форма жилища (прямоугольные дома), духовое ружье, сельскохозяйственная техника, ирригационное земледелие, возделывание риса, восходят к Юго-Восточной Азии. Сложнее обстоит вопрос с определением антропологического состава коренного населения Мадагаскара, ибо оно неоднородно в этом отношении.

Мальгаши, принадлежащие в целом к монголоидной расе, имеют, однако, негроидную примесь в разных пропорциях у

различных групп населения. Жители центрального густонаселенного района страны обладают незначительным числом негроидных признаков, но чем дальше от центра острова, тем они заметнее проявляются. На западном, редконаселенном побережье, негроафриканский тип уже преобладает среди мальгашей, тогда как на востоке, севере и юге Мадагаскара преобладают в глаза примесь негроидов океанской ветви.

Переселение мальгашей из Юго-Восточной Азии на новую родину происходило волнами на протяжении двух тысячелетий — в промежутке между X в. до н. э. и X в. н. э. По мнению А. С. Орловой, есть основания полагать, что до прибытия колонистов с востока остров уже был населен народами буименской и, возможно, эфиопской расами. Имеющиеся на Мадагаскаре группы негров банту — следствие работорговли прошлых веков. В проблеме происхождения коренного населения Мадагаскара остается еще много неясных моментов.

Мальгашская народность только формируется в нацию и до настоящего времени состоит из этнографических групп, говорящих на разных диалектах либо говорах единого языка и отличающихся между собой некоторыми чертами культуры. Наиболее развитая из них и наиболее развитая в экономическом и политическом отношениях — мерина (мерна), занимающая центральное плато; к югу от них живут бецилеу, сакалава населяют западное побережье, бецимисарака — восточное.

Разнообразие природных условий острова обусловило специализацию сельского хозяйства в трех его основных районах. На западном, засушливом, побережье население занимается преимущественно скотоводством, схожим в основных чертах с африканским. Даже названия скота в мальгашском языке восходят к языкам банту. Жители центрального плато, характеризующегося умеренным климатом, в равной мере были скотоводами и земледельцами, а обитатели восточного, тропического, района — земледельцами и отчасти рыболовами.

В отличие от скотоводства земледелие у мадагаскарцев имеет много общего с системой земледелия Юго-Восточной Азии. Ведущей сельскохозяйственной культурой мальгашей и поныне является рис. На восточном побережье он произрастает на заболоченных почвах, а в центральных областях острова его сажают на широких террасных полях, создаваемых в долинах рек, на склонах гор и холмов. Террасное земледелие требует искусственного орошения. Важнейшее земледельческое орудие — лопата с длинной рукоятью и узкой выгнутой лопастью.

Раннюю историю Мадагаскара нелегко восстановить, так как древнейшие из сохранившихся литературных памятников относятся к XVII в. и повествуют главным образом о религиозных воззрениях мальгашей. Исторические предания, записанные в XIX в., позволяют установить, что раньше всего классовое общество сложилось у народности мерина, к началу XIV в. образовавшей государство Имерина (Имерна). Несколько позже появились государства у бецилеу, сакалава и бецимисарака, которые одно за другим к концу XVIII столетия были поглощены Имериной, превратившейся в сильную державу. Мечта ее царей осуществилась. Границами Имерины во всех направлениях стало море.

Социальный строй Имерины XIV—XVIII вв. плохо изучен. Как предполагает известный африканист А. С. Орлова, разложение первобытнообщинных отношений в этой стране привело к возникновению не рабовладельческой формации, а феодальной, в которой, однако, существовало в виде уклада патриархальное рабство. Объединение острова имело прогрессивное значение: прекратились феодальные смуты и создались более благоприятные возможности для консолидации мальгашской народности, ядром которой явилась мерина. По выражению мальгашского историка Р. Рабеманандзара, она — «мозг и сердце формирующейся нации».

Начиная с XVI в. европейские мореплаватели и купцы посещали Мадагаскар, но долгое время их знакомство с островом ограничивалось почти исключительно прибрежными районами. Редко проникали в глубь страны торговцы рабами, пираты и политические авантюристы, совершавшие набеги в основном на слабо защищенные приморские области. Для европейских хищников Мадагаскар представлял лакомый кусок. Первые попытки французов захватить его относятся ко второй половине XVIII в. С начала XIX столетия они стали более настойчивыми. Протянула свои щупальцы к острову и Англия. Страны-соперницы по колониальному разбою иногда объединяли свои усилия, чтобы сломить сопротивление мальгашского народа. Войска колонизаторов неоднократно терпели поражения. Используя подкуп, политические интриги, купцов и миссионеров-разведчиков, а также сепаратистские тенденции феодалов сакалава, Франции удалось оккупировать остров лишь в 1897 г.

* * *

Итак, в доколониальный период жизнь в Африке была ключом. Тяжелые времена для Африки наступили со второй

половины XV в., когда шупальцы европейских хищников стали обхватывать континент. Проникновение колонизаторов в новое время было связано с португальской морской экспансией. В то время как остальные государства Европы были охвачены пламенем феодальных междоусобиц, Португалия, избавившись от арабов, превратилась уже к XV в. в мощную централизованную державу. Зарождение капиталистических отношений, наличие опытного в военном деле служилого дворянства, оставшегося не у дел после завершения Реконквисты, побуждали честолюбивых, алкавших богатств правителей страны снаряжать торгово-грабительские экспедиции в заморские земли.

Индия, возжеланная Индия, распаляла воображение Европы, о ней грезил купцы и захудалые идалго, авантюристы и короли. Но как добраться до страны несметных сокровищ? Кратчайший путь до нее перерезан турецкой саблей, дорога через Северное и Балтийское моря преграждена Ганзейским союзом, на западе лежит безбрежный океан; оставалось одно — попытаться обогнуть с юга африканский континент. Несколько десятилетий настойчивых поисков португальских мореплавателей — и заветная цель была достигнута: в 1498 г. Васко да Гама стал на рейд у Малабарского побережья Индии.

Однако и Африка привлекла внимание колонизаторов — на первых порах не природные ее богатства, а люди, «черная слоновая кость», отправлявшиеся на невольничьи рынки Европы, Азии и особенно Америки. Португальские, а затем английские, голландские, французские и работорговцы других стран превратили целый материк, по выражению К. Маркса, в «заповедное поле охоты на чернокожих». Рабов добывали на восточных и западных берегах Африки и в глубинах континента, но наибольшее количество их поставлял Западный Судан, особенно густонаселенная территория между устьями рек Нигера и Вольты, получившая наименование Невольничьего берега.

Пути приобретения рабов были различны: их покупали у туземных царьков и родоплеменной знати, вступающих в сделку с белыми «цивилизаторами», разжигавшими в корыстных целях вражду между народами, захватывали обманном путем. Нередко колонизаторы, рыская как волки по стране, совершали вооруженные нападения на беззащитные поселения негров. Множество аборигенов погибало во время сражений с колонизаторами, далеко не все из обращенных в

рабство, закованные в цепи, добирались живыми до побережья. Как сообщает Ливингстон, только один из пяти, часто один из девяти невольников доходил до конечного пункта, остальные гибли в пути. Обесшлевших рабов убивали. Кости их белели по всей Африке.

Тысячи невольников нашли свою смерть в битком набитых зловонных трюмах судов работорговцев, где, по выражению одного капитана, «негру на корабле отводилось меньше места, чем покойнику в гробу». Нередко пять шестых из них выбрасывались за борт корабля, задолго до прибытия его в Новый Свет. Один только Ливерпуль, который, по словам К. Маркса, «вырос на торговле рабами», в XVIII в. за 70 лет послал в Африку более 5 тысяч невольничьих судов. Немалые барыши из торговли извлекали миссионеры, получавшие плату за каждого обращенного в «истинную веру» негра.

По ориентировочным подсчетам буржуазных ученых общее число жертв гнусной, почти четырехвековой эпохи работорговли составило 100—150 миллионов человек, причем угоняли в рабство самых здоровых людей. Работорговля обескровила Африку, подорвала производительные силы, посеяла рознь и вражду между некоторыми ее народами. Все это вместе взятое не в малой степени предопределило захват «черного континента» европейскими хищниками.

Долгое время европейцы создавали торговые и военные пункты лишь на побережье, преимущественно в устьях рек и местах высокой плотности населения — это была так называемая «точечная колонизация». В глазах европейцев золото Западного Судана утратило свой блеск перед сокровищами ацтеков, инков и чибча-мунска. Основной поток европейских колонистов направился в Новый Свет. В XVII — первой половине XIX в. от африканского континента отхватывались лишь отдельные крупные куски. Колониальная экспансия в Африке только начиналась. Все же в 1876 г. колониальным державам принадлежало уже почти 11 процентов территории Африки. Захваченные земли принадлежали в основном Португалии.

Положение дел резко изменилось с конца XIX в., когда капитализм вступил в империалистическую стадию развития. Резко обострились противоречия между старыми и новыми промышленными странами.

В. И. Ленин показал, что становление и развитие монополистического капитализма было тесно связано с лихорадочными устремлениями буржуазных стран к захвату еще

«свободных» территорий. «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний»¹.

Так как Америка, Австралия и значительные области Азии были уже аннексированы, то колониальные хищники, спеша и отталкивая друг друга, набросились в основном еще на независимый материк и в течение двух-трех десятилетий почти полностью растерзали его и поделили между собой. Начался открытый грабеж туземного населения. Порабощение за относительно короткий срок целого континента в значительной степени объясняется тем, что дорогу европейским солдатам прокладывали путешественники и миссионеры, являвшиеся объективно, а часто и субъективно агентами колониализма.

Речь идет, естественно, не о таких благородных личностях, воодушевленных высокими идеалами человечности, как, например, Д. Ливингстон, который стер за тридцать лет своей жизни на «черном континенте» многочисленные белые пятна на карте Южной и Тропической Африки. Д. Ливингстон мужественно вел в одиночку борьбу против работорговли и страстно выступал за равенство всех людей, независимо от цвета их кожи. «Я сделал много открытий, — писал он, — но самое главное из этих открытий заключалось в том, что я открыл хорошие качества у тех людей, которые цивилизованными людьми считались племенами, стоящими на низкой ступени культуры». В другом месте прославленный путешественник писал: «Мы не верим ни в умственную, ни в нравственную неспособность африканцев. Мы ничего не видели, что могло бы оправдать мнение, будто бы они принадлежат к особой «породе» или «виду», отличающемуся от наиболее цивилизованных людей. Африканец — это человек в полном смысле слова».

Когда говорится об агентах колониализма, то в первую очередь имеется в виду деятельность Моффата, Нахтигала, Стэнли и подобных им миссионеров и путешественников, навязывавших вождям племен и народностей кабальные договоры. Видный деятель Лондонского миссионерского общества Моффат по заданию Сесила Родса, крупнейшего капиталиста, проводившего британскую «империалистическую политику с наибольшим цинизмом» (В. И. Ленин), сумел скло-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 380.

нить вождя матабеле в 1888 г. к заключению договора о «дружбе» с Англией, послужившего для последней поводом к оккупации земель, населенных этими племенами. Путешественник Нахтигаль, инструктируемый Бисмарком, принудил в 1884 г. вождей ряда народов Западной Африки отдаться под протекторат Германии.

Еще более позорную известность приобрел в качестве слуги бельгийского капитала Стэнли, выдающийся путешественник, дважды пересекавший континент—с востока на запад, а затем в обратном направлении. Обманным путем он заставил вождей племен и народностей в бассейне Конго подписать около 450 договоров об уступке земель бельгийскому королю.

В начале XX в. почти все народы Африки потеряли независимость. Огромные территории были захвачены французскими империалистами. На севере материка они оккупировали Алжир, Тунис и часть Марокко, на побережье Красного моря—значительные области Сомали, поработили Мадагаскар и прилегающие к нему острова, но самые крупные территории были аннексированы в Западной Африке, где были образованы так называемые федерации—Французская Экваториальная Африка и Французская Западная Африка. В первую из них входили владения Чад, Габон, Среднее Конго и Убанги-Шари, а во вторую—Сенегал, Французская Гвинея, Мавритания, Верхняя Вольты, Французский Судан, Дагомея, Берег Слоновой Кости. Владения Франции в Африке были в 17 раз больше территории самой метрополии.

Португалия утвердилась в Анголе, Мозамбике и к тому же отхватила кусок Гвинейского берега, создав там колонию—Португальскую Гвинею. Испания захватила часть северного и южного Марокко и, кроме того, образовала колонии: Испанскую Сахару и Испанскую Гвинею.

Удачно использовала противоречия крупных держав Бельгия, под эгидой которой в Западной Тропической Африке было создано «Свободное государство Конго», пышное название которого не заслоняет того факта, что оно фактически стало личным владением бельгийского короля Леопольда II, давно стремившегося, по его собственным словам, урвать «часть этого великолепного африканского пирога». В 1908 г. Леопольд II перепродал Конго государству, и с этого времени оно стало колонией Бельгии.

Германия, вступившая позже других великих держав на путь экспансии в отсталые страны и торопившаяся запать «место под солнцем», особенно энергично развернула бурную

деятельность по захвату африканских земель после 1882 г., когда был организован Немецкий колониальный союз. За короткое время она сумела аннексировать Того, Камерун, области юго-западного побережья материка и Танганьiku.

Импералистические круги Италии тоже не дремали и стремились урвать побольше кусков от истерзанного, истекшего кровью африканского континента. Им удалось оккупировать Эритрею, часть Сомали, а затем, под давлением Ватикана, отхватить в 1912 г. у Турции Ливию, которую к тому времени опутали капиталы папской курии.

Колоссальную территорию в Африке, превышающую площадь Великобритании в 30 с лишним раз, захватили опытные английские колониальные хищники. Англии принадлежали Египет, Восточный Судан, часть Сомали, Кения, Уганда, Ньясаленд, Занзибар, Северная и Южная Родезия, почти вся материковая Южная Африка, Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне и Гамбия с общей численностью населения около 50 миллионов человек. После первой мировой войны колонии Германии в Африке перешли в руки стран-победительниц: Англии (Танганьика, Юго-Западная Африка) и Бельгии (Руанда-Урунди). Того и Камерун были поделены между Францией и Англией.

Раздел Африки происходил в ожесточенной конкурентной борьбе между империалистическими державами. Тропы колониальных хищников скрещивались, и не раз конфликты грозили перейти в военные пожары.

В начале XX в. на африканском материке существовало одно фактически независимое государство—доблестная Эфиопия, сумевшая отстоять свою свободу от посягательств английских и итальянских захватчиков. Правда, формально независимой страной была и Либерия—негритянская республика, основанная в 1817 г. при содействии США, для которых она являлась опорной базой в Африке. В 20-х годах прошлого века несколько тысяч освобожденных в Америке рабов были насильственно поселены правительством США в Западном Судане, на побережье, некогда называемом «Перцовым берегом». Их потомки—американо-либерийцы занимают важнейшие посты в государственном аппарате и ключевые позиции в экономике страны, являются верными слугами американских монополий. «Либерия—американская колония»,—громко заявил в 1908 г. государственный секретарь США Рут.

Юридический статут европейских владений в Африке был различен, но империалистический гнет был везде тяжел, не-

когда богатый континент был ограблен колонизаторами до последней нитки. Миф о цивилизаторской миссии белых колонистов легко можно проиллюстрировать на примере хищнических методов эксплуатации народов бывшего Бельгийского Конго. Естественные богатства этой страны с населением в 25—30 миллионов человек и территорией, превышающей в 100 раз площадь Бельгии, беззастенчиво разграблялись, а негры безжалостно истреблялись.

Все земли были отняты у аборигенов, а их самих заставляли в принудительном порядке нести различные повинности: поставлять продовольствие колониальной администрации, строить дороги, переносить грузы и сдавать регулярно на заготовительные пункты за мизерную плату каучук, слоновую кость и другие продукты. Не выполнявшие норм поставок негры зверски наказывались: нередко им отрезали уши, руки или ноги. Один из чиновников доверительно сообщил Е. Д. Морелю, опубликовавшему серию книг об ужасах леопольдовского режима в Конго, что он лично убил 150 негров и отрубил 60 рук. «Каучук — это смерть», — говорили туземцы. Стэнли писал: «... из-за того только, что слоновая кость идет на украшения да на миллиардные шары, все роскошные страны Центральной Африки опустошались вконец, целые племена и народы гибли и исчезали с лица земли».

Перед первой мировой войной в Бельгийском Конго быстрыми темпами стала развиваться добыча золота, алмазов, меди, а затем урана и других полезных ископаемых. Потребность горной промышленности в рабочих руках непрерывно возрастала. Колониальная администрация вменила в обязанность вождям племен поставлять рабочую силу на предприятия, где фактически существовали каторжные условия труда. Все это приводило к обнищанию и катастрофическому сокращению коренного населения колонии. Если к этому добавить распространение туберкулеза, венерических болезней и высокую детскую смертность, когда во многих районах до 40 процентов детей умирало в младенческом возрасте, становится понятным, почему за несколько десятилетий бельгийского владычества население Конго уменьшилось более чем вдвое. Зато Леопольд II, этот, по выражению В. И. Ленина, «деляга-финансист, аферист», с отвратительным лицемерием рядившийся в тогу мецената географических исследований, получал вкупе с другими магнатами капитала баснословные барыши.

Как и в других колониях, рабочие туземного и европей-

ского происхождения в Конго получали неравную оплату за одинаковую работу. Так, в 1950 г. заработок африканца в среднем в 65 раз был меньше заработка белого рабочего. В свете этих фактов можно по достоинству оценить лицемерное заявление бельгийского министра колоний Флошера, сделанное в годы второй мировой войны: «... колонизация — это труд, тяжелый труд на службе и в интересах отсталых народов».

Чудовищный грабёж туземцев, произвол царли и в других европейских колониях. Ж.-П. Гарруа в книге «Африка — умирающая земля» (М., 1954 г.) на большом фактическом материале показал, как в результате хищнического хозяйничанья колонизаторов на континенте происходит прогрессирующее истощение почвы, разрушение растительного покрова и сокращение водных ресурсов.

Колонизаторы не только грабили естественные богатства, растаптывали самобытные местные культуры, но и физически истребляли туземную интеллигенцию, как, например, это планомерно осуществляли итальянские фашисты в годы оккупации Эфиопии. Импералисты заваливали книжные лавки в колониях расистской литературой, стремясь идейно обезоружить своих жертв и подорвать их волю к борьбе за свое освобождение. Этим же целям служат попытки опорочить выдающихся африканских политических деятелей. Так, в английской литературе третируется герой зулусского народа Чака, которого даже такой прогрессивный этнограф, как Брайант, называет проклятием своего времени.

Видный деятель народно-освободительного движения Африки Абель Джасси сообщает, что «во всех учебниках и книгах белый человек всегда представляется как высшее существо, а африканец — как низшее. Колониальные завоеватели «конкистадоры» выдаются за святых и героев». Хотя в данном случае автор пишет о системе образования в португальских владениях, то же самое следует сказать и о других европейских колониях. Везде убийство женщин и детей изображается как война, а наглая агрессия — как приключение. Распространяется миф о якобы врожденной неспособности народов Африки к самостоятельности.

Импералисты насаждали в своих владениях однобокое, приспособленное к потребностям метрополии, монокультурное хозяйство, принуждая туземцев выращивать преимущественно одну какую-либо экспортную сельскохозяйственную культуру. В Египте и Восточном Судане, например, насаж-

дался хлопок, в Уганде—кофе и хлопок, Кении—сизаль, в Нигерии—масличная пальма, на Золотом Берегу—какао, в Сенегале и Гамбии—земляные орехи, в Марокко—оливковое дерево, в Либерии—каучук. Попадая в зависимость от капиталистического рынка, мелкие земледельцы вынуждены были принимать диктуемые монополистами цены на производимые ими продукты. Буржуазными экономистами подсчитано (1950 г.), что 92 процента производимых в Африке ценностей уплывает в сенфы европейских и заокеанских монополий.

Импералистическими кругами принято на вооружение две системы колониального управления: прямого и косвенного. Первая из них, распространенная почти повсеместно в Африке до первой мировой войны, характеризуется созданием обширного колониального аппарата, наличием крупных военных гарнизонов и отсутствием элементарных прав у туземного населения. Общии кризис капитализма и особенно залп «Авроры» вызвали подъем народно-освободительного движения среди зависимых и колониальных народов.

Система прямого, или непосредственного, управления, опиравшаяся преимущественно на штыки, оказалась с точки зрения колонизаторов малоэффективной в изменившихся условиях и стала заменяться—в первую очередь и наиболее последовательно британскими империалистами—более гибкой системой косвенного управления, при которой сохранялись и в ряде случаев возрождались туземные органы власти, находившиеся под неослабным контролем европейских чиновников.

Привлекая к управлению колониями феодальные круги, родоплеменную знать и вообще зажиточные слои населения, капиталистические державы создают видимость существования демократического самоуправления, широко рекламируя изменение курса колониальной политики в качестве наступления новой эры в жизни поработенных стран. В действительности не существует каких-либо различий принципиального порядка между этими системами колониального управления. Наоборот, система косвенного управления, имеющая социальную опору среди туземного населения, увеличивает бремя трудящихся масс, несущих на себе гнет как иностранных монополий, так и местных богачей, является завуалированной и более коварной формой управления, так как она, консервируя родоплеменную и феодальную уклады жизни, тормозит общественный прогресс колониальных народов и

препятствует объединению их в борьбе за свою полиэтническую независимость.

Однако ни грубые, ни изощренные методы эксплуатации не в состоянии удержать в повиновении колониальные народы, которые никогда не мирятся со своей участью. Африка оказалась слящей тем, кто был недостаточно знаком с ярким прошлым, у кого истерлись из памяти восстания Мбула-Матади, Абд-аль-Кадрира и махдистов, героическая борьба хоса, зулусов, матабеле, гереро, фульбе, ашанти, рифов, народов Эфиопии и других стран.

В период между двумя мировыми войнами, в связи с ростом рабочего класса и формированием туземной буржуазии и интеллигенции, стали создаваться демократические организации и политические партии, например Демократическая партия Нигерии, Центральная ассоциация агнукуйю, Африканский национальный конгресс, а в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте и Южно-Африканском Союзе возникли коммунистические партии. Во время второй мировой войны в Африке было построено много заводов, рудников и шахт, окреп рабочий класс, выросло национальное самосознание.

С победой Советского Союза в Великой Отечественной войне и образованием мировой социалистической системы ветры перемен могучим ураганом пронесли по многострадальному континенту. Консолидировались антимпериалистические силы. Выдвинутой первой конференцией народов Африки лозунг «Независимость при жизни нашего поколения» объединил все патриотические слои населения каждой страны. В силу ряда обстоятельств руководящая роль в борьбе за ликвидацию иностранной зависимости в большинстве случаев принадлежит формирующейся национальной буржуазии. В Гане, Нигерии, Алжире и ряде других стран рабочий класс играет видную роль в народно-освободительном движении.

Волна антимпериалистических выступлений—от бойкотов до забастовок и восстаний—захлестнула всю Африку, что наочно опровергает демагогические утверждения буржуазной прессы, будто бы метрополии добровольно представляют колониям свободу и независимость. И хотя колониальным державам удавалось еще потопить в крови движение народов Мадагаскара, Кении, Конго, Нигерии и других стран, поднявших голос свой в защиту человеческих прав, пример алжирцев, героической борьбой завоевавших свою свободу с оружием в руках, показал бесперспективность политики ко-

лонистов с «позиции силы». Столь же эфемерными оказываются попытки предотвратить развал колониальных империй созданием различного рода «сообществ», «содружеств» или заменой слова «колония» невинным словечком «провинция» (Франция, например, объявила свои владения членами Французского Союза, а Португалия — заморскими провинциями порабощенных жителей которых называют «будущими португальцами»).

Наступил крах колониальной системы. Одна колония за другой сбрасывают с себя цепи рабства и становятся суверенными государствами. В 1951 г. независимым государством стала Ливия, в 1955 г. — Эритрея, объединившаяся на федеративных началах с Эфиопией (в 1962 г. она вошла в состав Эфиопии), в 1956 г. — Судан, Марокко и Тунис, в 1957 г. — Гана, в 1958 г. — Гвинея и Объединенная Арабская Республика (формально независимым королевством Египет стал с 1922 г., республика была провозглашена в 1953 г.). 1960 год, названный с полным правом «годом Африки», ознаменовался триумфальным появлением на мировой арене 17 новых стран: Камеруна, Того, Мали, Мальгашской Республики, Конго (со столицей в Леопольдвиле), Сомали, Дагомеи, Нигера, Верхней Вольты, Берега Слоновой Кости, Чада, Центрально-Африканской Республики, Конго (со столицей в Браззавиле), Гамбона, Сенегала, Нигерии и Мавритании.

Принятие в декабре 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Правительства СССР исторической Декларации о предоставлении независимости всем колониальным странам и народам вдохновляет свободолюбивые силы мира и является крупным поражением империалистических держав, так как признает противозаконными все их действия, направленные на сохранение всех форм колониального рабства.

В 1961 г. независимыми стали Сьерра-Леоне и Танганьика, в 1962 г. — Алжир, Руанда, Бурунди и Уганда, в 1963 г. — Кения и Занзибар. В 1964 г. обрели независимость Ньясаленд, переименованный в Малави, и Северная Родезия, получившая имя Замбии (в связи с этим колония Южная Родезия превратилась в Родезию), а Танганьика и Занзибар объединились на федеративных началах в одно государство — Объединенную Республику Танзанию. В 1965 г. стала независимой Гамбия. Политическая карта Африки меняется с каждым годом, и недалеко то время, когда она вся будет окрашена яркими красками независимых государств.

«Наш голос гремит через океаны и горы, над холмами и долинами, в пустынях и на обширных пространствах, населенных людьми, и он требует свободы Африки. Африка хочет свободы, Африка должна быть свободной», — заявил выдающийся прогрессивный деятель Африки президент Ганы Кваме Нкрума.

Широкий размах приобретает народно-освободительное движение в Южной Африке, португальских колониях, где коренное население лишено элементарных человеческих прав. В порядках в Родезии Б. Д. Мньянда, представитель народа машона, пишет: «Расовая дискриминация доходит до таких крайностей, что я не удивлюсь, если европейцы, собравшись как-нибудь в парламенте, примут закон, объявляющий преступлением для африканцев дышать тем же воздухом, что и они». Еще более чудовищные условия жизни созданы для неевропейского населения в Южно-Африканской Республике, где господствует террористический фашистский режим. Жуткую картину бесправия, потрясающей нищеты и расовой дискриминации «цветного населения», как называют в ЮАР мулатов, нарисовал Питер Абрахамс в романе «Тропой грома». Еще в худших условиях живут негры. По сильно приуменьшенным официальным данным, 72 процента туземцев-шахтеров Йоганнесбурга болеют туберкулезом.

Обретя свободу, молодые африканские государства не добились еще экономической самостоятельности, без чего их независимость не может считаться подлинной. Длительное господство колонизаторов не прошло бесследно. Не все еще узлы, завязанные империалистами на теле африканского народа, разрублены. Иностраный капитал сохраняет свои позиции, и грабег Африки еще продолжается. Англия и Франция в некоторых своих бывших колониях имеют военные базы и сохраняют за собой ряд политических привилегий. Колонизаторы уходят, но миссионеры остаются. Численность последних в Африке все возрастает. Они приспособляются к местным условиям. Кое-где в Западном Судане уже исполняется под звуки там-тама «месса савани». Многочисленными тиражами распространяются католические и протестантские периодические издания.

Миссионеры нередко вмешиваются во внутренние дела государств. Весной 1964 г. правительство Республики Судан выслало из южных областей всех иностранных миссионеров за их подрывную деятельность против суданского народа, вы-

развившуюся в разжигании расовой, религиозной и племенной розни и попытках расколоть единство страны.

В настоящее время американский империализм принимает живейшее участие в ограблении африканских народов. В империалистическом разделе Африки США непосредственно не участвовали, если не считать превращения Либерии в каучуковую плантацию. С крушением старых колониальных империй и усилением влияния США в капиталистическом мире после второй мировой войны агрессивное проникновение американского капитала в Африку стало происходить в нарастающем темпе. США прилагают максимум усилий, чтобы перехватить добычу. В сравнении с довоенным временем общая сумма американских капиталовложений в Африке увеличилась к 1962 г. в 20 раз, из которых более $\frac{1}{3}$ частных инвестиций направлено в весьма перспективную нефтедобывающую промышленность Алжирской Сахары и Ливии. Немного меньше вложено долларов в горнодобывающую промышленность Конго, Южно-Африканской Республики и Замбии, где американские монополии подобрались к источникам урана, меди, олова, алмазов и другого ценного сырья.

Экспансионистским целям служит и государственный капитал США, проникающий под флагом «помощи» экономически слаборазвитым странам, которая в действительности преследует политические цели: закабалить освободившиеся народы, «перетянуть на свою сторону национальную буржуазию, насадить военно-деспотические режимы, поставить у власти послушных марионеток» (Программа КПСС). Принятие «помощи», являющейся в основном военной, обуславливается обязательством размещения в США заказов на военное снаряжение, принятие американских инструкторов и порой влечет за собой сооружение на территории этих стран военно-воздушных баз.

Являясь главным оплотом капиталистической системы, США поддерживают старые колониальные державы и вместе с тем стремятся вытеснить из Африки европейских конкурентов. Это можно проследить на примере проникновения американских монополий в Конго, бывшем длительное время вотчиной исключительно бельгийского капитала. Уже в годы второй мировой войны группа Моргана приобрела контрольный пакет акций крупнейшего бельгийского финансового треста, эксплуатирующего сказочные богатства страны, на долю которой приходится 60 процентов добычи урана, 60 — промышленных алмазов, 75 — кобальта и 90 процентов добычи

радия в буржуазном мире. В Конго находятся богатейшие месторождения медной руды, одно из которых в провинции Катанги достигает 250 километров в длину, при ширине от 40 до 60 километров. Приток американских капиталовложений в Конго непосредственно и через монополии других стран непрерывно возрастает.

Этим объясняется, почему США в союзе с английскими, бельгийскими и французскими империалистами, несмотря на противоречивый характер их интересов в ряде вопросов, выступили против премьер-министра Конго Патриса Лумумбы, выдающегося политического деятеля Африки, стремившегося вместе со своим правительством добиться подлинной, а не фиктивной независимости страны. Используя шантаж, подкуп, клевету и грубую силу, враги физически расправились с героем конголезского народа и продолжают преследовать Антуана Гизенгу и других стойких его последователей. Церковники открыто призывали к кровавой расправе над Патриком Лумумбой, который намеревался написать книгу о черных делах миссионеров в Африке. Держа курс на сохранение остатков колониализма, империалистические круги выступают против индустриализации молодых африканских стран, лелея надежду использовать их ресурсы в борьбе за сохранение капиталистической системы.

В противоположность Западу, бескорыстная помощь Советского Союза и других стран социалистического лагеря, оказываемая недавно освободившимся от колониальных пут народам, преследует цель создания независимой и процветающей экономики, являющейся залогом их подлинной политической самостоятельности. Ярким примером помощи такого рода является сооружение советскими специалистами новой гигантской высотной Асуанской плотины, с завершением строительства которой площадь обрабатываемой земли в стране возрастет на 30 процентов.

Пески Сахары отступают. Создается колоссальное водохранилище, которое позволит улучшить судоходство по Нилу, увеличить количество дешевой электроэнергии, даваемой электростанцией старой Асуанской плотины. Будут созданы новые отрасли промышленности. Экономика не только ОАР, но и Республики Судан значительно улучшится. «Высотная плотина, — пишет египетский ученый А. Р. Турки, — разрешила две вечные проблемы Нила: наводнения и засухи. Над этими историческими бедствиями навсегда опустится занавес. Это

через два года окупятся все средства, затраченные на и строительство.

В высших учебных заведениях СССР и ряда социалистических стран обучаются тысячи африканских студентов.

Помимо экономических трудностей, тяжелым наследием колониализма является наличие этнических распрей в ряде государств и пограничных споров между отдельными странами. Молодые государства складываются в пределах прежних колоний, и поэтому этнический состав их обычно сложный. Империалисты, сохранившие влияние на феодальную верхушку общества, пытаются натравливать одни народы на другие. Например, в Гане и особенно Нигерии национальным вопросом является очень злободневным. Пограничные споры имеют место между Гвинеей и Либерией, Ганой и Того, Эфиопией и Сомали и т. д. Мировая реакция не оставляет надежд на расчленение Республики Судан, как это явствует из активной помощи оружием, деньгами и военным снаряжением чомбовцев и южноафриканских расистов суданским сепаратистам. С развитием экономических и культурных связей, ростом этнической консолидации, устранением лингвистических барьеров эти противоречия постепенно стираются и уступают место все более крепнущей солидарности народов Африки в борьбе с колониализмом.

Прогрессивные лидеры народно-освободительного движения выдвинули идею создания Союза африканских государств. В конце 1960 г. Мали, Гана, Гвинея образовали тройственный союз, открытый для присоединения к нему других стран Африки, которые примут обязательства крепить дело мира, бороться за разоружение, деколонизацию и не присоединяться ни к одному из блоков. В мае 1963 г. на демократической основе была создана Организация африканского единства, в которую вошли почти все независимые страны континента, исключая ЮАР, где у власти стоит расистское правительство. Появление ОАЕ свидетельствует о важном шаге, сделанном на пути укрепления политических и экономических связей между африканскими государствами.

Империалистические круги противодействуют объединению Африки. С этой целью была создана в 1961 г. Общая афро-мальгашская организация (первоначальное наименование до февраля 1965 г. — Африкано-мальгашский союз), в которую вошли бывшие французские колонии: Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольты, Габон, Дагомея, Конго (Браззавиль), Камерун, Мальгашская Республика, Мавритания, Нигер, Се-

негал, Центрально-Африканская Республика и Чад. В 1963 г. в эту организацию были приняты Руанда и Того, а в 1965 г. — Конго (Леопольдвиль). Хотя эта региональная группировка существует в рамках ОАЕ, деятельность ее носит раскольнический характер, ослабляет антиимпериалистическое единство континента.

Раздираемая противоречиями, Общая афро-мальгашская организация не имеет будущего. В 1965 г. из нее вышла Мавритания, практически отстранилось от участия в ней Конго (Браззавиль).

Одним из серьезных препятствий на пути создания общеафриканского политического единства является многоукладный характер экономики государств.

В каком направлении эти страны будут развиваться — по линии создания социалистических или капиталистических начал в экономике и общественных отношений — «такова одна из коренных проблем, стоящих перед их народами» (Программа КПСС). На путь некапиталистического развития стали народы Мали, Ганы и некоторые другие. Народы Африки переживают глубокий процесс социального обновления.

ЛИТЕРАТУРА

Общие сведения

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.
Атлас народов мира. М., Изд-во АН СССР, 1964.
Пинс Ю. Происхождение вещей. М., Изд-во иностр. лит., 1954.
Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка. М., Изд-во АН СССР, 1957; ч. I (Общие сведения).
Численность и расселение народов мира. Этнографические очерки. Серия «Народы мира». М., Изд-во АН СССР, 1962.

История первобытного общества

- Андреев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытном обществе. М.—Л., «Искусство», 1959.
Антропологическая этнография на службе империализма. Сб. статей. М., Изд-во АН СССР, 1951.
Бернштейн П. И. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.

- Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, Изд-во АН УССР, 1953.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. Л., «Наука», 1964.
- Иванов В. В. Генеалогическая классификация языков и понятий языкового родства. М., Изд-во МГУ, 1954.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Кузнецов П. С. Морфологическая классификация языков. М., Изд-во МГУ, 1954.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л., Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Нестурх М. Ф. Человеческие расы. М., Учпедгиз, 1954.
- Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Окладников А. П. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса и современность. «Советская археология», 1959, № 4.
- Проблемы истории первобытного общества. Сб. статей. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., Учпедгиз, 1960.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., «Высшая школа», 1963.
- Семенов Ю. И. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии. «Вопросы философии», 1959, № 7.
- Современная американская этнография. Сб. статей. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., «Наука», 1964.
- Толстов С. П. Советская школа в этнографии. «Советская этнография», 1947, № 4.
- Урысон М. И. Начальные этапы становления человека. В сб. «У истоков человечества». М., Изд-во МГУ, 1964.
- Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
- Шаревская Б. И. Проблемы первобытной религии в трудах современных буржуазных ученых. В сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., Изд-во АН СССР, 1959.

Народы Австралии и Океании

- Дамм Г. Канака — люди южных морей. М., «Наука», 1964.
- Маунтфорд Ч. П. Коричневые люди и красные пески. М., Географиз, 1958.
- Народы Австралии и Океании. Этнографические очерки. Серия «Народы мира». М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. М., Изд-во АН СССР, 1957; ч. 2 (Народы Австралии и Океании).
- Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., Географиз, 1959.

[Handwritten notes and signatures in Cyrillic script, including names like 'Бак', 'Зинин', 'Вант', 'Волов', 'Лав', 'Дуб', '508', '4', '730', '3']